

**Дальний Восток России и
страны Восточной Азии
накануне и в годы
Первой мировой войны**

**Владивосток
2016**

***ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ
И СТРАНЫ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ
НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ***

Владивосток
2016

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения Российской академии наук**

**ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ
И СТРАНЫ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ
НАКАНУНЕ И В ГОДЫ
ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Сборник научных статей

**Владивосток
2016**

Federal State Budget Establishment of Science
Institute of History, Archaeology and Ethnography of the Peoples of the Far East
Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences

**FAR EAST OF RUSSIA AND
COUNTRIES OF EASTERN ASIA
IN ADVANCE AND DURING
THE FIRST WORLD WAR**

Collection of articles

Vladivostok
2016

УДК: 947.083.7(571.6+5-012)

Дальний Восток России и страны Восточной Азии накануне и в годы Первой мировой войны: сб. науч. ст. — Владивосток: Изд-во «Рея», 2016. — 296 с.

В книгу включены статьи участников научной конференции «Дальний Восток России и страны Восточной Азии накануне и в годы Первой мировой войны», которая проводилась 26—27 июня 2014 г. во Владивостоке в ознаменование 100-летия с начала Первой мировой войны. Рассматривается широкий спектр вопросов: некоторые аспекты историографии и источниковедения, проблемы вооружённых сил и участие в войне стран Восточной Азии; особенности экономической и общественно-политической ситуации на Дальнем Востоке России; представлена панорама мирной жизни дальневосточного тыла: культура, религия, благотворительность, повседневная жизнь дальневосточников.

Книга адресована широкому кругу читателей, преподавателям истории, аспирантам, студентам, всем интересующимся региональной, общероссийской и мировой историей.

Ключевые слова. Первая мировая война, Россия, Дальний Восток, страны Восточной Азии, вооружённые силы, экономическое положение, общественно-политическая ситуация, повседневная жизнь, благотворительность, культура, религия.

ISBN 978-5-91849-116-4

Far East of Russia and Countries of Eastern Asia in Advance and During the First World War: Collection of articles. — Vladivostok: «Rea» publishing house, 2016. — 296 p.

The book contains articles by the participants of the scientific conference “Far East of Russia and Countries of Eastern Asia in Advance and During the First World War” which was held on June 26—27, 2014 in Vladivostok in recognition of the 100 year anniversary of the start of World War I. The book features a wide spectrum of issues: some aspects of historiography and historic sources, problems of the military and participation in the War of the Southeast Asian countries, specifics of the economy and the socio political situation in the Russian Far East. The book shows the panorama of the life of the Far East away from the war — culture, religion, philanthropy and the life of local people.

The book addresses a wide spectrum of readers: history teachers, students, researchers and anyone interested in the regional, Russian and World history.

Key words. First World War, Russia, Far East, Eastern Asia countries, military, economic situation, socio-political situation, daily life, philanthropy, culture, religion.

Редколлегия:

*Л.И. Галлямова, д-р ист. наук (отв. ред.), С.Б. Белоглазова, канд. ист. наук,
О.И. Сергеев, канд. ист. наук*

Рецензенты:

Г.А. Ткачева, д-р ист. наук, О.Б. Лыниша, канд. ист. наук

Печатается по решению учёного совета ФГБУН ИИАЭ ДВО РАН

Сборник подготовлен при поддержке грантов ДВО РАН:
проекты № 14-III-G-033 и № 15-1-9-011.

ISBN 978-5-91849-116-4

© ИИАЭ ДВО РАН, 2016
© ООО «Рея», 2016

ПРЕДИСЛОВИЕ

Первая мировая война явилась глобальной катастрофой в истории человечества. Война длилась 4 года 3 месяца 10 дней (с 1 августа 1914 г. по 11 ноября 1918 г.) и охватила 38 государств, где проживали свыше 1,5 млрд чел., или три четверти населения всего мира. В военных действиях участвовали многомиллионные армии, оснащённые новейшим, по тем временам, оружием. Общее число мобилизованных составило 73,5 млн чел. Человеческие и экономические потери неизмеримы: 10 млн убитых — столько же, сколько погибли во всех европейских войнах за тысячу лет; 20 млн раненых и военнопленных разных национальностей; военные расходы воюющих государств достигли 208 млрд дол., что в 10 раз превысило стоимость войн с 1793 по 1907 г.¹

Однако если в зарубежных странах изучению истории Первой мировой войны постоянно уделялось пристальное внимание, то в советской историографии более важное значение придавалось Октябрьской революции в России как главному событию начала XX в. Тематике Первой мировой войны отводилась второстепенная, скромная роль, и не случайно в научных кругах бытует термин «неизвестная» применительно к этой войне. Активизация исследований по этой теме в постсоветский период позволила приступить к изучению истории Великой войны многоаспектно, выявляя разнообразие её проявлений и воздействия на судьбы мировой цивилизации.

В год векового юбилея с начала мировой войны впервые на Дальнем Востоке проведена научная конференция «Дальний Восток России и страны Восточной Азии накануне и в годы Первой мировой войны». Конференция состоялась 26—27 июня 2014 г. во Владивостоке, её организаторами выступили Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН и Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. В конференции приняли участие учёные из разных концов России: из Владивостока, Благовещенска, Москвы, Тулы, Хабаровска, Южно-Сахалинска, Уссурийска и других городов.

В книгу, предлагаемую читателям, включены статьи историков, филологов, культурологов, музейных работников, преподавателей вузов, аспирантов и других участников конференции, проведённой в ознаменование 100-летия с начала Первой мировой войны. Статьи распределены по трём тематическим разделам.

Первый раздел **«Первая мировая война: историография, вооружённые силы, участие стран Восточной Азии»** открывают статьи Л.И. Галлямовой «Дальний Восток России в годы Первой мировой войны: современная региональная историография», В.П. Булдакова «Мировая война и деморализация “святой Руси”. 1914—1916 гг.», Н.А. Бутенина и Н.Д. Бутениной «Становление в 1920—1930-е гг. советской концепции истории партизанского движения в годы Гражданской войны на Дальнем

¹История I мировой войны 1914—1918 гг. М., 1975. Т. 1. С. 5.

Востоке», раскрывающие достижения последних лет в изучении региональной истории, моральное состояние российского общества периода мировой войны и рождение советской концепции истории партизанской борьбы на Дальнем Востоке. Различные аспекты истории казачества и воинских формирований периода Первой мировой войны нашли освещение в статьях О.И. Сергеева «Участие казачьих войск Дальнего Востока в Первой мировой войне», А.И. Коваленко «Казачество восточных окраин России в Первой мировой войне: ментальный аспект», Д.А. Ляхова «6-я Сибирская стрелковая дивизия в Лодзинском сражении (ноябрь 1914 г.)», Р.С. Авилова «Боевая подготовка войск гарнизона Владивостокской крепости накануне Первой мировой войны (1910—1914 гг.)», Д.А. Кузнецова «Особенности несения полицейской службы на Сахалине в годы Первой мировой войны».

Авторы уделили внимание участию стран Восточной Азии в Великой войне: В.А. Полутов «Военно-морской флот Японии во время Первой мировой войны», Г.С. Каретина «Экспансия Японии и рост национального самосознания в Китае в годы Первой мировой войны», Г.Н. Романова «Экономические отношения Дальнего Востока России и Северо-Восточного Китая в годы Первой мировой войны (1914—1917 гг.)», Е.В. Рудникова «Выходцы из Российской империи в Новой Зеландии накануне Первой мировой войны» и другие.

Многогранная тема второго раздела **«Первая мировая война: экономическая и общественно-политическая ситуация в России и на Дальнем Востоке»** объединяет статьи по самому широкому кругу вопросов, «Владивосток в условиях Первой мировой войны (по материалам таможенного делопроизводства)» — Н.А. Беляева, «Проблемы развития электроэнергетики на Дальнем Востоке России в годы Первой мировой войны (1914—1918 гг.)» — А.В. Маклюков, «Порт Владивостока в системе снабжения российской армии военно-техническим имуществом в годы Первой мировой войны» — П.В. Виноградов, «Борьба с дефицитом и дороговизной в городах Дальнего Востока России в годы Первой мировой войны» — Т.З. Позняк, «Российский Дальний Восток в годы Первой мировой войны по материалам газеты “Далёкая окраина”» — А.С. Заколотная и другие.

Различные аспекты культуры и повседневной жизни дальневосточников освещаются в статьях, включённых в третий раздел **«Первая мировая война: культура, религия, повседневная жизнь дальневосточников»**. Влияние Первой мировой войны на культурную жизнь дальневосточных городов постаралась осветить Г.А. Андриец. Особенности воинского фольклора на юге Дальнего Востока России проанализировала Л.Е. Фетисова. На развитии благотворительности в военные годы акцентировано внимание в статьях С.И. Лазаревой, М.В. Гридяевой и П.А. Щербины. Впервые подвергнуты пристальному рассмотрению такие вопросы как «Образ врага во владивостокской прессе 1914 года» — В.Л. Агапов и «Мобилизация спорта в Приамурском генерал-губернаторстве накануне и в годы Первой мировой войны» — Н.А. Троицкая.

Тема религиозной жизни и развития образования поднята в работах Н.В. Потаповой, С.Б. Белоглазовой и И.В. Пчела.

В целом, предлагаемая книга охватывает различные аспекты военно-политической, общественно-экономической и культурной жизни дальневосточной провинции в условиях военного времени. Дальневосточный регион, будучи глубоким тылом в годы Первой мировой войны, играл особую роль в реализации внешнеэкономических связей России в АТР, а Владивосток был единственным портом, через который поступали необходимые для обороны страны грузы. В то же время существовало много причин, по которым к 1916 г. Дальний Восток также оказался втянут в системный кризис, охвативший страну, и благодаря которым Дальний Восток в годы Первой мировой войны стал участником не только общероссийских, но и глобальных социально-политических процессов.

Следует отметить, что представленные работы отличает авторское стремление углубить научные представления о неизвестных и малоизвестных страницах истории региона в эпоху Великой войны, показать, что все реалии военного времени нашли своё отражение в повседневной жизни дальневосточной окраины, актуализировать вопросы, имеющие прямое отношение к современности. Статьи, включённые в сборник, содержат материалы, являющиеся результатами научных изысканий последних лет. Всё это даёт основание говорить о том, что в настоящей книге многие специалисты найдут для себя интересную и нужную информацию.

Л.И. Галлямова, доктор исторических наук.

Раздел 1. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: ИСТОРИОГРАФИЯ, ВООРУЖЁННЫЕ СИЛЫ, УЧАСТИЕ СТРАН ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: СОВРЕМЕННАЯ РЕГИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ

Л.И. ГАЛЛЯМОВА

*Институт истории, археологии и этнографии народов
Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток*

Мировая война 1914—1918 гг. в зарубежной историографии получила название «Великой войны». И это вполне оправданное определение, поскольку война стала глобальной катастрофой невиданного ранее масштаба, она вызвала потрясение всех сторон жизни многих народов, оказала громадное воздействие на весь ход мировой истории, на всё человечество.

Однако в советский период исследовательская деятельность по изучению Первой мировой войны не носила систематического характера, во-первых, благодаря ленинской критически-негативной оценке этой войны как «империалистической», направленной на захват новых колоний, рынков сбыта и источников сырья, в связи с чем «градус» научного интереса к ней заведомо был снижен; во-вторых, из-за нацеленности советской историографии на изучение Октябрьской революции в России как главного события начала XX в. тематике Первой мировой войны отвели в сравнении с Октябрем второстепенную, скромную роль. В частности, академик Ю.А. Писарев, крупнейший специалист по истории Первой мировой войны, в последней своей прижизненной статье подчеркнул, что отечественная «...наука долгие десятилетия находилась в тисках догматизма, классово-партийного подхода», в её освещении «...история войны была двухцветной — чёрной или белой, но скорее чёрной», поэтому он призвал подойти к истории Великой войны многоаспектно, исследовать разнообразие её проявлений и воздействия на судьбы мировой цивилизации².

В постсоветский период исследовательский интерес к истории Первой мировой войны значительно обострился, и в отечественной историографии эта глобальная тема выдвинулась на одно из главных мест в плане значимости и актуальности. Активизации исследований во многом способствовала «Ассоциация истории Первой мировой войны», созданная в 1992 г. на базе возглавляемого академиками П.В. Волобуевым и Г.Н. Севостьяновым Научного совета по проблеме «Революция и реформы» при Отделении истории РАН. В 1990-е гг. значительно расширилась проблематика истории Первой мировой войны, предопределившей важнейшие тенденции всего последующего развития и острейшие

² Писарев Ю.А. Новые подходы к изучению истории Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1993. № 3. С. 47.

катаклизмы XX столетия, проходили многочисленные конференции, симпозиумы, обсуждения, отражавшие стремление к переосмыслению старых постулатов, отказу следовать схематическим представлениям, построенным на узкой источниковой базе и подчинённых «социальному заказу», преодолению груза традиционной для недавнего прошлого историографической традиции. Пересмотру устоявшихся взглядов и оценок советской историографии способствовало активное расширение источниковой базы, которое стало возможным благодаря рассекречиванию архивов и публикации сборников документов. Наконец, важнейшим фактором, влиявшим на развитие отечественной историографии, стало расширение контактов с зарубежными учёными, участие отечественных историков в международных конференциях и симпозиумах, знакомство с работами иностранных исследователей и т.д.

Сложившаяся новая историографическая ситуация вызвала достаточно живой отклик на местах, и в частности на Дальнем Востоке, причём уже с начала 1990-х гг. В регионе в 90-е гг. состоялся ряд международных, российских и региональных научных конференций, симпозиумов, семинаров, круглых столов, на которых историки активно обсуждали не только новые подходы к истории региона в целом, но и к освещению периода Первой мировой войны, революционных событий 1917 г., Гражданской войны и интервенции, в частности: «Гражданская война на Дальнем Востоке России: итоги и уроки» (Владивосток, 5—9 октября 1992 г.); «XX век и военные конфликты на Дальнем Востоке» (Хабаровск, 18—20 апреля 1995 г.); «Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему» (Владивосток, 18—20 июня 1996 г.); «Эволюция и революция: опыт и уроки мировой и российской истории» (Хабаровск, 22—24 сентября 1997 г.); «Дальний Восток России: исторический опыт и пути развития региона (Первые Крушановские чтения)» (Владивосток, 13—14 мая 1998 г.); «Дальний Восток России — Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества» (Хабаровск, 1—3 июня 1998 г.) и другие³.

В этот период в дальневосточной историографии началось преодоление «классово-изобличительного» подхода к истории войн (Первой мировой и Гражданской) и революций, поставлены на повестку дня такие «закрытые» в советский период вопросы как, например, патриотические настроения в

³ Гражданская война на Дальнем Востоке России: итоги и уроки: Междунар. науч. конф.: тез. докл. и сообщений. Владивосток, 1992; XX век и военные конфликты на Дальнем Востоке: тез. докл. и сообщений междунар. науч. конф., посвящ. 50-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Хабаровск, 1995; Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к будущему: материалы Междунар. науч. конф. (доклады и сообщения), состоявшейся 18—20 июня 1996 г. Владивосток, 1997; Социально-экономические и политические процессы в странах Азиатско-Тихоокеанского региона: материалы и тез. докл. междунар. науч.-практ. конф. Кн. 1—2. Владивосток, 1997; Эволюция и революция: опыт и уроки мировой и российской истории: материалы междунар. науч. конф. Хабаровск, 1997; Дальний Восток России — Северо-Восток Китая: исторический опыт взаимодействия и перспективы сотрудничества: материалы междунар. науч.-практ. конф. Хабаровск, 1998; Дальний Восток России: исторический опыт и пути развития региона (Первые Крушановские чтения, 1998 г.) / отв. ред. Л.И. Галлямова. Владивосток, 2001.

российском обществе в годы Первой мировой войны, благотворительное движение, беженцы и военнопленные в дальневосточном тылу и многие другие, вышла в свет масса статей, посвящённых этим вопросам. В частности, разработке новых подходов к изучению истории войн и революций серию статей посвятил Б.И. Мухачёв⁴. Особый интерес в этом плане представляют опубликованные материалы регионального симпозиума «Дальний Восток России в период революционных потрясений 1917 г. и Гражданской войны», организованного 2 мая 1997 г. Институтом истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока совместно с Дальневосточной секцией Научного совета РАН по истории революций в России. На симпозиуме о концепции и методологии 3-го тома «Истории Дальнего Востока», посвящённого вышеназванному периоду, высказались А.С. Вазук и Б.И. Мухачёв; проблемы историографии осветила Э.В. Ермакова, события Октябрьской революции на Дальнем Востоке — Н.А. Шиндялов; деятельность политических партий в 1916—1917 гг. раскрыли И.С. Кочеткова, Н.А. Бутенин; движение солдатских масс (1917 г. — начало 1918 г.) рассмотрел В.Н. Зуев; были затронуты вопросы Гражданской войны, интервенции и т.д.⁵ Широкий спектр проблем, касающихся социально-экономической эволюции Дальнего Востока в годы войны (август 1914 — март 1917 г.) нашёл отражение в работах Т.Я. Иконниковой, Л.И. Галлямовой, Н.А. Троицкой, Л.Н. Долгова и других⁶. Динамика численности, состава и подготовки вооружённых формирований, дислоцировавшихся на Дальнем Востоке в 1914—1917 гг. (включая казачество), их участие в революционных событиях раскрыты в публикациях В.Н. Зуева, Т.Н. Ясько, О.И. Сергеева, С.Н. Савченко (последний защитил кандидатскую диссертацию, а следом издал монографию по истории Уссурийского казачьего войска в годы Гражданской войны, уделив большое

⁴ Мухачёв Б.И. «Белые пятна» Красного Октября // Россия и АТР. Владивосток, 1995. № 2; Его же. К вопросу об альтернативах общественно-политического развития России в период революций 1917 г. // Эволюция и революция: опыт и уроки мировой и российской истории...; Его же. К вопросу о новых подходах к изучению истории Октябрьской революции // Дальний Восток России в контексте мировой истории...; и др.

⁵ Дальний Восток России в 1917—1922 годах: симпозиум учёных-историков // Россия и АТР. Владивосток, 1997. № 3.

⁶ Галлямова Л.И. К вопросу о предпосылках Февральской и Октябрьской революций на Дальнем Востоке // Гражданская война на Дальнем Востоке России: итоги и уроки. Междунар. науч. конф.: тез. докл. и сообщений. Владивосток, 1992; Её же. Рабочее движение на Дальнем Востоке России накануне 1917 г. // Эволюция и революция: опыт и уроки мировой и российской истории: материалы междунар. науч. конф. Хабаровск, 1997; Троицкая Н.А. Дальневосточная буржуазия в годы Первой мировой войны // XX век и военные конфликты на Дальнем Востоке...; Её же. Отношение дальневосточников к Учредительному собранию по документам РГИА ДВ // Эволюция и революция: опыт и уроки мировой и российской истории: материалы междунар. науч. конф. Хабаровск, 1997; Иконникова Т.Я. Деятельность администрации и военно-промышленных комитетов Приамурского края по снабжению армии в годы Первой мировой войны // Известия Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. Сб. науч. трудов. Т. 3. Владивосток, 1998; Её же. Политические настроения дальневосточников в 1917 году // Вестник Дальневосточного отделения Российской Академии наук. Владивосток, 1993. № 1; Долгов Л.Н. Экономическая политика первых Советов Дальнего Востока (декабрь 1917 — август 1918 г.) // Дальний Восток России в период революций 1917 года и Гражданской войны: сб. науч. статей (Материалы к 1-й книге 3-го тома «Истории Дальнего Востока России»). Владивосток, 1998; Его же. Продовольственная проблема в деятельности дальневосточной администрации Временного правительства (март—октябрь 1917 г.) // Дальний Восток России: исторический опыт...; и др.

внимание участию казачества в революционных событиях 1917 — начала 1918 г.) и др.⁷ Появились публикации, характеризующие специфику работы российской контрразведки в крае в годы Первой мировой войны, функционирование системы местных органов власти (А.М. Буяков, Т.Я. Иконникова, Б.И. Мухачёв, В.Г. Балковая)⁸. Т.Я. Иконниковой подняты тема патриотизма, а также вопросы пребывания на Дальнем Востоке беженцев и военнопленных⁹ и т.д.

Основным результатом исследовательских усилий стал выход из печати на рубеже XX—XXI вв. целого ряда обобщающих монографических работ. Настоящим прорывом в изучении темы явилась монография Т.Я. Иконниковой «Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны»¹⁰, которая исследовала широкий круг вопросов: от использования экономического потенциала края для материального обеспечения армии, патриотического движения населения в помощь фронту, хода и особенностей мобилизационных кампаний до проблем вынужденных мигрантов: беженцев, военнопленных, реэмигрантов, помощи семьям лиц, призванных на военную службу, эволюции общественного мнения дальневосточников в 1917 г. и т.д.

⁷ Зуев В.Н. Сухопутные силы России на Дальнем Востоке в канун Октября 1917 г.: структура, дислокация, численность // Гражданская война на Дальнем Востоке России: итоги и уроки...; Его же. Сухопутные силы России на Дальнем Востоке в канун Октября 1917 г.: структура, дислокация, численность // Вопросы истории Гражданской войны и интервенции на Дальнем Востоке России. Сб. науч. трудов. Владивосток, 1994; Его же. Участие войск Приамурского военного округа в революционных событиях 1917 г. // Дальний Восток России в период революций 1917 года и Гражданской войны. Владивосток, 1998; Ясько Т.Н. Сибирская и Амурская военные флотилии в 1917—1922 гг. // Дальний Восток России в период революций...; Сергеев О.И. Участие уссурийского казачества в военных событиях первой четверти XX в. // XX век и военные конфликты на Дальнем Востоке... С. 78—79; Иконникова Т.Я. Проблема охраны КВЖД в связи с мобилизацией на фронт частей Заамурской пограничной стражи в 1915 г. // Дальний Восток России — Северо-Восток Китая...; Савченко С.Н. Уссурийское казачье войско в Гражданской войне на Дальнем Востоке 1917—1922 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 1998.

⁸ Буяков А.М. Становление и развитие русской контрразведки на Дальнем Востоке в начале XX в. // Известия Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. Т. 3. Владивосток, 1998; Иконникова Т.Я. Иностранная разведка в Приамурском крае в годы Первой мировой войны // Известия Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. Т. 1. Владивосток, 1996; Её же. Выборы в Хабаровскую городскую думу в 1914 году: ход и результаты // Проблемы местного самоуправления в Хабаровском крае. Сб. материалов межвуз. науч.-практ. конф. Хабаровск, 1997; Её же. Хабаровская городская Дума в годы Первой мировой войны (1914—1917 гг.) // Власть и управление на Востоке России. Хабаровск, 1997. Декабрь. С. 50—57; 1998. № 1; Мухачёв Б.И. Политическая деятельность Владивостокской городской думы в марте 1917 — июле 1918 гг. // Известия Российского государственного исторического архива Дальнего Востока: сб. науч. трудов. Т. 3. Владивосток, 1998; Балковая В.Г. Приморское земство в 1917—1918 гг. // Социально-экономические и политические процессы в странах Азиатско-Тихоокеанского региона... и др.

⁹ Иконникова Т.Я. Патриотическое движение дальневосточников в годы Первой мировой войны // XX век и военные конфликты на Дальнем Востоке...; Её же. «Всё для фронта!» (Деятельность Приамурского комитета по оказанию помощи раненым на фронтах Первой мировой войны) // Гродковские чтения. Тезисы науч.-практ. конф. Хабаровск, 1996. Ч. 1; Её же. Использование труда военнопленных на строительстве дорог в Приамурском крае в годы Первой мировой войны // Сибирь в истории и культуре зарубежных стран. Тезисы докл. и сообщений междунар. науч. конф. Иркутск, 1998; Её же. Положение и права беженцев на российском Дальнем Востоке в годы Первой мировой войны (исторический аспект проблемы) // Юридические механизмы защиты прав и свобод человека и гражданина. Сб. материалов межрегион. науч.-практ. конф. Хабаровск, 1998; Её же. Размещение военнопленных Первой мировой войны на российском Дальнем Востоке (1914—1916 гг.) // КЛИО. Журнал для учёных. СПб., 1999. № 1 (7); Её же. Военнопленные Первой мировой на российском Дальнем Востоке (1914—1918 гг.) // Россия и АТР. Владивосток, 1999. № 1; и др.

¹⁰ Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. Хабаровск, 1999. 365 с.

Исследование опирается на широкий круг источников как опубликованных, так и архивных, включая ранее засекреченные документы.

Заметным вкладом в изучение социально-экономических сюжетов, связанных с историей региона в период 1914—1918 гг., стало исследование Н.И. Дубининой, в котором раскрывается деятельность Приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти, занимавшего эту должность с 1911 по март 1917 г., и книга «Губернаторы Сахалина», уделившая внимание последним губернаторам Сахалинской области Д.Д. Григорьеву (декабрь 1910 — сентябрь 1916 г.) и Ф.Ф. фон Бунге (с октября 1916 по март 1917 г.); в указанных публикациях нашли отражение особенности управления регионом в годы Первой мировой войны, организация контроля над снабжением края продовольствием, поставками в армию, помощи населению, пострадавшему от войны, драматическая картина смены высшей административной власти в крае в марте 1917 г.¹¹ В опубликованных в 2000 и 2004 гг. монографиях Л.И. Галлямовой по истории дальневосточных рабочих¹² значительное место отведено анализу миграционных процессов в регионе в период Первой мировой войны, функционированию промышленности, транспорта (речного, морского, железнодорожного); исследовано влияние снижения уровня жизни населения на усиление социальной напряжённости, на рост количества протестных выступлений. Анализируя материалы о рабочем движении (на основе «хроники»), автор выявляет глубокие негативные изменения в настроении и поведении рабочих масс в годы войны, происходившие не только в центре, но и в провинции, в том числе на российском Дальнем Востоке.

Важнейшим достижением дальневосточной историографии и итогом исследований 1990-х гг. стал выход в свет в 2003 г. фундаментальной коллективной монографии «Дальний Восток России в период революций 1917 года и Гражданской войны» («История Дальнего Востока России», т. 3, кн. 1)¹³. В ней впервые комплексно представлена картина эволюции дальневосточного региона России в годы войны: изменение внешней и внутренней политики царского правительства, укрепление обороноспособности края и мобилизация вооружённых сил в помощь фронту, эволюция дальневосточной экономики накануне и в годы Первой мировой войны, положение населения и общественно-политическая и культурная жизнь Дальнего Востока. Пристальное внимание уделено анализу системного кризиса, в который постепенно «втягивалась» дальневосточная окраина наряду со всей Россией накануне революционного взрыва. Особенно большое место отведено освещению драматических событий завершающего периода войны, из которой Россия вышла в марте 1918 г.: Февральская

¹¹ Дубинина Н.И. Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти. Хабаровск, 1997. С. 147—150, 156—159; Губернаторы Сахалина. Южно-Сахалинск, 2000.

¹² Галлямова Л.И. Дальневосточные рабочие России во второй половине XIX — начале XX в. Владивосток, 2000; Её же. Рабочее движение на Дальнем Востоке России во второй половине XIX — начале XX в. Владивосток, 2004.

¹³ История Дальнего Востока России. Т. 3. Кн. 1: Дальний Восток России в период революций 1917 года и Гражданской войны / отв. ред. Б.И. Мухачёв. Владивосток, 2003.

революция и образование новой политической системы на Дальнем Востоке, важнейшие события общественно-политической жизни, экономическая политика Временного правительства на Дальнем Востоке, активизация революционных выступлений после корниловского мятежа, реакция дальневосточников на Октябрьское вооружённое восстание в Петрограде и борьба за переход власти к Советам в ноябре — начале декабря 1917 г., усиление противоборства различных политических сил в регионе и т.д.

Заметным фактом дальневосточной историографии стал выход в свет монографий Е.Ю. Бондаренко и Т.Я. Иконниковой, впервые исследовавших пребывание военнопленных на Дальнем Востоке. В книге Иконниковой охарактеризована динамика численности и национального состава военнопленных, раскрыты основные аспекты пребывания в Приамурском военном округе нескольких десятков тысяч военнопленных офицеров и нижних чинов Германии, Австро-Венгрии, Турции и других стран, воевавших против России и её союзников по Антанте в 1914—1918 гг., Е.Ю. Бондаренко лишь часть своего труда посвятила сюжету о военнопленных Первой мировой войны, много места уделив японским военнопленным Второй мировой войны; в числе решаемых проблем — размещение военнопленных, трудовое использование, бытовые условия¹⁴. Близка по теме книга Т.З. Позняк «Иностранные подданные в городах Дальнего Востока России (вторая половина XIX — начало XX в.)», вышедшая в свет в 2004 г. Автором проведено уникальное исследование истории подданных неприятельских держав на российском Дальнем Востоке накануне и в годы Первой мировой войны, результаты которого обобщены в главе 4; в ней охарактеризована колония выходцев из Германии, Австро-Венгрии и Турции накануне войны, комплексная характеристика их состава; политика правительства в отношении подданных неприятельских держав и положение колонии в годы войны¹⁵.

В последнее десятилетие тема Первой мировой войны продолжает оставаться в поле зрения дальневосточных историков. Региональная историография пополнилась публикациями, обогатившими и углубившими научные представления о таких аспектах, как экономическое и социально-политическое развитие региона в годы войны, эволюция денежного рынка, торговые связи с Японией, продовольственное снабжение и др. (Л.И. Галлямова, Е.И. Пастухова, А.В. Алепко, Д.А. Сафонов)¹⁶. По теме

¹⁴ Иконникова Т.Я. Военнопленные Первой мировой войны на Дальнем Востоке России (1914—1918 гг.). Хабаровск, 2004; Бондаренко Е.Ю. Иностранные военнопленные на Дальнем Востоке России (1914—1918 гг.). Владивосток, 2002.

¹⁵ Позняк Т.З. Иностранные подданные в городах Дальнего Востока России (вторая половина XIX — начало XX в.) / отв. ред. Л.И. Галлямова. Владивосток, 2004.

¹⁶ Галлямова Л.И. Экономическое развитие Дальнего Востока России накануне и в годы Первой мировой войны // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2002; Её же. Основные тенденции социально-политического развития Дальнего Востока России накануне и в годы Первой мировой войны // Азиатско-Тихоокеанский регион в глобальной политике, экономике и культуре XXI века. Хабаровск, 2002. Вып. 1; Её же. Денежный рынок Дальнего Востока в годы Первой мировой войны // Материалы XIX совместного симпозиума ДВО РАН и учёных района Кансай, Япония (Владивосток — Хабаровск, 2—6 сент. 2003 г.). Хабаровск, 2003; Её же. Японская торговля на Дальнем Востоке России накануне и в годы Первой мировой войны // Материалы XXI российско-японского симпозиума историков и экономистов ДВО РАН и

«власть и общество» ведётся разработка проблем государственной политики и укрепления обороноспособности, борьбы охраняемых структур с контрабандой и охраны государственных границ и объектов (А.В. Алепко, А.В. Попенко, Л.И. Галлямова, В.О. Шелудько, А.М. Буяков, В.А. Черномаз, Н.А. Макуха, А.И. Рудаков, О.В. Вишняков)¹⁷. Особо следует выделить монографию О.В. Вишнякова, впервые исследовавшего историю создания и деятельности Охранной стражи КВЖД и Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи по защите государственных интересов России на Дальнем Востоке (1897—1918 гг.), в которой приведён интереснейший фактический материал об участии воинов-заамурцев в боевых действиях на фронтах Первой мировой войны, в охране КВЖД и её объектов, в борьбе с хунхузами, помощи фронту, в революционных событиях 1917 г. и т.д.¹⁸

Большое внимание историков сосредоточено на изучении преобразований в системе местных органов власти в годы войны, на освещении деятельности органов местного самоуправления (О.И. Сергеев, С.И. Лазарева, Г.Я. Тригуб, Г.В. Тихомирова, Е.С. Скрабневская, М.В. Нежина, Е.В. Черная и др.)¹⁹. Особенно продвинулось изучение темы

района Кансай (Япония), посвящён 150-летию установления дипломатических отношений между Россией и Японией. Владивосток, 2007; Алепко А.В. Дело торгового дома «Кунст и Альберс». Из истории борьбы с немецким засильем на русском Дальнем Востоке. Декабрь 1914 г. // Исторический архив. М., 2002. № 6; Пастухова Е.И. Финансово-денежная деятельность субъектов власти Амурской области (1917—1920 гг.) // Гуманитарный ежегодник. Вып. 2: Сб. науч. трудов аспирантов и соискателей. Новосибирск, 2001; Её же. К вопросу о финансово-экономическом положении на Дальнем Востоке в годы Первой мировой войны // Амурский краевед (информационный сборник). № 1 (21). Благовещенск, 2004; Её же. Финансово-денежная деятельность политических режимов на Дальнем Востоке России (1917—1924 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2005; Сафонов Д.А. Продовольственная ситуация на Дальнем Востоке в годы Первой мировой войны (некоторые аспекты проблемы) // Записки Гродековского музея. Вып. 27. Хабаровск, 2013.

¹⁷ Алепко А.В. Государственная экономическая политика и иностранный капитал на Дальнем Востоке России (конец XVIII в. — 1917 г.): автореф. дис. ... докт. ист. наук. Иркутск, 2003; Галлямова Л.И. Российская государственная политика на Дальнем Востоке накануне и в годы Первой мировой войны: основные направления и особенности // Материалы 52-й Всерос. науч. конф. Т. 5. Проблемы тактики военно-морского флота, военной истории, геополитики и военно-морской географии. Владивосток, 2009; Шелудько В.О., Буяков А.М., Черномаз В.А. Органы внутренних дел Приморья (1860—1917 годы). Владивосток, 2004; Попенко А.В. Деятельность краевых таможенных органов в борьбе с контрабандой в Приамурском генерал-губернаторстве в начале XX века // Записки Гродековского музея. Вып. 19. Хабаровск, 2007; Её же. Опыт борьбы с контрабандой на Дальнем Востоке России (1884 — конец 20-х гг. XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2008; Макуха Н.А. Деятельность администрации Приамурского края по развитию российско-китайских отношений (1884—1917 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2009; Рудаков А.И. Становление Приамурского военного округа и его роль в укреплении обороноспособности Дальнего Востока России (1884—1917 г.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2010; Вишняков О.В. Деятельность Охранной стражи КВЖД и Заамурского округа Отдельного корпуса пограничной стражи по защите государственных интересов России на Дальнем Востоке (1897—1918 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Комсомольск-на-Амуре, 2006.

¹⁸ Вишняков О.В. История создания и деятельности Охранной стражи КВЖД и Заамурского округа ОКПС (1897—1918 гг.). Хабаровск, 2011.

¹⁹ Мухачёв Б.И. К вопросу о создании переходных органов власти на Дальнем Востоке в 1917—1922 гг. // Дальний Восток России в системе международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе: история, экономика, культура (Третьи Крушановские чтения, 2003 г.). Владивосток, 2006; Сергеев О.И. Реформирование системы местного самоуправления на окраинных территориях Дальнего Востока России в период революций 1917 г. и Гражданской войны // Вглядываясь в прошлое: дальневосточное общество в XX веке: сб. науч. статей. Владивосток, 2008. Кн. 4; Сергеев О.И., Тригуб Г.Я. Эволюция местного самоуправления на Дальнем Востоке и особенности этого процесса на Сахалине в период социально-экономических и военных потрясений 1917—1925 гг. // Сахалин и Курилы в войнах XX века: Материалы науч. конф. 17—20 июня 2005 г. Южно-Сахалинск, 2005; Сергеев О.И., Лазарева С.И. Деятельность городских дум на Дальнем Востоке по организации медицинского обслуживания населения во второй

благотворительности и роли органов самоуправления по оказанию социальной помощи в годы войны благодаря усилиям О.И. Сергеева, С.И. Лазаревой и Г.В. Тихомировой, не только опубликовавших серию статей, но и монографию, ставшую весомым вкладом в историографию истории Дальнего Востока периода Первой мировой войны²⁰.

Продолжается изучение миграционных процессов на Дальнем Востоке в годы войны, уточняется динамика численности и состава мигрантов, среди которых особое внимание уделяется выходцам из соседних азиатских стран, их роли на рынке труда, в городской экономике и других сферах (Л.И. Галлямова, Т.З. Позняк)²¹.

половине XIX — начале XX в. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Благовещенск, 2002. Вып. 4; Лазарева С.И., Сергеев О.И. Политика городских властей Дальнего Востока в области создания средних общеобразовательных и профессиональных учебных заведений во второй половине XIX — начале XX в. // Проблемы истории образования на Дальнем Востоке России: материалы науч. конф. Вып. 2 / отв. ред. О.Б. Лынша, И.В. Пчела. Усурийск, 2012; Тригуб Г.Я. Формирование системы местного самоуправления на Дальнем Востоке России и взаимоотношения её органов с государственной властью (вторая половина XIX — первая четверть XX в.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2004; Тригуб Г.Я. Буржуазно-демократические преобразования системы местного управления на Дальнем Востоке в 1917 г. // Дальний Восток России в системе международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе...; Лазарева С.И. Забота Благовещенского городского самоуправления о лечебных и благотворительных учреждениях в Амурской области (вторая половина 90-х годов XIX — начало XX вв.) // Амурская область: история и современность (Новиковские чтения, Благовещенск, 21—24 сентября 2008 г.): материалы всерос. науч.-практ. конф., посвящ. 150-летию Амурской области: Ч. 1—2. Благовещенск, 2009. Ч. 1; Её же. Советы и местное самоуправление после Октября 1917 г. // Россия и АТР. Владивосток, 2007. № 4; Скрабневская Е.С. Городское самоуправление на Дальнем Востоке России (конец XIX — начало XX вв.): дис. ... канд. ист. наук. Хабаровск, 2004; Её же. Дальневосточные города в годы Первой мировой войны // Записки Гродековского музея. Вып. 13. Хабаровск, 2006; Голубев В.П. Первый опыт самоуправления на территориях Томской и Тарбагатайской волостей Амурской области (1917—1919 гг.) // Амурский краевед (информационный вестник). Благовещенск, 2006. № 1 (23); Нежина М.В. Система общественного управления крестьянства и коренного населения Приамурского края (вторая половина XIX — начало XX в.) // Уральский исторический вестник (Ямальский выпуск). Екатеринбург; Салехард, 2006. № 13; Её же. Система самоуправления в Приамурском крае: исторический опыт формирования (вторая половина 50-х гг. XIX — начало XX вв.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2007; Черная Е.В. Земское самоуправление Дальнего Востока в условиях революций и Гражданской войны (1917—1922 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2011.

²⁰ Лазарева С.И. Социальная помощь государственных, общественных и благотворительных организаций переселенцам, запасным воинам и членам их семей на Дальнем Востоке в 1900—1917 гг. // Вглядываясь в прошлое: Дальневосточное общество в XIX—XX вв.: Сб. науч. статей. Владивосток, 2012. Кн. 5; Её же. Из истории благотворительности в период заселения и освоения Дальнего Востока России (конец XIX — 1917 г.) // Четвёртые архивные научные чтения имени В.И. Чернышевой: материалы всерос. науч.-практ. конф. «Дальний Восток России: историческое наследие». Хабаровск, 2 ноября 2011 г. Хабаровск, 2012; Её же. Городские органы местного самоуправления и развитие движения благотворительности на Дальнем Востоке России (вторая половина XIX в.—1917 г.) // Тихоокеанская Россия в истории российской и восточноазиатской цивилизаций (Пятые Крушановские чтения, 2006 г.). В 2 т. / отв. ред. Л.И. Галлямова. Т. 1. Владивосток, 2008; Сергеев О.И., Лазарева С.И., Тихомирова Г.В. Социальная помощь нуждающимся в деятельности органов городского самоуправления на Дальнем Востоке во второй половине XIX — первой четверти XX вв. / под ред. Л.И. Галлямовой, Г.М. Сысоевой. Владивосток, 2011; Сергеев О.И., Лазарева С.И., Тихомирова Г.В. Социальная помощь нуждающимся в деятельности органов городского самоуправления на Дальнем Востоке во второй половине XIX — первой четверти XX в. / под ред. Л.И. Галлямовой, Г.М. Сысоевой. 2-е изд., испр. и доп. Владивосток, 2011.

²¹ Галлямова Л.И. Влияние миграций из соседних азиатских стран на развитие Владивостока (вторая половина XIX — начало XX в.) // Материалы XXIII российско-японского симпозиума историков и экономистов ДВО РАН и района Кансай (Япония): сб. науч. статей. Владивосток, 2008; Её же. Значение миграций как фактора заселения и освоения Дальнего Востока России (вторая половина XIX — начало XX вв.) // Миграция населения в Азиатской России в XX—XXI в. Новосибирск, 2009; Её же. Азиатские мигранты в жизни Владивостока (вторая половина XIX — начало XX в.) // Владивосток: история и современность: материалы науч.-практ. конф., посвящ. 150-летию Владивостока, 19 апреля 2010 г. Владивосток, 2011; Её же. Китайские мигранты на рынке труда российского Дальнего Востока (конец XIX

По-прежнему пристальное внимание историков приковано к завершающему этапу Первой мировой войны, насыщенному бурными событиями двух революций, — 1917 — начало 1918 г. Помимо публикации ряда статей²², в 2005 г. вышла из печати монография В.Л. Кузьмина и Ю.Н. Ципкина, посвящённая дальневосточным эсерам и меньшевикам в период Гражданской войны, в которой довольно обстоятельно освещается организация этих партий и их деятельность в регионе в 1917 г.²³ Политическому противостоянию большевиков и правых социалистов на Дальнем Востоке России в конце 1917 — первой половине 1918 г. уделено большое внимание в недавно изданной монографии Н.А. Бутенина и Н.Д. Бутениной ««Демократическая контрреволюция» на Дальнем Востоке России (конец 1917 — конец 1918 гг.)»²⁴. Книгу отличает не только привлечённый авторами свежий фактический материал, в первую очередь архивный, но и добротный анализ историографии и источников.

Следует отметить, что в последние годы информационное насыщение темы происходит также за счёт разного рода изданий, содержащих локальные сведения о событиях Первой мировой войны — это издания посвящённые истории отдельных краёв, городов, населённых пунктов²⁵, или раскрывающие историю через призму конкретных личных биографий и т.д. (Б.И. Мухачёв (А. Луцкий), Л.И. Лазарева, В.Г. Попов (Русанов), Т.Н. Ясько (Старк), А.В. Ганин (полковник Пехливанов) и т.д.)²⁶.

— начало XX в.) // Проблемы межэтнического взаимодействия на Дальнем Востоке России: история и современность: сб. науч. трудов по итогам работы регион. науч.-практ. конф. с международным участием (23—24 сентября 2011 г.) / под ред. В.В. Романовой. Хабаровск, 2011; Галлямова Л.И., Позняк Т.З. Заселение Азиатской России (конец XIX в. — 1917 г.): Дальний Восток // Миграции населения Азиатской России: конец XIX — начало XXI вв. Новосибирск, 2011; Позняк Т.З. «Азиатские кварталы» Владивостока и коррупция в полиции в начале XX в. // Владивосток: история и современность...; Её же. Формальные и неформальные экономические практики иммигрантов на российском Дальнем Востоке (вторая половина XIX — начало XX в.) // Миграции и диаспоры в социокультурном, политическом и экономическом пространстве Сибири. Рубежи XIX—XX и XX—XXI веков: сб. науч. ст. / ред. В.И. Дятлов. Иркутск, 2010; Её же. Водоснабжение дальневосточных городов и китайцы-водоносы (вторая половина XIX — начало XX в.) // История освоения Россией Приамурья и современное социально-экономическое состояние региона: материалы междунар. науч.-практ. конф. Комсомольск-на-Амуре, 2007. Ч. 2; и др.

²² Мухачёв Б.И. Октябрьская революция 1917 г. и становление советской власти на Дальнем Востоке (материалы круглого стола) // Россия и АТР. Владивосток, 2008. № 1; Савченко С.Н. Дальневосточные казачьи войска в февральской революции 1917 г. // Казачество Дальнего Востока России в XVII—XXI вв.: к 120-летию Уссурийского казачьего войска: сб. науч. ст. Вып. 2. Хабаровск, 2009; Галлямова Л.И. Российский Дальний Восток накануне 1917 года // Гражданская война и иностранная интервенция на российском Дальнем Востоке: уроки истории: материалы Второй Междунар. науч. конф. Владивосток, 25—27 октября 2012 г. Владивосток, 2012; Исхакова О.Д. Состояние войск Приамурского военного округа как фактор политической нестабильности в крае накануне Гражданской войны (конец 1917 — начало 1918 гг.) // Гражданская война и иностранная интервенция на российском Дальнем Востоке: уроки истории...; Шишкин В.И. Геополитическая роль русского Дальнего Востока в период Великой войны 1914—1922 гг. // Гражданская война и иностранная интервенция на российском Дальнем Востоке: уроки истории...

²³ Кузьмин В.Л., Ципкин Ю.Н. Эсеры и меньшевики на Дальнем Востоке России в период Гражданской войны 1917—1922 гг. Хабаровск, 2005.

²⁴ Бутенин Н.А., Бутенина Н.Д. «Демократическая контрреволюция» на Дальнем Востоке России (конец 1917 — конец 1918 гг.). Уссурийск, 2013.

²⁵ Гридяева М.В. Остров Сахалин во второй половине XIX — начале XX века: административное устройство и управление. Южно-Сахалинск, 2008; История Благовещенска. 1856—1917. В 2 т. Т. 1. Благовещенск, 2009; Деловой мир Приамурья (середина XIX — начало XX вв.). В 2 т. Т. 1. Благовещенск, 2013; Воскресенкова: 120 лет истории / авт.-сост.: М.В. Гридяева, Л.В. Драгунова, Н.В. Ли. Южно-Сахалинск, 2010; и др.

²⁶ Мухачёв Б.И. А.М. Краснощёков — Председатель Дальсовнаркома и правительства ДВР // Россия и АТР.

В целом можно констатировать, что современная дальневосточная историография, ориентированная на изучение истории региона в сложную, противоречивую и насыщенную чрезвычайными, драматическими событиями эпоху 1914—1918 гг., развивается в русле общих тенденций отечественной историографии. За постсоветский период сделан крупный шаг в осмыслении методологических принципов и подходов, мощно обогатилась источниковая база исследований, значительно расширилась тематическая палитра изучаемой эпохи, идёт непрерывное информационное наращивание исследовательского поля. Проведённые исследования показывают, что Первая мировая война активизировала включение Дальнего Востока в общероссийское и мировое экономическое и политическое пространство. Более того, в чрезвычайных обстоятельствах Первой мировой войны впервые особенно проявилось геополитическое значение Дальнего Востока для России. Полученные результаты ставят перед историками всё новые актуальные вопросы, со всей очевидностью показывая, что исследование темы необходимо продолжать. В этом направлении одной из первоочередных задач, стоящих перед историками, является подготовка обобщающего труда, способного дать целостное представление о жизни дальневосточного региона России в эпоху Первой мировой войны 1914—1917 гг.

Владивосток, 2007. № 4; Его же. Из истории контрразведки на Дальнем Востоке в 1917—1920 гг.: А. Луцкий // Россия и страны АТР в военных конфликтах и мировых войнах XX века. Т. 1. Хабаровск, 2005; Мухачёв Б.И., Луцкий Е.А. Алексей Луцкий: историко-биографический очерк (1883—1920 гг.). Владивосток, 2012; Попов В.Г. А.Н. Русанов. Учитель. Депутат. Комиссар. Хабаровск, 2003; Лазарева Л.И. Роль и место А.Н. Русанова в общественно-политической жизни Дальнего Востока в начале XX в. // Четвёртые Гродековские чтения. Материалы регион. науч.-практ. конф. «Приамурье в историко-культурном и естественнонаучном контексте России». Хабаровск, 2004; Ясько Т.Н. Последний командующий Сибирской флотилией адмирал Г.К. Старк // Дальний Восток России в системе международных отношений в Азиатско-Тихоокеанском регионе...; Ганин А.В. Неполномочный командующий. Дальневосточная командировка полковника И.Г. Пехливанова в конце 1917 — начале 1918 г. // Казачество Дальнего Востока России в XVII—XXI вв.: сб. науч. ст. Вып. 3. Хабаровск, 2011; и др.

МИРОВАЯ ВОЙНА И ДЕМОРАЛИЗАЦИЯ «СВЯТОЙ РУСИ» 1914—1916 гг.

В.П. БУЛДАКОВ

Институт российской истории РАН, г. Москва

Вопрос о влиянии Первой мировой войны на ход российской истории вновь актуализировался. Всё чаще звучат заявления о том, что к началу 1917 г. Россия была готова к успешному завершению войны¹. Если так, то победу «украли». Насколько жизнеспособной оказалась в действительности государственность, базирующаяся на патерналистской идеологии — православие, самодержавие, народность — в условиях тотальной войны?

В данной статье речь пойдёт лишь об одном аспекте проблемы — моральной динамике российских социумов в 1914—1916 гг. Чем были вызваны негативные оценки и самооценки того времени, что стимулировало их?

Источники по данной тематике известны. Это документы личного происхождения — не только воспоминания и дневники, но и материалы переписки, особенно подвергшиеся перлюстрации².

От патриотической пропаганды к духовной фрустрации

Действительно ли патриотическое единение охватило все слои российского общества? На эти вопросы всё ещё нет внятного ответа: исследователи ограничиваются поверхностными сравнениями с европейскими процессами³. Патриотические настроения не могли не проявить себя — стрессовые ситуации вызывают консолидацию социумов на общей для всех архаичной праоснове. Но насколько основательным было то, что принято называть патриотическим настроением, именно в России; как стыковалось оно со спускаемой сверху пропагандой?

Исходя из представлений о скоротечности военной кампании, официальная пропаганда (по аналогии с победоносной русско-турецкой войной) предложила народам России защитить «братьев-славян», а заодно выполнить освободительную миссию по отношению к прочим «угнетённым» народам. Речь шла именно о славянах, а не единоверцах-православных. Идея была ущербной: православная Болгария, «обиженная» результатами балканских войн, была ориентирована на Германию; примирение с католической Польшей выглядело проблематично.

В пропагандистских изданиях зазвучала тема «Святой Руси». «Эта война — святая по цели: она ведётся не для приобретения земель от врагов, а для защиты слабых, обиженных австрийцами родственных нам сербов и для

¹ Россия и Великая война. Опыт и перспективы осмысления роли Первой мировой войны в России и за рубежом. Материалы конф. Москва, 8 декабря 2010 г. М.: Изд-во МГУ, 2011. С. 7.

² Последние сконцентрированы в известных фондах (в частности: ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265) и использовались не один раз. Однако обычно исследователи вглядывались лишь в политическую составляющую отражённых в них общественных процессов.

³ Поршнева О.С. «Настроение 1914 года» в России как феномен истории и историографии // Российская история. 2010. № 2.

освобождения других угнетённых немцами славянских племён»⁴, — писали в «народных» изданиях. Тему подхватили либералы, вроде П.Б. Струве, соединившие стародавний миф с новейшими имперскими иллюзиями⁵. А.М. Горький так характеризовал столичную журналистику в письме ссыльному социал-демократу В. Войтинскому в Иркутск: «Идут разговоры о духовном слиянии “Великой России” со “Святой Русью”, о мистических началах национализма, о миссионизме третьего Рима, о том, что Русь — носительница истинной культуры и ныне спасает Европу от оков ложной цивилизации... Все вчерашние анархисты ныне патриоты и государственники»⁶.

Характерно, что официальная пропаганда отбросила либеральные представления о «борьбе права с произволом» (право представляла Антанта, произвол — «тевтоны»); правительство и общественность заговорили на «разных языках». Вдобавок власти сделали упор на расовый (противный христианству) компонент мирового столкновения. При этом церковная пресса убеждала, что война ведётся против протестантизма, католицизма, мусульманства, баптизма и прочих ересей, победа над которыми обеспечит «мирное царство Божие». Писали также о застарелом «конфликте культур». В епархиальной прессе муссировалась тема «ратного подвига», как искупления греха (не вполне ясного рядовому прихожанину)⁷.

Особенности официальной пропаганды вынуждали усомниться в справедливости войны за «общее отечество» не только российских лютеран, но и христианских неславян (грузин, армян, не говоря уже о малочисленных народах) России. Впрочем, сомнительно, чтобы масса населения обращала внимание на пропагандистские неувязки. Традиционалистское большинство было расположено защищать лишь ценности своего «улучшенного» морально-бытового уклада. Соответственно первостепенное значение приобретал фактор непосредственной угрозы извне. Но он в пропаганде практически не был задействован — рассказы о «немецких зверствах» блекли на фоне прославляемых подвигов русского воинства.

Главный порок официальной пропаганды состоял в априорном представлении, что народ обязан нести жертвы во имя неких якобы неизменных целей и ценностей. Либеральная пропаганда, напротив, предлагала туманный спектр новых (защита права и культуры) ценностей. В том и другом случае тотальный характер войны не учитывался, созданный прессой зловещий образ «немца» выглядел угрожающе лишь для «барской» культуры. Народ предстал смиренным объектом истории. Для контраста стоит отметить, что в маленьких городках Франции и Великобритании постоянно писали о конкретном трудовом вкладе местных общин в

⁴ О великой Европейской войне 1914—15 г. с 19 рисунками / сост. А. Меньшиков. Вятка: Губернская типография, 1915. С. 40.

⁵ Струве П.Б. Великая Россия и Святая Русь // Русская мысль. 1914. № 12. С. 176—180.

⁶ Литературное наследство. Т. 95. М., 1988. С. 926.

⁷ Букалова С.В. Православная печать о причинах Первой мировой войны (по материалам «Орловских епархиальных ведомостей») // Первая мировая война: Взгляд спустя столетие. М.: Изд-во МНЭПУ, 2011. С. 345—348.

общенародное дело, локальные символы использовались для поднятия общенационального духа⁸. В Германии воздвигались памятники молотобойцам, кующим победу в тылу⁹. Ничего подобного в России не было.

В российской пропаганде отчётливо звучало приторное умиление перед «скромными героями» — простыми солдатами. Далеко не всем это нравилось. «В иную пору и филантропия — фактор благотельного порядка, но до боли стыдно слушать все эти умиления и нарочитую нежность по отношению к «солдатикам»..., — писал 25 ноября 1914 г. только что призванный в армию А.И. Мельников Н.В. Скуридиной в Петроград. — В мирное время, да и сейчас здесь в городах... общество относится к солдату, как к парию, отщепенцу, синониму грубости, неотёсанности, а когда же солдат пошёл класть «живот свой»... взрослые рассудительные люди... суют к нему в сырые окопы мешочки с махоркою, леденцами, мылом...»¹⁰ «Смирность Руси не кажется ли минутами каким-то сладким половым извращением, чем-то вроде мазохизма?»¹¹ — комментировал И.Г. Эренбург стиль русских газет через год после начала войны.

В сущности, образованное общество «откупалось» от низов показным участием. И это становилось всё заметнее. «Когда я вижу «добродетелей», одурманивающих «бедных солдатиков» меня берёт злость», — сообщал анонимный автор из Киева¹². В октябре 1914 г. было опубликовано «Открытое письмо некоторым гг. деятелям кинематографии». Автор его полковник Прозоров заявлял: «Вы смеётесь над героями, над нашими чудобогатырями». Ему казалось, что репертуар кинематографа — «сплошная ходульность, бедность, насмешка над светлым подвигом людей...»¹³

Впрочем, либерально-интеллигентские патриотические доктрины и эмоции существовали независимо как от официоза, так и народных представлений. Народ склонен был воспринимать войну, как «кару Божью», отнюдь не связывая себя необходимостью защиты «веры, царя и отчества»¹⁴. Для гражданского патриотизма европейского типа Россия не созрела: преобладала сословно-эгоистичная ограниченность. Основную массу населения могли возбудить только утопии, изоморфные его историческому опыту.

Как бы то ни было, война, начавшаяся для некоторых под знаком отчаянного самопожертвования, медленно, но неуклонно оборачивалась вакханалией nepотизма, коррупции, спекуляции. Что подталкивало этот процесс?

⁸ Purseigle P. Beyond and Below the Nations: Towards a Comparative History of Local Communities at War // *Uncovered Fields. Perspectives in First World War Studies* / Ed. by J. MacLeod and P. Purseigle. Leiden, Boston: Brill, 2004. P. 97, 101.

⁹ Goebel S. Forging the Industrial Home Front: Iron-ore Memorial in the Ruhr // *Uncovered Fields*. P. 175—180.

¹⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 979. Л. 65 об.

¹¹ Епанчин Ю.Л. «Война — во спасение». Общественно-политическая позиция русских писателей в годы Первой мировой войны. Саратов: Новый ветер, 2010. С. 118.

¹² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 978. Л. 30.

¹³ Вестник кинематографии. 1914. № 100. 15 окт. С. 10.

¹⁴ Леонтьева Т.Г. Вера и прогресс. Православное сельское духовенство России во второй половине XIX — начале XX вв. М.: Новый хронограф, 2002. С. 184.

В целом, под выплеском патриотических эмоций скрывался проснувшийся инстинкт «общинного самосохранения». Судя по манифестациям начала войны, он составлял устойчивый элемент народной психики. Монархизм носил преимущественно символически-ритуальный характер. Эмоциональная интенсивность ситуационной «веры в царя» не исключала впадения в противоположную крайность.

Патриотизм интеллигенции был по большей части умозрительным. 19 сентября 1914 г. философ И.А. Ильин, ожидая призыва в армию, признавался: «Возможность, что придётся служить войне самыми низшими и элементарными сторонами тела и души, угнетала». Но узнав об освобождении от военной службы, он почувствовал себя «как бы воскресшим» и тут же начал обдумывать «публичную лекцию об “истинном патриотизме”» и сочинять «вступительную лекцию “война как духовное дело”». Согласно такой установке, народ обязан проливать кровь за неведомые ему ценности. А чтобы не «оторваться» от реалий войны, бесхитростно прямодушный Ильин готовился к «личному общению с ранеными»¹⁵.

Для тогдашних «властителей дум» война стала поводом для размышлений о её «метафизическом» смысле. Бестактности, не говоря уже о социальной опасности, своей позиции они не понимали. Разумеется, появлялись и здравые суждения о происходящем. «Я совсем не верю в освободительный смысл войны..., — писал 1 августа 1915 г. М.А. Волошин из Биаррица Е.А. Волошиной в Феодосию. — Это война не национальная, не освободительная... Просто несколько осьминогов промышленности селятся пожрать друг друга, а заманивают благородной ложью»¹⁶. Из Иркутской области в Москву зубному врачу Х.Б. Шварцману писал неизвестный корреспондент (вероятно, ссыльный): «Крайне глупо ожидать со стороны кого бы то ни было совершенно бескорыстного патриотизма...» Журналисты, считал он, не случайно ударились в ура-патриотизм: «В наш век купли-продажи, где решительно всё подвергнуто спросу и предложению, всякое дело является либо ремеслом, либо коммерцией...»¹⁷

Уже в сентябре 1914 г. в интеллигентской переписке высказывались суждения о том, что патриотизм, насаждаемый «попами и полицией» и апеллирующий к «исконным историческим началам» и пресловутым «трём китам (православие, самодержавие, народность. — В.Б.)... не привьётся», так как правительство не желает делать уступок «затаённым, заветным желаниям общества»¹⁸. Сомнения в искренности власти усиливались. Не могли не коснуться они и армейской среды. Строго говоря, боеспособность всякой армии немислима без чувства «окопного братства». Но патерналистское упование на власть и командиров должно было получать каждодневное

¹⁵ Ильин И.А. Собрание сочинений: Дневник. Письма. Документы (1903—1938). М.: Русская книга, 1999. С. 80.

¹⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1007. Л. 91.

¹⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 978. Л. 27.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 978. Л. 63.

подтверждение. В России происходило противоположное. «Два непримиримых лагеря, офицерский состав и «нижние чины» принуждены делать вид, что стремления и чаяния их одинаковы, — писал упоминавшийся Мельников в Петроград. — ...Беспристрастному человеку ясно и отчётливо видно, сколь различно понимание интересов родины и государства у командующего класса и широких масс»¹⁹. Впрочем, беспристрастных людей уже не было.

Пьянство, коррупция, нравственность

Пресловутый «сухой закон», первоначально введённый лишь на период мобилизации, вызвал массу восторгов. Но уже 16 августа была допущена продажа лёгких виноградных вин. Общественность насторожилась. «Продажа водки и вообще спиртных напитков должна быть обставлена так же, как продажа ядовитых веществ», — доказывал дамский журнал²⁰. Св. Синод взывал: «Избавимся от рабства пороков — пьянства, сквернословия, буйства, бунтов против власти, грабежей, самоубийств»²¹. Последовал окончательный запрет продажи спиртного, на который вновь восторженно отреагировала пропаганда. Кинофирма И.Н. Ермольева спешно запустила ленту «Безумие пьянства (Злая отравка)»²². Фронтные священники проповедовали: «Господь возложил на Россию тяжёлый крест — водка; затем наложил ещё один крест — война, первый крест снят, будет снят и второй»²³.

Церковная пресса вслед за П. Струве поспешила назвать введение сухого закона «героической реформой». Писали, что Россия проводит социальный эксперимент, «имеющий... прямо мировое значение». Утверждалось, что всё это свидетельствует о «...неистребимом здоровье русского народа и о мощи русского духа»²⁴. Однако скоро обнаружилось нечто иное. «В Вильно царит небывалое... оживление: улицы и рестораны полны военными и размалёванными девицами...», — отмечал искусствовед бар. Н.Н. Врангель в апреле 1915 г.²⁵ «В первые месяцы войны в Калуге сильно было развито пьянство, — свидетельствовал другой современник. — В магазинах вином не торговали, зато его продавали в ресторанах, и там пьянка шла жуткая»²⁶. «Интеллигенция свободно пьёт в ресторанах первого разряда, обижая тем простой народ», — утверждали «народолюбивые» публицисты²⁷.

¹⁹ ГАРФ, Ф. 102. Оп. 265. Д. 978. Л. 14.

²⁰ Женское дело. 1914. № 17. 1 сент. С. 1.

²¹ Трезвая жизнь. 1914. № 10—11. Октябрь—ноябрь. С. 228.

²² Вишневский В. Художественные фильмы дореволюционной России (Фильмографическое описание). М.: Госкиноиздат, 1945. С. 35.

²³ Вестник военного и морского духовенства. 1915. № 9. 1 мая. С. 279.

²⁴ Церковный вестник. 1914. № 42. 16 окт. Стб. 1266.

²⁵ Врангель Н.Н., бар. Дни скорби. Дневник 1914—1915 гг. СПб.: Журнал «Нева», 2001. С. 118.

²⁶ Альперов Д.С. На арене старого цирка. Записки клоуна. М.: Госполитиздат, 1936. С. 356.

²⁷ Трезвая жизнь. 1914. № 12. Дек. С. 474.

Сухой закон лишний раз обозначил пропасть между народом и «обществом». «Население Петрограда... обложено данью в пользу ресторанов 1-го разряда: у себя дома нельзя было выпить ни одной рюмки вина, — для этого надо было непременно идти в ресторан, и там — пьянствуй сколько хочешь, — отмечалось в статье с характерным названием «Жалует царь, да не жалует псарь». — ...Были выработаны чрезвычайно глубокомысленные правила о том, в каких ресторанах водку можно пить стоя, в каких только сидя за столиками и т.д. ...Выпить за 2 руб. бутылку мадеры нельзя, а за те же деньги выпить три бутылки дешевого красного вина — можно...»²⁸ В декабре 1914 г. пресса отмечала, что на улицах вновь стали появляться пьяные²⁹. «Вино нужно — вопят все хором; даже Варшаву за это готовы отдать», — уверял в письме некий москвич 7 декабря 1914 г.³⁰

Некоторые образованные люди рассуждали «по-барски». «Деньги у народа теперь есть, а потому крестьяне покупают виноградное вино и им напиваются, — сообщали 8 сентября 1914 г. из Казани известному дипломату А.А. Нератову. — Конечно, это не в глухих деревнях, а поближе к городам...»³¹ Нечто подобное происходило повсюду. «В последнее время... в деревне опять замечается пьянство..., — писал 29 октября 1914 г. Д. Илимский (вероятно, ссыльный) из Иркутска А.А. Евдокимову в Москву. — Пьют пиво, самодельную водку, очищенный денатурированный спирт, виноградное вино, коньяк и наливки. При желании всё это можно найти в изобилии, только цена стала дороже прежней...»³²

В 1916 г. засомневались даже публицисты, убеждённые в искоренении пьянства. «Как по мановению волшебного жезла Россия отрезвела», — писал воронежский автор, признавая, однако, что нужна организация разумных развлечений, поскольку «нарушено равновесие в быте деревни». По его мнению, деревня уже «изобретает новые дурманные напитки», но «пока эти искания еще не вылились в определённую форму»³³. На деле процесс поиска «нового дурмана» зашёл весьма далеко. Известный правый деятель священник И. Восторгов жаловался епископу Серафиму в Челябинск на утрату способности чему-либо удивляться. «Всё иррационально, т.е. совсем не поддается учёту здравого смысла..., — писал он. — Мы в царстве пьяных, невменяемых людей... Над всем... — шкурный, карьерный интерес...»³⁴

Правительство внесло свою лепту в деморализацию деревни: размер вспомоществования так называемым солдаткам подчас позволял им не

²⁸ Новое звено. 1914. № 40—41. 4 окт. С. 10.

²⁹ Трезвая жизнь. 1914. № 12. Дек. С. 476.

³⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1001. Л. 2007.

³¹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 995. 1422—1422 об.

³² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 998. Л. 1727.

³³ Фомин Г. Народные развлечения // В дни войны. Вестник воронежских организаций военного времени. 1916. № 2. 10 июля. С. 30—31.

³⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1066. Л. 1674.

заниматься хозяйством. При этом пособие получали даже городские «жёны» крестьян-отходников. Возникали абсурдные ситуации. «Законные жёны в деревне не получают пособия, а городские содержанки имеют паёк, — писал 14 сентября 1914 г. некий А. Приселков из Петрограда архиепископу Назарию в Одессу. — Эти развратные дамы бросают работу, довольствуются пайком и другим заработком»³⁵. Тема супружеской неверности становилась болезненной³⁶.

Некоторым казалось, что боевой дух армии высок, дурные настроения характерны только для тыла. Но, по свидетельству одной медсестры, на Кавказе заведовать хозяйственной частью пристроились какие-то махинаторы, которые сполнили её мужа-офицера, «...добывая для него ящиками запрещённые на фронте напитки... и грабили всё, что только попадалось под руку»³⁷. Из прифронтовой полосы Кавказского фронта сообщали то же самое: «Как шакалы на труп собрались со всех концов края хищники войны, грабящие и солдат, и мирное население, и даже друг друга... За горами люди умирают, а за их спинами происходят страшные оргии». Автору письма казалось, что здесь можно «...видеть все мерзости и весь героизм, на который способны люди»³⁸.

Естественно, в армии жаловались на цензуру. Возмущало, что «...разные недочёты, безобразия, делаемые офицерами, их разгулы с сёстрами, пьянство, разные незаконные требования и взыскания с нижних чинов» упорно скрывались, чтобы народ ничего не знал «...кроме газетных ложных сообщений»³⁹. Но, как и следовало ожидать, цензурные запреты, сдерживавшие естественные потоки информации, лишь усиливали неверие в «святые» цели войны. «Ни капельки не осталось у меня чувства патриотизма..., — писал 13 января 1917 г. некий Борис из Москвы А.А. Хухрину в Петроград. — Глядя на все измены, воровство и сплошную грязь, что окружает всех наших министров и правителей, я готов сражаться хоть за Турцию, хоть за Германию, и всё мне решительно безразлично»⁴⁰.

Когда-то известный публицист А. Суворин приводил слова немецкого инженера о России: «У вас всё протекция, взятки, подкуп...»⁴¹ Это подтвердилось в наименее подходящее для империи время. Становилось известно, что в госпиталях «...за взятки в 1500 р. освобождают от армии здоровых»⁴². Коррупция была многообразной: особые «толкачи» провозили товары по железным дорогам; полиция закрывала глаза на торговлю спиртом

³⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 995. Л. 1457.

³⁶ Люкшин Д. Да за нашими бабами вьются. Военнопленные в крестьянской России // Родина. 2002. № 10. С. 27.

³⁷ Семина Х.Д. Трагедия русской армии Первой Великой Войны 1914—1918 гг. Записки сестры милосердия Кавказского фронта. Кн. 1. Нью-Мексико: Б/и, 1963. С. 20—21.

³⁸ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1006. Л. 97.

³⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1007. Л. 10 об.

⁴⁰ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1068. Л. 96.

⁴¹ Суворин А.С. Россия превыше всего. М.: Институт русской цивилизации, 2012. С. 250.

⁴² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1055. Л. 165.

с нелегальных заводов⁴³. «Всюду взятки, лень, хамство, произвол»⁴⁴, — жаловались современники. Периодически власть во избежание пьяных погромов принималась избавляться от запасов спиртного. 22 февраля 1917 г. из Вятки сообщалось: «13-го и 14 февраля мы уничтожили запасы пива в присутствии полиции... Пиво... сливали в речку Хлыновку... Городовые и солдаты с ружьями не пропустили народ... [Но] возчики пили из бочек, несмотря на все строгости полиции. Даже у городовых и солдат были приготовлены за пазухой чашки или стаканчики, и в удобный момент они пользовались случаем... Рабочие, которые переворачивали бочки, тоже все были пьяны»⁴⁵.

Вятские обыватели о революции отнюдь не задумывались. Между тем, становилось очевидно, что власть, отнимающая у подданных последнюю возможность релаксации, рискует очень многим. Мировая война началась как война больших иллюзий. А за несбыточные иллюзии приходится платить реальными разочарованиями. Особенно в условиях разлагающегося патернализма.

«Пир во время чумы»?

Оказалось, что кое-кто воспринял войну как возможность «оттянуться». В то время, когда официальная пресса восхваляла общественность за заботу о раненых «солдатиках», обнаруживалось нечто иное. Так, сообщалось, что в дворянском поезде Красного Креста «...санитары кутят: по 25 руб. прокутили в Орле»⁴⁶. Некая «Надя» писала 19 сентября 1914 г. из Винницы «Его превосходительству Б.А. Брусилову» в Глебово Московской губернии: «...В тылу ужасно много мерзостей — интендантство и дамы страшно развратничают»⁴⁷.

«Война ознаменовалась великим делом — уничтожением пьянства, — писал Н.А. Бердяев в октябре 1915 г. — Но у русского есть тёмное вино, которого нельзя лишить его никакими внешними мерами и реформами»⁴⁸. Тяжёлый груз людского подсознания нельзя одолеть простыми запретами. Возрождение пьянства — лишь один из симптомов тотального «выгорания» духовного пространства.

В традиционном обществе перверсии добра и зла — поистине невообразимы. Обычно они зависят от особенностей социэталного дисбаланса. Совершенно неслучайно в 1916 г. начали говорить, что «сухой закон придумал пьяница Распутин», императрица спивает царя, а вместо власти — «выродившаяся среда»⁴⁹. Разумеется, многим не хотелось в это

⁴³ Друцкой-Соколинский В.А. На службе Отечеству. Записки русского губернатора. 1914—1918. М.: Русский путь, 2010. С. 92, 102.

⁴⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1055. Л. 175.

⁴⁵ Письма вятского обывателя / [авт.-сост. Р.Я. Лагтева]. Вятка (Киров): О-Краткое, 2009. С. 202—203.

⁴⁶ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 995. Л. 1459.

⁴⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 995. Л. 1472.

⁴⁸ Бердяев Н. Судьба России. М.: Советский писатель, 1990. С. 58.

⁴⁹ Булдаков В.П. Красная смута: Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 2010. С. 110, 115, 117—118.

верить. «Слышал от княгини... Щербатовой, что власть Распутина огромна: смены министров, митрополита произошли по его настоянию, — записывал в дневник историк А. Орешников. — Неужели всё это правда? Финал может быть очень печальный»⁵⁰.

«Распутинаиада» нашла своё отражение в художественной литературе. Историк М. Богословский отзывался об этом так: «Прочёл книжку Пругавина о Распутине, выведенном под фамилией Путинцева. В книжке описывается, как великосветские дамы ездят к Распутину и веруют в него. ... Не остаётся сомнения, что это не новое, а давнее сектантское движение, уродливое выражение сильного религиозного чувства, вышедшего за церковную ограду и блуждающего на распутии»⁵¹. Действительно и семантика, и семиотика предреволюционного времени давали богатую пищу для размышлений.

Перед «блуждающим» массовым сознанием пропаганда демонстрировала растущее бессилие. В начале войны в назидание отечественной публике бульварная пресса сообщила, что в Париже, где недавно был «бал драгоценных камней», модницы «сменили декольте на пелерину сестры милосердия»⁵². Увы, феминизированный «патриотизм» продержался в России недолго. Жертвенный образ сестры милосердия, включая августейших особ, не привился. Порой писали, что «...многие сёстры милосердия не оправдывают возлагаемых на них надежд... от них дышит развратом и нашим козлиным офицерством»⁵³. Известную венерическую болезнь стали именовать «сестритом»⁵⁴. Что касается драгоценностей, то некий Н. Зибер из Москвы писал 16 мая 1916 г. А.А. Зиберу в Харьков: «...Показателен факт с бриллиантами... Эти камни подняли в цене несколько раз, и что же? Покупают на тысячи. Кто же? Жульё фронта и тыла или “миллионеры сегодняшнего дня”»⁵⁵.

В силу предвоенной вульгаризации общественной жизни люди могли лишь имитировать патриотизм. «Тот же сдвиг от аристократизма (духа) к хамству произошёл и в народе — мужик тоже охамился..., — уверял известный журналист И. Колышко. — Мужик катился в пропасть, обливаясь кровью, пока интеллигенция обливалась словами и слезами». Человеку, который сам поставлял материал для деградации общества (в чём со временем «искренне» каялся), можно на сей раз поверить⁵⁶.

О моральной деградации тыла фронтовики заговорили после неудач лета 1915 г. Некий житель Витебска в декабре 1915 г. писал: «Все с ума походили в вихре удовольствий, франтовства, безумных трат благодаря неожиданной волне шальных денег. Забыто увлечение лазаретами, койками и пр. «Сёстры», являвшие подвиги в прошлом году, занялись теперь

⁵⁰ Алексей Васильевич Орешников. Дневник. 1915—1933. Кн. 1. М.: Наука, 2010. С. 51.

⁵¹ Богословский М.М. Дневники (1913—1919): Из собрания Государственного исторического музея. М.: Время, 2011. С. 139.

⁵² Синий журнал. 1914. № 36. 2 окт. С. 10.

⁵³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1071. Л. 116.

⁵⁴ Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. СПб.: Алетейя, Изд. группа «Прогресс» — «Литера», 1994. С. 303.

⁵⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1055. Л. 137.

⁵⁶ Колышко И.И. Всемирный распад. Воспоминания. СПб.: Нестор-История, 2009. С. 178.

флиртом... очень у них похоже на “пир во время чумы”⁵⁷. О происходящем знали и в далёкой Сибири. Так, большевик Е.А. Преображенский в марте 1916 г. в легальной печати сообщал о настроении, «...напоминающем пир во время чумы: прожигание жизни, безумное мотовство и роскошь, погоня за наслаждениями растут с каждым днём». Он называл происходящее «предвисельным восторгом двуногих», не подозревающих, что им приходится играть роль статистов в трагедии, развернувшейся «на мировой сцене»⁵⁸. К этому времени война превратилась в обыденность; общественное внимание переключилось на сопровождающий её аморализм. Последовала перверсия «вдохновляющих» образов. «...Кто говорит теперь о подвигах и геройстве, тот неизбежно впадает в напыщенность и фразёрство», — утверждал В.В. Дудниченко 25 октября 1914 г. в письме, направленном из действующей армии К.В. Покровскому в архив МИД.

В патерналистской системе военные неудачи порождают озлобленность против «не оправдавшего надежд» начальства; соответственно этому возникает реакция на недостатки его бытового поведения. Теперь младшие офицеры стали подозрительно коситься на старших, «окопники» возненавидели штабных, военные — штатских. Со временем армия возненавидела тыл в целом. «Слышали и о Распутине, но то было в “гнилом тылу”», — вспоминали некоторые генералы⁵⁹.

«Погоней за удовольствиями» оказались захвачены не только столицы. Жизнь основательно вздорожала, но роскошь бросалась в глаза. Мемуаристы писали о модницах, руки которых «...чуть ли не до локтей были в золотых браслетах». Обращали на себя внимание «...огромные кольца серёг, золотые цепочки в три-четыре поворота вокруг шеи, перстни с большими камнями всех цветов — всё это сверкало на солнце и встречалось на всех центральных улицах, на бульваре, в парке, не говоря уже о театрах»⁶⁰. А столицу сравнивали с Вавилоном, где «скопилась... масса людей, у которых в руках лишние деньги, едущих сюда спускать их и тут же наживаться по обстоятельствам военного времени»⁶¹. Справедливости ради следует сказать, что на деле основная масса мигрантов бедствовала. Но замечали не это.

Положение с увеселениями стало настолько неуместным, что возмутились министры. А.В. Кривошеин предложил сократить часы представлений в театрах, а затем «закрыть увеселения и рестораны»⁶². Вряд ли это могло спасти положение. В начале 1917 г. в Одессе «...шла опера, царило веселье, маскарады и балы, шла крупная игра, и, если бы не

⁵⁷ Колоницкий Б.И. Образ сестры милосердия в российской культуре эпохи Первой мировой войны // Большая война России: Социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 118.

⁵⁸ Е.А. Преображенский: Архивные документы и материалы: 1886—1920. М.: Изд-во Главархива Москвы, 2006. С. 175.

⁵⁹ Петров П.П. Генерального штаба генерал-майор. Роковые годы. Калифорния: Б/и, 1965. С. 299.

⁶⁰ Миклашевская Л. Повторение пройденного. Из воспоминаний // Людмила Миклашевская, Нина Катерли. Чему свидетели мы были. Женские судьбы. XX век. СПб.: Журнал «Звезда», 2007. С. 79—80.

⁶¹ День. 1915. 13 окт.

⁶² Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова (записи заседаний и переписка). СПб.: «Дмитрий Буланин», 1999. С. 227.

запущенный вид города, трудно было бы догадаться о близости театра военных действий»⁶³. Некая Н. Оржевская в конце ноября 1916 г. писала из Житомира в Петроград: «Меня ужасает наша внутренняя разруха... Наряду с недостатком самого необходимого, швыряние деньгами, материалами и силами без всякого расчёта»⁶⁴. Позднее «вхожий в кабинеты» журналист-авантюрист И. Кольшко («Баян»), так описывал атмосферу в верхах: «В особняке Кшесинской, в хорамах Магнуса, в укромном кабинете старика Суворина, в берлоге Распутина, в пышных залах у «Митьки» Рубинштейна, — ...творилась не то мистерия, не то фарс императорской России, и было вавилонское смятение сословий, рангов, культур и дарований... Не то отчаянием, не то торжеством звучала лебединая песнь режима»⁶⁵.

По-своему символично, что именно в особняке царской любовницы М. Кшесинской со временем воцарился штаб большевистской партии.

Тускнеющий образ «отеческой» власти

В кризисных патерналистских системах общественная деморализация легко приобретает антидинастическую направленность. Общественность, обнаружив немоту власти перед лицом внешнего врага, устремляется на поиск «врагов», окружающих саму власть. Порочность камарильи открывает наилучшую возможность дискредитации авторитарной системы. По словам одного из губернаторов, «...ненависть к личности, самому имени Распутина стала в провинции единодушна и безгранична» настолько, что начала переноситься на местную администрацию⁶⁶. Конечно, дело было не в самом Распутине, а в востребованной десакрализации образа существующей власти.

Предвоенная Россия была отмечена заметным размягчением сексуальной морали. И это коснулось не только аристократии и образованных классов. После революции 1905—1907 гг. особенно часто заговорили об «упадке веры и нравственности» и даже «культе разврата». Столица казалась «настоящим Вавилоном» и «современным Содомом». Писали об «эротических бурях» и «половых вахханалиях». Обвиняли в этом наступившее «безвременье» и его бытописателей⁶⁷. «Благодаря Вербицкой женщина предстала развратной», — отмечал публицист, поспешно добавив, что война показала также «величие души русской женщины»⁶⁸. Увы, ситуация была не столь проста, и знаменитый роман А. Вербицкой «Ключи счастья» сыграл в этом далеко не главную роль.

Предполагалось, что патриотический порыв «оздоровит» обстановку. Однако война породила необходимость в релаксации, в том числе и сексуальной. Этому сопутствовало поведение молодого поколения. Один офицер 23 ноября 1915 г. писал из Киева Ф.Г. Ефремову, работнику

⁶³ ГАРФ. Ф. 5881. Оп. 2. Д. 534. Л. 48.

⁶⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1063. Л. 1380.

⁶⁵ Кольшко И.И. Всемирный распад... С. 296.

⁶⁶ Друцкой-Соколинский В.А. На службе Отечеству... С. 186.

⁶⁷ Стейнберг М. Ущербная, падшая личность: Общественный дискурс личности и городской жизни в России, 1906—1916 // Человек и личность в истории России, конец XIX—XX век. СПб.: Нестор—История, 2013. С. 244, 246, 248, 252.

⁶⁸ Женское дело. 1914. № 22. 15 нояб. С. 25—26.

Окружного суда в Воронеже: «...Сослуживцы, среди которых имеются ребята, не любящие пропускать мимо баб, ввели меня в такие интимные кружки, нравы которых приводят даже меня, сорокалетнего старика, в немалое смущение... Меня познакомили с кружком гимназисток, которые занимаются весьма почтенным делом — миньеткой. Воистину и «невинность соблюдают и капиталец приобретают». Ведь они при физической девственности, говорят, достигли большого совершенства... Все они получили весьма солидное образование в известной области. В этом обществе я чувствую себя слишком незрелым, посему счёл за лучшее благородно ретироваться, вызвав весьма иронические улыбки некоторых почтенных коллег и не менее почтенных девиц. В общем, разврат в Киеве перешагнул всякие геркулесовы столбы...»⁶⁹ Действительно, раньше такого не отмечалось.

Война основательно пошатнула традиционную — и без того достаточно пластичную — мораль. Любопытно, однако, что этот заурядный феномен получил «историческое» обоснование. «...Со времён Петра и Екатерины русский разврат стал специфичностью, вроде русской закуски... Наша развратная аристократия ждала лишь случая, чтобы обнажиться..., — уверял И. Кольшко. — Не Распутин её, а она его развратила... А любовные похождения отца Восторгова! А скандальная хроника иных наших монастырей!...»⁷⁰ Разумеется, журналист «сгущал краски». На деле одна часть общества пользовалась случаем, чтобы «раскрепоститься», а другая «негодующе» указывала на неё перстом. А в целом, представления о «разврате» получили социально стратифицированное выражение: считалось, что наиболее активно грешили «самые» верхи.

В декабре 1916 г. искренние монархисты признавали своё бессилие перед народной молвой. «Распутинщина... как гангрена, разъедала общественное мнение... Весь внутренний развал власти приписывался Распутину и Государыне, — писал один из преданных престолу губернаторов. — Общество негодовало, кричало и злословило. Мятлев под аккомпанемент рояля и без аккомпанемента пел и говорил свои грязноватые стишки, далее неслись двусмысленные словечки, сплетни и слухи. Растлевающий разврат цвёл махровым цветком»⁷¹.

В «разоблачении» правящего режима общественность перешагнула привычные запреты. В Ростове-на-Дону в 1916 г. она занялась дискредитацией градоначальника генерал-майора М.С. Комиссарова, заподозренного в том, что он — внебрачный сын Александра III. Говорили, что он завёл дружбу с «сомнительными людьми» из числа «комиссионеров и аферистов», что он «...напивался до бесчувствия... позволял себе мочиться среди улицы, невзирая на присутствие городских и посторонней публики...» Утверждали также, что одному из своих служащих он предлагал полюбоваться пришедшими к нему девицами «...и выбрать себе одну, так

⁶⁹ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1009. Л. 42.

⁷⁰ Кольшко И.И. Всемирный распад... С. 179.

⁷¹ Друцкой-Соколинский В.А. На службе Отечеству... С. 192.

как они отлично умеют делать “минет”». За Комиссаровым числились контрреволюционные заслуги: срыв продовольственных погромов, инициированных солдатами, и нескольких забастовок. Возможно, его подозревали в организации еврейских погромов в период службы в МВД. Как бы то ни было, под давлением общественности генерала отправили в отставку. Но при этом помимо пенсии в 3000 руб., министр внутренних дел А.Д. Протопопов просил вознаградить его за «отлично-усердную и полезную служебную деятельность» дополнительными выплатами «...общей суммой до 10 000 руб. в год»⁷². Трудно сказать, насколько обвинения против Комиссарова были справедливыми — это был скорее тип умного и циничного жандарма, нежели разнузданного развратника. Несомненно, однако, что общественность перестала стесняться в выборе средств дискредитации нелюбимых администраторов. Очередь была за высшей властью.

Тема тотальной извращённости верхов становилась поистине всеобъемлющей. Корреспондент, назвавший «Женя» (возможно, это известный философ Евгений Трубецкой), писал 25 ноября 1916 г. С.А. Петрово-Соловово в Москву: «Петроград дал много жутких впечатлений. Особенно жутки разговоры с бывшими обер-прокурорами... Волжин... утверждает, что до 50% наших епископов грешат противоестественными пороками (Извольский говорит, что это преувеличение, но не отрицает, что зло распространено)...» Автор письма полагал, что «в Церкви начался тот ад, который одурманил Самого (Николая II. — В.Б.) и тем самым отравил и государство»⁷³. Так думали многие. Один офицер в декабре 1916 г. писал из действующей армии полковнику А.И. Ергольскому в Петроград: «...Одно время я до того ударился в пессимизм, что видел у нас чуть не «греческое» настроение позади, с пикантной эротической окраской»⁷⁴.

Понятно, что до низов слухи о нетрадиционной ориентации отцов церкви не доходили, зато Синод оказался в эпицентре скандалов, связанных с Г. Распутиным. Как результат, некоторые епархиальные архиереи стали уклоняться от контактов с высоким начальством⁷⁵. Сказывалось и другое. В ноябре 1916 г. один из офицеров, наблюдавший, как императрица прикладывает в церкви к руке Распутина, подошёл к священнику со словами: «Батюшка! Что же это такое? У меня было две святые: Бог и царь. Последней теперь не стало... Пойду пьянствовать!»⁷⁶ Частью «общественной порнографии» стали рассказы о половых достоинствах и особом «таланте» Г. Распутина. В частной переписке встречались суждения о том, что «старец»

⁷² ГАРФ. Ф. 1467. Оп. 1. Д. 655. Л. 1 об.—3 об., 5 об., 7, 12.

⁷³ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1062. Л. 1227.

⁷⁴ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 265. Д. 1066. Л. 1663.

⁷⁵ Никон [Рклицкий], арх. Антоний [Храповицкий] и его время. 1863—1936. Кн. вторая. Н. Новгород: Братство во имя св. Александра Невского. 2004. С. 401—402.

⁷⁶ Шавельский Г.И. Воспоминания последнего протопресвитера русской армии и флота. Т. 2. М.: Изд-во Крутицкого подворья, 1996. С. 280.

управляет Россией «за величину “до локтя”»⁷⁷ Простой народ недоумевал: «Как царь такое похабство у себя в доме терпит?»⁷⁸ Туманное подозрение, что мужик может «иметь» всё царство, довершило дело. «Распутин столь же закономерен, как и Ленин», — уверял И. Колышко⁷⁹.

Некоторых убийц Распутина наказали, но отнюдь не в обычном правовом порядке. Законопослушные люди поразились: «...это означало оправдание политического убийства»⁸⁰. Устои легитимности были в очередной раз поколеблены. И вряд ли моральную деградацию «святой Руси» можно приостановить с помощью каких бы то ни было патриотических инъекций в массовое сознание.

* * *

Феномен «пира во время чумы» известен с незапамятных времён: угроза существованию девальвирует привычные табу. Начинается «погоня за удовольствиями». Однако нервозность рано или поздно перерастает в безразличие. И вот тогда на опустевшей поверхности массового сознания начинают править бал новые, точнее, старые как мир, доктринально-утопические призывы.

Патерналистская система может предоставить своим подданным гарантии сносного существования только в «застойных» условиях. Всякое потрясение для неё опасно: обещанное не исполняется, за эмоциональным перевозбуждением населения следует «моральное выгорание». Уже в силу этого мировой катаклизм был жизненно опасен для традиционной «отеческой» власти.

Ужасы мировой войны не могли не породить повсеместных мечтаний о справедливом мировом порядке. «Последняя» война затевалась вроде бы ради «вечного» мира. Но утопическая идея мировой социальной революции могла основательно смутить умы только там, где старая власть предстала абсолютно аморальной.

⁷⁷ ГАРФ. Ф.102. Оп. 265. Д. 1062. Л. 1248.

⁷⁸ Булдаков В.П. Красная смута... С. 103—104, 110—111.

⁷⁹ Колышко И.И. Всемирный распад... С. 178.

⁸⁰ Друцкой-Соколинский В.А. На службе Отечеству... С. 204.

СТАНОВЛЕНИЕ В 1920—1930-е гг. СОВЕТСКОЙ КОНЦЕПЦИИ ИСТОРИИ ПАРТИЗАНСКОГО ДВИЖЕНИЯ В ГОДЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Н.А. БУТЕНИН, Н.Д. БУТЕНИНА

Дальневосточный федеральный университет, г. Уссурийск

Как известно, важным фактором победы большевиков в Гражданской войне на Дальнем Востоке стало партизанское движение. За несколько послевоенных десятилетий по истории партизанского движения накоплена обширная литература, в советской историографии сложилась чёткая концепция природы и причин этого явления. Вместе с тем давно ясно, что традиционные схемы советской историографии Гражданской войны в России в целом, и на Дальнем Востоке в частности, не удовлетворяют современного исследователя. Оценки партизанского движения, окончательно сложившиеся в 60—80-е гг. XX в., слишком очевидно противоречат имеющимся в распоряжении историка разнообразным источникам. Однако преодолеть устоявшуюся традицию, оказывается, далеко не просто.

Задача настоящей статьи — рассмотреть первичные оценки партизанского движения, данные её участниками и современниками, с тем, чтобы выяснить, как и каким образом шло оформление схем советской историографии. Выбор хронологических рамок — 1920—1930-е гг. — не случаен. Во-первых, это время, когда к осмыслению Гражданской войны активно обращались как победители, так и побеждённые. Во-вторых, в этот короткий период издательского либерализма в истории Советской России публиковались не только воспоминания красных партизан, но и работы представителей социалистических партий небольшевистского толка, участников Белого движения и интервенции. Наконец, ещё не сложилась официальная «марксистско-ленинская концепция» Гражданской войны, и многие мемуаристы, в том числе вчерашние партизаны, допускали «субъективизм», а точнее, личностную оценку в освещении недавних событий.

Сам феномен советского издательского либерализма в 20-е гг. заслуживает отдельного разговора. В рамках этой статьи ограничимся некоторыми замечаниями. Дело, вероятно, не только в особой природе советского нэповского общества, изначально предполагавшего элементы плюрализма, но и в том торжестве победителей, которые позволяли объяснить свои поражения «обречённым на неудачу противникам». Кроме того, процесс политического размежевания до конца не был оформлен, и «своими» считались не только леворадикальные партии максималистов, левых эсеров и т.д., но и бывшие представители правых эсеров и меньшевиков. Это объясняет появление в советской печати записок генерала В.Г. Болдырева, заметок бывших эсеров М. Хайта и Е.И. Гендлина, максималиста И. Мамаева и др.

Острый интерес большевистской печати к проблемам и отдельным эпизодам партизанской борьбы был не случаен, мотивы лежали далеко за пределами научного и общественного интереса. В планах советского руководства были надежды реализовать «партизанщину» за рубежами Советской республики в рамках общего предствления о неизбежности мировой революции. Весьма показательно обилие работ теоретического характера о так называемой «малой войне» и её перспективах⁸¹.

Такой опыт, в частности, мог быть реализован в Китае, к Гражданской войне в котором советское руководство проявляло огромный интерес. Симптоматичной является публикация И. Мамаева. Автор, описывая свою встречу с китайским коммунистом Суном, пускается в пространные рассуждения о чуть ли не классовой природе «хунхузнического движения» и находит в нём немало положительного⁸².

Становление советской историографии революции и Гражданской войны, как наиболее актуальной и классово обусловленной, проходило в специфических условиях. Советское руководство стремилось вывести эту работу за рамки традиционных (созданных до революции) научных структур. В 1920 г. по инициативе М.Н. Покровского и М. Ольминского была создана специальная «Комиссия по изучению истории партии и Октябрьской революции» (Истпарт), несколько позднее — её региональные подразделения (бюро), в частности, Дальистпарт⁸³. В качестве приоритетного направления намечено «вызвать к жизни мемуарную литературу»⁸⁴, что особенно значимо применительно к нашей теме. Не секрет, что в партизанских отрядах делопроизводство не практиковалось, а сами архивы, как это произошло с архивом Анучинского отряда, зачастую просто уничтожались. Предполагалось, что мемуаристика советского периода будет тщательно организована и станет управляться партийными директивами соответствующих комитетов.

Руководители Истпарта обозначили новые подходы к написанию воспоминаний. Мемуаристика должна отличаться «ударностью», т.е. воспоминания составлялись применительно не к личности автора, а к событиям, свидетелем и очевидцем которых он был. Следовало дорожить рукописями рабочих и более строго относиться к рукописям интеллигентов. В главном печатном органе Истпарта — журнале «Пролетарская революция» — часто публиковались методические рекомендации, как писать воспоминания. Тем не менее, первоначально, особенно в 20-е гг., сделать

⁸¹ Дробов М.А. Малая война: партизанство и диверсия. М., 1931; Каратыгин П. Партизанство. (Начальный опыт тактического исследования). Харьков, 1924; Эйдеман Р. Повстанчество и его роль в современной войне // Армия и революция. Харьков, 1922. № 3—4.

⁸² Мамаев И. К вопросу о хунхузническом движении на Дальнем Востоке // Революция на Дальнем Востоке. Вып. 1. М.; Пг., 1923. С. 383.

⁸³ Шельдышев Э.М. О периодизации деятельности Дальистпарта (1922—1938 гг.) // Партийные организации Дальнего Востока в авангарде борьбы за построение социализма и коммунизма. Межвуз. сб. Хабаровск, 1974. С. 244—252.

⁸⁴ Пересветов В.А. Деятельность Истпарта по собиранию воспоминаний об Октябрьской революции и Гражданской войне // Вопросы истории. 1981. № 5. С. 113.

контроль над содержанием мемуаров действительно жёстким не удалось, что и определяет, на наш взгляд, их особую значимость.

Одной из принципиальных проблем истории партизанского движения на востоке России является вопрос о его периодизации вообще и начальном этапе в частности. Как таковая она в историографии начального периода чётко не обозначена, хотя известная эволюция партизанского движения отражена. Истоки партизанского движения в Приморье некоторые авторы связывали с драматическими событиями лета 1918 г., когда против первых Советов выступили войска белых, чехословаков, интервентов. При этом в 20-е гг. большинство мемуаристов как белых, так и красных, подчёркивали общее равнодушие населения к советской власти, а в Амурской области — даже враждебность⁸⁵.

Оценка состояния вооружённых сил защитников советской власти была весьма противоречива. Так, очевидец и участник событий И. Бартков в своих воспоминаниях «На уссурийском фронте» писал, что «...наша армия так же быстро распалась, как и была организована»⁸⁶. Ему вторит в своих воспоминаниях, опубликованных в 1923 г., С. Серышев: «Это была толпа вооружённых людей, готовых при первом нажиме противника повернуться к нему затылком»⁸⁷. В 1927 г. о деморализации и паническом отступлении Красной Армии писал А. Флегонтов, считая главной причиной этого действия группы прибывших в составе частей с Запада, «...именовавших себя анархистами, занимавшихся грабежами и оказывавших всякое противодействие организации красных частей»⁸⁸. С конца 20-х гг. стало традицией объяснять негативные явления в Красной Армии или партизанском движении влиянием анархистов.

Известный диссонанс в эту картину внёс Вл. Виленский (Сибиряков), принимавший участие в подготовке красноармейских отрядов в Иркутске: «Те кадры красноармейцев, которые мы создавали, были настолько хорошо подготовлены и политически воспитаны, что уничтожить их контрреволюции не удалось: они рассосались по таёжным дебрям Дальнего Востока и затем открыли ожесточённую партизанскую борьбу...»⁸⁹

Ставя под сомнение оценку этого автора, не являвшегося очевидцем состояния Уссурийского фронта, следует признать, что и другие мемуаристы связывали первые партизанские отряды в Приморье с бывшими красноармейцами, причём неместного происхождения. Создание таких отрядов из пришлых (преимущественно) красноармейцев шло стихийно, и поддержкой местного населения они не пользовались. В частности, заведующий агитационно-организационным отделом штаба фронтов Безсонов вспоминал, что крестьяне были настроены враждебно ко всем, кого

⁸⁵ Безродный И. Амур в огне. Хабаровск, 1932. С. 30.

⁸⁶ Бартков И. На Уссурийском фронте // В огне революции. Хабаровск, 1927. С. 76.

⁸⁷ Серышев С. Вооружённая борьба за власть Советов на Дальнем Востоке // Революция на Дальнем Востоке. М.; Пг., 1923. С. 75.

⁸⁸ Флегонтов А. Партизанское движение (1918—1922 гг.) // В огне революции. Хабаровск, 1927. С. 153.

⁸⁹ Виленский Вл. (Сибиряков). Красная армия и борьба за Дальний Восток (страничка из воспоминаний) // Политработник. М., 1923. № 1—2. С. 32.

подозревали в большевизме, само население не только сторонилось советских работников, но «...в худшем случае само задерживало их и передавало в руки белогвардейских властей». Такую позицию автор объяснял психологией крестьянства: оно оценивает своё правительство с точки зрения материальной выгоды — большевики ничего не могли дать. Неудовольствие крестьян к первым партизанским отрядам было не только следствием черносотенной пропаганды или страхом перед ответными репрессиями со стороны властей, но и проникновения в отряды преступных элементов⁹⁰.

Строго говоря, причины враждебного отношения крестьян к вооружённым группам бывших красногвардейцев были предельно просты — совершенно чужие в этих местах люди нуждались в продовольствии, которое могли получить почти исключительно грабежом. На этом фоне уже не кажется «злой клеветой» мнение представителей враждебного лагеря. Так, в «Дневнике» барона А. Будберга, кадрового офицера царской армии, весьма ироничного и к белым, и к красным, сторонники советской власти на Дальнем Востоке в 1918 г. характеризуются как «...многочисленная каторжанская шпана и уголовно-хулиганский элемент городских отбросов»⁹¹. Отметим довольно оригинальное представление о составе первых партизанских отрядов Джона Уорда: они «...состоят из двух элементов: из беглых каторжников, выпущенных большевиками из тюрем, и богатых крестьян» («ловких и жадных»)⁹².

Нет сомнения, что приведённые оценки даны не просто врагами партизан, но противниками побеждёнными, однако приходится признать, что они имели и объективные основания, в частности для периода, когда партизанское движение не пользовалось поддержкой большинства населения. Представляется спорным само определение таких отрядов как «партизанских».

Собственно партизанское движение разворачивается позднее и на другой основе. Дальневосточная деревня оказалась в чрезвычайно сложном положении, выход из которого крестьяне находили в создании отрядов самообороны — движения вполне стихийного, первоначально лишённого всякой политической цели. Мемуаристы солидарны в тезисе — поддержка крестьянами партизан была прямо пропорциональна террору властей. А попытка принудительной колчаковской мобилизации населения в декабре 1918 г. отмечается как толчок к развёртыванию массового повстанческого движения.

В качестве непосредственных организаторов сопротивления выделяются сельские учителя, чья политическая позиция за годы Гражданской войны претерпела принципиальное изменение — от неприятия Советской власти (идеал учительства — буржуазно-демократическая перестройка государственной жизни) к её поддержке. Об учителях —

⁹⁰ Безсонов. Борьба за Советы в Приморье // Дальистпарт. Вып. 2. Владивосток, 1924. С. 118—120.

⁹¹ Будберг А. Дневник белогвардейца (Колчаковская эпопея). Л., 1929. С. 295.

⁹² Уорд Дж. Союзная интервенция в Сибири 1918—1919 гг. Записки начальника английского экспедиционного корпуса. М.; Пг., 1923. С. 13.

организаторах партизанского сопротивления — писали Флегонтов, Булатов и многие другие, а в уникальном очерке А. Яременко (учитель) подчёркивалось: «Чем сильнее карали бандиты сельское население Дальнего Востока, тем теснее и родственнее объединялось оно под руководством Трудового учительства в партизанские отряды...»⁹³ На пленуме губкома РКП (б) в 1924 г. официально отмечались исключительные заслуги учительства в организации партизанского движения⁹⁴. Владивостокский Ревком, созданный в январе 1919 г., по оценке, например, Яременко, вплоть до лета 1919 г. «оставался анемичным».

Было бы ошибкой полностью отрицать влияние большевистского руководства на партизанское массовое движение, однако в литературе 20-х гг. речь идёт, скорее, о подчинении, причём очень болезненном, уже возникших повстанческих отрядов партийному руководству. А. Флегонтов, активный участник этого процесса, вспоминал, что «...прибытие товарищей из Владивостока было встречено весьма враждебно»⁹⁵.

Сложно шла замена командиров (часто выборных), которые «импонировали большинству» партизан, «варягами». Ситуацию в Ольгинском уезде характеризуют показания В.В. Повелихина (27-летнего коммуниста, уполномоченного штаба в уезде): «Между комсоставом и партизанами существовал антагонизм, причины коего объяснить затрудняюсь. Деморализация увеличилась со сведением на нет деятельности бывших командиров партотрядов..., которым бойцы симпатизировали, а вновь назначенным не доверяли»⁹⁶. О болезненности отношений партизанской массы с большевистским руководством свидетельствуют упоминания об отважном и умелом командире Г.М. Шевченко, который отличался упорным «сепаратизмом» и «недисциплинированностью»⁹⁷.

На завершающем этапе руководство большевиков уже никто не оспаривает, что не избавило движение от новых проблем. В этот период происходит трансформация повстанчества в действия выделенных из состава армии воинских частей, в которых большевистское руководство и советские лозунги становятся очевидными. Тем не менее, в литературе давно замечено, что именно на этом этапе партизанское движение испытывало серьёзный кризис. Если в 1919 — начале 1920 г. оно своим размахом и массовостью способно было смести колчаковскую администрацию в крае, то в 1921—1922 гг. крестьянство отказало партизанам в массовой поддержке. И дело не только в общей усталости от затянувшейся Гражданской войны: пришедшие в область каппелевцы существенно откорректировали социальную политику Белого движения. Это фактически подтверждает партизанский командир Б. Рубцов, который так характеризует политику меркуловского правительства: «Оно освободило население от военных налогов, от расходов

⁹³ Яременко А. Роль интеллигенции в партизанском революционном движении (1917—1920) // Пролетарская революция. М., 1922. № 9. С. 296; Флегонтов А. Партизанское движение... С. 156.

⁹⁴ Красное знамя. 1924. 4 июля.

⁹⁵ Флегонтов А. Партизанское движение... С. 173—174.

⁹⁶ ГАХК. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 1. Л. 78, 79.

⁹⁷ Ильихов Н., Титов М. Партизанское движение в Приморье. 1917—1920 гг. Л., 1928. С. 110.

на армию и принудительной вербовки в неё, оно предписало белоповстанческой армии применять в отношении населения особо осторожную тактику, методы колчаковско-семёновского периода предложено было сдать в архив, в основу новой тактики вкладывалась безусловная предупредительность»⁹⁸. Важно подчеркнуть и другое — явное недоверие командования к местному населению, к бывшим командирам, которых задействовали (как того же Шевченко) только в самое критическое время.

В рамках относительно небольшой статьи невозможно проследить все детали и сюжеты историографии 20—30-х гг. Однако можно заметить несомненное отличие оценок партизанского движения от тех, которые сложились впоследствии. Историческая наука становилась составной частью советской общественно-политической системы. Именно это обстоятельство, будучи наиболее существенным, предопределило как многие внутренние процессы историографии, так и специфику взаимоотношений между историографией и другими государственными и общественными институтами. Ограничимся, однако, узкими рамками нашей темы.

Показательно, что уже в 1928 г. появилась статья М. Эссена «О ближайших перспективах работы местных истпартов»⁹⁹, в которой подчёркивался всё ещё сохранявшийся субъективизм авторов, невнимание к массовым процессам, приведшим к Октябрю. Перечень недостатков дополнил в 1932 г. А. Абов: к «...научному изучению этого движения (партизанского. — *Авторы*) ещё не приступлено»; по данному вопросу получили распространение вредные «теории» и «теорийки»; «...ни один из исследователей этого движения (даже коммунисты) не потрудился проверить — что писал и говорил В.И. Ленин о партизанском движении»¹⁰⁰. Всё это косвенно свидетельствовало о том, что воспоминания 1920-х гг., имевшие выраженное личностное начало, ещё не исчезли. Но именно с этим активно боролись и в конце концов победили.

Ситуация кардинально изменилась к середине 1930-х гг. Точкой отсчёта можно считать Постановление ЦК ВКП (б) «Об издании “Истории Гражданской войны”» от 30 июля 1931 г. Заметим, что инициатива такого издания лишь формально принадлежала Максиму Горькому, фактическое же решение готовилось на самом высоком уровне. Реакция на постановление была стремительная: создана Главная редакция, организован сбор материалов, опубликованы проект и план издания, в X и XIII томах последнего была изложена схема событий на Востоке России.

В 1935 г. вышел сборник «Таёжные походы», куда включили лучшие, т.е. соответствовавшие схеме материалы, в том числе и статья П.П. Постышева. Автор фактически перечеркнул достижения первого этапа отечественной историографии Гражданской войны: «Партизанскую борьбу

⁹⁸ Рубцов Б. Революционная борьба за Приморье // В огне революции. Хабаровск, 1927. С. 203.

⁹⁹ Эссен М. О ближайших перспективах работы местных истпартов // Пролетарская революция. М., 1928. № 1. С. 192—194.

¹⁰⁰ Абов А. О партизанском движении в Сибири. Новосибирск, 1932. С. 4.

на Дальнем Востоке никто ещё не описал по-настоящему». Авторская же концепция выглядит так: «Партизанские отряды не организовывались стихийно, их борьба не была борьбой самообороны. Партизанские отряды организовывались большевиками. А те отряды, которые организовывались без большевиков, потом большевиками оформлялись и, безусловно, ими политически руководились. Борьба шла под лозунгом «За власть Советов». В партизанские отряды Приморья и Приамурья ушли почти все рабочие из городов. Рабочие в отрядах являлись основным ядром»; «впоследствии партизанское движение охватило всю крестьянскую массу»¹⁰¹.

Надо напомнить, что П.П. Постышев в то время являлся секретарём ЦК ВКП(б), и его статья носила фактически директивный характер. Вслед за этим выступлением появилась статья А.П. Шурыгина, в ней директивы секретаря ЦК ВКП(б) развивались и конкретизировались, что не избавило автора (как и Постышева) от репрессий. Собственно говоря, это известные шаги к подготовке Краткого курса истории ВКП (б).

«Вредные теории и теорийки» — это сочинения не желавших понять новые задачи бывших партизанских командиров-мемуаристов. Весьма показательна трансформация изначальной книги воспоминаний Н. Ильюхова и М. Титова в новый текст, созданный Ильюховым в соавторстве с И. Самусенко и изданный в 1962 г., из которого изъяты «субъективистские оценки». Мемуары же второй половины 30—80-х гг. существенно отличаются от предшествующего периода отсутствием каких-либо оценок, кроме общепринятых.

Другой угрозой представлялись попытки научных оценок событий недавнего прошлого. К таковым можно отнести библиографическо-источниковедческие изыскания З.Н. Матвеева о дальневосточной прессе периода Гражданской войны, в которых автор — доцент Дальневосточного университета, обращаясь к весьма скромному, казалось бы, сюжету (истории прессы) предпринял попытку научного осмысления драматических событий революции и Гражданской войны на Востоке России¹⁰². Деятельность З.Н. Матвеева была замечена. В 1931 г. в Хабаровске появляется книжка Д. Файбушевича «Большевистская печать на Дальнем Востоке», написанная, по утверждению автора, за 15 дней (одно это уже свидетельствует о научном уровне работы). Однако важнее другое — резкая критика З.Н. Матвеева «за попытку беспартийно осветить историю печати»¹⁰³ и Гражданской войны в целом.

Судьба З.Н. Матвеева — многогранного исследователя, для которого история Гражданской войны — лишь одно из направлений деятельности, драматична: он был репрессирован, разделив печальную участь историков-востоковедов Дальневосточного университета. Вынужденно покинула край и

¹⁰¹ Постышев П.С. Первый партизанский Тунгусский отряд // Таёжные походы: Сб. эпизодов из истории Гражданской войны на Дальнем Востоке. М., 1935. С. 62—67.

¹⁰² Бутенин Н.А., Бутенина Н.Д. З.Н. Матвеев — историк и библиограф Гражданской войны на Дальнем Востоке России // Проблемы истории образования на Дальнем Востоке России: Материалы науч. конф. Вып. 2. Уссурийск, 2012. С. 146—153.

¹⁰³ Файбушевич Д. Большевистская печать на Дальнем Востоке. М.; Хабаровск, 1931. С. 4.

навсегда оставила историю гражданской войны З.Г. Карпенко.

Именно сформулированная Постышевым схема на долгие годы стала основой для последующих исследований партизанского движения, приняв обязательный для историков характер.

К сожалению, ситуация не изменилась и в дальнейшем, когда эпоха жёсткого партийного руководства исторической наукой уже миновала. В постсоветский период наблюдается известный поворот историков Гражданской войны к изучению небольшевистских движений и организаций на Дальнем Востоке, что вполне закономерно и оправдано в силу совершенной неизученности этих сюжетов. История же партизанского движения современных историков практически не привлекает. Создаётся ложное, на наш взгляд, представление о том, что эта тема достаточно освещена и не нуждается в дальнейшей разработке. Лишь в последние годы появились интересные публикации Ю.А. Тарасова¹⁰⁴, которые позволяют надеяться на существенные изменения в изучении истории партизанского движения.

¹⁰⁴ Тарасов Ю.А. О роли большевиков и других политических сил в крестьянских восстаниях на юге Приморья против режима Колчака // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. Владивосток, 2012. № 2. С. 68—73; Его же. Социальный характер и политическая направленность антиколчаковских крестьянских восстаний на Дальнем Востоке зимой—весной 1919 года // Гражданская война и иностранная интервенция на российском Дальнем Востоке: уроки истории: материалы Второй Междунар. науч. конф., Владивосток, 25—27 октября 2012 г. Владивосток: Издательский дом Дальневост. федерал. ун-та, 2012. С. 160—165; и др.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПАМЯТЬ О ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ 1914—1918 гг.

Д.В. КУЗНЕЦОВ

*Благовещенский государственный педагогический университет,
г. Благовещенск*

В последние годы во многом благодаря позиции представителей высшего руководства России в нашей стране произошли качественные изменения, касающиеся оценки Первой мировой войны 1914—1918 гг. в отечественной истории. Фактически был взят курс на возрождение исторической памяти об одном из крупнейших конфликтов XX столетия, что представляется весьма актуальной задачей.

«Разве справедливо, что у нас до сих пор нет ни одного достойного общенационального памятника героям Первой мировой войны? Наши предки называли её великой войной, но она была незаслуженно забыта, фактически по ряду политических, идеологических соображений вычеркнута из нашей исторической памяти и из истории», — подчеркнул Президент РФ В.В. Путин 12 декабря 2012 г. в Ежегодном послании Федеральному Собранию Российской Федерации¹.

В советское время память о Первой мировой войне предавалась забвению. О ней вспоминали разве что в контексте ключевого для советской исторической науки события XX в. — Великой Октябрьской социалистической революции 1917 г., приведшей к появлению первого в мире социалистического государства. Между тем важно подчеркнуть, что до 1917 г. в Российской империи предпринимались попытки увековечить память о Первой мировой войне. С первых дней войны российская армия в жестоких сражениях понесла значительные потери в связи с чем по указу императора Николая II стали создаваться братские кладбища павших воинов. В дальнейшем предполагалось создать в этих местах мемориалы с храмами и памятниками в честь героев Первой мировой войны. По замыслу Николая II, особым местом памяти должно было стать Царское Село, а заложённая там ещё в 1913 г. Государева Ратная палата — Музеем Великой войны². По распоряжению царя был выделен специальный участок для погребения погибших и умерших чинов Царскосельского гарнизона. Поскольку в большинстве своём они являлись кавалерами ордена Святого Георгия Победоносца, участок этот стал называться «Кладбищем Героев». В 1915 г. «Кладбище Героев» назвали Первым Братским кладбищем (к 1918 г. здесь было захоронено более тысячи человек).

¹ Путин В.В. Послание Президента Федеральному Собранию, 12 декабря 2012 г. URL: <http://www.kremlin.ru/>.

² Первоначально предполагалось расположить в Государевой Ратной палате Музей истории русских войск. Основой коллекции стало собрание картин, икон, предметов вооружения и документов по истории русских войн, подаренное Е.А. Третьяковой императору Николаю II на юбилейной Царскосельской выставке 1911 г. После начала Первой мировой войны в 1914 г. принято решение создать музей войны, разместив в нём галерею портретов георгиевских кавалеров и трофеи, доставленные с полей сражений.

Царскосельское Братское кладбище героев Первой мировой войны находилось под особым покровительством императорской семьи. Государыня и царевны не только постоянно посещали лазареты Царского Села и ассистировали при операциях, но и лично провожали умерших от ран в последний путь на Братское кладбище. На его территории 18 августа 1915 г. состоялась закладка временного деревянного храма в честь иконы Божией Матери «Утоли моя печали» по проекту гражданского архитектора С.Ю. Сидорчука для отпевания погибших и умерших от ран воинов. После окончания войны вместо временной деревянной церкви предполагалось возвести храм — памятник Великой войне. Это был бы храм-памятник, предназначенный для братского кладбища, по проекту архитектора С.Н. Антонова, удостоенного первой премии на конкурсе, проведённом 26 мая 1916 г. Императорским обществом архитекторов-художников, по поручению Главного совета Всероссийского общества увековечивания памяти павших воинов.

Однако этим замыслом не суждено было сбыться. В 1918 г. в здании Государевой Ратной палаты создали Народный музей войны 1914—1918 гг., но уже в 1919 г. он был упразднён, а его экспонаты пополнили фонды других музеев и хранилищ. В 1923 г. комплекс передан Петроградскому агрономическому институту для размещения в нём ректората, канцелярии и клуба. В 1938 г. временная деревянная церковь на Братском кладбище была разобрана, а от могил воинов остался заросший травой пустырь. В 1950-е годы Царскосельское братское кладбище героев Первой мировой войны было уничтожено.

В 1920-х гг. был уничтожен открытый 16 июня 1916 г. в Вязме памятник героям «Второй Отечественной войны». Памятник представлял собой высокий обелиск, собранный из листового железа и окрашенный под светлый мрамор. Его венчал герб Вязьмы, на гранях размещались императорские вензеля и георгиевские кресты. Под ними были высечены имена императора, цесаревича, генерал-адъютантов Алексеева и Эверта, генерала Смирнова и сестры милосердия Риммы Ивановой, погибшей в Белоруссии в 1915 г. и посмертно удостоенной ордена Святого Георгия 4-й степени. В дальнейшем на гранях обелиска планировалось поместить имена всех георгиевских кавалеров — уроженцев Вязьмы и уезда. Такая же судьба постигла и другие немногочисленные памятники героям Первой мировой войны, установленные в нашей стране ещё до 1917 г. Все они были разрушены в годы советской власти.

Причина подобного отношения к событиям Первой мировой войны, к их увековечению, кроется в официальных оценках этого конфликта. В советской историографии Первая мировая война расценивалась как «несправедливая», «захватническая» и «империалистическая». Эти оценки основывались на многочисленных высказываниях В.И. Ленина о войне и участия в ней России. К примеру, в опубликованной 6 ноября 1916 г. статье «О сепаратном мире» В.И. Ленин писал: «Война порождена империалистскими отношениями между великими державами, т.е. борьбой за

раздел добычи, за то, кому скушать такие-то колонии и мелкие государства, причём на первом месте стоят в этой войне два столкновения. Первое — между Англией и Германией. Второе — между Германией и Россией. Эти три великие державы, эти три великих разбойника на большой дороге являются главными величинами в настоящей войне, остальные — несамостоятельные союзники. Оба столкновения подготовлялись всей политикой этих держав за несколько десятилетий, предшествовавших войне...»³

Советская историческая наука обращала главное внимание на события Великой Октябрьской социалистической революции (1917 г.), Гражданской войны и иностранной интервенции (1918—1922 гг.). Первая мировая война на протяжении всего советского периода считалась «реакционной», тема этой войны исследовалась в гораздо меньших масштабах, упоминались в основном факты, соответствовавшие концепции кризиса царского режима в России (дезертирство, антивоенные демонстрации, нежелание рабочих и крестьян воевать в интересах царя, капиталистов и помещиков)⁴.

Отсюда понятным становится соответствующее отношение советских властей к исторической памяти о Первой мировой войне 1914—1918 гг. Подобное пренебрежительное отношение распространялось практически на все сферы. К примеру, в 1979 г. в преддверии XXII Летних Олимпийских игр в Москве в районе станции метро «Сокол» были окончательно уничтожены захоронения участников Первой мировой войны⁵.

Иная ситуация сложилась за рубежом. Уже в межвоенный период (1918—1939 гг.) в Великобритании, Франции, Бельгии, Нидерландах и других государствах «Великая война» (англ. The Great War, фр. La Grande guerre), как называли тогда Первую мировую войну 1914—1918 гг., заняла важное место в исторической памяти народов этих стран.

Начиная с 1919 г. 11 ноября ежегодно отмечался День перемирия⁶. В настоящее время День перемирия — это национальный праздник в большинстве стран, входивших ранее в состав Антанты. В отдельных странах День перемирия имеет разные названия: в Великобритании, Канаде, Австралии, Новой Зеландии — День памяти (англ. Remembrance Day); во Франции, Бельгии — День памяти (фр. Jour du Souvenir); в США — День ветеранов (англ. Veterans Day)⁷. В Польше в память о получении в 1918 г.

³ Ленин В.И. О сепаратном мире. ПСС. Т. 30.

⁴ Козенко Б.Д. Отечественная историография Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 2001. № 3. С. 3—27.

⁵ Братское кладбище для воинов, погибших во время Первой мировой войны, было создано при селе Всевьяском близ Петроградского шоссе (ныне Ленинградский проспект, район станции метро «Сокол»). Открытие Братского кладбища состоялось 15 февраля 1915 г., к 1917 г. на нём было захоронено около 17,5 тыс. солдат, офицеров, сестёр милосердия и врачей. В середине 1920-х гг. кладбище закрыли. В 1930-х годах на его территории велись работы по строительству метрополитена, разбит парк, в конце 1940-х гг., в связи с застройкой района Песчаных улиц, кладбище было ликвидировано.

⁶ День перемирия — день подписания Компьенского перемирия (11 ноября 1918 г.), положившего конец военным действиям Первой мировой войны.

⁷ День ветеранов (англ. Veterans Day) — национальный праздник США, отмечаемый ежегодно 11 ноября. Соответствует отмечаемому в других странах Дню памяти и Дню перемирия в честь подписания Компьенского перемирия.

независимости от Российской империи, Австрии, Германии и о восстановлении польской государственности этот день отмечался в 1937—1939 гг. и отмечается с 1989 г. как Национальный праздник независимости (польск. *Narodowe Święto Niepodległości*). В ряде стран ближайшее к 11 ноября воскресенье стало отмечаться как День поминовения (*Remembrance Sunday*). В настоящее время в этот день поминуются павшие как в Первой, так и во Второй мировых войнах.

В первые годы после окончания Первой мировой войны были сооружены мемориалы, посвящённые памяти участников конфликта, погибших на полях сражений. После окончания кровопролитной Первой мировой войны, когда множество солдат погибло и их останки не были или не могли быть опознаны, возникла традиция, в соответствии с которой стали устанавливать памятники Неизвестному солдату, символизирующие память, благодарность и уважение всем погибшим солдатам, чьи останки так и не были идентифицированы. В Великобритании это Памятник Неизвестному солдату в Лондоне, установленный в 1919 г., во Франции — Могила Неизвестному солдату в Париже (1921 г.), в Польше — Могила Неизвестному солдату в Варшаве (1925 г.), в Сербии — Памятник неизвестному герою в Белграде (1938 г.).

Многочисленные памятники погибшим воинам были установлены также в других европейских городах. К примеру, каждый французский муниципалитет возвёл подобный памятник в первые послевоенные годы. В числе наиболее известных мемориалов, посвящённых Первой мировой войне, — Дуомонский мемориал в память битвы при Вердене в 1916 г., Вимийский мемориал, Башня на Изере, Мененские ворота и др.

Примечательно, что не осталась в стороне от этих процессов и Германия, потерпевшая поражение в Первой мировой войне 1914—1918 гг. Уже в 1919 г. Народный союз Германии по уходу за военными захоронениями предложил отмечать день памяти павших в Первой мировой войне. В марте 1922 г. в Германии в память о погибших в Первой мировой войне были учреждены «Всенародный День скорби», «День народного траура» (нем. *Volkstrauertag*). После прихода нацистов к власти в 1934 г. этот день был переименован в «День памяти героев» (нем. *Heldengedenktag*), а с 1939 г. его стали отмечать 16 марта. Последний раз его отметили в 1945 г. В 1952 г. дата Всенародного Дня скорби была перенесена на ноябрь (отмечается в предпоследнее воскресенье перед первым днём Адвента, когда по традиции полагается думать о смерти, времени и вечности) и с этого времени он стал днём памяти жертв войн и государственного насилия.

В 1924—1927 гг. был воздвигнут Национальный памятник в Танненберге (Восточная Пруссия) — мемориал в память о победе Германии в крупном сражении Первой мировой войны 1914 г. при Танненберге. Выполненный в патриотическом духе мемориал стал общенациональным местом сбора противников Версальского договора 1919 г. 7 августа 1934 г. в склепе мемориала был торжественно похоронен Пауль фон Гинденбург, что подчёркивало его роль в победе над русскими войсками в битве при

Танненберге. В январе 1945 г. в ходе отступления германских войск памятник был взорван по приказу А. Гитлера, а окончательный снос памятника в Танненберге был осуществлён в 1952—1953 гг. польскими инженерными войсками.

В современной России беспрецедентное усиление интереса к событиям Первой мировой войны со стороны представителей власти и общественности наблюдается с начала 2000-х гг. Этому предшествовало повышенное внимание к событиям Первой мировой войны со стороны исторической науки. Можно с уверенностью говорить о том, что в последние десятилетия в нашей стране происходит возрождение исторической памяти о Первой мировой войне 1914—1918 гг., и об этом свидетельствуют многочисленные факты.

В Москве на месте уничтоженного в советское время Московского городского Братского кладбища воссоздан мемориал. В конце 1980-х гг. на центральной клумбе действующего здесь парка был установлен деревянный крест в память о жертвах Первой мировой войны. В последующие годы по инициативе частных лиц и казачьих организаций в парке установлены новые мемориалы: закладной камень, стела и несколько плит. В 1995 г. был создан Фонд по восстановлению Всероссийского Всесвятского братского военного кладбища.

В 1998 г. при поддержке Правительства Москвы в юго-западной части парка создали мемориальную зону площадью 0,78 га. На холме возведена новая часовня Спаса Преображения (к её основанию была высыпана земля, взятая с зарубежных мест захоронения россиян, погибших на Первой мировой войне, над входом — белокаменный барельеф с изображением Георгия Победоносца), а рядом с ней установлено четыре мемориальных знака из белого камня. Мемориал открыли 8 ноября 1998 г. в канун 80-летия со дня окончания Первой мировой войны.

В 2002 г. вышло постановление Правительства Москвы, согласно которому запланирован мемориальный комплекс на всей территории парка, а 1 августа 2004 г. состоялось его торжественное открытие, приуроченное к 90-летию начала Первой мировой войны. На церемонии присутствовали вице-мэр Москвы В. Шанцев, делегации стран-союзниц России в Первой мировой войне и другие почётные гости. Тогда же, 1 августа 2004 г., на месте Московского городского Братского кладбища установили обелиск «Павшим в мировой войне 1914—1918 годов», памятник «Российским авиаторам, похороненным на московском городском братском кладбище», памятник «Российским сёстрам милосердия», кроме того, провели работы по благоустройству парка. На территории всего парка разбили цветники, основные акценты сделали у памятных знаков. Центром мемориального комплекса является Часовня Спаса Преображения.

Усилиями Правительства Санкт-Петербурга, администрации Пушкинского района и военно-патриотических организаций Царского Села приняты меры по восстановлению Царкосельского Братского кладбища героев Первой мировой войны. Первый проект по его восстановлению

разработан архитектором А.А. Кедринским в 2000 г., который предусматривал строительство храма, запланированного С.Н. Антоновым. 3 февраля 2001 г. на месте утраченного храма в честь иконы Божией Матери «Утоли моя печали» был освящён деревянный крест. В этом же году территорию очистили от свалки, а в 2006 г. внесли в список объектов культурного наследия.

11 ноября 2008 г., в соответствии с «Перечнем мер по реализации плана основных мероприятий по подготовке к 300-летию Царского Села (г. Пушкина)», утверждённых губернатором Санкт-Петербурга, на кладбище была установлена и освящена памятная стела, посвящённая героям Первой мировой войны. Семиметровую стелу из серого гранита на низком постаменте венчает православный крест с гербом Российской Империи, свидетельствующим, что герои отдавали жизнь за веру, Царя и Отечество. На лицевой стороне памятника помещена надпись «Памяти павших в Первой мировой войне. 1914—1915—1916—1917—1918». Авторы памятника — петербургские архитекторы и художники: консультант командующего Ленинградским военным округом В. Филиппов, доктора архитектуры В. Мухин и М. Бунин, кандидат архитектуры Ю. Затыкин.

В церемонии открытия приняли участие военнослужащие, члены военно-исторических клубов, прихожане петербургских храмов. В память о защитниках Родины был произведён ружейный салют. По словам участницы церемонии президента Фонда исторической перспективы Н.А. Нарочницкой, возвращение русскому народу памяти о героях — это важный шаг в укреплении страны: «...Восстанавливая вот эту разорванную, казалось бы, нить русской и советской истории, и сегодняшней истории, мы именно восстанавливаем вот это единство национального мировоззрения, так необходимое, чтобы нам не страшны были никакие внешние супостаты».

Одновременно была разработана концепция дальнейшего обустройства Царскосельского Братского кладбища героев Первой мировой войны. Она направлена на выполнение воли Святых Царственных Страстотерпцев — семьи Императора Николая II по созданию мемориала с храмом-памятником Великой войне и сохранению уцелевших захоронений. Архитектурно-художественное решение концепции основано на проектных материалах 1916 г., удостоенных первых премий на конкурсе Императорского общества архитекторов-художников по поручению Главного Совета Всероссийского Общества увековечивания памяти павших воинов Первой мировой войны.

Предполагается, что мемориал на Царскосельском Братском кладбище героев Первой мировой войны станет олицетворять поступательное духовно-нравственное развитие Российского государства и явится памятником выдающейся роли России как участницы Великой войны, 100-летие которой будет отмечаться в мире в 2014—2018 гг.

В 2009—2013 гг. действовала православная местная религиозная организация «Приход храма во имя Святого Архистратига Михаила и Святого Великомученика Георгия Победоносца на Царскосельском Братском кладбище героев Первой мировой войны 1914—1918 гг.», приписанная к

Софийскому собору. По состоянию на 2014 г. в план по восстановлению Царскосельского Братского кладбища героев Первой мировой войны было включено строительство деревянного храма, а также открытие Музея истории Первой мировой войны.

В декабре 2012 г. Президент РФ В.В. Путин утвердил поправку в Федеральный Закон РФ «О днях воинской славы и памятных датах России», вступившую в силу с 1 января 2013 г., в соответствии с которой перечень памятных дат России дополняется датой 1 августа — Днём памяти российских воинов, погибших в Первой мировой войне 1914—1918 гг. Этот День памяти впервые в новейшей истории России был отмечен 1 августа 2013 г.

Примечательно, что ранее, 27 июня 2012 г., Президент РФ В.В. Путин, отвечая в Совете Федерации на вопрос А.И. Лисицына, как Россия собирается отмечать столетие начала Первой мировой войны, фактически обвинил большевистское руководство в проигрыше Россией Первой мировой войны: «...Это забытая война. Забыта она понятно почему... Мы почти не задумываемся над тем, что произошло. Наша страна проиграла эту войну проигравшей стороне. Уникальная ситуация в истории человечества! Мы проиграли проигравшей Германии. По сути, капитулировали перед ней, а она через некоторое время сама капитулировала перед Антантой. И это результат национального предательства тогдашнего руководства страны. Это очевидно, они боялись этого и не хотели об этом говорить, и замалчивали это, и несли на себе этот крест», — заявил он, обращая особое внимание на то, что «...время прошло, сейчас нужно вернуться к этому, потому что люди, которые отдали свои жизни за интересы России, не должны быть забыты»⁸.

Подводя итог вышесказанному, важно подчеркнуть, что к настоящему моменту достигнуты значительные результаты в процессе актуализации темы Первой мировой войны 1914—1918 гг. Незаслуженно забытая история Первой мировой войны должна занять подобающее место в истории Отечества. Именно этим объясняется возвращение истории Великой войны на страницы школьных учебников, её более широкое освещение в литературе, кинематографе, а также в средствах массовой информации. В этом же ключе следует рассматривать создание клубов исторической реконструкции. Символичным событием стало открытие в честь 100-летия Первой мировой войны на Поклонной горе в Москве Памятника героям Первой мировой войны⁹. Свой вклад в процесс возрождения исторической памяти о Первой мировой войне 1914—1918 гг. должны и будут вносить регионы Дальнего Востока России.

⁸ Путин В.В. Ответы на вопросы членов Совета Федерации, 27 июня 2012 г. URL: <http://www.kremlin.ru/>.

⁹ Решение об установке Памятника героям Первой мировой войны принято в апреле 2013 г. При поддержке Министерства культуры РФ и Российского военно-исторического общества проведён конкурс на лучший проект памятника, победил проект скульптора А. Ковальчука. Был организован сбор средств на изготовление памятника.

**БОЕВАЯ ПОДГОТОВКА ВОЙСК
ГАРНИЗОНА ВЛАДИВОСТОКСКОЙ КРЕПОСТИ
НАКАНУНЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1910—1914 гг.)**

Р.С. АВИЛОВ

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток*

В последние десятилетия возможности для работы историков в России заметно расширились, что привело к ренессансу многих направлений военно-исторических исследований. Особенно велико внимание к Первой мировой войне, масштабы изучения которой в СССР, по известным причинам, заметно уступали исследованиям Второй мировой войны.

Активно изучается предыстория войны, но преимущественно дипломатическая. Российской армии накануне войны уделяется заметно меньше внимания, хотя исследование как положительного, так и отрицательного опыта обучения и боевой подготовки российских войск может представлять далеко не только академический интерес. Важны эти данные и для анализа хода военных сражений. Историки нуждаются в фактологической базе, позволяющей оценивать не только количественные показатели сражающихся войск (численность пехоты, кавалерии, артиллерии, состав полков, батальонов, батарей, нормы патронов на винтовку, снарядов на орудие и т.д.), но и качественные. Последние выявлять и оценивать гораздо труднее, поскольку они практически не поддаются формализации. Соответственно, на первый план выходит необходимость анализа обучения, боевой подготовки частей в предвоенный период.*

Заметную роль в войне сыграли войска Приамурского военного округа, одного из крупнейших в России, которые, благодаря выступлению Японии на стороне Антанты, были почти полностью переброшены на театр военных действий. Отправилась на фронт и большая часть гарнизона Владивостокской крепости. Прибывшие с Дальнего Востока части отличались высокой боеспособностью, очень хорошо себя зарекомендовали, в том числе на начальном этапе войны, когда им часто приходилось вступать в бой «с колёс», т.е. по мере выгрузки из эшелонов. А поскольку именно сибирские и дальневосточные части в наибольшей степени пострадали в период Русско-японской войны 1904—1905 гг., то процесс их подготовки к новой кампании представляет несомненный интерес.

Общеизвестно, что после войны с Японией русская армия находилась в очень тяжёлом состоянии. Ситуацию на 1907 г. военный министр А.Ф. Редигер охарактеризовал следующим образом: «Численность армии, особенно после новых формирований, произведённых на Востоке по злосчастной фантазии Куропаткина, возросла до того, что не могло быть и

* Боевая подготовка инженерных частей гарнизона крепости, в силу своей специфики, в данной работе рассматриваться не будет.

речи о дальнейшем её увеличении, а между тем состав отдельных частей был до того слаб, что от этого страдало обучение войск; артиллерия и инженерные войска, по сравнению с пехотой, были малочисленны; обозных войск у нас почти не было; вся организация армии была до того путана, создана без общего плана, что я сам (бывший профессор военной администрации) не знал твёрдо числа и состава разных частей в мирное время и что они формируют в военное»¹. По меткому выражению помощника военного министра А.А. Поливанова «...в 1908 г. наша армия была небоеспособна»².

Всё это в значительной степени относилось и к гарнизону Владивостокской крепости, который к этому времени хотя и удалось вывести из «революционного порыва», но надо было ещё и привести в полное соответствие с радикально изменившейся стратегической ситуацией. Предстояло ликвидировать все последствия военных импровизаций, увеличить численность постоянного гарнизона крепости и организовать обеспечение войск всем необходимым (жильё, питание, обмундирование и т.д.). Таким образом, владивостокский гарнизон может рассматриваться как своего рода модель, переживавшая основные процессы, происходившие в российской армии между Русско-японской и Первой мировой войнами.

По официальным данным на 1 мая 1907 г. гарнизон Владивостокской крепости выглядел следующим образом. 3-я Восточно-Сибирская стрелковая дивизия включала 9-й, 10-й, 11-й и 12-й Восточно-Сибирские стрелковые полки четырёхбатальонного состава, объединённые по два в 1-ю и 2-ю бригады. Подобная структура сохранилась у всех Восточно-Сибирских (после 1910 г. — Сибирских) стрелковых дивизий вплоть до Первой мировой войны. 9-я Восточно-Сибирская стрелковая дивизия имела аналогичную организацию (33-й, 34-й, 35-й и 36-й Восточно-Сибирские стрелковые полки). 3-я Восточно-Сибирская стрелковая артиллерийская бригада, подчинённая начальнику 3-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, состояла из 1-го (1-я, 2-я и 3-я батареи) и 2-го (4-я, 5-я и 6-я батареи) дивизионов.

9-я Восточно-Сибирская стрелковая Его Императорского Высочества Генерал-фельдцейхмейстера Великого Князя Михаила Николаевича артиллерийская бригада, подчинённая начальнику 9-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, состояла из 1-го (1-я, 2-я и 3-я батареи) и 2-го (4-я, 5-я и 6-я батареи) дивизионов.

3-я Восточно-Сибирская стрелковая дивизия и бригада того же номера размещались на материке (Северный отдел обороны Владивостокской крепости), а 9-я Восточно-Сибирская стрелковая дивизия и бригада того же номера — на Русском острове (Южный отдел обороны).

Кроме этого, в состав гарнизона входил 3-й Восточно-Сибирский

¹ Редигер А.Ф. История моей жизни. Воспоминания военного министра. В 2 т. / М.: «Канон-пресс-Ц»; «Кучково поле», 1999. Т. 2. С. 74—75.

² Шацкило К.Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне. Генералы и политика. М.: РОССПЭН, 2000. С. 186.

горный артиллерийский дивизион, подчинённый начальнику 3-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии, в составе 1-й и 2-й горных батарей, а также 3-й Восточно-Сибирский стрелковый артиллерийский парк и 3-й Восточно-Сибирский горный артиллерийский парк. Владивостокская крепостная артиллерия состояла из 1-й и 2-й бригад: четыре полка по три батальона крепостной артиллерии четырёхротного состава (всего 48 рот). Инженерные войска крепости включали в себя Владивостокский крепостной сапёрный батальон (4 роты), Владивостокский крепостной минный батальон (4 роты), Владивостокскую крепостную военно-телеграфную роту, Владивостокскую крепостную воздухоплавательную роту и Владивостокскую крепостную военно-голубиную станцию. Имелась в крепости и Владивостокская крепостная жандармская команда.

Сверх того во Владивостоке находился штаб Уссурийской железнодорожной бригады и 1-я рота 1-го Уссурийского железнодорожного батальона, а также Владивостокские продовольственные магазины 1-го класса № 1—7, действовала Владивостокская военная мукомольня, заводный № 1 магазин Хабаровского вещевого склада, Владивостокский крепостной инженерный склад, Владивостокский крепостной артиллерийский магазин и Владивостокский крепостной артиллерийский склад.

Медицинская часть была представлена 1-м и 3-м Владивостокскими крепостными временными военными госпиталями, которые благополучно просуществовали в этом статусе до Первой мировой войны, и Владивостокским местным лазаретом на 115 мест. Имелась также в крепости Владивостокская полевая аптека³.

Обширнейшие преобразования ждали гарнизон крепости, как впрочем, и всю российскую армию, в 1910 г.⁴, когда была в основном реализована долгая и мучительно разрабатываемая после Русско-японской войны 1904—1905 гг. российская военная реформа⁵. Не решив многих коренных проблем российской армии, она, тем не менее, существенно упростила и улучшила её организацию⁶. Это хорошо видно на примере Владивостокского гарнизона. В начале 1910 г. специально для готовившихся переформирований и создания 4-го Сибирского армейского корпуса 5-й Восточно-Сибирский горный артиллерийский дивизион в составе 1-й и 2-й горных батарей, дислоцировавшийся ранее в с. Спаское, был переброшен во Владивосток и подчинён начальнику 9-й Восточно-Сибирской стрелковой дивизии. Туда же переместили и 5-й Восточно-Сибирский горный артиллерийский парк. Далее наименование «Восточно-Сибирский» во всех частях было заменено на «Сибирский», с оставлением у частей прежних номеров.

³ Рписание сухопутных войск, исправленное по 1 мая 1907 г. СПб.: Военная типография, 1907. С. 70, 76, 220, 225, 235, 264, 267, 276, 297—300, 303, 323—324, 527, 529, 540, 548, 568—569, 579, 604.

⁴ Подробнее о периодизации истории российской армии на Дальнем Востоке см.: Авилов Р.С. От Крымской до Гражданской войны: к вопросу о периодизации истории военно-сухопутных сил Российской Империи на Дальнем Востоке (1850—1918 гг.) // *European Social Science Journal*. 2013. № 2. С. 310—318.

⁵ Подробнее см.: Шацилло К.Ф. От Портсмутского мира к Первой мировой войне... С. 113—145.

⁶ Там же; Зайончковский А.М. Подготовка России к империалистической войне. М.: Воениздат, 1926. С. 83—92.

В том же году, по официальным данным, были развёрнуты: 3-я Сибирская стрелковая артиллерийская бригада до трёх дивизионов: 1-й мортирный (1-я, 2-я и 3-я мортирные батареи), 2-й тяжёлый (4-я, 5-я и 6-я тяжёлые батареи), 3-й горный (7-я и 8-я горные батареи) и не запряжённый горный парк, 9-я Сибирская стрелковая артиллерийская бригада также до трёх дивизионов: 1-й (1-я, 2-я и 3-я батареи), 2-й (4-я, 5-я и 6-я батареи), 3-й горный (7-я и 8-я горные батареи) и не запряжённые лёгкий и горный парки. Горные дивизионы и парки в артиллерийских бригадах формировались из кадров, орудий и имущества 3-го и 5-го Восточно-Сибирских горных артиллерийских дивизионов и Восточно-Сибирских горных артиллерийских парков соответствующих номеров, переставших существовать как самостоятельные части⁷.

Служивший в то время в 3-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригаде Т.Г. Вержболович вспоминал о задуманных начальством и реально проводимых преобразованиях: «Нашу дивизию расположили вдоль строящихся фортов, в 7—10 км от Владивостока. ...Сухопутная линия обороны проходила по сильно пересечённой гористой местности, начиная с Амурского залива и вплоть до Уссурийского залива, поперёк полуострова Муравьёв-Амурский. Найти здесь закрытые позиции для 3-х дюймовых (76-мм) полевых пушек с их очень настильной траекторией полёта снаряда было почти невозможно. Для горных пушек, имевших более крутую траекторию, таких позиций было сколько угодно. Поэтому высшее командование решило заменить в нашей бригаде трехдюймовые полевые пушки на гаубицы. Первый дивизион назвали: Первым мортирным дивизионом, а второй дивизион — Вторым тяжёлым дивизионом. 3-я Сибирская стрелковая артиллерийская бригада, единственная артиллерийская бригада, должна была стать уникальной во всей русской полевой артиллерии. К сожалению, вся эта реорганизация была произведена пока только на бумаге. Все шесть батарей именовались по-новому: мортирными или тяжёлыми, а фактически оставались вооружёнными 3-дюймовыми полевыми пушками образца 1900 года. Единственным новшеством были на этих пушках съёмные щиты»⁸. Новые орудия были получены только в конце сентября 1914 г., и с ними бригада отправилась на Первую мировую войну⁹.

Во Владивосток был также переброшен из с. Березовка, расположенного недалеко от г. Верхнеудинск (современный г. Улан-Удэ), 4-й Сибирский мортирный артиллерийский дивизион в составе 1-й и 2-й батарей и не запряжённого мортирного парка и включён в состав формируемого 4-го Сибирского армейского корпуса.

В итоге в состав сформированного 4-го Сибирского армейского корпуса вошли 3-я и 9-я Сибирские стрелковые дивизии, 3-я и 9-я Сибирские

⁷ Росписание сухопутных войск. Исправленное по 1 мая 1910 г. СПб.: Военная типография, 1910. С. 235, 267; Росписание сухопутных войск. Исправленное по 1 декабря 1910 г. СПб.: Военная типография, 1910. С. 196, 202, 223, 225, 238, 253, 257, 260, 361, 400.

⁸ Вержболович Т.Г. По дорогам жизни // Владивостокская Крепость. Владивосток: Дальнаука, 2006. С. 199.

⁹ Вержболович Т.Г. По дорогам жизни... С. 210.

стрелковые артиллерийские бригады, 4-й Сибирский мортирный артиллерийский дивизион и 6-й Сибирский сапёрный батальон (всего: 33 батальона, 116 орудий и 6 артиллерийских парков)¹⁰. Задачей корпуса была непосредственно оборона Владивостокской крепости, где должен был находиться штаб корпуса. Однако первоначальные распоряжения относительно формирования штаба были вскоре изменены в том смысле, поскольку что штаб 4-го Сибирского корпуса не сформирован, «...исполнение обязанностей Корпусного управления по отношению к войскам 4-го Сибирского корпуса, согласно Высочайшему повелению, изложенному в предписании Военного министра Главному штабу от 24 мая 1910 г. за № 514, возлагалось на крепостные управления Владивостокской крепости»¹¹.

Кроме того, были сформированы и вошли в состав гарнизона крепости 6-й Сибирский сапёрный батальон (1-я, 2-я и 3-я сапёрные роты, 4-я и 5-я телеграфные роты) и Сибирский воздухоплавательный батальон. При этом Владивостокская отдельная крепостная сапёрная бригада сохранилась, но из неё исключили Владивостокскую крепостную воздухоплавательную роту, а поскольку её одной для крепости I класса было недостаточно, то в дополнение к ней был создан Сибирский воздухоплавательный батальон.

Уссурийские железнодорожные батальоны были упразднены, а явно недостаточный в сложившихся условиях Владивостокский крепостной артиллерийский магазин 22 мая 1910 г. был расформирован и заменён Владивостокским крепостным артиллерийским складом¹².

После преобразований 1909—1910 гг. войска гарнизона Владивостокской крепости приобрели структуру и состав, не претерпевший заметных изменений до осени 1914 г. Завершив реформу, командование, наконец, смогло сосредоточиться на боевой подготовке войск как всего Приамурского военного округа, так и частей владивостокского гарнизона. Этот вопрос уже частично рассматривался в работе по истории Владивостокской крепости¹³, однако обнаруженные в последнее время новые материалы позволяют существенно его дополнить.

Наибольший интерес представляют различные «разгромные» приказы Командующего войсками Приамурского военного округа генерал-лейтенанта П.А. Лечицкого. Участник Китайского похода 1900—1901 гг. и Русско-японской войны 1904—1905 гг. он был одним из лучших боевых генералов Российской империи, к тому же хорошо знавшим Дальний Восток и Приамурский военный округ¹⁴. Основное внимание он уделял обучению и

¹⁰ Росписание сухопутных войск, исправленное по 1 мая 1910 г. ... С. 232; Росписание сухопутных войск, исправленное по 1 декабря 1910 г. ... С. 77, 83, 196, 202, 223, 253, 257, 260, 361, 400.

¹¹ Приказ по войскам Приамурского военного округа № 551, от 29 октября 1910 г. // ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1331. Л. 332.

¹² Росписание сухопутных войск, исправленное по 1 мая 1910 г. ... С. 283, 288, 293, 297—301, 303, 323—324, 548; Росписание сухопутных войск, исправленное по 1 декабря 1910 г. ... С. 77, 83, 196, 202, 223, 253, 257, 260, 263, 265, 361, 400—402; Циркуляр Главного штаба № 117, от 25 июня 1910 г.

¹³ Владивостокская крепость... С. 135—145.

¹⁴ Список генералам по старшинству. Составлен по 15 апреля 1914 г. Пг.: Военная типография, 1914. С. 169.

боевой подготовке войск вверенного ему округа, поскольку прекрасно понимал, что в случае возникновения в регионе военного конфликта первый удар придётся принимать именно дальневосточным войскам. Точнее — Приморской армии, самой восточной из четырёх армий, которые, по мобилизационному расписанию 1910 г., предполагалось развернуть в случае военных действий против Японии или одновременно Японии и Китая. В неё должны были войти 1-й, 4-й и 5-й Сибирские армейские корпуса¹⁵.

П.А. Лечицкий регулярно лично инспектировал и осматривал войска округа, устраивал «разносы» командирам частей и соединений вне зависимости от их званий и прежних заслуг. Различные «не подлежащие оглашению» приказы и распоряжения с разбором результатов очередной инспекции, сборов или манёвров с полным анализом всего увиденного, и прежде всего — замеченных недостатков, издавались им в огромных количествах. Более того, он заставил активно работать и все остальные проверяющие инстанции: инспектора инженерной части, окружного военно-ветеринарного инспектора и др., которые практически стали заниматься исключительно инспекциями и осмотрами с целью выявления недостатков и упущений и написанием подробнейших отчётов, ложившихся на стол лично Командующему. Такого за всю историю Приамурского военного округа не бывало ещё никогда. В результате к весне 1914 г. вверенные П.А. Лечицкому войска стали едва ли не одними из самых боеспособных во всей Российской империи.

Один из таких инспекционных визитов состоялся 5 марта 1913 г., когда Командующий войсками округа присутствовал в крепости Владивосток на боевой стрельбе некоторых частей 3-й Сибирской стрелковой дивизии и Владивостокской крепостной артиллерии — всего 8 рот, 12 пулемётов, а также 9 крепостных и полевых батарей. Руководил стрельбами начальник 3-й Сибирской стрелковой дивизии генерал-лейтенант Н.А. Третьяков, а начальником отряда был командир 1-й бригады 3-й Сибирской стрелковой дивизии генерал-майор М.А. Соковнин. Поскольку Лечицкий, имея богатейший боевой опыт, всегда требовал, чтобы учения были максимально приближены к боевым условиям, все стрельбы разделили на три этапа, обозначавших отдельные фазы оборонительного боя: первый этап — бой на дальних дистанциях, второй — на средних и третий — штурм. Каждый этап был условно отделён от другого небольшим промежутком времени.

Лечицкий остался категорически недоволен не только результатами стрельбы, но и самой организацией проведения учений. По его мнению, атакующий противник был представлен не в той обстановке, в какой он должен быть в действительности: кроме дальних артиллерийских целей, все цели, как для пехоты, так и для артиллерии были поставлены открыто. Причём такое открытое расположение противника, противоречившее всем правилам атаки заранее укреплённой позиции, очевидно преследовало только

¹⁵ Ращупкин Ю.М. Формирование и деятельность военных округов в системе государственной власти России: на материалах Восточной Сибири. Иркутск: Вост.-Сиб. ин-т МВД России, 2003. С. 36—37.

одну цель — возможно лучшего обстрела мишеней. «Сама стрельба по этим открытым целям велась с упора и из-за закрытия, т.е. пехота для стрельбы была поставлена в такие условия, при которых хорошо стреляющая часть должна дать блестящие результаты. Между тем, несмотря на такую благоприятную обстановку для стрельбы, почти все стреляющие части дали отрицательные результаты: только одна рота и одна батарея стреляли хорошо, а крепостная артиллерия удовлетворительно; стрельбу же остальных частей, по малому числу поражённых целей, следует считать неудовлетворительной. Оценивая результаты этой стрельбы, должен прийти к заключению, что части 3-й Сибирской стрелковой дивизии выказали большую неподготовленность к боевым действиям...»¹⁶.

Обращая на это внимание коменданта Владивостокской крепости, Командующий войсками округа приказал выяснить причины такой слабой подготовки к стрельбе частей 3-й Сибирской стрелковой дивизии и принять самые решительные меры «к правильной постановке этого важного отдела обучения войск». А вот 5-й сводной роте 11-го Сибирского стрелкового её Императорского Величества Государыни Императрицы Марии Фёдоровны полка и 5-й батарее 3-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады, наоборот была объявлена благодарность за хорошую стрельбу. «Вместе с сим ещё раз подтверждаю моё требование, — писал Лечицкий, — чтобы противник на всех занятиях войск в поле вообще, а на боевых стрельбах в особенности, всегда ставился в ту обстановку, в какой он будет в действительности»¹⁷.

14 и 15 октября того же года он снова был во Владивостоке. На этот раз, посетив манёвр и боевую стрельбу, произведённые частями той же 3-й Сибирской стрелковой дивизии, «по решению особой боевой задачи». И снова от опытного глаза Командующего войсками округа не ускользнули недостатки в производстве как обороны, так и наступления. В отношении обороны он отмечал:

1) Организация манёвра была мало продумана исполнителями, что особенно ярко выяснилось на боевой стрельбе.

2) Местность района манёвров была недостаточно изучена и неправильно оценена, вследствие чего некоторые части были поставлены не там, где следовало. Так, например: прожектор не освещал перегиба местности на расстоянии около 1000 шагов от позиции оборонявшегося, резерв расположили под артиллерийским огнём противника с фланга и тыла. Более того, не было ни одного окопа для полевых караулов и взводов, выдвинутых вперёд. В результате люди бродили по лесу и попадали под свой ружейный и артиллерийский огонь.

3) Не было должной связи с заставами и застав с полевыми караулами. Причём поддержание этой связи было особенно трудно поскольку заставы не

¹⁶ Приказ войскам Приамурского военного округа № 148 от 16 марта 1913 г. // ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1533. Л. 173—173 об.

¹⁷ Приказ войскам Приамурского военного округа № 148 от 16 марта 1913 г. // ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1533. Л. 173—173 об.

стояли на месте, а передвигались, это не соответствовало порядку охранения на месте, которое должно быть неподвижно (§ 204 «Устава полевой службы»).

4) Начальник оборонительного отряда сразу выпустил из своих рук управление боем, а именно: по непроверенным донесениям, несоответствующим истине, при первых признаках наступления противника, почти весь общий резерв выслал по частям для поддержки застав и полевых караулов, тогда как бой в лесу, полный случайностей, требовал быть особенно осторожным в расходовании резерва. Вследствие этого, в наиболее критический момент боя, начальник отряда, не имея резерва, не мог противодействовать главному удару противника.

5) На этом манёвре также выяснилось, что части войск не подготовлены к атаке и обороне искусственных препятствий.

Немногим лучше обстояло дело и с наступлением:

1) 9-я и 10-я роты наступающего отряда, высланные вперёд для поддержки разведчиков, получили весьма неопределённую задачу и не были объединены в руках одного начальника. По этой причине они почти полдня бездействовали: бесцельно лежали на одном месте, разведку боем не вели и, наконец, под фланговым огнём противника, ничего не сделали, дабы прикрыть себя от этого огня.

2) Атакующие колонны не выполняли всех требований § 407 «Устава полевой службы».

3) Ночью колонна атакующего, пройдя искусственное препятствие, столпилась и оставалась некоторое время на месте, вместо того, чтобы устроившись, безостановочно наступать вперёд и атаковать противника.

4) Наблюдательный пункт наступающей стороны был избран впереди своей артиллерийской позиции и настолько неудачно, что наблюдатели поражались снарядами своей же артиллерии.

«Произведённая в этом же районе на следующий день после манёвра боевая стрельба, показала ещё нагляднее все эти недочёты, особенно в смысле изучения данной обстановки, почему эта стрельба и дала отрицательные результаты» — заключал П.А. Лечицкий¹⁸.

На следующий день, 16 октября, он присутствовал уже на стрельбе Владивостокской крепостной артиллерии «...по выполнению боевой задачи — сосредоточение огня всего фронта по данной по карте одной точке, ниоткуда не наблюдаемой». Результат этой стрельбы оказался более успешным: «...большая часть снарядов попала в крайний левый фланг цели и главным образом был поражён тыл этого фланга, где снаряды разных групп батарей ложились весьма кучно. Если бы не ошибка одной из групп батарей в определении данных для стрельбы, то была бы поражена вся цель и тогда результаты стрельбы были бы отличными»¹⁹. Таким образом, можно констатировать, что ко времени начала Первой мировой войны

¹⁸ Приказ войскам Приамурского военного округа № 709, от 26 октября 1913 г. // ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1533. Л. 638—639 об.

¹⁹ Приказ войскам Приамурского военного округа № 709, от 26 октября 1913 г. // ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1533. Л. 638—639 об..

Владивостокская крепостная артиллерия всё-таки научилась наконец нормально стрелять. Показанные на этой стрельбе результаты не шли ни в какое сравнение с теми, которые она демонстрировала накануне и во время Русско-японской войны 1904—1905 гг.²⁰

В целом, с точки зрения Командующего войсками округа, замеченные на манёвре и стрельбе 14 и 15 октября ошибки, произошли «...главным образом от несоблюдения требований Устава полевой службы», на что он и обратил внимание всех начальствующих лиц, участвовавших в учениях частей, в одном из Приказов войскам Приамурского военного округа²¹.

Постоянные требования Лечицкого к совершенствованию войсками навыков обращения со стрелковым оружием, в т.ч. пулемётами, регулярные проверки качества стрельбы как частей в целом, так и отдельных рядовых давали хорошие результаты. Он категорически требовал, чтобы условия обучения стрельбе и проведения стрельб были максимально приближены к боевым, а войска научились, наконец, «применяться к местности». В своих приказах он снова и снова напоминал, что если рядовой видит перед собой пень или небольшой холмик, то он должен занимать оборону не перед ним, а позади, дабы в максимальной степени прикрыть себя от пуль противника и получить упор для повышения точности стрельбы из винтовки. Аналогичным образом обстояло дело и в артиллерии, которой, исходя из опыта Русско-японской войны 1904—1905 гг., было фактически запрещено вести стрельбу с открытых позиций — т.е. реализовывать на практике военные принципы эпохи ещё наполеоновских войн совершенно неприменимые в военном деле начала XX в.

Любопытно, в этой связи, что если в Приамурском военном округе урок последней войны к началу новой был выучен очень хорошо, то в Германской империи — нет. Во время сражения под Гумбиненом 7 (20) августа 1914 г. — одним из первых русско-немецких пограничных столкновений начала Первой мировой войны, российские артиллеристы и стрелки с удивлением наблюдали картину, как немецкая артиллерия выехала для спасения своей пехоты на хорошо просматривавшуюся открытую позицию и попыталась вести огонь прямой наводкой. Естественно она была тут же подавлена ответным огнём русской артиллерии, стоявшей на незаметных закрытых позициях, а прислуга орудий расстреляна винтовочным и пулемётным огнём²².

Именно такой боевой, а не «парадно-показной» характер обучения войск Приамурского военного округа привёл к тому, что к началу Первой мировой войны они стали одними из самых боеспособных частей и соединений в Российской империи, наглядно продемонстрировав противнику на полях сражений приобретённые в мирное время умения и навыки.

²⁰ Подробнее см.: Владивостокская крепость: войска, фортификация, события, люди. Ч. 1. «Назло надменному соседу». 1860—1905 гг. Владивосток: Дальнаука, 2013. С. 121—122, 269—270, 279.

²¹ Приказ войскам Приамурского военного округа № 709, от 26 октября 1913 г. // ГАХК. НСБ. Ед. хр. 1533. Л. 638—639 об.

²² Оськин М.В. Крушение германского блицкрига в 1914 году. М.: Цейхгауз, 2006. С. 23, 26; Барсуков Е.З. Артиллерия русской армии (1900—1917 гг.). М.: Воениздат, 1948. Т. 4. С. 183—185.

КАЗАЧЕСТВО ВОСТОЧНЫХ ОКРАИН РОССИИ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ: МЕНТАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

А.И. КОВАЛЕНКО

*Амурская государственная медицинская академия Министерства
здравоохранения Российской Федерации, г. Благовещенск*

Первая мировая война вошла в историю как Великая война. Однако, нужно отметить, что в отечественной историографии она не нашла достойное этому эпохальному явлению освещения. Ещё меньше написано об участии казачества восточных окраин России в боевых действиях, где проявились лучшие качества забайкальских и дальневосточных казаков как воинов. Впервые глава об участии казаков в Первой мировой войне была включена в коллективную монографию «История казачества Азиатской России», изданную Институтом истории и археологии УрО РАН в 1995 г. Более глубокий анализ военной эпопеи 1914—1917 гг. с участием забайкальцев и дальневосточников дан в книге Н.Н. Смирнова «Забайкальское казачество». О подвиге героев войны, георгиевских кавалерах рассказали журналистские работы В.Г. Кильчанского и В.Ю. Апрелькова.

В Первую мировую войну забайкальское и приамурское казачество вступило, имея опыт непосредственного участия в крупных операциях предшествующих войн. Станицы ещё не успели оправиться от разорительной для них поголовной мобилизации, отвлечения от мирного труда мужского населения, экономических затрат на приобретение лошадей и военного снаряжения в русско-японскую кампанию. Поэтому 13 сентября 1914 г. правительство приняло постановление «О переложении с войсковых капиталов казачьих войск на казну расходов, имеющих общегосударственное значение». Казна брала на себя расходы на содержание высшего и войскового казачьего руководства, на инспектирование и учебные сборы льготных частей, выступающих на действительную службу, и даже на пособие офицерам и казакам при выходе на службу¹. Это несколько облегчило проведение всеобщей мобилизации.

Известие о начавшейся 19 июля (1 августа) 1914 г. войне в казачьих войсках было воспринято с патриотическим подъёмом. Провожали казаков на фронт торжественно и принародно. Газеты того времени изобиловали описанием подготовки станичников к военному походу, церемонии проводов. Вот как описывали газеты ритуал прощания в Благовещенске отправлявшихся на войну казаков 1-го Амурского генерал-адъютанта графа Муравьёва-Амурского конного казачьего полка. Полк выстроился на плацу. «...Команда «Смирно! Под знамя! Слушай, на караул!». Блеск оголенных шашек. Полковое знамя слабо качнулось и застыло перед знаменной сотней. Казаки в полном походном снаряжении застыли в строю. «На молитву! Шапки долой! Певчие — пред полк!» По совершении полковой священник

¹ Сборник правительственных распоряжений по казачьим войскам за 1914 год. Петроград, 1915. С. 29—30

произнес прекрасные слова о мужестве и небоязни смерти. Затем горячее слово отца-командира, полковника Александра Савицкого, напомнившего о присяге, о любви к Царю и Родине! Троекратно «Ура!» Оркестр играет «Боже, Царя храни». Далее, под звуки хватающего за душу марша «Прощание славянки» первые сотни полка двинулись по центральному улицам города на вокзал. По тротуарам тысячи провожающих. На перроне торопливое прощание. Заплаканные матери и жены благословляют казаков и вешают на их шеи ладанки с защитными святынями. Полк отбыл на фронт...»²

Как видим, в самом акте прощания заложены главные ценности, на которых воспитывались казаки — православие, самодержавие и народность. Казаков провожали на ратный подвиг во имя свободы и независимости Отечества под защитой святой православной веры. Они знали во имя чего идут воевать, за их спиной оставались родные станицы, жены, матери, дети.

Осенью 1914 г. на фронт ушли следующие формирования: 1-я отдельная Забайкальская казачья бригада в составе 1-го Читинского, 1-го Верхнеудинского, 1-го Аргунского полков, 1-й и 3-й Забайкальских казачьих батерей; 2-я отдельная Забайкальская казачья бригада, в которую вошли 1-й Нерчинский, 2-й Читинский полки и 4-я Забайкальская батарея; 3-я отдельная Забайкальская бригада в составе 2-го Аргунского, 3-го Верхнеудинского полков и 20-й Забайкальской казачьей батереи. Первый Нерчинский полк выступил на фронт в составе Уссурийской конной бригады, 2-й Верхнеудинский полк убыл в Ургу (Монголия) и вошёл в состав Ургинского отряда, в последующем он воевал в составе 1-й Забайкальской казачьей дивизии³.

С началом войны был мобилизован 1-й Амурский казачий полк Амурского войска, в 1915 г. на фронт отправлен 2-й Амурский казачий полк, уссурийцы поставили фронту Уссурийский казачий полк и к концу 1915 г. ушёл воевать Уссурийский казачий дивизион⁴.

Впервые казаки восточных окраин России воевали так далеко от дома. Забайкальское, амурское и уссурийское казачество в мировой войне принимало участие на всех основных направлениях боевых действий на Северо-Западном, Юго-Западном фронтах. Забайкальцы кроме того сражались в Закавказье.

Казаки забайкальцы и приамурцы принимали участие в главных операциях на Варшавско-Ивангородском направлении, участвовали в наступлении на Лодзь, воевали на р. Пилице, под Праснышем вблизи Варшавы, на реках Висле и Буге, были активными участниками многочисленных локальных военных операций, знаменитого Брусиловского прорыва. С конца 1914 г. забайкальцы воевали на Кавказе на линиях Карс-Эргерум и Эривань-Алашкерт.

² Кильчанский В.Г. Амурское казачье войско в 1914—1917 гг. // Амурские казаки. Т. 1. Приамурье. Из века в век. Благовещенск, 2008. С. 232—233.

³ Смирнов Н.Н. Забайкальское казачество. М., 2008. С. 400.

⁴ Абеленцев В.Н. Амурское казачество XIX—XX вв. Благовещенск, 2004. С. 101; Уссурийское казачье войско: история и современность. Владивосток, 1999. С. 38.

На 2 декабря 1916 г. на всех фронтах воевали 406 офицеров и 14 544 казака Забайкальского войска, 58 офицеров и 2516 казаков Амурского войска, 577 офицеров и 1972 казака Уссурийского войска⁵.

К началу 1917 г. численность призванных на военную службу казаков от состава войск достигла в Забайкальском войске — 5,5%, в Амурском — 7,1, в Уссурийском — 7,3, в Якутском казачьем полку — 10%⁶.

И где бы не воевали казаки, они сумели доказать, что превосходно владели военным искусством. Особенно ценились забайкальские казаки (прирожденные охотники) в проведении разведывательной деятельности. С большим успехом воевали казачьи кавалерийские подразделения в наступательных операциях. Командование использовало надёжные казачьи части как прикрытие в отражении натиска противника во время перегруппировки основных войск. С лучшей стороны зарекомендовали себя казаки сибиряки и дальневосточники в тяжёлых оборонительных и наступательных операциях Великого отступления 1915 г. Противник боялся казаков больше, чем солдат регулярной армии, он нередко пасовал при виде жёлтых погон.

По данным на 2 декабря 1916 г. за храбрость и мужество в Первой мировой войне Георгиевских наград были удостоены: в Забайкальском казачьем войске 35 офицеров и 3266 казаков, в Амурском войске — 1 офицер и 316 казаков, в Уссурийском — 8 офицеров и 662 казака. Потери по трём войскам составили: убитыми — 651 чел., ранеными — 2394, без вести пропавшими — 155 чел.⁷

Казаки проявили безудержную отвагу. Многие тяжело раненые, истекая кровью, но твердо помня долг и присягу, не оставляли своих рядов, а перевязав раны, вновь возвращались в бой. Казаки отличались сплочённостью и родственным отношением друг другу, взаимовыручкой, которая шла от казачьей традиции односумства, т.е. братства, имевшего общее имущество. В силу этого единения даже в самые сложные годы мировой войны, когда разваливались фронты, среди казаков практически не было дезертирства. Они пришли на фронт, воевали и затем возвращались домой целыми посёлками и станицами, входившими в одни боевые формирования.

Братья-казаки прикрывали друг друга в бою, с поля сражения старались вынести не только раненых, но и убитых, чтобы не оставлять их на поругание врагу и похоронить с почестями.

На войне проявилась не просто этническая толерантность в казачьей среде, а неоднократно и убедительно подтверждалось, что русские, бурятские и тунгусские казаки воевали плечом к плечу как братья. Вспоминает полковник медицинской службы 301-го военного госпиталя г. Чита Лысковский Павел Александрович: « Моему деду — прапорщику второй сотни Читинского полка Лысковскому Фёдору Васильевичу спас

⁵ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 23. Л. 40.

⁶ История казачества Азиатской России. Т. 3. Екатеринбург, 1995. С. 24.

⁷ РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 23. Л.39-48.

жизнь казак-бурят. Дед был тяжело ранен и при отступлении не найден ни живым, ни мёртвым. На следующий день о гибели своего командира узнал вестовой казак Бато Гончик. Бато отпросился у командования перейти линию фронта, углубился во вражескую территорию, обнаружил без сознания своего тяжело раненого командира и перенёс его через вражеские тылы, окопы и природные препятствия, около десяти вёрст, в расположение русских частей»⁸. Таким образом, в условиях войны формировалось скреплённое узами товарищества и взаимопомощи единое забайкальское казачество.

В памяти дальневосточников ещё не забылись российско-китайский конфликт 1900 г. и события русско-японской войны, где привычные к мирному труду станичники, проявили себя как бывалые воины. Тогда объективную психолого-поведенческую характеристику казачеству дал генерал-майор Н.А. Орлов: «Забайкальский казак невзрачен на вид, но вынослив, превосходно ходит, ездит, довольствуясь немногим, самолюбив. Он, например, будет курить при начальстве, и надо ему долго внушать, что этого делать не следует. Он отдаёт честь и, вместе с тем, ласково кивает головой. Но когда начальство ему что-нибудь приказывает, особенно идти против неприятеля, под огнём, он отлично исполняет приказание. Так что как воины забайкальские казаки прекрасны»⁹.

Барон П.Г. Врангель, командовавший на фронтах Великой войны 1-м Нерчинским полком Уссурийской дивизии, давал идентичную характеристику казачеству восточных окраин страны: «Дивизия, составленная из амурских, уссурийских и забайкальских казаков, под начальством генерала Крымова, приобрела в армии заслуженную славу. Казаки дивизии — отличные солдаты — одинаково хорошо сражались как на коне, так и в пешем строю... Забайкальский казак в высшей степени вынослив, никогда не падает духом, хороший товарищ и легко привязывается к своему офицеру. Большинство казаков не имеет выправки и внешней дисциплины регулярного солдата, но, отдав приказание, вы можете положиться на казака: он точно и обстоятельно его выполнит...»¹⁰.

За годы войны сложился элитарный слой казачьего офицерства. Большинство казачьих командиров, прошедших горнило Первой мировой, были выходцами из коренных забайкальских и дальневосточных казаков.

Представляет интерес в нравственно-психологическом отношении личность Георгиевского кавалера Е.Г. Сычева. Сын казака Игнашинской станицы Амурского казачьего войска, окончил Иркутское юнкерское училище и начал служить в Амурском казачьем дивизионе, а затем в лейб-гвардии сводном казачьем полку. В войну вступил в должности командира 4-й Приамурской сотни, а в 1916 г. уже командовал 1-м Амурским казачьим полком. В Гражданскую войну он командир Забайкальской казачьей бригады, 1-й Забайкальской казачьей дивизии, Отдельной Амурской

⁸ Апрельков В.Ю. Батыры Забайкальского войска / Чита: Экстра, 21—27.10.1999.

⁹ Орлов Н.А. Забайкальцы в Маньчжурии в 1900 г. Очерки из истории Хайларского отряда. СПб., 1901. С. 57.

¹⁰ Кильчанский В.Г. Мировая война и революция // Амурская правда. Благовещенск, 1994. 03 февр.

бригады. В эмиграции генерал Е.Г. Сычев возглавлял Восточный казачий союз¹¹. Храбрый боевой офицер, патриот, до конца верный казачьей идее, в то же время дерзкий с начальством, жестокий с подчинёнными. Убедённый борец с большевизмом и одновременно обвиняемый в демократических настроениях. П.Н. Врангель вспоминает: «Амурские казаки, отличные солдаты, были, в большинстве случаев, народ буйный и строптивый. Полком командовал Амурского казачьего войска полковник Сычев. Подъехав к полку, я с удивлением увидел вместо сотенных значков, в большинстве сотен красные флаги... Командир подсказал с рапортом, оркестр играл марсельезу. Приняв рапорт командира полка, я спросил его, что значит этот маскарад и услышал неожиданный для меня ответ, — «казаки потребовали»¹². В ответ на объявленное наказание, Сычев старался внушить офицерам и казакам, что Врангель оскорбил полк и все амурское казачество, что сам он не казак, и потому обижает казаков, т.е. решил сыграть на чувстве казачьей самостоятельности. В годы Гражданской войны «...полковник Сычев, будучи на службе в Амурском казачьем полку, слишком дерзко относился к подчинённым, наказывал розгами, подвергал пыткам и расстрелам казаков», за что IV войсковой круг АКВ принял решение об исключении Е.Г. Сычева из войска и привлечении к судебной ответственности¹³.

Легендарной личностью среди забайкальского казачества был Василий Георгиевич Казаков — выходец из пос. Березовка Знаменской станицы. Вряд ли кто из русского офицерства имел столько наград как В.Г. Казаков. На турецком фронте Первой мировой войны он заслужил четыре ордена св. Георгия, золотую Георгиевскую шашку, ордена Анны 4-й и 3-й степени, Станислава 3-й и 2-й степени, Владимира 4-й степени. Двое золотых часов получил Казаков лично из рук Государя Императора Николая II за победы в сореживаниях по джигитовке и стрельбе. Но главным патриотическим подвигом полковника Казакова было спасение 34 боевых знамен ЗКВ. После Гражданской войны ему удалось вывезти знамена за границу и 23 года хранить их в Маньчжурии, а в августе 1945 г. передать советским войскам¹⁴.

Убедительным подтверждением того, что в годы войны офицеры Забайкальского казачьего войска прошли становление и получили фронтовую закалку, служат аттестационные листы за 1920 г. Вот некоторые из них.

Генерал-майор И.Т. Артамонов — командир первой Забайкальской казачьей бригады, в первом офицерском звании с 1908 г., Георгиевский кавалер. В полном смысле отличный боевой кавалерийский генерал. Лихой неутомимый наездник, отличный начальник.

Полковник Г.Г. Эпов — начальник штаба 1-го Забайкальского казачьего полка, с 1907 г. в офицерском звании. Отличный офицер во всех

¹¹ Абеленцев В.Н. Амурское казачество XIX—XX вв. Благовещенск, 2004. С. 101; Уссурийское казачье войско: история и современность. Владивосток, 1999. С. 211.

¹² Врангель П.Н. Записки (ноябрь 1916 — ноябрь 1920). Подольск, 1991. С. 24—25.

¹³ ГААО. Библиотека. Протоколы 4-го Войскового Круга, 1918.

¹⁴ Терминов В. Спаситель казачьих знамен / Забайкальский рабочий. Чита, 1994. 16 июля.

отношениях, как боевой — великолепен, очень серьёзный, мало говорит, но много делает. Всегда пользовался уважением подчинённых.

Полковник М.Ф. Рюмки — командир 2-го Забайкальского казачьего полка, офицер с 1905 г. Воевал против турок и курдов в Первую мировую войну, участник белоказачьего движения. Очень хороший и спокойный, ровный в бою. Любим своими подчинёнными, и умеет заставить их служить. Военное дело знает хорошо и любит его.

Полковник М. Золотухин — командир 2-ой Забайкальской казачьей бригады. Прошёл всю мировую войну, а затем воевал против большевиков. Награждён 4 орденами, имеет Георгиевское оружие.

Войсковой старшина М. Ваулин. Отмечен многими наградами за храбрость, среди них — двумя Георгиевскими крестами. Великолепно переносит трудности и лишения. Храбрый отличный строевой офицер, пользуется уважением.

Войсковой старшина А. Размахнин, с 1920 г. командовал 3-м Забайкальским казачьим полком, Георгиевский кавалер. Отличный боевой строевой офицер. Любит своё дело. Храбрый. Вечно весёлый, любим подчинёнными.

Есаул Д.А. Мунгалов — командир 2-ой Забайкальской казачьей батареи. Вот как характеризует его командир Мыльников: «Природный ум окупает в значительной степени недостатки общего образования. В простой обстановке спокойно решительный, но при сложности, требующей для разрешения особых познаний, поддается посторонним влияниям. В основных нравственных принципах твёрд и обладает сильно развитым чувством чести. В действиях отсутствует рисовка, преобладает скромность. Служба и дело на первом плане. В бою храбр и решителен»¹⁵.

Таким образом, участие казачества восточных окраин России в войнах дало возможность в деле проявить себя защитниками Отечества, стало школой воспитания нравственности, важным этапом в формировании ментальных патриотических качеств.

¹⁵ ГАРФ. Ф. 3354. Оп. 1. Д. 8. Л. 318, 322, 514, 530.

УЧАСТИЕ КАЗАЧЬИХ ВОЙСК ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ

О.И. СЕРГЕЕВ

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток*

Первая половина XX в., пожалуй, самый сложный период в истории российского казачества. Политические и социально-экономические катаклизмы насильственно переформировали казачество, насчитывающее около 3,5 млн чел., из весьма заметного сословия Российской империи, в составную и трудно определяемую часть крестьянства страны Советов. При этом значительный процент казачества вообще был изгнан на территории зарубежных государств, где с разной степенью успешности пытался сохранить свою казачью суть.

Этот же период характеризовался участием казаков в многочисленных войнах и военных конфликтах, в том числе мировых. При этом в начале века и в годы Первой мировой войны казачество выступает в качестве составной части российских вооружённых сил, входя в состав так называемых иррегулярных войск, и успешно защищает свою Родину, будучи единым и сплочённым.

Первая мировая война началась для Российской империи 18 июля 1914 г. после вручения ноты германского посла. Первоначально Германия выставила против России одну армию (в Пруссии), а Австро-Венгрия развернула в Галиции четыре армии. Общее количество войск неприятеля в августе 1914 г. составляло до 850 тыс. чел. и 1848 орудий. Россия свои силы (свыше 1 млн чел. и 3200 орудий) развернула на двух фронтах: против Германии — северо-западном и против Австро-Венгрии — юго-западном. Кроме того, часть русских войск прикрывала черноморское побережье и действовала в Закавказье.

В начале войны в приграничной полосе Россия имела 37 кавалерийских дивизий, в том числе 13 казачьих, которые должны были действовать в составе общевойсковых армий. Затем стали формироваться второочередные казачьи полки и дивизии. Всего в период войны было сформировано 166,5 казачьих конных полков, 30 пеших батальонов, 54 артиллерийские батареи и ряд других частей¹.

Для включения в военные действия такого количества казачьих частей, требовалось провести жёсткую мобилизацию в казачьих войсках. По существующему положению в военное время в регулярные войска подлежало мобилизации 4,2% населения, а в казачьей части — 12,5%². В Сибири и на Дальнем Востоке, при 10,1 млн чел. населения, под ружьё было поставлено 988 тыс. чел. из сельской местности и 123 тыс. чел. из городов.

¹ История казачества Азиатской России. 2-я половина XIX — начало XX века. Т. 2. Екатеринбург: УрО РАН, 1995. С. 199.

² История казачества Азиатской России... С. 200.

Всего 1 млн 111 тыс. чел. (то есть 10%). Конкретно, на Дальнем Востоке в годы Первой мировой войны было мобилизовано более 50% трудоспособных крестьян и 40% казаков. На 1 января 1917 г. казачья кавалерия составляла почти 70% всей русской конницы.

Казаки Забайкальского, Амурского и Уссурийского казачьих войск выставили в годы войны 12,5 полков и 5 артиллерийских батарей, что составляло 7,5% от всего количества казачьих полков России и 9,3% артиллерийских батарей. Казаки воевали на всех театрах военных действий — на северном, западном, юго-западном, румынском, кавказском и других фронтах.

В день объявления войны в России прошли многочисленные патриотические мероприятия с призывами сплотиться в борьбе с врагом. В армию стали записываться добровольцы. Началась мобилизация и в казачьих войсках Дальнего Востока России. 17 июля 1914 г. на имя наказного атамана Забайкальского казачьего войска поступила из Петербурга телеграмма: «Высочайше повелено привести армию и флот на военное положение и для сего призвать чинов запаса... согласно мобилизационному расписанию... Первым днём мобилизации следует считать 18 июля».

Получив приказ о мобилизации, Забайкальское войско немедленно стало осуществлять положенные мероприятия: штат бригад укомплектовывали согласно военного времени, сотни получали боеприпасы, перековывали лошадей, оттачивались в ружейных мастерских шашки, высылались артельщики за фуражом и овсом, укладывались седельные выюки и так далее. Казаки проходили медицинский осмотр. Командиры сотен получали карты, книги учёта, бланки и другие документы по военному времени. Закончив мероприятия по доукомплектованию и формированию, части приступили к занятиям по боевой подготовке, которые продолжались вплоть до отправки на театр военных действий.

Полки Забайкальского казачьего войска были сведены в три отдельные бригады: 1-я состояла из 1-го Читинского, 1-го Верхнеудинского, 1-го Аргунского полков, 1-й и 3-й Забайкальских казачьих батарей. 2-я бригада включала 2-й Нерчинский, 2-й Читинский полки, 4-ю Забайкальскую батарею. В состав 3-й входили 2-й Аргунский, 3-й Верхнеудинский полки и 2-я Забайкальская казачья батарея. 1-я отдельная Забайкальская бригада направлялась на Западный фронт, 2-я и 3-я бригады — на Кавказский.

1-й Нерчинский полк выступил на войну в составе Уссурийской конной бригады, а 2-й Верхнеудинский убыл в Ургу (Монголия), а в последующем этот полк был направлен на Юго-Западный фронт. Гвардейская полусотня забайкальцев оставалась в составе лейб-гвардии сводно-казачьего полка. Запасные сотни и запасной артиллерийский взвод сначала дислоцировались в Забайкалье, а затем были перемещены в г. Аткарск Саратовской губернии, образовав запасной дивизион. В мобилизованных частях Забайкальского казачьего войска находилось: генералов, штаб- и обер-офицеров — 256, казаков — 11 657. Лошадей было 12 465³.

³ Смирнов Н.Н. Слово о забайкальских казаках: Исторический очерк-хроника. Волгоград: Комитет по печати, 1994. С. 400.

1 сентября 1914 г. было отдано распоряжение о выступлении 1-й бригады на войну. Проехав по железной дороге 7 тыс. вёрст казаки 2 октября выгрузились в Иван-городе (Польша). Ко времени прибытия бригады на Западный фронт военные действия шли уже полным ходом. Закончились Восточно-Прусская и Галицийская операции, планировалась Вашавско-Ивангородская. Казакам 1-й Забайкальской бригады предстояло переправиться на левый берег Вислы. Вечером 7 октября бригада выступила к реке, где сапёры готовили понтонную переправу. Форсировав реку 10 октября, была проведена разведка, в ходе которой забайкальские казаки впервые столкнулись с противником — кавалерийским разъездом численностью 15 чел.

Позже в авангардный бой вступил 1-й Верхнеудинский полк. В этом бою казаки проявили себя с наилучшей стороны: значительно превосходивший их по силам противник не смог остановить прорыва сотен и поспешно отошёл⁴.

С 11 октября 1914 г. на фронте развернулись упорные кровопролитные бои. 1-я Забайкальская бригада успешно выполняла поставленные задачи в наступлении и разведке, ни на минуту не отрываясь от противника. В бою под деревней Домброво особо отличился 4-й взвод 2-й сотни 1-го Читинского полка. Все попытки немецкого батальона атаковать левый фланг полка разбивались о стойкость казаков, находившихся под сильным артиллерийским огнём противника. Были убиты два казака, ранены — шесть. Взвод отошёл, лишь получив приказ об отводе с позиций всего полка⁵.

К 20 октября, за 10 дней непрерывных боёв, списочный состав казачьих полков 1-й Забайкальской бригады значительно уменьшился: в 1-м Читинском полку потери составили убитыми и ранеными 139 чел., в 1-м Аргунском — 123 чел., в 1-м Верхнеудинском — 106 чел. При этом число офицеров и казаков уменьшилось не только из-за боевых потерь, но и болезней, вызванных плохим питанием, промозглой осенней погодой, труднопроходимой местностью⁶.

Наряду с забайкальцами на фронт выступили и казаки Амурского войска. Согласно мобилизационному плану 20 июля 1914 г. началось развёртывание подразделений по штатам военного времени в Амурском казачьем войске. В середине сентября были окончательно сформированы и готовы к отправке на фронт 1-й и 2-й Амурские казачьи полки, а также запасная конная сотня пополнения. Кроме того, для прикрытия границы, линии Амурской железной дороги и золотых приисков скомплектовали из запасных казаков восемь особых конных сотен.

1-й Амурский генерал-адъютанта графа Муравьёва-Амурского конный казачий полк отправился на фронт 28 сентября 1914 г. На переброску полка (959 сабель и 1030 лошадей) потребовалось несколько эшелонов (160 вагонов, из расчёта 40 чел. или 8 лошадей)⁷.

⁴ Смирнов Н.Н. Слово о забайкальских казаках... С. 403—405.

⁵ Смирнов Н.Н. Слово о забайкальских казаках... С. 406—407.

⁶ Смирнов Н.Н. Слово о забайкальских казаках... С. 411.

⁷ Амурские казаки (1-й том). Приамурье. Из века в век. Материалы, документы, свидетельства, воспоминания / Серия «Приамурье. Из века в век». Благовещенск-на-Амуре: ОАО «Амурская ярмарка».

2-й Амурский конный казачий полк, сформированный в Амурском войске, был отправлен сначала в Приморье, в селение Новокиевское близ залива Посъет, а на фронт его перебросили лишь в октябре 1915 г.⁸

Первыми среди амурских казаков боевое крещение в Восточной Пруссии в конце 1914 г. приняли казаки Амурского взвода 4-й Приамурской сотни лейб-гвардии Сводного казачьего полка. В этом гвардейском полку служили казаки от всех восточных войск империи. Командир полка, полковник А.П. Богаевский сообщал: «За боевое отличие казаки Амурского взвода награждены мною Георгиевскими крестами. Счастлив поздравить войско с первыми георгиевскими кавалерами». Это были казаки из Игнашинского, Албазинского, Кумарского, Екатерининского, Поярковского, Иннокентьевского и Михайло-Семёновского станичных округов: Устин Шемелин, Иван Птицын, Андриан Альшевский, Сергей Рязанцев, Иван Трухин, Николай Бастрыгин, Александр Номоконов, Иван Таскаев, Василий Ушаков, Тимофей Швалов и Иван Шипунов⁹.

Казаки 1-го Амурского полка в феврале 1915 г. на Северо-Западном фронте успешно участвовали в Праснышской операции, окружив и взяв совместно с другими русскими частями город Прасныш (в 100 км севернее Варшавы). Были захвачены десятки тысяч пленных, сотни орудий, боеприпасы. 18 казаков-амурцев за эти бои награждены Георгиевскими крестами различных степеней, а командир полка А. Савицкий — произведён в генерал-майоры¹⁰.

После ряда неудачных наступлений русских в 1914 г., немцы и австро-венгры летом и осенью 1915 г. предприняли наступление по всему фронту. Русские войска оказывали упорное сопротивление, но вынуждены были оставить Галицию, Польшу, часть Прибалтики. Это «великое» отступление обошлось Русской армии в 1 млн 410 тыс. убитых и раненых, 450 тыс. пленных. Немцы выбили значительную часть офицеров и рядового состава. Но боевой дух русских войск был ещё высок. Русские отошли в избранном ими направлении, и хотя немцы углубились в пределы России, но основной цели — полного поражения армии — не достигли. Началась позиционная война¹¹.

В боях летом и осенью 1915 г. казачьи части, в том числе 1-й Амурский полк, проявили особую стойкость: они не дали замкнуть кольцо окружения армий Северо-Западного фронта. За проявленную в боях доблесть 176 казаков полка были награждены Георгиевскими крестами различных степеней и серебряными медалями «За усердие» на Станиславовской ленте. Смертью храбрых пали 34 казака-амурца, 62 — были тяжело ранены, более полусотни получили лёгкие ранения и контузии. 1-й Амурский полк в январе 1916 г. был отведён с фронта на отдых под Вильно (Вильнюс), а уже в марте,

2008. С. 232—233.

⁸ Амурские казаки... С. 233.

⁹ Амурские казаки... С. 233.

¹⁰ Амурские казаки... С. 233.

¹¹ Амурские казаки... С. 234.

приняв молодое пополнение, переброшен на Юго-Западный фронт и влит в 3-й конный корпус¹².

На смену 1-му полку на Северный фронт прибыл 2-й Амурский казачий полк. Он отбыл из Приморья в октябре 1915 г., но был задержан в столице по требованию министра двора и направлен для охраны императорской резиденции в Царском Селе¹³.

После мощного наступления немцев в начале 1916 г. на французскую крепость Верден под давлением союзников части Северного фронта начали неподготовленное наступление для отвлечения противника на участке Двинск — оз. Нарочь. Цель союзников была достигнута — немцы приостановили натиск на Верден, но 80 тыс. русских воинов остались навсегда в кровавой двинской грязи. 2-й Амурский полк был во втором эшелоне атакующих войск, поэтому почти не пострадал, но горечь неоправданных потерь, глубоко отразилась в сердцах казаков.

На Юго-Западном фронте в мае 1916 г. русские войска осуществили блестящее наступление — Брусилловский прорыв. Была очищена от врага огромная территория Буковины и Галиции, австро-венгры потеряли 1,5 млн убитыми и ранеными, 450 тыс. — пленными. Грозной боевой силой во время Брусилловского прорыва проявил себя 3-й конный корпус, включающий в том числе Уссурийскую дивизию (входили Уссурийский казачий, 1-й Амурский, 1-й Нерчинский полки, Уссурийский казачий дивизион и Приморский драгунский полк).

За бои в Карпатах летом 1916 г. сотни казаков-амурцев были отмечены Георгиевскими крестами и медалями, десятки из них повторно. Орденами Св. Анны и Св. Станислава с мечами и бантом, с надписью «За храбрость» были награждены 14 офицеров 1-го Амурского полка: Дмитрий Кузнецов, Григорий Тонких, Алексей Бородин, Сергей Жуковский, Михаил Танаев, Авенир Москалец, Владимир Воробей, Василий Астафьев, Алексей Попов, Борис Савицкий, Алексей Бянкин, Лев Черных, Григорий Черепанов, Григорий Шульгин. Командир 1-го Амурского полка Е.Г. Сычев за умелое командование полком и личную храбрость был удостоен именного Георгиевского оружия с бриллиантами. Ефим Георгиевич Сычев за боевое отличие из есаулов лейб-гвардии Сводного казачьего полка был произведен в полковники и в июле 1916 г. Назначен командиром полка¹⁴.

За два с половиной года войны потери 1-го Амурского казачьего полка составили 156 чел. убитыми и 488 — ранеными. 2-й Амурский полк за год войны на Северном фронте потерял 146 чел. убитыми и ранеными¹⁵.

В 1914 г. с началом войны на фронт отправился Уссурийский казачий полк, который действовал в составе Уссурийской конной дивизии. В конце 1915 г. в состав дивизии был направлен и Уссурийский казачий дивизион. Кроме того, было скомплектовано 6 особых казачьих сотен, которые несли

¹² Амурские казаки... С. 234—235.

¹³ Амурские казаки... С. 235.

¹⁴ Амурские казаки... С. 238.

¹⁵ Амурские казаки... С. 239—240.

службу в крае вместо убывших на фронт частей и готовили для них пополнение.

Уссурийская дивизия действовала на различных фронтах от Рижского залива до пределов Румынии. Генерал Врангель, который командовал в дивизии полком, а позднее, в 1917 г., и самой дивизией, отмечал: «Уссурийская дивизия, составленная из ... отличных солдат, одинаково хорошо дерущихся как на коне, так и в пешем строю ... успела приобрести себе в армии заслуженную славу». Не менее почётна и характеристика дивизии из уст другого известного военачальника, генерала Крымова: «Имя Уссурийской конной дивизии всем, интересовавшимся событиями на фронте, известно как части, верно служившей своей Родине»¹⁶.

Казачьи уссурийцы героически проявляли себя в годы войны, но мало имён героев сохранила история. Вот лишь несколько примеров, иллюстрирующих участие в боевых действиях уссурийских казаков на фронтах Первой мировой войны.

Из письма казака 3-й сотни Уссурийского казачьего полка Григория Васильевича Бочкова в станицу Вяземскую (из-под Варшавы, 14 апреля 1915 г.): «Немцы нас называют маньчжурские казаки. Проходилось нам ходить на германскую кавалерию в атаку, так они убегают, и на пехоту приходилось идти в атаку, как догонишь, то они сейчас же бросают винтовки и кричат — казак...»¹⁷

В РГВИА сохранилась неполная справка-информация «Описание боевых действий Уссурийского казачьего дивизиона с 26 января 1916 г. по 1 января 1917 г.». В ней говорится: «...26 января 1916 г. Уссурийский казачий дивизион прибыл в город Крецбург в распоряжение Северного фронта и вступил в состав Уссурийской конной дивизии. 27 июня 1916 г. дивизион в составе Уссурийской конной дивизии походным порядком выступил из Каменца-Подольского в Буковину для прорыва. Весь поход от Каменца-Подольского до Шипоткамеране (Буковина) совершил в три дня, делая 70 вёрст в сутки при чрезвычайно скверном состоянии дорог и отсутствии мостов. Сделав такой поход, не отдыхая, 29 июня уже выступил из Шипоткамеране в наступление. Наступление делали в горах, по бездорожью, под проливным дождем, не имея фуража и продовольствия, вследствие чего, дойдя до соприкосновения с противником, вперед двигаться не представлялось возможности, интендантство отстало, а кроме того, дождями испортило все пути... С 10 июля по 18 октября дивизион в составе Уссурийской конной дивизии занимал самостоятельные участки в лесистых Карпатах и выполнял возложенные на него задачи. 24 ноября 1916 г. дивизион в составе Уссурийской конной дивизии выступил из Буковины в Румынию. Поход сделали ... в 10 дней. С 11 декабря по 20 в составе для прикрытия отступления румынской армии. Поход в Румынию был очень труден...»

¹⁶ Сергеев О.И., Иванов В.Д. История Уссурийского казачьего войска во второй пол. XIX — первой пол. XX в. // Российское казачество: научно-справочное издание. М.: Наука, 2003. С. 393.

¹⁷ Уссурийское казачье войско: история и современность / сост. В.Д. Иванов, О.И. Сергеев. Владивосток, 1999. С. 40.

На этом текст архивного документа обрывается. Но сохранился приказ по Уссурийскому казачьему дивизиону за декабрь 1916 г. Вот выдержка из него: «В бывших жестоких боях 18 и 19 декабря ... особо отличились: старший команды связи ст. урядник Мирошниченко Панфил, исполняющий должность вахмистра пулемётной команды ст. урядник Федор Овечкин, мл. урядник Василий Еремин, приказной Кленин Ефим, Стариков Гавриил, казаки Коротьев Николай, Шулятьев Семен, Семипятный Афанасий»¹⁸. Среди уссурийцев таких героев было множество. Лишь за 1915 г. получили знак Святого Георгия 279 уссурийцев. В годы войны появились и полные Георгиевские кавалеры: Лиховидов, Гребенщиков, Михайлов. Многие погибли. В военных действиях Уссурийская дивизия участвовала до 1917 г.

Всего до конца 1916 г. в Забайкальском, Амурском и Уссурийском казачьих войсках среди офицеров были награждены орденом Георгия 18 чел., Георгиевским оружием — 26 чел.; среди рядового состава Георгиевским крестом награждены 2443 чел., Георгиевской медалью — 1801 чел. За годы войны указанные казачьи войска потеряли убитыми 651 чел., ранеными — 2394 чел., без вести пропавшими — 155 чел.¹⁹

Итоги войны были весьма печальны и неудачны для России. Во многом это связано с «...недостойными возглавителями русской армии». Этим людям было дано всё, но они не сумели сделать ничего²⁰. Как подчеркнул А.А. Керсновский «История изумится не тому, что Россия не выдержала этой тяжёлой войны, а тому, что русская армия могла целых три года воевать при таком руководстве!»²¹

¹⁸ Уссурийское казачье войско: история и современность... С. 40—41.

¹⁹ История казачества Азиатской России... С. 216.

²⁰ Керсновский А.А. История русской армии в 4 томах. Т. 4. М.: Голос, 1994. С. 179.

²¹ Керсновский А.А. История русской армии... С. 181.

6-я СИБИРСКАЯ СТРЕЛКОВАЯ ДИВИЗИЯ В ЛОДЗИНСКОМ СРАЖЕНИИ (НОЯБРЬ 1914 г.)

Д.А. ЛЯХОВ

Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, г. Хабаровск

Первая мировая война 1914—1918 гг. охватила большинство стран мира — это более 1,5 млрд чел. Боевые действия на многокилометровых сплошных фронтах вели миллионные армии, вооружённые новейшими образцами военной техники. Всего за период войны было мобилизовано более 170 млн чел., в том числе в России около 19 млн¹. Регулярные части российской армии в полном составе были отправлены на театр военных действий. Для нас особый интерес представляет участие в войне соединений Приамурского военного округа, поскольку в отечественной историографии, несмотря на значительный объём опубликованных работ по тематике Первой мировой войны, эти вопросы освещены крайне фрагментарно. Данная статья о действиях 6-й Сибирской стрелковой дивизии (составлявшей к началу войны большую часть хабаровского гарнизона) в Лодзинском сражении (ноябрь 1914 г.) является попыткой в некоторой степени заполнить этот пробел.

К лету 1914 г. в Хабаровске дислоцировались штабы: 6-й Сибирской стрелковой дивизии этого корпуса (дивизионный начальник генерал-лейтенант О.А. фон Геннингс) и её 2-й бригады; 22-й Сибирский стрелковый полк (полковой праздник 6 декабря, старшинство с 18 августа 1882 г.); 23-й Сибирский стрелковый полк (полковой праздник 8 июня, старшинство с 19 июня 1890 г.); 24-й Сибирский стрелковый полк (полковой праздник 15 августа, старшинство с 11 июля 1900 г.); 2-й дивизион 6-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады (4-я, 5-я и 6-я полевые батареи)².

Общая численность всех полевых войск в городе (16 пехотных батальонов, 6 полевых батарей) составляла более 20 000 чел.³, из них в состав 6-й Сибирской стрелковой дивизии входило более 50%. Казармы гарнизона занимали территории в восточной части города, на границе нынешних улиц Дикопольцева, Ленина, Слободской и Волочаевской. Штабы и отдельные подразделения располагались в центральной части города. Часть зданий военного ведомства постройки конца XIX — начала XX вв. сохранилась до нашего времени⁴.

В Приамурском крае общая мобилизация была объявлена с 15 сентября 1914 г. В двух наиболее заселённых областях (Приморской и Амурской)

¹ Гаврилов Л.М. Истощение людских резервов русской армии в 1917 г. / Л.М. Гаврилов, В.В. Кутузов // Первая мировая война. 1914—1918. Сб. статей. М.: Наука, 1968. С. 14—147.

² Звегинцов В.В. Русская армия 1914 г. Подробная дислокация. Формирования 1914—1917 гг. Регалии и отличия // URL: <http://rostislavddd.livejournal.com/43652.html> (дата обращения: 25.03.2014).

³ Строчков А.А. Вооружённые силы и военное искусство в Первой мировой войне. М.: Воениздат, 1974. С. 146.

⁴ Объекты культурного наследия (памятники истории и культуры) Хабаровского края. Хабаровск: «Российский Медиа Альянс», 2006. С. 75.

призвали в армию 3517 чел. Мобилизованные запасные чины направлялись в регулярные части для доведения их до штата, а также в сформировавшиеся в Иркутске ополченские дружины⁵.

По плану русского командования все соединения Приамурского военного округа были отправлены в действующую армию. Из-за удалённости театра военных действий, значительной разбросанности войск, неразвитости транспортной инфраструктуры на восточной окраине Империи перевозка войск сильно затянулась.

5-й Сибирский армейский корпус в первой декаде ноября 1914 г. вошёл в состав 1-й армии генерала от кавалерии П.К. Ренненкампа на млавском направлении. Обе дивизии корпуса (3-я и 6-я Сибирские стрелковые) были выведены из его состава и заменены на 50-ю полевую и 79-ю второочередную (образована в Киевском военном округе из запасных и чинов 44-й полевой пехотной дивизии) пехотные дивизии⁶.

К этому времени на Восточном фронте сложилась довольно тяжёлая обстановка. Упреждая намеченное на утро 14 ноября 1914 г. общее наступление русских армий с т.н. «польского балкона» на Силезию и Берлин и желая переломить ситуацию в свою пользу, германское командование (фельдмаршал П. фон Гинденбург, назначенный 1 ноября главнокомандующим Восточным фронтом, и его начальник штаба генерал-майор Э. Людендорф) решило перехватить инициативу и нанести превентивный удар. 9-ю германскую армию генерал-полковника А. фон Макензена из района Ченстохова и Калиша перебросили на север, в район крепости Торн (сейчас польский г. Торунь). Развернувшиеся на новых позициях германские войска планировали начать наступление в стык между 1-й и 2-й русскими армиями, прорвать фронт и окружить противостоящие силы противника в окрестностях Лодзи, выйдя им в тыл⁷. Общее соотношение сил в районе операции было в пользу русских. Но на направлении главного удара немцы имели значительное превосходство в живой силе и артиллерии⁸.

11 ноября 9-я германская армия нанесла удар из района Торна на Кутно в обход Лодзи с востока. На следующий день атакам силами четырёх корпусов противника подвергся левофланговый 5-й Сибирский армейский корпус 1-й армии у Вроцлавска. Противник стремился окружить его и уничтожить. Но ввиду несогласованных действий соединений, вступавших в бой по частям, и упорного сопротивления русских ожидаемого успеха достигнуть не удалось. 5-й Сибирский армейский корпус, несмотря на большие потери, смог избежать окружения и отойти почти на полтора перехода. Словив его сопротивление, противник повёл наступление к р. Бзура, чтобы нанести удар во фланг и тыл 2-й армии. На пути к Бзуре в районе Кутно 14—15 ноября войска А. фон Макензена нанесли поражение 2-

⁵ Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. Хабаровск: ХГПУ, 1999. С. 110—115.

⁶ Керсновский А.А. История русской армии. Т. 3—4. М.: Голос, 1994 Т. 4. С. 195.

⁷ Зайончковский А.М. Первая мировая война. СПб.: «Полигон», 2000. С. 299—300.

⁸ Рыбин Д. Лодзинская операция на русском фронте мировой войны в 1914 году. М.: Воениздат, 1938. С. 11, 14.

му русскому корпусу, переданному во время боев 1-й армии из состава 2-й армии. Связь между 1-й и 2-й русскими армиями была прервана, и 16—17 ноября германские корпуса приступили к окружению 2-й армии. Обойдённая с правого фланга, она заняла дугообразное положение в районе Лодзи фронтом на запад, север и восток. В охват города с востока и юга А. фон Макензен направил армейскую группу генерала пехоты Р. фон Шеффер-Боядела (25-й резервный корпус в составе 49-й и 50-й резервных дивизий, 3-я гвардейская резервная дивизия, 6-я и 9-я кавалерийские дивизии), которая вышла в тыл 2-й армии, на дорогу Лодзь — Петроков. Однако здесь её встретили подошедшие части 5-й русской армии. В то же время были отбиты попытки немецких Познаньского и Бреславльского корпусов обойти Лодзь с запада и соединиться с группой Р. фон Шеффера. 20—21 ноября наступление германских войск приостановилось⁹. Крайне тяжёлое положение частей 2-й и 5-й русских армий усугублялось серьёзными потерями и почти полным израсходованием боеприпасов. Пополнение боезапаса затруднялось из-за перехода в руки немцев железных дорог, связывавших 2-ю армию с тылом¹⁰.

Таков общий ход первого этапа Лодзинской операции. Нас же в первую очередь интересует участие в ней 6-й Сибирской стрелковой дивизии. Как отмечалось ранее, это соединение в начале ноября вышло из состава 5-го Сибирского армейского корпуса. Тогда же его включили в т.н. Ловичский отряд (действовал к северо-востоку от Лодзи), состоявший первоначально из группы полковника Максимовича (9-й и 12-й Туркестанские стрелковые полки и полк Офицерской стрелковой школы). В течение нескольких дней отряд пополнился «остатками» 43-й пехотной дивизии, бригадой 63-й пехотной дивизии, частями 26-й пехотной дивизии и 6-й Сибирской стрелковой дивизией. Ввиду общего хаоса в районе Лодзи в течение недели с 16 по 23 ноября Ловичским отрядом последовательно командовали 1 полковник и 4 генерала, что, естественно, не могло положительно сказаться на управлении войсками¹¹.

По словам Н. Новикова: «Спешно сформированный Ловичский отряд, естественно, не имел правильной организации: будучи по числу пехотных единиц силой почти в 1,5 корпуса, он не был снабжён тяжёлой артиллерией, соответственным штабом и корпусными учреждениями. Снабжение снарядами, патронами, продовольствием, фуражем, санитарная часть и вообще работа тыла налажены не были. Средства корпусной связи и другие вспомогательные войска отсутствовали. Остро ощущалось в дивизиях отсутствие тяжёлой артиллерии, радиосвязи и аэропланов, которыми, наоборот, противник был снабжён в избытке. Одним словом, Ловичский отряд представлял импровизацию со всеми её отрицательными качествами»¹².

⁹ Строков А.А. Вооружённые силы... С. 260—262.

¹⁰ Новиков Н. 6-я Сибирская дивизия в боях под Лодзью с 18 (5) по 24 (11) ноября 1914 г. М.: Государственное военное издательство, 1925. С. 12.

¹¹ Керсновский А.А. История русской армии. Т. 3. С. 238.

¹² Новиков Н. 6-я Сибирская дивизия... С. 11.

Для спасения полуокружённой 2-й армии командование Северо-Западного фронта поставило перед командующим 1-й армией П.К. Ренненкампом задачу наступать во фланг и тыл германским корпусам, наступавшим с севера и востока на Лодзь. В соответствии с данным указанием 19 ноября П.К. Ренненкамф приказал 2-му армейскому корпусу и Ловичскому отряду нанести удар на участке фронта Белявы-Стрыков. Части 6-й Сибирской стрелковой дивизии в это время только высаживались на железнодорожной станции Лович и постепенно сосредоточивались у с. Зелковице (за 19 ноября высадились 5 батальонов). К вечеру того же дня отряд, отбросив кавалерийские пикеты противника, достиг линии Пиотровице-Доманевице. В течение дня (20 ноября) Ловичский отряд продвинулся до линии реки Мрога. 2-я бригада дивизии в этот день перешла из Зелковице в район Лышковицы-Чатолин, причём последние эшелоны сразу после высадки пристраивались к «хвосту» колонны.

Бригада составила резерв Ловичского отряда и получила приказ укрепить позицию по высотам восточнее с. Доманевице от железной дороги Лович-Гловно к югу до с. Альбинов. С вечера под руководством командира бригады генерала Сулевича командиры полков и батальонов совместно с артиллерийскими офицерами произвели рекогносцировку позиции, а с утра 21 ноября предполагалось приступить к строительству полевых земляных укреплений. Однако ночью в связи с изменившейся обстановкой из штаба армии поступил новый приказ, предписывавший наступать в направлении Бжезины-Ежов. А утром штаб фронта предписал изменить маршрут на Стрыков-Бжезины. Путаница с приказами привела к тому, что авангард дивизии выступил только в 11 часов. Марш был организован не самым лучшим образом. Авангард у с. Каленице свернул на с. Боброва и пошёл не по той дороге. Ошибку обнаружили только пройдя 3 км. Около часа ушло на её исправление. Вследствие задержек и необходимости восстановления разрушенного противником моста у с. Калацин войска подошли к Бжезинам лишь к вечеру. Точных сведений о противнике и его расположении не имелось. Было лишь известно, что 19 ноября через Бжезины прошёл немецкий корпус¹³. Таким образом, обходявшая Лодзь с востока германская армейская группа Р. фон Шеффера фактически сама оказалась окружённой.

Из-за категоричного приказа вести наступление в быстром темпе и крайне медленного марша тщательная разведка позиций противника не проводилась. Поэтому шедший в авангарде 23-й Сибирский стрелковый полк был вынужден поздним вечером атаковать Бжезины при самых неблагоприятных условиях в совершенно неопределённой и незнакомой обстановке. Артиллерия подготовила атаку пехоты не могла из-за сгустившихся сумерек. На внезапность нападения не рассчитывали, поскольку движение дивизии от Лышковице заметил вражеский аэроплан. В результате ночная атака закончилась неудачей. Утром 22 ноября дивизия вновь атаковала противника, выбив его из Бжезины. Особенно отличился 24-й полк (полковник Зенкович). Однако из-за потери времени на сбор войск

¹³ Новиков Н. 6-я Сибирская дивизия... С. 14—15.

и торжественные поздравления с победой от командующего дивизией «встреча» с противником была упущена. После занятия Бжезины войска продолжили наступление в южном направлении, оставив в тылу отдельные подразделения¹⁴.

Наступление 6-й Сибирской стрелковой дивизии привело к тому, что армейская группа Р. фон Шеффера была отрезана от главных сил 9-й германской армии. А. фон Макензен поздней ночью 22 ноября отдал приказ об отступлении группы на север, в результате чего немецкие части стали сосредотачиваться к югу от Бжезины с тем, чтобы на следующий день начать прорыв на соединение с основными силами армии¹⁵.

Утром 23 ноября в районе Галков-Пшановице-Карпин началось встречное сражение между сибирскими стрелками и авангардами 25-го германского резервного корпуса. В течение дня в ожесточённый бой втянулась вся группа Р. фон Шеффера, усиленная многочисленной тяжёлой артиллерией. В результате 6-я Сибирская стрелковая дивизия понесла большие потери. 3-й и 4-й батальоны 24-го полка погибли в лесу между Галковым и Гурой-Зелионой. 1-й батальон там же потерял половину состава, имея в строю лишь по одному офицеру на роту. 2-й батальон 23-го полка также был потерян почти целиком. Из 2-го батальона 24-го полка и 3-го батальона 23-го полка выбыла значительная часть личного состава. 1-й и 2-й батальоны 23-го полка сильно пострадали накануне при ночной атаке на Бжезины. 21-й полк оказался наполовину небоеспособен вследствие боев у Ружице. Два батальона 22-го полка, находившиеся в составе дивизии, выбыли из строя. Из артиллерии серьёзно пострадала лишь 1-я батарея. Остальные были в полном порядке, поскольку находились в глубоком тылу и участия в бою почти не принимали. В целом от 6-й Сибирской стрелковой дивизии к ночи с 23 на 24 ноября осталась боеспособной только артиллерия, пехота же не имела ни одной свежей части и по количеству штыков могла считаться максимум полком. Её разрозненные части занимали слишком растянутую позицию на фронте — около 5 км. Управление нарушилось, части перемешались, а наступившая ночь не позволила ориентироваться в обстановке и быстро привести их в порядок¹⁶.

Вместе с тем германское командование оценивало своё положение как близкое к полному краху. Войска, имея большую убыль в личном составе, обременённые обозами и ранеными, были крайне истощены. Однако ночью 24 ноября германская 3-я гвардейская резервная дивизия заняла Бжезину в тылу русских, где войск не оказалось. В это же время, получив данные о потерях, командир 6-й Сибирской стрелковой дивизии генерал-лейтенант О.А. фон Геннингс из-за «потери душевного равновесия» вместе со штабом покинул район боевых действий, уехав в неизвестном направлении. Уже после завершения сражения его нашли в Скерневицком госпитале среди «нервнорасстроженных»¹⁷.

Командование остатками дивизии принял на себя командир 6-й Сибирской стрелковой артиллерийской бригады генерал-майор Зелинский, решивший с утра 24 ноября атаковать противника по всему фронту.

¹⁴ Новиков Н. 6-я Сибирская дивизия... С. 17—24.

¹⁵ Зайончковский А.М. Первая мировая... С. 305.

¹⁶ Новиков Н. 6-я Сибирская дивизия... С. 34.

¹⁷ Краткая биография О.А. фон Геннингса // URL:<http://pskovgrad.ru/war/biography/> (дата обращения: 05.04.2014).

Начальник 2-й бригады генерал-майор Сулевич выступил резко против, ссылаясь на большие потери и общее расстройство частей. В конечном счёте, его отстранили от командования, что в ходе начавшегося боя привело к окончательной потере управления русскими войсками. К вечеру подразделения дивизии окружили со всех сторон, и командиры полков приказали ротам выходить из него «по собственному усмотрению». Все, кому удалось прорваться в северо-восточном направлении, постепенно стягивались в район Рогова, составив группу в 1500 чел. под командованием генерал-майора Сулевича (из, примерно, 15 000 первоначального состава)¹⁸.

По данным Н. Новикова, потери сибирских стрелков в боях с 21 по 24 ноября составили:

- убитыми и ранеными 60—65% офицеров и около 50% стрелков;
- пленными — 44 офицера и 3500 стрелков¹⁹.

Вместе с тем и потери группы Р. фон Шеффера оказались очень велики. При первоначальной численности в 48 000 чел. (25-й резервный корпус — 26 000 чел., 3-я гвардейская резервная дивизия — 13 000 чел., 6-я и 9-я кавалерийские дивизии — 9000 чел.) потери составили 42 000 убитыми, ранеными и пленными. Прорваться удалось только 6000 чел.²⁰

С фактической гибелью 6-й Сибирской стрелковой дивизии последнее препятствие на пути отступавшей группы Р. фон Шеффера было устранено. Германские войска вышли из окружения, успев беспрепятственно вывести обозы, многочисленных раненых, несколько тысяч пленных и трофеи. Сами немцы удачный прорыв рассматривали как маловероятное и даже в чём-то чудесное событие. Очень высоко оценивались боевые качества русских солдат. В течение двухдневных боёв Р. фон Шеффер считал, что перед ним действуют 4,5 корпуса, хотя на самом деле в районе Бжезины находилась только одна дивизия²¹.

Лодзинская операция завершилась в начале декабря 1914 г. Обе стороны не смогли выполнить намеченные цели и остались практически на первоначальных позициях²². Как писал сам Э. Людендорф, «крупная оперативная цель — уничтожить русских в излучине Вислы — не была достигнута»²³.

6-я Сибирская стрелковая дивизия, составлявшая до войны большую часть гарнизона г. Хабаровска, сыграла ключевую роль в срыве замыслов германского командования. По трагическому стечению обстоятельств это соединение оказалось без поддержки соседей на направлении главного удара превосходящих сил противника. Сибирские стрелки, несмотря на ошибки высших начальников и большие потери, в бою показали себя с самой лучшей стороны. Как отмечает А.А. Керсновский: «Превосходная 6-я Сибирская стрелковая дивизия приобрела в нашей военной литературе плохую

¹⁸ Новиков Н. 6-я Сибирская дивизия... С. 36—39.

¹⁹ Новиков Н. 6-я Сибирская дивизия... С. 40.

²⁰ Рыбин Д. Лодзинская операция на русском фронте... С. 46.

²¹ Вульфен К. фон. Лодзинское сражение (прорыв у Брезин). Петроград: Госиздат, 1921. С. 83—92.

²² Зайончковский А.М. Первая Мировая война... С. 307.

²³ Людендорф Э. Мои воспоминания о войне 1914—1918 гг. М.: Мн.: АСТ — Харвест, 2005. С. 109.

репутацию совершенно незаслуженно, как «выпустившая из мешка» немцев под Бжезинами. Обвинять два полка, оставленные высшими штабами без ориентировки, в том, что они не сумели сдержать и разбить 14 германских полков, нелепо. Войска эти показали, чего они стоили, летом 1916 г. на Волыни, когда три дивизии 22-го германского корпуса в сражении на Стыри 3 июля бежали шесть вёрст под штыками 21-го, 22-го, 23-го и 24-го полков, взявших тогда же 23 пушки за полчаса боя»²⁴.

На сегодняшний день обстоятельства участия солдат и офицеров Приамурского военного округа в сражениях Первой мировой войны дальневосточной общественности практически неизвестны. Поэтому одной из задач современных исследователей является сохранение памяти о подвигах соотечественников в ходе этих важнейших для нашей страны событий.

²⁴ Керсновский А.А. История русской армии. Т. 4. С. 195.

ОСОБЕННОСТИ НЕСЕНИЯ ПОЛИЦЕЙСКОЙ СЛУЖБЫ НА САХАЛИНЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Д.А. КУЗНЕЦОВ

Сахалинский государственный университет, г. Южно-Сахалинск

Полиция Российской империи вплоть до февраля 1917 г. представляла собой сложную систему органов, задачей которых была охрана общественного порядка и обеспечение внутренней безопасности государства путём принуждения и надзора. Одновременно она выполняла функцию общего административного управления. В целом в России было принято деление полиции на государственную и частную (на территориях, находящихся в сфере интересов российского государства). Государственная полиция делилась на общую и политическую, состоявшую из жандармерии и охранки.

В начале марта 1909 г. комиссия Государственной думы, обсуждавшая оборонные проблемы, рассмотрела вопрос о внешней безопасности Северного Сахалина и приняла решение о нецелесообразности «расположения воинских частей на острове», предложив заменить их полицейскими силами.

17 июня 1909 г. был принят Закон «Об административном переустройстве Приморской области и острова Сахалина». Была образована Сахалинская область Приамурского края. Центром стал пост Александровский. Управлял областью не военный, а гражданский губернатор. С 1911 по 1916 г. эту должность занимал действительный статский советник Дмитрий Дмитриевич Григорьев.

С образованием Сахалинской области в 1909 г. военно-полицейский аппарат был реформирован и заметно усилен. Согласно «Временному Положению об управлении Сахалинской областью», территорию её поделили на два административно-полицейских участка (Александровский и Тымовский), в которых учреждались участковые полицейские управления. В них сосредоточились функции крестьянского начальника, волостного правления, судебного пристава и др. Каждое из них возглавлял назначаемый приамурским генерал-губернатором начальник участка. В состав управления входила канцелярия: письмоводитель, бухгалтер и писцы. Участковые управления Сахалинской области и начальники участков пользовались правами и исполняли обязанности уездных полицейских управлений и уездных начальников в Сибири.

Опору их действиям составляли полицейский надзиратель в посту Александровском, полицейская стража — 32 чел., а с 1913 г. — Сахалинская пешая жандармская команда, численность которой первоначально составляла 390 чел.¹ На частные средства содержались по старшему стражнику на Дуйском каменноугольном руднике и на «нефтяных заявках» на северо-восточном берегу Сахалина².

¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 1075. Л. 27—29 об; Д. 884. Л. 2 об.

² РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 1063. Л. 9.

В ведении начальника Александровского участка находилась пристань в посту Александровском со всеми сооружениями и плавучими средствами, непосредственно руководил которой полицейский надзиратель. Конные стражники контролировали селения, а состоявшие при начальниках участков исполняли, кроме того, разные «срочные» поручения. Нижние чины полиции охраняли склады, полицейское управление, служили на посылках у начальника участка, сопровождали его в поездках.

В структуре местной полиции не было сыскных отделений, где бы выполнялись функции уголовного розыска. Расследованием преступлений занимались сами начальники участковых управлений, поскольку преступность на Северном Сахалине, к сожалению, не снижалась³. Чаще всего совершались преступления против собственности частных лиц, в первую очередь кражи личного имущества, далее следовали преступления против жизни, здоровья, свободы и чести частных лиц — убийства и нанесение телесных повреждений и, наконец, — преступления и проступки против общественного благоустройства и благочиния⁴. Из совершённых и зафиксированных преступлений более половины оставались нераскрытыми.

В качестве средств передвижения по вверенной территории чинов полиции в летнее время служили лодки, немногочисленные лошади, а зимой использовались нарты в собачьих и иногда оленьих упряжках. Всё это приходилось специально нанимать и содержать на довольно не малые по сахалинским расценкам деньги.

Старшие и младшие полицейские стражники были вооружены шашками и револьверами. Конные стражники — кавалерийскими винтовками Бердана или драгунскими кавалерийскими винтовками образца 1891 г.

К органам администрации и общей полиции на Сахалине примыкала жандармерия, созданная согласно Положению Военного совета «О сформировании на Сахалине и Камчатке пеших жандармских команд вместо расположенных там местных регулярных команд», высочайше утверждённому 12 апреля 1912 г. В результате военная команда, размещённая в посту Александровском, была реорганизована в Сахалинскую пешую жандармскую команду, которой предавались не только личный состав, но и вооружение, снаряжение, обмундирование местной команды, а также её финансы. Согласно «Положению», «в строевом, инспекторском и хозяйственном отношениях на правах начальника дивизии» пешая жандармская команда подчинялась начальнику жандармского полицейского управления Уссурийской железной дороги, который раз в год инспектировал её, а в отношении «исполнения полицейских обязанностей» — губернатору Сахалинской области⁵. Канцелярия начальника войск острова Сахалин упразднялась, а её сотрудники были переданы в подчинение 9-го Сибирского стрелкового полка.

³ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 1063. Л. 8.

⁴ ГИАСО. Ф. 19-и. Оп. 1. Д. 1. Л. 54.

⁵ ГАХК. НСБ. Инв. 1407. Приказы по военному ведомству за 1913 г.

К середине 1914 г. Сахалинскую пешую жандармскую команду практически полностью сформировали. В её состав входили 7 офицеров, врач, священник и 381 нижний чин. Недокомплект составлял лишь 4 младших офицера и священник. Офицерский состав пешей жандармской команды имел револьверы системы Смит и Вессон, а бойцов снабдили трёхлинейными, линейными пехотными винтовками. Начальником жандармской команды назначили подполковника Н.М. Будакова⁶. В процессе формирования команды выяснилось, что выделяемые для размещения её личного состава помещения не соответствуют элементарным условиям. В результате бойцам команды пришлось своими силами, временно проживая в палатках, ремонтировать старые и возводить новые помещения под казармы в ущерб исполнению своих прямых обязанностей. Полковнику Н.М. Будакову пришлось совмещать выполнение должностных обязанностей с руководством по строительству казарменных помещений.

В январе 1914 г. начальнику Сахалинской жандармской команды предоставили права в хозяйственном отношении командира батальона, находящегося в особой командировке⁷.

В связи с отсутствием на Северном Сахалине политических и революционных движений служба жандармской команды была «совершенно необременительна». Функции команды заключались главным образом в проверке паспортов пассажиров, прибывавших в навигационный период на пароходах в п. Александровский, охране тюрьмы, казначейства и почтово-телеграфной конторы, в сопровождении осуждённых на тюремные работы в посту Александровском, конвоировании арестованных в пределах области, карауле при гауптвахте. Бойцы команды выполняли обязанности посыльных, дежурных по команде, лазарету, хлебопекарне, конюшне, использовались на хозяйственных работах — ремонте зданий, заготовке дров для отопления, огородничестве. В целом срок службы младших чинов в команде не превышал три года⁸.

В соответствии с приказом начальника Штаба Отдельного корпуса жандармов с младшими чинами Сахалинской пешей жандармской команды проводились специальные занятия по строевой подготовке, обучению приёмам владения и обращения с оружием и словесные занятия. На последних изучались сведения из «Устава Уголовного судопроизводства» по делам, подсудным мировым судьям, действия полиции по делам, подсудным «Общим судебным установлениям», обязанности чинов Отдельного корпуса жандармов, обучались составлять протоколы, выявлять нелегальных лиц, проводить дознание по делам мировой и общей подсудности. На этих же занятиях зачитывались и разъяснялись циркулярные предписания Штаба Отдельного корпуса жандармов. Особое внимание отводилось информированию о событиях начавшейся Первой мировой войны. Занятия проводили унтер-офицеры, для удобства личный состав команды делили на отделения по 14—18 чел.⁹

⁶ РГИА ДВ. Ф. 800. Оп. 1. Д. 7. Л. 1 об.

⁷ РГИА ДВ. Ф. 1013. Оп. 1. Д. 2. Л. 4.

⁸ РГИА ДВ. Оп. 1. Д. 884. Л. 21 об., 76 об.; Д. 1063. Л. 10 об.

⁹ ГАХК. Ф. 16-и. Оп. 5. Д. 2. Л. 25.

Повседневная деятельность полиции на Северном Сахалине в предвоенные годы и в начале Первой мировой войны была сопряжена с целым рядом трудностей. В первую очередь это отсутствие удобного сообщения острова с материком и развитых внутренних транспортных коммуникаций. Короткий период навигации через Татарский пролив не позволял организовать регулярное снабжение островной полиции и жандармерии амуницией, новым обмундированием, оружием и боеприпасами из Владивостока, а также обеспечить должным образом почтовую связь между участковыми полицейскими управлениями и высшими чинами и подразделениями полиции на материке.

На самом острове лишь крупные селения соединялись между собой грунтовыми дорогами, а остальные — пешеходными тропами. В периоды весенней и осенней распутицы передвижение по ним было сильно затруднено. Зимой же дорожное сообщение и вовсе прекращалось. В летний и ранний осенний периоды сообщение между населёнными пунктами чаще всего осуществлялось по рекам. Эти обстоятельства заметно осложняли возможность манёвра для полицейских сил, почтовую связь между участковыми полицейскими управлениями, затрудняли контроль над внутренней обстановкой на территории участков и своевременное реагирование на преступные проявления.

Относительной оперативности принятия полицией необходимой служебной информации способствовала телеграфная связь, но и она не отличалась совершенством. Подводный телеграфный кабель, который ещё с 1880-х гг. связывал пост Александровский с Хабаровском, часто повреждался ледоходом и судами. Только в феврале 1916 г. в посту Александровском начала действовать радиотелеграфная станция. Телеграфные станции были созданы также ещё в нескольких селениях — Рыковском, Дербинском и Онор.

При относительно небольшой численности населения Северного Сахалина (к 1917 г. здесь насчитывалось 48 русских населённых пунктов, в которых проживали 7250 чел.) процент грамотных и образованных людей был чрезвычайно мал. В составе полицейской стражи служили по большей части малограмотные или совершенно не обученные грамоте стражники. Специальных школ для подготовки низших и средних чинов полиции не было из-за отсутствия средств. Существующий к тому времени штат должностей чинов общей полиции оказался чрезвычайно малочислен и далеко недостаточен по сравнению с реальными потребностями области в охране и поддержании правопорядка. Все эти факторы выдвигали проблему укомплектования полиции новыми кадрами и привлечения на службу квалифицированных работников. Получила распространение практика, когда свободные вакансии восполнялись людьми случайными или пришедшими из других ведомств, некомпетентными в деле охраны закона и правопорядка.

Не могли способствовать решению проблемы с кадрами малые размеры годовых окладов полицейских надзирателей (1152 руб. в год) и стражников (старших — 480 руб., младших — 420 руб., конных — 580 руб. в год), а

также некоторых канцелярских служащих с учётом высоких по общероссийским меркам того времени цен на продукты питания и товары первой необходимости¹⁰.

Начальники участковых полицейских управлений сильно ограничивались в возможностях не только периодически объезжать вверенные их надзору местности, но и бывать на местах для расследований или принятия других неотложных мер. Причина — законодательно установленный размер «разъездных денег», который не менялся с 1894 г. и составлял всего 500 руб. в год¹¹. При существующих на Северном Сахалине высоких ценах на содержание лошадей, наём лодок и нарт с учётом постоянной необходимости в таких поездках, нередко дальних по протяжённости, этой суммы едва хватало. Так, в конце 1914 г. начальнику Тымовского участка, содержавшему пару лошадей для служебных поездок по грунтовым дорогам участка, пришлось совершить две поездки по северо-восточному побережью Сахалина — одну в лодке, другую на нартах в собачьей, а потом и в оленьей упряжках, на которые он израсходовал около 400 руб.¹²

Продолжавшаяся война, ухудшавшаяся обстановка на фронте ещё больше усугубили положение. С весны 1916 г. в адрес пешей жандармской команды с большим опозданием поступали для ознакомления списки общего состава чинов Отдельного корпуса жандармов. Заметно уменьшилось, а с ноября 1916 г. и вовсе прекратилось снабжение участковых полицейских управлений канцелярскими и другими хозяйственными принадлежностями и бумагой ввиду подорожания сырья и трудовых затрат на их производство, а также сокращения кредитов на этот вид расходов.

К обострению проблемы кадров для полицейской службы привела организованная в июле 1915 г. кампания по мобилизации мужчин призывного возраста в действующую армию, проведение которой обеспечивала сама же полиция.

Созданная к 1914 г. сеть полицейских учреждений и жандармского аппарата для Сахалинской области оказалась недостаточной. Не только отдалённые, но и ближайшие к административным центрам селения, дороги, «пограничные места», «рыбалки» оставались совершенно без полицейского надзора¹³. Большая площадь островной территории области (35 000 кв. вёрст) и протяжённость её на 600 вёрст с севера на юг, разбросанность населённых пунктов, низкая плотность населения, примитивность, а то и отсутствие путей сообщения только усложняли дело. Стражники распределялись крайне неравномерно. Так, 16 полицейских находились в посту Александровском, 4 — на территории Александровского участка и 11 — Тымовского (из них 7 — в селении Рыковском). То есть, большинство приходилось на административные центры, а на селения — лишь по одному человеку¹⁴. То,

¹⁰ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 1063. Л. 18.

¹¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 1063. Л. 15.

¹² РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 1063. Л. 16.

¹³ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 884. Л. 96

¹⁴ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 1063. Л. 8 об.

что недостаток полицейских восполняли бойцы пешей жандармской команды, лишь частично решало проблему.

Первая мировая война внесла некоторые существенные коррективы в повседневный распорядок несения полицейской службы на Северном Сахалине.

С июля 1915 г. полицейским надзирателем поста Александровского было получено предписание проводить тщательную проверку паспортов у всех вновь прибывающих лиц¹⁵. Из Департамента полиции МВД в канцелярию губернатора Сахалинской области, а уже оттуда непосредственно в участковые полицейские управления направлялись списки и приметы прибывших в Российскую империю и подозреваемых в шпионаже. Начальники Александровского и Тымовского участковых полицейских управлений в 1915—1917 гг. докладывали в контрразведывательное отделение штаба Приамурского военного округа о том, как ведётся наблюдение за иностранцами и вызывающими подозрение в политической неблагонадёжности соотечественниками, соблюдается паспортный режим. И получали указания незамедлительно уведомлять о появлении подозрительных лиц, во вверенном районе¹⁶.

Кроме того, на острове появилась такая категория населения, как беженцы из районов военных действий, за которыми был также установлен особый полицейский надзор.

В начале XX в. изменяющиеся политические и социально-экономические условия в России требовали от правительства реформирования всего полицейского аппарата империи, приспособления его к новым условиям и заставляли правительство искать пути усиления полиции.

События первой русской революции 1905—1907 гг. наглядно продемонстрировали необходимость реформирования системы полиции. Для этой цели, начиная с 1906 и вплоть до 1916 г., постоянно создавались многочисленные комиссии и подкомиссии для выработки оптимального варианта переустройства полицейских сил. Наиболее подготовленным и перспективным законопроектом по реформированию полиции был вариант, представленный «Межведомственной комиссией о преобразовании полиции в Империи» под руководством сенатора А.А. Макарова. В марте 1913 г. этот законопроект внесли на рассмотрение в Совет министров, а затем и в особую комиссию Государственной думы, где он оставался до 1916 г. Итогом работы Межведомственной комиссии стала разработка трёх важных документов: проект «Учреждение полиции», «Устав полицейского» и «Заключение»¹⁷.

Первый проект предусматривал упразднение губернских жандармских управлений; создание особой канцелярии при губернаторе, на которую

¹⁵ ГИА ДВ. Ф. 1422. Оп. 1. Д. 3. Л. 21.

¹⁶ ГИА СО. Ф. 19-и. Оп. 1. Д. 1. Л. 52—53, 59.

¹⁷ Касьянов А.В. К вопросу о реформировании полиции Российской империи в годы Первой мировой войны. // Проблемы отправления правосудия по уголовным делам в современной России: теория и практика. Материалы V-ой Междунар. науч.-практ. конф. 11—13 апреля 2013 г. Курск, 2013. С. 309.

возлагались все дела по полицейской части; введение новой должности помощника губернатора по полицейской части для заведования особой канцелярией. Помощник губернатора назначался из офицеров Отдельного корпуса жандармов.

Уездные исправники переименовывались в уездных начальников, предполагалось упразднить уездные и городские полицейские управления и заменить их канцеляриями при уездных начальниках и полицмейстерах. Учреждались новые должности старших офицеров полицейской стражи вместо существовавших ранее инспекторов, а также новые должности помощников станowych приставов. Околоточные надзиратели переименовывались в полицейских надзирателей с повышением класса должности. Для определения численного состава полиции в каждом городе или уезде предполагалось установить особые нормы соотношения между численностью населения и полицией. Для лиц, желавших занять полицейские должности, устанавливался образовательный ценз. Для подготовки полицейских чинов учреждались особые курсы и полицейские школы. Значительно увеличивалось содержание чинов полиции, плата назначалась в зависимости от разряда местности, в которой проходила служба. С полиции снимались не свойственные ей обязанности и передавались в другие учреждения¹⁸.

Генерал-губернаторам и губернаторам на местах предоставлялась возможность принять участие в обсуждении данных проектов преобразования полиции и высказать свои соображения и предложения по поводу их содержания. Этим обстоятельством воспользовался губернатор Сахалинской области Д.Д. Григорьев, который обстоятельно изучил содержание проекта «Учреждения полиции» и подготовил «Постатейные заключения» к данному проекту в отношении его приемлемости к Сахалинской области. 26 января 1915 г. он направил свои «соображения об устройстве полицейской части в Сахалинской области» на рассмотрение Приамурского генерал-губернатора Н.Л. Гондатти. Внедрение их в жизнь должно было приблизить сахалинскую полицию к общероссийскому аналогу. В частности, он предлагал разделить область на три уезда — Сахалинский, Николаевский и Амгунский, которые, в свою очередь, дробились на более мелкие полицейские единицы — 9 станов. Сахалинский уезд состоял из двух станов — Александровского и Тымовского, центром каждого из которых становился административный центр участка. На уровне уезда полицейский надзор должен был осуществлять уездный исправник, а в станах — становые приставы. Выбор данной модели губернатор обосновывал не ростом населения, как полагалось, исходя из проекта Учреждения полиции для Европейской России, а особыми местными условиями — географическим положением, разбросанностью населённых пунктов, составом населения, неразвитостью коммуникаций и прочим¹⁹. Проект Д.Д. Григорьева указывал

¹⁸ Кузнецов А.Д., Несмиянов А.Н. Проекты реформирования полиции Российской империи в предреволюционный период // История государства и права. 2000. № 3. С. 18.

¹⁹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 1063. Л. 36—38.

на просчёты сложившейся практики комплектования полицейских органов на Сахалине, предписывал пути их устранения, определял оптимальные штаты городской и уездной полиции, а также предусматривал целый ряд дельных предложений, направленных на улучшение условий несения полицейской службы.

В частности, был спроектирован оптимальный для содержания штат будущей уездной полицейской стражи: 4 урядника, 2 старших и 10 стражников. В посту Александровском планировалось учредить городскую полицию; расширить права частной полиции, обязав её полицейских исполнять свои обязанности не только в пределах той местности, для которой они предназначены, но и в её окрестностях. Установить повышенные оклады годового содержания, соответствующие местностям первого разряда для уездного исправника (3200 руб.), его помощника (1200 руб.), двух станových приставов и городского пристава поста Александровского (по 960 руб.), а также увеличить оклады годового содержания канцелярским служащим уездного полицейского управления с 640 до 960 руб. — регистратору канцелярии исправника, секретарю, двум столоначальникам, письмоводителю городского пристава, бухгалтеру. Предлагалось увеличить в два раза годовые разъездные оклады уездным исправникам с 500 до 1000 руб.²⁰

Ввиду отсутствия возможности учредить в области школы для подготовки к службе нижних чинов полиции, а также для ведения при школах испытаний в грамотности и знакомства с полицейской службой лиц, желавших работать в полиции, предлагалось учредить курсы при Сахалинской пешей жандармской команде. Преподавательский состав предполагалось сформировать из офицеров команды.

Планировалось также предоставить помещения в казённых зданиях под квартиры для всех чинов полиции, а также предусмотреть казённые помещения для содержания арестованных и хранения архива полицейских учреждений. На содержание, освещение и отопление предусмотреть кредиты из особой суммы, предоставляемой ежегодно МВД. Урядники и стражники уездной полиции в случае отсутствия казённого жилья должны были получать специальные квартирные деньги²¹.

Однако, как показали дальнейшие события, время для проведения реформ полицейских органов было упущено. К большому сожалению, проект губернатора Сахалинской области Д.Д. Григорьева остался на бумаге, не успев реализоваться в связи с последовавшими вскоре революционными событиями в стране. В 1916 г. МВД стало срочно формировать лишь те предложения, которые могли усилить надёжность полиции. В связи с этим срочно проводилась частичная реформа, касавшаяся только вопросов личного состава полиции, преобразования проводились в упрощённом виде и в ускоренном порядке. 23 октября 1916 г. Совет министров принял

²⁰ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 1063. Л. 12 об.

²¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 1063. Л. 10., 15 об.

Постановление «Об усилении полиции в 50 губерниях Империи и об улучшении служебного и материального положения полицейских чинов»²². Указанным постановлением устанавливался численный состав полиции в соответствии с численностью населения, повышались оклады, вводился образовательный ценз.

В результате с 1 января 1917 г. годовой оклад полицейского надзирателя поста Александровского вырос на 280 руб. и составил 2460 руб.; старших полицейских стражников и конных стражников увеличился на 120 руб. и составил соответственно 600 и 700 руб. С добавлением младшим полицейским стражникам 105 руб. их оклад составил 525 руб. У канцелярских служащих, письмоводителя и бухгалтера Александровского участкового полицейского управления зарплата увеличилась на 240 руб. и составила от 1185 до 1854 руб. в год²³.

Таким образом, к началу Первой мировой войны структура полицейских органов, правовой статус полицейских служащих и организация полицейской службы на Северном Сахалине постепенно приблизились к общероссийскому образцу, сохраняя некоторые специфические черты. Война обострила проблемы охраны и обеспечения общественного порядка, стимулировав поиск наиболее оптимальных форм организации и деятельности местного полицейского аппарата. Однако все меры по улучшению организации полицейских органов и службы в них предусматривали увеличение штатов, зарплат, а также повышение профессионализма служащих. Но Февральская революция 1917 г., после которой были упразднены Отдельный корпус жандармов и Департамент полиции со всеми структурными подразделениями на местах, не позволила полностью реализовать эти начинания.

²² Кузнецов А.Д., Несмиянов А.Н. Проекты реформирования полиции... С. 18.

²³ РГИА ДВ. Ф. 1643. Оп. 1. Д. 3. Л. 5—5 об.

ВОЕННО-МОРСКОЙ ФЛОТ ЯПОНИИ ВО ВРЕМЯ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

А.В. ПОЛУТОВ

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток*

Одной из малоизученных страниц истории Первой мировой войны продолжают оставаться действия вооружённых сил Японии против Германии и её союзников на европейском и тихоокеанском театрах военных действий. В настоящей статье предпринята попытка хотя бы частично устранить этот пробел в отношении действий военно-морского флота Японии во время Великой войны.

4 августа 1914 г. Англия объявила войну Германии и уже через три дня обратилась к Японии с просьбой уничтожить немецкие вспомогательные крейсеры в китайских водах*. В тот же день кабинет министров Японии принял решение вступить в войну, так как это, с одной стороны, показывало верность союзническому долгу в рамках англо-японского союза, а с другой, давало возможность захватить германские владения в Китае.

9 августа японское правительство информировало Англию о том, что Япония готова вступить в войну и уничтожить немецкие вспомогательные крейсеры, руководствуясь положениями англо-японского союза 1911 г., «...но одновременно заявило, что нецелесообразно ограничивать действия японского флота только этой задачей; Япония готова выполнить свои союзные обязательства, т.е. объявить войну Германии и захватить Циндао, основную базу Германии на Дальнем Востоке, которая может послужить опорным пунктом для дальнейших враждебных действий Германии на Тихом океане»¹.

Англия попыталась сдержать японские инициативы, предложив ограничить «...роль Японии задачами по защите морских торговых коммуникаций и не спешить с объявлением войны Германии, и 10 августа отозвала свою просьбу об уничтожении немецких вспомогательных крейсеров»². Но эта попытка Англии и «...все её дальнейшие старания ограничить военные операции Японии китайскими водами также закончились неудачей»³.

15 августа Япония предъявила Германии ультиматум: «1. Вывести незамедлительно из японских и китайских вод германские военные и всякого рода вооружённые суда и разоружить тотчас же те из них, которые не могут быть выведены. 2. Передать не позднее 15 сентября с.г. японским властям, без предъявления каких-либо условий и без компенсаций, всю арендованную территорию Цзяочжоу в целях эвентуального возвращения таковой Китаю»⁴.

* Имелись ввиду акватории Жёлтого, Восточно-Китайского и Южно-Китайского морей.

¹ Гальперин А. Англо-японский союз. 1902—1921 годы. М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1947. С. 307.

² 洞 富雄. 近代の戦争 第三卷 第一次世界大戦. 東京、人物往来社、1966年。= Хора Томио.

Современные войны. Т. 3. Первая мировая война. Токио: Дзимбуцу орайса, 1966. С. 82.

³ Гальперин А. Англо-японский союз... С. 308.

⁴ Гримм Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории международных отношений на Дальнем Востоке (1842—1925). М.: Издание Института востоковедения, 1927. С. 187.

18 августа морской министр Японии отдал приказ развернуть военно-морской флот по штатам военного времени*, а двумя днями ранее по приказу военного министра началось развёртывание экспедиционного корпуса и фрахтовка судов для морских перевозок. 23 августа, так и не получив ответа на свой ультиматум, Япония объявила войну Германии, указав в манифесте: «...мы, с нашей стороны, сохраняли надежду на сохранение мира на Дальнем Востоке путём соблюдения строгого нейтралитета, однако действия Германии принудили в конце концов Великобританию, нашего союзника, открыть враждебные действия против этой страны, а Германия занята в Цзяочжоу, арендованной ею в Китае территории, военными приготовлениями в то время, как её вооружённые суда, крейсирующие в морях Восточной Азии, угрожают нашей торговле и торговле нашего союзника»⁵. В этот же день линейный крейсер «Ибуки» и крейсер II класса «Тикума»** приступили к совместным действиям с английской Китайской эскадрой⁶.

К этому моменту морское министерство и Морской Генеральный штаб (МГШ) завершили мобилизационные мероприятия и по состоянию на 25 августа было сформировано три эскадры, включавшие в себя шесть боевых отрядов, два боевых отряда миноносных сил, отряд тральщиков, авианосный отряд и отряд судов специального назначения, в которые входили 4 линкора, 4 линейных крейсера, 3 корабля береговой обороны I класса, 4 корабля береговой обороны II класса, 3 крейсера I класса, 8 крейсеров II класса, 24 миноносца, 7 канонерских лодок, один гидроавиатранспорт, 23 тральщика и шесть вспомогательных кораблей и судов. В 1914—1918 гг. боевая организация и корабельный состав эскадр неоднократно изменялись применительно к задачам флота на театре военных действий и потребностям в доковании и ремонте кораблей и судов.

Таблица 1
Корабли основных классов в боевом составе японского
военно-морского флота (1914—1918 гг.)

Класс корабля	1914 г.	1915 г.	1916 г.	1917 г.	1918 г.
Линкоры и линейные крейсера	14	17	14	16	16
Крейсеры I класса	13	12	12	12	12
Крейсеры II класса	13	12	11	10	10
Миноносцы	50	59	63	65	71
Всего	90	100	100	103	109

* Во время Первой мировой войны Япония не создавала Ставки Верховного Главнокомандующего и не развёртывала Объединённый флот. Основной театр военных действий находился на просторах Атлантического океана и Европы и Япония не планировала направлять туда крупные силы армии и флота, так как её интересы были гораздо ближе — в Китае и Тихом океане, а для проведения операций в этих районах стратегического командования в лице Ставки и стратегического объединения флота не требовалось.

⁵ Гримм Э.Д. Сборник договоров и других документов по истории... С. 187.

** «Тикума» безуспешно пытался найти немецкий крейсер «Эмден» в водах Голландской Ост-Индии и Бенгальского залива.

⁶ 日本軍艦史. 東京. 海人社、1995年。= История кораблей Японии. Токио: Кайдзинся, 1995. С. 187.

27 августа японский флот объявил о блокаде Циндао и совместно с экспедиционным корпусом и английскими морскими и сухопутными силами приступил к операции против немецкой крепости, блестяще описанной в классическом труде адмирала И.С. Исакова, в котором содержатся чрезвычайно важные, на наш взгляд, выводы, касающиеся не только этой операции, но и применимые ко всем последующим действиям японского флота во время Первой мировой войны. Эти выводы сводятся к тому, что Япония для проведения операций на море привлекала значительно больше сил, чем фактически требовалось, обеспечивая тем самым количественное и качественное превосходство, что исключало неудачу даже в случае неблагоприятного стечения обстоятельств и сводило риск к минимуму⁷.

Осада Циндао была самой значительной операцией японской армии и флота против Германии на тихоокеанском театре военных действий. В то же время силы японского флота совместно с союзниками развернули действия против Восточно-Азиатской крейсерской эскадры Германии* в южной части Тихого океана. Ещё в марте 1914 г. Уинстон Черчилль заявил в парламенте, что «...два или три дредноута в австралийских водах будут бесполезными после поражения британского флота в водах метрополии»⁸. Это означало усиление зависимости Англии от союзников на морских театрах военных действий. Япония не замедлила этим воспользоваться.

14 сентября 1914 г. под командованием вице-адмирала Ямая Танин был сформирован 1-й отдельный экспедиционный отряд Южных морей в составе линейных крейсеров «Курама» и «Цукуба», крейсера I класса «Асама» и 16-го отряда миноносцев. 26 сентября для усиления отряда вице-адмирала Ямая был сформирован 2-й отдельный экспедиционный отряд Южных морей под командованием контр-адмирала Мацумура Тацуо в составе линейного корабля «Сацума» и крейсеров II класса «Яхаги» и «Хирадо», который патрулировал морские коммуникации в водах Австралии и вёл поиск немецких рейдеров⁹.

В конце сентября — начале октября силами отрядов были оккупированы остров Яп**, Маршалловы, Каролинские и Марианские острова. Действовавший самостоятельно линейный корабль «Катори» захватил остров Сайпан¹⁰. 1 октября 1914 г. для защиты и проводки английских морских конвоев в районе Голландской Ост-Индии и Австралии был сформирован Особый экспедиционный отряд Южных морей в составе

⁷ Исаков И.С. Операция японцев против Циндао в 1914 г. 3-е изд. Москва; Ленинград: Государственное военно-морское изд-во НКВМФ Союза ССР, 1941. С. 129—130.

* Восточно-Азиатская эскадра под командованием вице-адмирала Максимилиана фон Шнее в составе броненосных крейсеров «Шарнхорст», «Гнейзенау», лёгких крейсеров «Нюрнберг», «Лейпциг» и «Эмден» перед самым началом осады Циндао скрытно ушли из крепости и действовала на морских коммуникациях южной части Тихого океана.

⁸ Saxon, Timothy D. Anglo-Japanese Naval Cooperation, 1914—1918 // Naval War College Review; Winter 2000, Vol. 53. Issue 1. P. 65.

⁹ 日本海軍編制事典。坂本正器・福川秀樹編著。東京、芙蓉書房、2003年。= Справочник по организационно-штатной структуре японского флота / под ред. Сакамото Сэйки и Фукукава Хидэки. Токио: Фудэ сёбо, 2003. С. 153—154.

** Позднее остров Яп. по просьбе Англии был передан английскому флоту.

¹⁰ Хора Томио. Современные войны. Т. 3. Первая мировая война... С. 121—122.

линейного крейсера «Ибуки», крейсера I класса «Ниссин» и крейсера II класса «Тикума» под флагом капитана Гранга Като Хирохару¹¹. Уже 16 октября отряд приступил к проводке первого конвоя с австралийскими и новозеландскими частями из Веллингтона до Адена в Красном море.

28 октября английский крейсер «Сидней» утопил крейсер «Эмден», 7 ноября пала крепость Циндао, 8 декабря в морском бою у Фолклендских островов погибла Восточно-Азиатская крейсерская эскадра Германии. Япония и Англия завоевали господство на море в Тихом океане и 28 декабря 1914 г. был расформирован отряд контр-адмирала Мацумура, а 1 февраля 1915 г. — отряды вице-адмирала Ямая и капитана I ранга Като Хирохару.

После удачного завершения осады Циндао флот освободился от устаревших и практически полностью выработавших свой ресурс кораблей 2-й эскадры, которая вела непосредственные действия против крепости*. И.С. Исаков писал: «Основное ядро эскадры... было отобрано исключительно из трофейных кораблей, восстановленных после русско-японской войны, т.е. кораблей, устаревших и непригодных уже для морского боя с современным противником. Образно выражаясь, можно сказать, что война из-за Циндао была войной трофеев, так как германцы использовали на батареях пушки, взятые ими под Парижем и Таку, а японцы — корабли, взятые в Цусиме»¹².

В ноябре 1914 г. был сформирован и направлен в объятую революционным пожаром Мексику Отдельный американский экспедиционный отряд в составе линейного корабля «Хидзэн» и крейсеров I класса «Идзумо» и «Асама» для защиты японских подданных и выполнения задач дозорно-патрульной службы на переходе через Тихий океан и мексиканского побережья, где действовал до мая 1915 г.

В январе 1915 г. Япония предъявила Китаю «Двадцать одно требование» и приступила к постепенному наращиванию сил флота в китайских водах. На тихоокеанском театре военных действий возникла оперативная пауза, но отдельные корабли и соединения японского флота в течение года выходили на дозорно-патрульную службу в районе Сингапура и водах Голландской Ост-Индии. Наиболее значимым событием было участие японского флота силами двух крейсеров совместно с англичанами, французами и русскими в подавлении восстания индийских войск в Сингапуре¹³.

В начале 1916 г. Англия вновь обратилась за помощью к Японии в связи с активными действиями немецких вспомогательных крейсеров, на

¹¹ Справочник по организационно-штатной структуре японского флота... С. 154.

* 13 декабря 1915 г. корабли береговой обороны I класса «Суо» (бывш. «Победа»), «Ивами» (бывш. «Орёл»), «Танго» (бывш. «Полтава»), корабли береговой обороны II класса «Окиносима» (бывш. «Генерал-адмирал граф Апраксин») и «Мисима» (бывш. «Адмирал Сенявин») были выведены из боевого состава флота, а позднее исключены из списков флота. В 1916 г. Япония передала России «Танго», «Сагами» (бывш. «Пересвет») и «Соя» (бывш. «Варяг») и получила за эти морально и физически устаревшие корабли около 15 млн иен золотом.

¹² Исаков И.С. Операция японцев против Циндао в 1914 г. С. 129—130.

¹³ Гальперин А. Англо-японский союз... С. 311; Saxon, Timothy D. Anglo-Japanese Naval Cooperation... P. 74.

минах которых погибло значительное количество судов. По решению японского правительства Морской Генеральный штаб направил соединение миноносцев, для охраны Маллакского пролива, имевшего стратегическое значение для морских перевозок, соединения крейсеров и миноносцев для дозорно-патрульной службы в Индийском океане, море Сулу и водах Голландской Ост-Индии. Крейсера «Тикума» и «Хирадо» выполняли задачи по проводке морских конвоев из Австралии и Новой Зеландии¹⁴.

Тем не менее, в 1915—1916 гг. командование английского флота считало «неудовлетворительным» степень участия японского флота в войне¹⁵, а в Японии в свою очередь критически оценивали Англию: «Англичане на Востоке, кажется, верят в значительную мощь их военно-морских сил, однако британская военная мощь оказалась не столь могущественной, как это думали многие, что видно хотя бы из той угрозы, под которой находится сейчас Суэц. В финансовом отношении Япония не может соперничать с Англией, но на Востоке Япония сильнее любого европейского государства»¹⁶.

Япония прекрасно понимала значение своего флота для Англии, которая в течение всей войны избегала любых обострений в двусторонних отношениях и шла на многочисленные уступки. В конце 1916 — начале 1917 г. обстановка на средиземноморском театре военных действий становилась для стран Антанты всё более угрожающей из-за действий немецких подводных лодок, наносивших значительный урон морским перевозкам союзников¹⁷.

Англия в очередной раз обратилась с просьбой о помощи к Японии и в ходе переговоров, по признанию Ллойд Джорджа «...была вынуждена согласиться на японское требование о поддержке её притязаний на германские владения в Китае и на Тихом океане, так как Япония в противном случае отказывалась послать свои истребители в Средиземное море для борьбы с германскими подводными лодками, в то время как Германия объявила неограниченную подводную войну»¹⁸.

В феврале—марте 1917 г. состоялся обмен нотами между Японией, Англией, Россией, Францией и Италией о признании японских прав на германские владения в Китае и островов в Тихом океане, расположенных к северу от экватора¹⁹. Реакция Японии, получившей желаемое, последовала незамедлительно. 7 февраля 1917 г. были сформированы 1-я и 2-я эскадры особого назначения, а 13 апреля — 3-я эскадра специального назначения²⁰.

¹⁴ Saxon, Timothy D. *Anglo-Japanese Naval Cooperation...* P. 74.

¹⁵ Saxon, Timothy D. *Anglo-Japanese Naval Cooperation...* P. 75.

¹⁶ Гальперин А. *Англо-японский союз...* С. 317—318.

¹⁷ Хора Томио. *Современные войны. Т. 3. Первая мировая война...* С. 125.

¹⁸ Гальперин А. *Англо-японский союз. 1902—1921 годы...* С. 310—311.

¹⁹ Гримм Э.Д. *Сборник договоров и других документов по истории...* С. 192—194.

²⁰ *Справочник по организационно-штатной структуре японского флота...* С. 161.

Таблица 2

Эскадры особого назначения

Боевой состав	Боевые задачи
1-я эскадра особого назначения (контр-адмирал Огури Кодзабуро)*	
Крейсеры II класса: «Яхаги», «Цусима», «Ниитака», «Сума», 2-й отряд миноносцев («Камикадзэ»), «Хацусимо», «Кисараги», «Хибики»	Защита морских коммуникаций в Южно-Китайском море, море Сулу, водах Голландской Ост-Индии, районе Сингапура и Индийском океане до мыса Доброй Надежды.
2-я эскадра особого назначения (контр-адмирал Сато Кодзо)	
Крейсер II класса «Акаси», 10-й отряд миноносцев («Кацура», «Умэ»), «Кадэ», «Кусуноки»), 11-й отряд миноносцев («Суги», «Касива», «Мацу», «Сакаки»)	Борьба с немецкими и австро-венгерскими подводными лодками и защита морских коммуникаций союзников в Средиземном море.
3-я эскадра особого назначения (контр-адмирал Ямадзи Кадзюёси)	
Крейсеры II класса: «Хирадо», «Тикума».	Защита морских коммуникаций в районе Австралии и Новой Зеландии.

Действия этих соединений вплоть до настоящего времени остаются вне поля зрения отечественных исследователей, а мы более подробно остановимся на 2-й эскадре особого назначения. 18 февраля 1917 г. 11-й отряд миноносцев вышел из Сасэбо, 5 марта соединился в Сингапуре с крейсером «Акаси» и 10-м отрядом миноносцев. 11 марта 1917 г. эскадра вышла из Сингапура и по пути через Индийский океан приняла участие в операции по поиску немецких рейдеров. 4 апреля она прибыла в Аден и 10 апреля приступила к проводке британского транспорта «Saxon» с войсками на борту²¹. Оба отряда миноносцев состояли из миноносцев II класса типа «Каба», построенных в 1914—1915 гг. по проекту военного времени и имевших весьма неплохие тактико-технические характеристики²².

13 апреля японская эскадра прибыла к месту своего базирования на Мальте как нельзя вовремя, там же она получила на вооружение глубинные бомбы типа «D» английского производства. Во время Первой мировой войны Антанта потеряла судов общим водоизмещением более 12 млн т, из которых 3,09 млн т пришлось на потери от мин и подводных лодок противника в Средиземном море*. С февраля по декабрь 1917 г. потери союзников

* 12 декабря 1917 г. был назначен новый командующий контр-адмирал Такэсита Исаму, увеличен боевой состав, в том числе за счёт расформированной в тот же день 3-й эскадры особого назначения: крейсеры I класса «Якумо», «Касуга», крейсеры II класса «Тикума», «Яхаги», «Цусима», «Сума», канонерская лодка «Ёдо» и 6-й отряд миноносцев («Харукадзэ»), «Хацуюки», «Сигурэ», «Хацухару»).

²¹海軍水雷史。海軍少将木本伍六編。東京、海軍水雷史刊行会、信行社、非売品、1979年。= История минного оружия флота / под ред. контр-адмирала в отставке Кимото Гороку. Токио: Общество по изданию исторических материалов по истории минного оружия флота, изд-во Синкося, «не для продажи», 1979. С. 951.

²²日本駆逐艦史。世界の艦船、増刊第34集、1992年、7月号増刊、No453。= История миноносцев Японии // Корабли и суда мира, дополнительный специальный выпуск № 34, 1992, июльский дополнительный выпуск, № 469. С. 42.

* С целью избежать потерь от подводных лодок противника Антанта рассматривала план сокращения

составили 2566 судов общим водоизмещением 5,7 млн т или 48% всех потерь в войне. Только в апреле того же года потери составили 218 тыс. т²³.

На японскую эскадру была возложена жизненно важная для Антанты задача по проводке и защите конвоев с войсками из Порт-Саида во Францию, где фронт остро нуждался в подкреплениях после кровопролитных сражений.

Во второй половине 1917 г. эскадра была усилена пришедшим на замену «Акаси» крейсером I класса «Идзумо» и 15-м отрядом миноносцев в составе «Каси», «Янаги», «Хиноки» и «Момо»²⁴. Это были одни из самых современных на то время японских миноносцев I класса типа «Момо», построенных в 1916—1917 гг. и имевших более высокие, чем у типа «Каба», тактико-технические характеристики²⁵.

В июне того же года в состав эскадры были включены два английских тральщика, а в октябре — два английских миноносца²⁶, которые были переименованы, укомплектованы японскими экипажами и действовали под японским военно-морским флагом*. В 1918 г. эскадра была усилена крейсером I класса «Ниссин» и тогда же были изменены номера отрядов миноносцев 10-й, 11-й и 15-й на 22-й, 23-й и 24-й соответственно²⁷.

Активные действия японской эскадры наглядно характеризуются уже тем, что она провела в море 72% всего времени, в то время как английские корабли только 60%, а французские — не более 45%. 4 мая 1917 г. японские миноносцы «Сакаки» и «Мацу» приняли участие в спасении экипажа и военнослужащих транспорта «Трансильвания», который был торпедирован немецкой подводной лодкой U-63**. Японцы быстро разработали и эффективно применяли на практике ордера конвоев из 5 и более транспортов, 4, 3, 2 транспортов и одиночных судов, а так же тактические приёмы борьбы с подводными лодками противника. Обычно конвой состоял из пяти или семи транспортов, а эскорт — из пяти или восьми миноносцев, но в сентябре 1918 г. миноносцы «Сакаки» и «Мацу» совместно с двумя английскими и одним американским кораблём осуществили проводку конвоя из 18 транспортов с английскими, французскими и итальянскими войсками на борту²⁸.

Особое значение действия эскадры приобрели в начале 1918 г., когда союзники начали наступление на Западном фронте. Только в апреле—мае японские миноносцы обеспечили перевозку более 100 тыс. солдат и офицеров из Александрии в Марсель. Всего за время своего пребывания в

морских перевозок в Средиземном море и отправки конвоев вокруг мыса Доброй Надежды.

²³ Saxon, Timothy D. *Anglo-Japanese Naval Cooperation...* P. 80.

²⁴ Справочник по организационно-штатной структуре японского флота... С. 163.

²⁵ История миноносцев Японии... С. 50.

²⁶ История кораблей Японии... С. 188—189, 190; Saxon, Timothy D. *Anglo-Japanese Naval Cooperation...* P. 80.

* Переоборудованные из траулеров тральщики «Miningsby» и «Токуо» переименованы в «Сайкё» и «Токио» соответственно, 21 ноября 1918 г. возвращены Англии на Мальте. Миноносцы типа «Н» — «Minstrel» и «Nemesis», переименованы в «Сэндан» и «Канран» соответственно, 17 января 1919 г. возвращены Англии в Плимуте.

²⁷ Справочник по организационно-штатной структуре японского флота... С. 166.

** Из трёх тысяч человек погибли 413, остальные были спасены японскими, французскими и итальянскими моряками.

²⁸ История минного оружия флота... С. 952—955.

Средиземном море японская эскадра осуществила 350 проводок 21 корабля и 767 транспортов союзников, на которых было перевезено свыше 750 тыс. солдат и офицеров²⁹. Японские миноносцы 34 раза (по другим данным — 25 раз) вступали в бой с немецкими и австро-венгерскими подводными лодками, в ходе которых «Мацу» и «Сакаки» получили повреждения.

В то же время следует отметить, что Япония строго обозначила для себя рамки союзнических обязательств по линии военно-морского флота и не собиралась за них выходить ни при каких обстоятельствах. Во время войны в боевой состав японского флота входили четыре линейных крейсера типа «Конго», являвшиеся в то время самыми мощными в мире кораблями в своём классе³⁰. Англия была крайне заинтересована в том, чтобы эти корабли приняли участие в действиях против немецкого флота в Атлантике. В середине 1917 г. Первый морской лорд адмирал Джон Желлико предложил попросить у Японии два линейных крейсера, но японское правительство отказалось «...продавать или посылать на службу в Гранд-флит эти корабли»³¹.

11 ноября 1918 г. было заключено Компьенское перемирие, но японская эскадра оставалась в европейских водах ещё несколько месяцев. Корабли эскадры оказывали содействие Антанте в процедуре сдачи военно-морского флота Германии. Крейсер «Идзумо» и миноносцы «Хиноки» и «Янаги» перешли с Мальты в Скапа-Флоу для охраны кораблей немецкого флота и подготовки к перегону в Японию семи трофейных немецких подводных лодок. Миноносцы «Кацура», «Мацу», «Сакаки» и «Казэд» ушли в Бриндизи для оказания помощи английскому флоту в процедуре капитуляции немецких и австро-венгерских кораблей в Средиземном море.

В марте—мае 1919 г. корабли эскадры в составе нескольких групп, включая 7 трофейных подводных лодок, отправились из Средиземного моря в Японию и 2 июля того же года прибыли в Ёкосука. 9 августа 1919 г. 2-я эскадра специального назначения была расформирована³². Это соединение сыграло важную роль не только в чисто военном отношении, но и наглядно показало европейским государствам возможности военно-морского флота Японии, который мог быть не только мощным союзником, но и стать грозным противником.

В то же время Япония продолжала закреплять свои территориальные завоевания и усиливать своё военное присутствие в Китае. 10 августа 1918 г. была сформирована Китайская экспедиционная эскадра, которая 9 августа следующего года была реорганизована в 1-ю экспедиционную эскадру для выполнения задач патрульной и сторожевой службы в китайских водах.

Боевые потери японского военно-морского флота во время Первой мировой войны были невелики, особенно по сравнению с флотами Англии и Германии. Во время осады Циндао немецкий миноносец S-90 торпедировал и

²⁹ Saxon, Timothy D. *Anglo-Japanese Naval Cooperation...* P. 81; *История минного оружия флота...* С. 952.

³⁰ 福井 静夫. *日本戦艦物語*[1]. 東京、光人社、2008年。= Фукуи Сидзую. *История линейных кораблей Японии*. Ч. 1. Токио: Кодзинся, 2008. С. 220—224.

³¹ Saxon, Timothy D. *Anglo-Japanese Naval Cooperation...* P. 77.

³² *Справочник по организационно-штатной структуре японского флота...* С. 166.

утопил корабль береговой обороны II класса «Такатихо», от подрыва на минах погибли тральщики «Нагато-мару № 3», «Коно-мару», «Коё-мару», «Нагато-мару № 6» и миноносец № 33, а гидроавиатранспорт «Вакамия» получил значительные повреждения. Всего за время осады на флоте погибли 317 чел. и 76 были ранены. Основная тяжесть людских потерь пришлось на «Такатихо», на котором погибли командир корабля капитан I ранга Ито Сукэясу и 270 членов экипажа³³. 11 июня 1917 г. австро-венгерская подводная лодка U-27 с дистанции 200 м торпедировала миноносец «Сакаки» из состава японской эскадры в Средиземном море. От взрыва и пожара погиб командир корабля капитан 2 ранга Уэхара Таити и 58 членов экипажа. Миноносец удалось спасти и на его ремонт ушло почти восемь месяцев.

Наиболее значительными были небоевые потери японского военно-морского флота. В 1914—1918 гг. из-за посадки на мель были потеряны крейсера «Касаги» и «Отова», миноносцы «Сиротаэ» и «Токицукадзэ», из-за взрыва артиллерийских погребов затонули и были исключены из списков флота линкор «Кавати» и линейный крейсер «Цукуба». В результате аварий и катастроф на кораблях погибли 776 чел. и 83 чел. получили ранения³⁴.

Во время войны Япония успешно выполняла свою кораблестроительную программу. В 1914—1918 гг. на казённых и частных верфях было построено и передано флоту 4 линейных корабля, 3 линейных крейсера, 25 миноносцев, 7 минных заградителей, 2 подводные лодки и 4 судна специального назначения³⁵. Кроме того, в апреле—октябре 1917 г. Япония построила и передала Франции 12 миноносцев типа «Каба»³⁶.

Что касается трофеев, то они были довольно скромными по сравнению с другими государствами Антанты. Япония захватила в Циндао три немецких парохода, которые были переименованы и включены в состав военно-морского флота как транспортные суда. При разделе немецкого флота Япония получила семь подводных лодок различных типов*, но в боевой состав их не включили и использовали как опытовые корабли для испытаний новых образцов вооружения и механизмов³⁷. Кроме того, Японии достались линейные корабли «Ольденбург» и «Нассау», лёгкий крейсер «Аугсбург» и 5 миноносцев, которые в 1920—1922 гг. были проданы японским правительством на слом за 43,9 тыс. ф. ст.³⁸

³³ Хора Томио. Современные войны. Т. 3. Первая мировая война... С. 106.

³⁴ 中名生 正己. 年表で見る我が国の艦艇事故. 世界の艦船, 1997年, No528. = Наканомэ Масами. Хронологическая таблица аварий и катастроф японских кораблей // Корабли и суда мира. 1997, № 528, С. 77—78.

³⁵ 福井 静夫. 日本軍艦建造史. 東京, 光人社, 2003年. = Фукуи Сидзую. История строительства военных кораблей Японии. Токио: Кодзинся, 2003. С. 165—182.

³⁶ История кораблей Японии... С. 188—189.

* U-46, U-55, UC-90, UC-99, UB-125, UB-143. На тот момент времени Германия располагала самыми передовыми технологиями постройки подводных лодок и Япония внимательным образом изучила трофеи с целью внедрения этих технологий в строительство своего подводного флота.

³⁷ 日本潜水艦史. 世界の艦船, 増刊第37集, 1993年, 8月号増刊, No469. = История подводных лодок Японии // Корабли и суда мира, дополнительный специальный выпуск № 37, 1993, августовский дополнительный выпуск, № 469. С. 34—38.

³⁸ 日本軍艦史. 東京, 海人社, 1995年. = История кораблей Японии. Токио: Кайдзинся, 1995. С. 191.

Во время Первой мировой войны японский военно-морской флот выполнял секретные операции. В 1916—1917 гг. по англо-российским кредитным соглашениям из Владивостока на японских кораблях был вывезен в Японию и Канаду 6821 ящик золота весом брутто 513 т. Лигатурная масса золота составила 484,814 т стоимостью 60 010 491 ф. ст., в том числе в Канаду — 420,159 т стоимостью 52 007 492 ф. ст. и в Японию — 64,654 т стоимостью 8 002 999 ф. ст., которые «Нихон гинко» приобрёл у «Bank of England». Для перевозки золота были задействованы 10 кораблей японского военно-морского флота, в том числе три линейных корабля, шесть крейсеров I класса и один крейсер II класса, за фрахт которых английская сторона заплатила 173 тыс. ф. ст., то есть всего 0,28% от стоимости перевезённого золота³⁹.

В результате более всего выиграла Япония, которая увеличила свой золотой запас, заплатив Англии за золото американской валютой и ценными бумагами, в том числе облигациями военных займов США, котировки которых, начиная с 1917 г., стали падать. В то же время Япония лишний раз продемонстрировала свой статус великой морской державы, а её военно-морской флот в рамках операций по перевозке золота получил возможность на английские средства выполнять боевые и учебные задачи в Тихом океане*.

Резюмируя, отметим, что японский военно-морской флот сыграл основную роль в отношениях Японии с Англией и другими союзниками, обеспечил реализацию военно-политических планов по усилению господства Японии в Китае и на Тихом океане, решил задачи по вооружённому захвату германских владений в Китае и на островах Тихого океана, продемонстрировал мировому сообществу мощь японского государства как великой морской державы, доминирующей в Азии и на Тихом океане, показал свою способность оперативно и эффективно решать любые задачи на различных театрах военных действий, разработал и внедрил новые тактические приёмы и типы вооружения.

³⁹ Полутов А.В. Перевозка российского золота на кораблях японского военно-морского флота из Владивостока в Японию и Канаду в 1916—1917 гг. // Актуальные проблемы современной Японии. Вып. 26. М.: ИДВ РАН, 2012. С. 156—181.

* На обратном пути из Канады японские корабли несли дозорно-патрульную службу с заходами на острова Понапе, Трук, Яп, Сайпан, острова Палау и др. В 1917 г. перевозка золота была совмещена с плаванием учебного отряда в составе крейсеров «Токива» и «Якумо», на борту которых прошли стажировку 95 кандидатов в лейтенанты 44-го выпуска Военно-морского училища. На обратном пути отряд совершил плавание с заходами на Гавайские острова и острова южной части Тихого океана.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ ДАЛЬНОГО ВОСТОКА РОССИИ И СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КИТАЯ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914—1917 гг.)

Г.Н. РОМАНОВА

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток*

Исследование экономических отношений Дальнего Востока России и Северо-Восточного Китая в период Первой мировой войны важно с научной и практической точки зрения, особенно имея ввиду значительное влияние внешнего фактора на приграничные российско-китайские связи.

Перед мировой войной Россия по-прежнему стояла на втором месте среди стран-кредиторов. В 1914 г. ведущая роль в иностранных инвестициях в Китае сохранялась за Англией (37,7%), которая далеко после себя оставила Россию (16,7% против 31,3% в 1902 г.), Германию (16,4%), Японию (13,6%), Францию (10,7%), США (3,1%). К 1914 г. русские инвестиции в Китае составляли 269,3 млн долл.¹

В период войны произошло ослабление влияния России в Северной Маньчжурии, хотя наблюдалось некоторое увеличение русских инвестиций в мукомольной промышленности и в угледобыче. Значительно возросший спрос на маньчжурскую муку со стороны российского Дальнего Востока и Сибири способствовал открытию там ряда новых мукомольных предприятий, принадлежавших русскому и китайскому капиталу: «Товарищество благовещенских мукомолов» (1914 г.), Сон Хошин (1914 г.), Гуан Синь (1916 г.), Ан Юй (1917 г.)². В конце 1916 г. Кулаев договорился с представителем администрации провинции Хэйлунцзян о разработке золотых россыпей по реке Аргуни, а также о вырубке леса; Русско-Азиатский банк заключил соглашение относительно разработки золота, а миллионер Скидельский — о добыче угля³. Эксплуатацию хинганских лесов впервые начали в 1914 г. предприниматели братья Шевченко⁴. Ежегодно на всех российских концессиях Северо-Востока заготавливалось около 225 тыс. куб. саженей леса, из которых для нужд КВЖД шло 178 тыс., на местные рынки — 17 тыс., вывозилось в Южную Маньчжурию и заграничные рынки — 20 тыс. куб. саженей⁵. Добыча угля на Чжалайнорских коях в 1915 г. достигла 12,5 млн пудов против 9 млн — в 1914 г.⁶

¹ Сладковский М. И. Очерки экономических отношений СССР с Китаем. М., 1957. С. 81, 84; Вэй Цзычу. Капиталовложения империалистов в Китае (1902—1945). М., 1956. С. 5; Remer C.F. Foreign investments in China. N.-Y. P. 76.

² Глушаков П.И. Маньчжурия. Экономико-географическое описание. М., 1948. С.138; Любимов И. Мукомольная промышленность Северной Маньчжурии // Вестник Маньчжурии, 1923, № 10—11. С. 34.

³ Аварин В. Империализм и Маньчжурия. М.-Л., 1931. С. 153.

⁴ Report on Progress in Manchuria. 1907—1932. Dairen, 1932. P. 152.

⁵ РГИА. Ф. 394. Оп. 1. Д. 52. Л. 70.

⁶ РГИА. Ф. 23. Оп. 11. Д. 208. Л. 17.

Капиталистические государства Западной Европы, занятые военными действиями, несколько ослабили экономическую экспансию в Китае, что создало относительно благоприятные условия для развития китайской национальной промышленности, в частности, маслосточной и мукомольной на Северо-Востоке. Это было связано с увеличившимся импортом продовольственных товаров в воюющие европейские страны⁷. Стремление Китая к самостоятельному развитию вылилось в период войны в «движение охраны отечественной торговли и промышленности». В Маньчжурии оказывалось сильное противодействие экспорту японских товаров⁸.

Мировая война вызвала значительные изменения в торговле России с другими государствами. В 1914 г. доля азиатских стран составляла 17,1% всего импорта России, в 1915 г. — 28,9% и в 1916 г. — 22%. В экспорте России в 1915 г. на страны Азии приходилось 20,1% против 8,7% в 1913 г. Такой сдвиг был обусловлен конъюнктурой военного времени, сокращением европейской торговли. Увеличился импорт из Японии: в 1913 г. он не превышал 0,4% общего российского импорта, в 1915 г. возрос до 11,8% и в 1916 г. составил 10,7%⁹. Если в 1913 г. Япония ввозила товаров на 4,3 млн руб., то в 1916 г. — на 117,3 млн. Российский экспорт составил соответственно — 0,8 и 1,8 млн. руб. Значительно увеличился импорт из стран Антанты и США¹⁰. Перемены в торговле русского Дальнего Востока были связаны с сокращением большого каботажного, ограничением морских рейсов из черноморских портов, с расстройством коммерческого грузового движения по Сибирской железной дороге¹¹.

В период войны существенно возрос удельный вес Японии и США во внешней торговле Китая. Если в 1895 г. он был равен соответственно 10,2 и 6,5%, то в 1915 г. — 22,7 и 11,2%. Доля Англии из-за конкуренции со стороны этих стран упала с 14,1 до 11,2%¹². Повысился удельный вес Маньчжурии во внешней торговле Китая в целом. В 1913 г. он составлял 17,3%, в 1915 г. — 18,4%¹³. Это было вызвано возросшим спросом на соевые бобы Северо-Востока в западноевропейских странах и в России, а также усиленным проникновением на маньчжурский рынок Японии и США. Импорт в Северную Маньчжурию через станцию Куанченцзы (ЮМЖД) в основном японских товаров с 1909 по 1915 г. увеличился в 5 раз¹⁴. В 1917 г. вывоз в Японию составлял 85% общего экспорта Маньчжурии, а ввоз — 70%

⁷ Sun Kungtu C. The Economic Development of Manchuria in the First Half of the Twentieth Century. Cambridge (Mass.), 1969. P. 62.

⁸ Кюнер Н.В. Европейская война и китайская промышленность. Владивосток, 1916. С. 10.

⁹ Петров А.М. Внешнеторговые связи СССР со странами Азии (1918—1940 гг.) // Народы Азии и Африки. М., 1977, № 5. С. 30.

¹⁰ Крушанов А.И. Октябрь на Дальнем Востоке. Ч.1. Русский Дальний Восток в период империализма (1908—март 1917 гг.). Владивосток, 1968. С. 51.

¹¹ ГАХК. Ф. 537. Оп. 1. Д. 26. Л. 22.

¹² Ho Pingyin. The Foreign Trade of China. Shanghai, 1935. P. 155.

¹³ Economic History of Manchuria. Seoul, 1921. P. 207.

¹⁴ РГИА. Ф. 23. Оп. 11. Д. 464. Л. 2; Романова Г.Н. Экономические отношения России и Китая на Дальнем Востоке. XIX — начало XX в. М., 1987. С. 113.

её общего импорта¹⁵. Япония усилила свои экономические позиции как на Дальнем Востоке России, так и на Северо-Востоке.

Изменилась структура российского экспорта. Так как промышленность центральных районов России работала на военные нужды, экспорт в Китай товаров оттуда (хлопчатобумажные ткани, сахар, нефтепродукты, металлические изделия) почти полностью прекратился и на две трети состоял из товаров Дальнего Востока (рыба, лес, пушнина, морская капуста, панты, женьшень и т.д.)¹⁶. Общая стоимость русскою экспорта через станцию Маньчжурия за 1915 г. сократилась по сравнению с 1913 г. более чем в 2 раза¹⁷. Стоимость импортировавшейся из Китая продукции для обеспечения как восточных окраин, так и европейской части России возросла с 1914 по 1916 г. с 89,6 млн до 154 млн руб.¹⁸ Основным товаром, ввозимым из Китая, был чай. Доля России в его экспорте увеличилась с 48,1% в 1900 г. до 65,2% в 1915 г.¹⁹ Благодаря разветвлённой сети железных дорог Россия к 1914 г. даже стала в значительных количествах реэкспортировать через Владивосток китайский чай из Центрального Китая в Маньчжурию и Синьцзян²⁰.

Значительно активизировалась приграничная торговля. Основными товарами, ввозимыми на территорию Дальнего Востока России, оставались зерно и продукты животноводства. Средняя урожайность основных зерновых культур (пшеницы, ржи, овса) на Амуре составляла 40—60 пудов с десятины, в Приморье — 30—50, в Забайкалье — 15—18 пудов, тогда как в Северо-Восточном Китае — до 150 пудов²¹. На земледелие региона сильное влияние оказывали более суровый по сравнению с Маньчжурией климат, обилие осадков и неравномерное их распределение. Русского переселенца спасало обилие целинных земель, которое давало возможность вести экстенсивное хозяйство²². Общий дефицит зерновых в крае составлял в 1914 г. 6 млн пудов, в 1915 г. — 3 млн. Большая часть его восполнялась импортом маньчжурского хлеба.

Скот и мясопродукты по-прежнему ввозились из Маньчжурии и Монголии, т. е. районов, прилегавших к КВЖД. Импорт крупного рогатого скота особенно в Приморскую область в 1914—1917 гг. увеличился с 546 тыс. до 810 тыс. пудов. Осуществлялся он преимущественно по КВЖД и Уссурийской железной дороге. Транзитные перевозки в западном

¹⁵ Позднеев Д.М. Современный Китай (борьба за китайский рынок). Л., 1925. С. 35; *Economic History of Manchuria*... P. 225.

¹⁶ Сладковский М.И. История торгово-экономических отношений народов России с Китаем (до 1917 г.). М., 1974. С. 350; Мясников В.С. Квадратура китайского круга: избранные статьи: в 2 кн. Кн. 1 М., 2006. С. 478.

¹⁷ РГИА. Ф. 23. Оп. 11. Д. 208. Л. 2.

¹⁸ Сладковский М. И. История торгово-экономических отношений... С. 337.

¹⁹ Ho Pingyin. A Survey of China's Trade with the U.S.S.R. // *Chinese Economic Journal*. 1935, Vol. 16, № 5. P. 459.

²⁰ Любимов Л.И. Очерки по экономике Маньчжурии. Харбин, 1934. С. 95.

²¹ Крушанов А.И. Октябрь на Дальнем Востоке... С. 46; Лежнин П.Д. Дальний Восток: богатства Приамурья и Забайкалья. Чита, 1922. С. 9.

²² ГААО. Ф. И53. Оп. 1. Д. 1. Л. 75; Кабузан В.М. Как заселялся Дальний Восток (вторая половина XVII—начало XX века). 2-е изд. Хабаровск, 1976. С. 140; Его же. Дальневосточный край в XVII — начале XX в. (1640—1917): историко-демографический очерк. М., 1985. С. 153.

направлении с Уссурийской железной дороги по КВЖД на Забайкальскую для снабжения мясом Сибири и центральных областей России в это время выросли почти в 13 раз, они составляли 35% общего грузооборота дороги²³. Если в 1913 г. на запад было переправлено 6 млн пудов грузов, то в 1914—1917 гг. — 77,6 млн; на восток, соответственно 1,7 и 16,4 млн пудов²⁴. Экспорт из России в Китай упал в 1913—1916 гг. в 1,4 раза; импорт из Китая, наоборот, возрос более чем в 2 раза, общий объём торговли увеличился в 1,7 раза²⁵. Удельный вес России во внешней торговле Китая возрос с 7,0% в 1913 г. до 9,1% в 1916 г.²⁶

Контрабанда продолжалась на Дальнем Востоке и после ликвидации в январе 1913 г. льготного режима торговых связей в 50-вёрстной приграничной полосе. Главными статьями «экспортной» контрабанды были золото, серебро, пушнина, в небольшой степени — соль, керосин²⁷. В сентябре 1915 г. был принят закон, запрещающий вывоз золота из России; однако только в 1916 г. контрабандным путём вывезено в Китай примерно 65 пудов золота²⁸. Основу контрабандного «импорта» составляли китайские ханшин, чай, табак и табачные изделия, опиум, сахар²⁹. Из общей суммы 189,7 тыс. руб., задержанной в 1913 г. контрабанды, 124 тыс. приходилось на спиртные напитки³⁰. С целью предотвращения контрабанды спиртным 8 мая 1916 г. было подписано русско-китайское соглашение, предусматривавшее запрещение ввоза в пределы 50-вёрстной приграничной полосы на территории России спирта и спиртных напитков. Оно вступало в силу с 9 сентября 1916 г.³¹ Однако случаи задержания ханшина были и после этого, что наносило немалый ущерб экономике региона.

В период войны Владивосток превратился в главный порт России. Он сыграл большую роль в обеспечении продовольствием, военными припасами и другими товарами населения не только русского Дальнего Востока, но также Сибири и центральных областей России. Проливы Босфор и Дарданеллы были закрыты, связь России с внешним миром осуществлялась только через Архангельский и Владивостокский порты. Однако первый мог быть использован лишь в относительно короткий период навигации; через Владивосток же проходила основная артерия снабжения страны³². Если в 1914 г. в порт было ввезено 28 млн пудов различных грузов, то в 1916 г. —

²³ Романова Г.Н. Экономические отношения России и Китая... С. 115, 124; Северная Маньчжурия и КВЖД. Харбин, 1922. С. 305.

²⁴ Prospects of Trade between North Manchuria and Transbaikal // Russian Economic Review. 1922. Vol. 1, № 6. P. 39.

²⁵ Курсель К.П. Экономика зарубежного Дальнего Востока (Северная Маньчжурия, Китай, Монголия в связи с задачами Дальбанка в Харбине): экономический обзор. Харбин, 1926. С. 12.

²⁶ Сладковский М.И. Очерки экономических отношений... С. 124.

²⁷ ГАХК. Ф. 537. Оп. 1. Д. 48. Л. 105; ГАЧО. Ф. 78. Оп. 2. Д. 75 Л. 1—6, 15—16.

²⁸ ГААО. Ф. И15. Оп. 2. Д. 36. Л. 8—9.

²⁹ ГАЧО. Ф. 78. Оп. 2. Д. 1. Л. 109; Ф. 13. Оп. 2. Д. 56. Л. 142; Ф. 146. Оп. 1. Д. 6. Л. 11; Ф. 301. Оп. 1. Д. 359. Л. 15; Ф. 107. Оп. 1. Д. 83. Л. 138.

³⁰ ГАХК. Ф. 537. Оп. 1. Д. 48. Л. 102—103.

³¹ ГААО. Ф. И53. Оп. 1. Д. 2 Л. 15—16; Д. 1. Л. 118, 665.

³² Архипов Н.Б. Дальневосточный край. 2-е изд. М.-Л., 1929. С. 142; Целищев М.И. Экономические очерки Дальнего Востока. Владивосток, 1925. С. 94.

138 млн³³. Грузооборот порта составил в 1914 г. 80,8 млн, в 1916 г. — 160,4 млн пудов³⁴. По другим данным, грузооборот порта увеличился с 1,3 млн т в 1914 г. до 2,6 млн т — в 1916 г.³⁵

Рост грузопотока через Владивостокский порт обуславливался также увеличивавшимся экспортом маньчжурских сельскохозяйственных грузов. Если до 1914 г. Владивосток был прежде всего импортным портом, то в период войны вследствие роста маньчжурского транзита он приобрёл экспортное значение³⁶. Вывозились не только бобы, но и бобовое (соевое) масло, жмых. Бобовое масло использовали в пищевой промышленности, а также в производстве линолеума и красок. В странах Западной Европы его стали применять для изготовления взрывчатых веществ и других технических нужд. Жмых шёл на корм скоту. Главными странами в их закупке были Германия и Австро-Венгрия³⁷.

В связи с повышенным спросом на соевые бобы они быстро выдвинулись на первое место среди сельскохозяйственных культур Северо-Востока. Основная масса бобов и жмыха вывозилась в восточном направлении, через Владивосток. Однако наблюдалось увеличение вывоза их и в южном направлении, через станцию Куанченцзы (особенно бобового масла). Японцы в Южной Маньчжурии ещё в предвоенные годы организовали в крупных масштабах производство бобового масла и стали экспортировать за границу его и жмых, как более выгодную продукцию. В 1914 г. уже насчитывалось около 20 японских маслостроительных заводов.

Через станцию Пограничная в годы войны проходило 60—80% всего экспорта маньчжурских бобов и продуктов их переработки, через Куанченцзы — примерно 20—30%. Экспорт бобов составлял главную статью вывоза в грузообороте Владивостокского порта (до 85—90% в 1917 г.), что свидетельствовало о выгоде этого транзита. Однако во время войны ЮМЖД, пользуясь загруженностью магистралей, ведущих на восток, начала постепенно перегонять экспортные грузы на южное направление.

В целом в годы войны доля России в торговле Северной Маньчжурии уменьшилась. Утраченные ею позиции захватили Япония и США. Ввоз товаров из России, составлявший в 1913 г. 19% общего импорта Северной Маньчжурии, в 1917 г. снизился до 10%, тогда как ввоз с ЮМЖД возрос с 63 до 78%. Доля России в экспорте поднялась до 21% (против 10% в

³³ Романова Г.Н. Торговые связи России и Китая в конце XVII — начале XX в. (обзор) // Зарубежный Восток: вопросы истории торговли с Россией. Сборник статей. М., 2000. С. 188.

³⁴ История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII — февраль 1917 г.). М., 1991. С. 319.

³⁵ Этнокультурные и социально-экономические проблемы освоения смежных территорий Северо-Восточной Азии: российский Дальний Восток, Северо-Восточный Китай, о. Хоккайдо (Япония) (XVII — первая половина XX в.). Владивосток, 2013. С. 113.

³⁶ ГАХК. Ф. 537. Оп. 1. Д. 91. Л. 142.

³⁷ Глушаков П.И. Маньчжурия. Экономико-географическое описание... С. 103, 136; Любимов Н.Н. Экономические проблемы Дальнего Востока (Восточная Китайская железная дорога). М., 1925. С. 17.

1913 г.)³⁸. Перевозка грузов по КВЖД значительно ускорила темпы роста двусторонней торговли. С 1902 по 1916 г. товарооборот России с Китаем увеличился с 61,5 до 175,6 млн руб., т.е. почти в 3 раза³⁹.

В работах китайских историков 80-х гг. под редакцией Сюй Цзинсюе и Кун Цзинвэя подчёркивается, что «...с 1897 г. и до 1917 г. царская Россия в течение 20 лет осуществляла экономический грабёж Северо-Восточного Китая», не даётся объективная оценка влияния КВЖД на ускоренное развитие региона⁴⁰. Но с начала 1990-х гг. наблюдаются определённые изменения в подходе китайских учёных к оценке российско-китайских экономических отношений. В статье Го Юньшэня приводится материал о том, «...что Северо-Восток со времени введения в эксплуатацию КВЖД стал играть всё более растущую роль во внешней торговле Китая; его доля увеличилась с 7,5% в 1907 г. до 25% в 1917 г., к 1916 г. доля Харбинского района уже составила 30% внешнеторгового оборота региона».

Констатируется, что «...КВЖД значительно ускорила развитие экономических связей двух стран, произошло втягивание региона в мировой рынок». Хотя автор подчёркивает якобы полуколониальную сущность торговли России⁴¹.

Представляет интерес книга Инь Цзяньпина, который позитивным явлением считает экспорт сельскохозяйственных грузов Северо-Восточного Китая на мировой рынок, что произошло в связи с открытием движения по КВЖД; ускорение развития обрабатывающей промышленности, формирование зон свободной торговли на Дальнем Востоке России. В книге известного историка Хуан Динтяня наряду с негативной оценкой российских инвестиций и предпринимательства делается объективный вывод о «...росте экономического развития Северо-Востока», «...открытии региона», «...стимулировании сельского хозяйства», «...модернизации обрабатывающей промышленности»⁴².

Таким образом, Первая мировая война, как внешний фактор, внесла существенные изменения в торговлю Дальнего Востока России и Северо-Восточного Китая. В структуре русского экспорта стала преобладать дальневосточная продукция. Увеличение импорта из Китая было обусловлено необходимостью снабжать население не только Дальнего

³⁸ Романова Г.Н. Экономические отношения России и Китая... С. 117—118; Сурин В.И. Железные дороги в Маньчжурии и Китае. Харбин, 1932. С. 129; История Северо-Восточного Китая XVII—XX вв. Кн. 1. Маньчжурия в эпоху феодализма (XVII — начало XX в.). Владивосток, 1987. С. 297.

³⁹ Курсель К.П. Экономика зарубежного Дальнего Востока... С. 12.

⁴⁰ Сулянь дунбу дицхой кайфацэ хуэйгу юй фаван (Прошлое и будущее развития восточных районов СССР) / под ред. Сюй Цзинсюе. Чанчунь, 1988. С. 156—157; Циндай Дунбэй дицхой цзинци ши (Экономическая история Северо-Восточного Китая в период династии Цин) / под ред. Кун Цзинвэй. Харбин, 1990. С. 623—624, 652.

⁴¹ Го Юньшэнь. Чжундун телу юй чжун-э цинци маои гуаньси (КВЖД и китайско-русские торгово-экономические связи // Бэйфан вэньсюе. Харбин, 1991. № 2. С. 78—84.

⁴² Инь Цзяньпин. Цзаоцидэ Сиболля дуйвай цинци лянси (Ранние внешнеэкономические связи Сибири). Харбин, 1998; Хуан Динтянь. Чжун-Э цинмао юй вэньхуа цзяолу (История торгово-экономических и культурных связей между Китаем и Россией). Харбин, 1999.

Востока России, но и центральных районов страны. Значительно возросла роль Владивостокского порта во внешнеторговых связях России; на увеличение его грузооборота в значительной степени повлиял рост транзита сельскохозяйственной продукции Северо-Востока на мировой рынок, что ускорило товаризацию региона, переход к капиталистической стадии экономического развития. Транзитные перевозки осуществлялись не только между европейской частью России и Дальним Востоком, но и странами Запада и Востока, а также между южным Китаем и Северо-Востоком.

КИТАЙ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ЯПОНСКАЯ АГРЕССИЯ И РОСТ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ

Г.С. КАРЕТИНА

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток*

Период с 1913 по 1920 г. явился «золотым временем» для развития китайского национального капитализма, особенно благоприятными оказались годы Первой мировой войны, когда великие державы были заняты войной в Европе. Известный экономист О.Е. Непомнин отмечает, что в период Первой мировой войны произошла небывалая активизация китайской буржуазии, торговцев и земледельцев, прежде всего шэньши [шэньши — особое сословие, состоявшее из обладателей учёных степеней и прав на занятие государственных должностей — Г.К.]. Рост промышленной буржуазии сопровождался значительными успехами национального капитала в сфере кредита. Китайская буржуазия в «золотые времена» окрепла экономически. Национальный сектор к 1920 г. охватывал более 1,7 тыс. фабрично-заводских предприятий. К 1919 г. в стране насчитывалось 1,2 тыс. торгово-промышленных фирм и объединений. Общий капитал всех зарегистрированных промышленных, торговых, банковских, сельскохозяйственных и иных компаний с 1913 по 1918 г. возрос вдвое¹.

Однако этот период характеризовался также нарастанием агрессивных действий Японии в отношении Китая. Оказавшись один на один с Японией на Дальнем Востоке, Китай был ограничен в возможности использовать межимпериалистические противоречия, а Япония, вступив в войну на стороне Антанты, воспользовалась удобным моментом для захвата германских концессионных владений в Шаньдуне. К концу 1914 г. японцы захватили всю провинцию Шаньдун, установив там свою администрацию. А в январе 1915 г. Япония предъявила Китаю так называемое «21 требование», что вызвало небывалый подъём антияпонских выступлений в стране и стимулировало рост национального самосознания различных социальных слоёв населения.

На наш взгляд, необходимо особо остановиться на некоторых аспектах предшествующего периода, чтобы прояснить, на какой основе происходил рост национального самосознания китайцев во время Первой мировой войны.

Уже во второй половине XIX в. в связи с поражением Китая в «опиумных войнах» отчётливо проявились националистические настроения идеологов «политики самоусиления» и реформаторов. В современной китайской историографии всё более уверенно преодолевается тенденция огульного обвинения в предательстве национальных интересов представителей китайской чиновничьей элиты — сторонников «политики

¹ Непомнин О.Е. История Китая: Эпоха Цин. XVII — начало XX века. М.: Вост. лит., 2005. С. 618.

самоусиления», таких как Ли Хунчжан, Цзэн Гофань, Чжан Чжидун. Именно их деятельность способствовала усилению экономического и военного потенциала Китая, а также повлияла на формирование «новой политики» цинского двора в начале XX в. Оппозиционное Цинам движение реформаторов во главе с Кан Ювэем и Лян Цичао в конце XIX в. знаменовало наступление нового этапа в развитии китайского национализма. Реформаторы полагали возможным преобразовать политическую систему Китая сверху, путём реформ, проводимых самим императором. Поражение движения за реформы свидетельствовало о том, что идеи превращения цинской монархии в конституционную путём реформ сумели овладеть умами лишь сравнительно незначительной части китайской традиционной элиты, к которой апеллировали сторонники Кан Ювэя. В то же время новые социальные силы, прежде всего национальная буржуазия, были ещё крайне слабы и не способны сыграть самостоятельную и объединяющую роль в движении².

В этот период будущий вождь китайской революции Сунь Ятсен так же, как и сторонники реформ, не оставлял надежды на то, что правящая династия способна ещё пойти на осуществление более глубоких реформ, чем те, которые проводились в период «самоусиления». Поражение Китая в японо-китайской войне привело его к убеждению, что непременным условием восстановления суверенитета Китая и его возрождения является свержение правящей династии³. Летом 1905 г. в Японии на основе объединения революционных организаций во главе с «Союзом возрождения Китая» был образован «Китайский революционный объединённый союз», программой которого стали «три народных принципа» Сунь Ятсена — национализм, подразумевавший свержение инородной династии, демократизм, т.е. установление в Китае демократической республики и народное благосостояние, означавшее решение аграрного вопроса путём введения системы единого государственного налога на землю в зависимости от её рыночной цены. Сунь Ятсен полагал, что эта система позволит со временем дать землю тем, кто её обрабатывает, и тем самым будет закрыта дорога капиталистическому развитию Китая.

Как считает А. В. Меликсетов, «...в сущности это была доктрина китайского национализма, стремившегося соединить восстановление суверенитета Китая с идеями модернизации китайского общества»⁴. Как известно, после победы Синьхайской революции 1911 г. и провозглашения Китайской республики Сунь Ятсену пришлось согласиться передать пост президента республики Юань Шикаю, имевшему реальную военно-политическую силу и поддержку со стороны западных держав. Главной ударной силой революции стала революционная армия, её ядром были части «новой армии», в которых в предреволюционные годы вели работу члены

² История Китая: Учебник / под ред. А.В. Меликсетова. М.: Изд-во МГУ, Изд-во «Высшая школа», 2002. С. 349.

³ История Китая... С. 350—352.

⁴ История Китая... С. 362.

суньятсеновского Объединённого союза. «Новая армия» создавалась Юань Шикаем в ходе осуществления «новой политики» цинского двора как наёмная, но при этом для поступления на службу было необходимо соответствие образовательному и имущественному цензам, что делало её, с одной стороны, более подготовленной к использованию новой техники, с другой — более восприимчивой к новым политическим идеям.

Как в советской, так и в китайской историографии в настоящее время появляются работы, в которых последний уже не выглядит полностью отрицательным персонажем, напротив, утверждается, что в политике правительства Юань Шикая проявился традиционный национализм китайской консервативной элиты, имевший корни в идеологии правителей императорского Китая. Так, в статье В.С. Кузнецова отмечается, что, будучи главой внешнеполитического ведомства империи (Вайубу), Юань Шикай не только стремился поддержать престиж правящего дома, но и отстаивал национальные интересы Китая, пытался противодействовать усилению позиций в стране Франции, Великобритании, России и Японии, при этом искал поддержки у США и Германии, действуя в духе традиционного приёма китайской дипломатии «...руками варваров обуздывать варваров»⁵.

Однако, как отмечают авторы книги «Китай — Япония: любовь или ненависть» З.Д. Каткова и Ю.В. Чудодеев, в условиях разразившейся в Европе войны возможности Юань Шикая прибегнуть к традиционному использованию межимпериалистических противоречий для ослабления давления Японии на Китай были ограничены. Япония после окончания военных действий против немецкого гарнизона в Шаньдуне и занятия 7 ноября 1914 г. немецкой концессии Циндао потеряла какое-либо право продолжать оккупацию китайской территории. Но в январе 1915 г. японское правительство предприняло дальнейшие шаги по реализации своей экспансионистской политики в Китае и в ультимативной форме предъявило правительству Юань Шикая «21 требование». Этот документ состоял из пяти разделов, основное содержание которых сводилось к следующему:

1. О провинции Шаньдун. Китайское правительство должно заранее дать полное согласие на все условия, о которых японское правительство смогло бы в будущем договориться с правительством Германии (имелось в виду при заключении мирного договора) относительно всех прав, интересов и концессий, которыми пользовалась Германия в провинции Шаньдун.

2. О Южной Маньчжурии и Внутренней Монголии. Китайское правительство должно продлить срок аренды Порт-Артура, Дальнего, Южно-Маньчжурской и Аньдун-Мукденской железных дорог до 99 лет, считая с 1898 г., а также предоставить Японии исключительные права в Южной Маньчжурии и во Внутренней Монголии.

3. О Ханьпинской компании. Китайская горнорудная и металлургическая Ханьпинская компания, расположенная в долине реки Янцзы, должна быть превращена в смешанную японо-китайскую компанию,

⁵ Кузнецов В.С. Юань Шикай // Вопросы истории. 2002. № 6. С. 41—42.

и Китай не должен без согласия Японии распоряжаться её собственностью; без согласия компании в долине Янцзы не должны создаваться никакие промышленные и горнорудные компании.

4. О неотчуждении территории вдоль побережья Китая. Китайское правительство обязывалось не уступать и не сдавать в аренду третьей державе какой-либо гавани, бухты или острова вдоль берега Китая.

5. Общеполитические требования. Китайское правительство приглашает японцев в качестве советников по политическим, финансовым и военным делам; полицейские учреждения в важнейших пунктах Китая должны управляться совместно японцами и китайцами; Китай приобретает в Японии около 50% военного вооружения, создает японо-китайские арсеналы; предоставляет Японии право сооружать железные дороги в Центральном Китае, не строит железных дорог и портов без ведома Японии в провинции Фуцзянь и др.⁶

Начались длительные переговоры. Китайское правительство, надеясь на поддержку США и европейских стран Антанты, попыталось отвести японские притязания, выходящие за рамки проблемы германских владений в Китае. Но правительства США и стран Антанты заняли позицию невмешательства, и Япония усилила свой напор. Правительство Юань Шикая капитулировало, и 25 мая 1915 г. состоялось формальное подписание японо-китайских договоров и соглашений, включавших все основные требования, предъявленные Японией, за исключением пятой группы⁷. Авторы вышеназванной монографии З.Д. Каткова и Ю.В. Чудодеев отмечают, что Юань Шикай пытался задержать развитие центробежных тенденций, укрепить устои своего господства путём уступок Японии, консолидировать нацию на традиционной монархической платформе. Они отдают дань справедливости Юань Шикаю в связи с его твёрдым отказом подписать наиболее унижительную для Китая пятую группу требований. Аргументом принятия остальных требований для оправдания Юаня в глазах общественного мнения была интерпретация его политики как уступки грубой силе «...во имя спасения государства от гибели» («жертвуй малым, спасать большое»). Приводятся слова последователя Кан Ювэя Лян Цичао, считавшего заслугой правительства Юань Шикая сохранение главного — целостности Китая⁸. Однако даже в правительстве Юань Шикая нашёлся один человек, который высказался против принятия «21 требования» — военный министр Дуань Цижуэй, предложивший организовать сопротивление Японии, включая вооружённую борьбу, а после 9 мая он демонстративно подал в отставку⁹.

Китайский народ ответил на «21 требование» значительным всплеском националистической активности. Это было первое антияпонское

⁶ Нарочницкий А.Л., Губер А.А., Сладковский М.И., Бурлингас И.Я. Международные отношения на Дальнем Востоке. Кн. 1. С конца XVII в. до 1917 г. М.: Издательство «Мысль», 1973. С. 275—276.

⁷ Нарочницкий А.Л., Губер А.А., Сладковский М.И., Бурлингас И.Я. Международные отношения на Дальнем Востоке... С. 276.

⁸ Каткова З.Д., Чудодеев Ю.В. Китай — Япония: любовь или ненависть... С. 152.

⁹ Каткова З.Д., Чудодеев Ю.В. Китай — Япония: любовь или ненависть... С. 316.

выступление, возникшее стихийно как ответная реакция патриотических сил на агрессивные притязания Японии. Одной из основных форм протеста стали бойкот японских товаров, охвативший ряд крупных городов страны. В ряде мест японские товары конфисковывались и сжигались. Развернулось движение за отказ использовать японские банкноты, за прекращение деловых связей с японскими предпринимателями. Всюду происходили митинги протеста, распространялись прокламации, расклеивались антияпонские плакаты. Патриотический подъём охватил и китайскую эмиграцию, студентов, обучавшихся в Японии. Денежные поступления в фонд «национального спасения» поступали от китайцев, проживавших в Японии, Америке, странах Юго-Восточной Азии.

Таким образом, можно констатировать, что наращивание масштабов японской экспансии в Китае в начальный период Первой мировой войны стимулировало националистическую реакцию на национальное унижение. В ходе движения протеста произошло расширение социальной базы проявления националистических настроений. 7 и 9 мая с этого времени стали отмечаться как «...дни национального позора»¹⁰.

В 1916 г. Юань Шикай умер, и правительство возглавил подавивший монархический путч Чжан Сюня крупнейший из представителей бэйянской группировки Дуань Цижуй, крайне ограниченный в своих действиях из-за отсутствия собственной территории контроля и средств на содержание армии. В этот период Япония сделала его проводником своей политики в Китае, предложив так называемые займы Нисихара, и склонила его к принятию решения о вступлении в войну на стороне Антанты, обещая своё содействие на послевоенной конференции в продлении срока выплаты боксёрской контрибуции союзным державам и поддержать предложение Китая об аннулировании боксёрского протокола о выплате контрибуции Германии и Австрии¹¹. Фактически на конференции в Версале срок выплаты «боксёрской» контрибуции странам Антанты был продлён до 5 лет, а таможенные пошлины на иностранные товары были повышены до 5%. Но союзные державы, вопреки ожиданиям китайской делегации, приняли решение о передаче Японии бывших владений и прав Германии в Шаньдуне. Глава китайской делегации представитель Севера Лу Чжэнсян заявил протест против статей Версальского договора, касавшихся Шаньдуна, выразив глубокое разочарование как делегатов, так и всей китайской нации решениями конференции. Под влиянием патриотического подъёма в стране китайская делегация отказалась поставить свою подпись под Версальским договором. Однако Китай не только не добился возвращения захваченных Японией немецких концессий, но и подвергся новому унижению со стороны западных держав, что вызвало новый подъём антияпонского движения, известного как «движение 4 мая» 1919 г. Особенностью движения являлся его массовый характер и широкий социально-политический состав

¹⁰ Каткова З.Д., Чудодеев Ю.В. Китай — Япония: любовь или ненависть... С. 147—154.

¹¹ Чжан Бофэн. Аньси цзюньфа юй жибэнь=Милитаристы группировки Аньси и Япония. Чэнду: Сычуань жэньминь чубаньшэ, 1988. С. 60—62.

участников, свидетельствовавший о росте национального самосознания в стране. В 20 провинциях и 150 городах Китая в движении приняли участие практически все слои городского населения. Против подписания Версальского договора выступил глава чжилийской военно-политической группировки уроженец провинции Шаньдун У Пэйфу, а также представители консервативной части китайских националистов Кан Ювэй и Линь Шу¹².

Таким образом, можно заключить, что националистические настроения в Китае распространялись сначала в ограниченной среде консервативной элиты цинского двора (в период «политики самоусиления» и «новой политики»), затем выразились в движении реформаторов, далее получили воплощение в революционном движении, возглавляемом Сунь Ятсеном, наконец, наибольший размах приобрели в годы Первой мировой войны в связи с предъявлением Японией «21 требования» Китаю. А в связи с решением Версальской мирной конференции 1919 г. движение протеста охватило все слои населения страны.

¹² Каткова З.Д., Чудодеев Ю.В. Китай — Япония... С. 177.

ВЫХОДЦЫ ИЗ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НОВОЙ ЗЕЛАНДИИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ: ИСТОЧНИКИ И МАТЕРИАЛЫ

Е.В. РУДНИКОВА

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток*

Сложная история России обусловила разное содержание понятия «россиянин» в различные исторические периоды. Как известно, в досоветский период в состав Российской империи территориально входили такие ныне независимые государства как Польша, Финляндия, Белоруссия, Украина и другие, население которых этнически неоднородно. В настоящей статье «россиянами» обозначаются все лица, родившиеся в географических границах царской России середины XIX — начала XX в. Аналогичный подход использовался при учёте иностранцев, например, и в Британской империи. Целью настоящего исследования является обзор имеющихся источников и материалов с целью оценки их значимости для создания картины российской миграции в Новую Зеландию в обозначенный исторический период.

До 1917 г. эмиграция из России носила полулегальный характер и фактически никак официально не регулировалась. Переход российских подданных в другое гражданство запрещался, а срок пребывания за границей ограничивался пятью годами, после чего надо было ходатайствовать о продлении срока, в противном случае человек считался потерявшим гражданство, его имущество переходило в опекуновское правление, а сам он, вернувшись в Россию, подлежал вечной ссылке¹. Эмиграция из царской России XIX — начала XX в. не укладывается в рамки строгой классификации и систематизации. Мотивы и причины, толкавшие людей на эмиграцию, часто были очень индивидуальны. Мигранты были трудовые, религиозные, политические, этнические и просто авантюристы всех мастей. Бесспорно единственное, что объединяло всех мигрантов того времени — это то, что они покинули Россию на длительное время, а иногда и на всю жизнь². Последнее особенно применимо к южно-тихоокеанским колониям Великобритании, в том числе и к Новой Зеландии — небольшому островному государству, расположенному в крайней точке юго-западной части Тихого океана. Особенностью её географического положения является естественная изолированность от всего остального мира — только до ближайшего австралийского порта насчитывается около 1700 км. Но это обстоятельство не явилось препятствием для выходцев из России: например, официальное упоминание о первом этническом русском, принявшем решение постоянно поселиться в Новой Зеландии, относится к 7 декабря 1845 г.

¹ Ионцев В.А., Лебедева Н.М., Назаров М.В., Окороков А.В. Эмиграция и репатриация в России. М.: Попечительство о нуждах российских репатриантов, 2001. С. 41.

² Ионцев В.А., Лебедева Н.М., Назаров М.В., Окороков А.В. Эмиграция и репатриация в России... С. 38.

В дореволюционный период наиболее многочисленной была трудовая миграция. Её составляли в основном безземельные крестьяне, ремесленники и неквалифицированные рабочие. Всего за период с 1861 по 1915 г. Россию покинули 4 200 500 чел., причём 94% из них или 3978,9 тыс. чел. уехали в страны Нового Света, в основном в США³. Помимо этого, в XIX в. из царской России шла массовая эмиграция за рубеж представителей национальных меньшинств, в первую очередь татар, немцев, поляков и евреев. Во многом эта эмиграция была вызвана религиозными причинами. Миграционный поток из Российской империи в Новую Зеландию в дореволюционных российских статистических материалах не выделен. Во многом — по причине ничтожной на общем фоне численности мигрантов «австралийского направления». Например, по некоторым источникам, из общей численности выходцев из России в 1646 тыс. чел., выехавших в период 1900—1917 гг. и осевших за рубежом, на Австралию приходилось только 3 тыс. чел., что составило всего лишь 0,3% от общего количества мигрантов этого типа⁴. Учитывая вышеизложенное, очевидно, что статистические, архивные и иные данные принимающего государства, в роли которого в настоящем исследовании выступает Новая Зеландия, дают возможность как воссоздать, так и уточнить реальную картину российского присутствия в обозначенный исторический период.

Источники по теме настоящего исследования, если исходить из источника их происхождения, представлены двумя большими группами: официальные и неофициальные. Материалы этих групп опубликованы не полностью, часть данных хранится в архивах. В сведениях официального происхождения по типу формирования можно выделить также две группы: регулярные материалы (в первую очередь, национальные переписи населения) и нерегулярные (например, тематические статистические сборники, выпуск которых был связан с изменениями в миграционной политике страны; личные дела иммигрантов, хранящиеся в архивах и т.п.). К неофициальным источникам относятся списки пассажиров иммигрантских судов довоенного периода, газетные публикации различного характера, материалы и выводы научных исследований в разной степени освещающих исследуемую тематику, личные материалы автора. В настоящей работе предполагается, что на основании всех указанных источников можно восстановить близкую к реальности картину численности бывших подданных Российской империи, выявить их социальный и этнический состав, на основании событий их жизни в новой стране дать описание результатов их культурно-языковой адаптации.

Официальные регулярные источники: переписи населения. Уже со времени оформления британской юрисдикции над Новой Зеландией в 1840 г., в новой колонии проводился учёт европейского населения, который долгое время был нерегулярным и носил выборочный характер. Так, например,

³ Кабузан Н. Русские в мире. Динамика численности и расселения (1917—1989). Формирование этнических границ русского народа. СПб., 1997. С. 307.

⁴ Ионцев В.А., Лебедева Н.М., Назаров М.В., Окороков А.В. Эмиграция и репатриция в России... С. 34.

первые официальные статистические сборники «The Blue Books» («Голубые книги»), готовились на основе подсчётов городских управ по каждому поселению. Первая перепись только европейского населения страны состоялась в 1851 г. Далее, до 1874 г. они проводились раз в три года. С 1881 г. переписи стали общенациональными и проводились, как правило, каждые пять лет. К началу и в период Первой мировой войны было проведено шесть подобных переписей (1881, 1886, 1901, 1906, 1911, 1916). В 1910 г. был организован государственный Департамент статистики, от этого переписи проводились силами различных ведомств⁵. Особенностью подобных источников является тот факт, что в них никак не отражалась этническая принадлежность европейских переселенцев и выходцы из многонациональной Российской империи, исходя из указанного ими места рождения, часто обозначались как «русские». К регулярным источникам относятся также ежегодные выпуски официального издания «Колониальная статистика» («Statistics of the Colony») за период 1898—1908 гг. Подсчёты Г. Баррата, основанные на разделе «иммиграция — рождение, раса» из этого источника, показывают, что за этот период в Новую Зеландию прибыли 224 «русских», из них 161 мужчина, 30 женщин, 33 ребенка⁶.

Официальные нерегулярные источники: статистические сборники.

Помимо переписей, властями страны в период 1914—1918 гг. начался учёт всех лиц небританского происхождения, находящихся в Новой Зеландии. В статистический сборник 1917 г., первоначально носивший конфиденциальный характер, в том числе были включены даже те мигранты, которые уже сменили своё прежнее гражданство на британское. Поиск выходцев из Российской империи по данному источнику опирается в первую очередь на сведения о месте рождения мигранта и его прежнем имени. Кроме того, здесь указывались пол, возраст, семейное положение и юридический статус переселенцев, а также род их занятий и место проживания в Новой Зеландии. Этническая принадлежность также не выделялась и её можно определить только по косвенным признакам. Например, возраст и имя мигранта даёт определённую возможность соотнести его переселение с событиями, послужившими причиной эмиграции из России до начала войны⁷. Например, Cohen Annie (51 год, швея), Cohen Lewis (49 лет, портной), Cohen Issac (22 года, портной) и Cohen Easther (30 лет, домохозяйка) — все родились в России и, судя по общей фамилии и одному месту проживания, являлись семьей. Дата их эмиграции приходится на конец XIX в. и, скорее всего, причина выезда была связана с еврейскими погромами или ограничением прав евреев в европейской части Российской империи⁸. Уточнённые данные об иммигрантах этого времени вошли также в Книгу учёта иностранцев, принявших британское гражданство в Новой Зеландии до 1948 г.⁹

⁵ URL: <http://www.stats.govt.nz/Census/about-2006-census/introduction-to-the-census/history-of-the-census-in-nz.aspx> (дата обращения: 1.07.2014).

⁶ Barrat G. Russophobia in New Zealand 1838—1908. Palmerstone North (New Zealand): Dunmore Press, 1981.

⁷ Register of Aliens, 1917. Wellington: New Zealand Census and Statistics office, 1917.

⁸ Register of Aliens, 1917. Wellington: New Zealand Census and Statistics office, 1917. С. 525.

⁹ Register of Persons Naturalised in New Zealand before 1948 year // NANZ, ACGO 8376 IA 52/26, REPRO 1646—1647.

Помимо этого, к официальным источникам относятся **неопубликованные архивные материалы**, хранящиеся в Национальном архиве Новой Зеландии (National Archives of New Zealand, далее по тексту — NANZ). К их числу относятся многочисленные персональные дела по так называемой «натурализации» лиц небританского происхождения. Содержание дел заключается в документальном сопровождении процесса смены гражданства. Как правило, в каждом деле находится Заявление на рассмотрение принятия заявителем британского гражданства, заполненное им лично. При этом никаких документов, в которых соискатель отказывался бы от российского подданства, не требовалось. Заявитель указывал дату и место своего рождения, приводил данные о родителях и семье, время и способ прибытия в страну, образование, род занятий и т.д. Большой интерес представляют показания ближайших соседей заявителя и полицейские донесения с выводами о степени его лояльности к местным властям, также находящиеся в делах по натурализации. Истечение необходимого времени по правилам архивов Новой Зеландии — ста лет со дня рождения иммигрантов или сорока лет со дня подтвержденной документально смерти — даёт исследователю возможность работы с большим количеством подобных документов. Национальный архив страны имеет четыре региональных отделения в четырёх самых крупных городах — Окленде, Крайстчерче, Дунедине и в столичном Веллингтоне. Информация по натурализации находится преимущественно в последнем.

К этому же типу официальных нерегулярных источников необходимо отнести и донесения о численности выходцев из России в Новой Зеландии, поступившие от первых российских консулов в Австралии накануне войны. В ходе проводившейся последней перестройки МИД Российской империи в 1908—1914 гг. генеральный консул А.Н. Абаза в феврале 1914 г. предложил широкий план совершенствования консульских представительств России в Австралии и Новой Зеландии, согласно которому предполагалось создание независимого от Мельбурна штатного российского генконсульства в Веллингтоне, в подчинении которого должны были функционировать консульские учреждения в других городах Новой Зеландии и на островах Океании. А ещё ранее, в 1912 г. он докладывал, что по имеющейся у него информации, в Новой Зеландии насчитывалось не менее одной тысячи человек, сохранивших российское подданство¹⁰. Начавшаяся вскоре мировая война не позволила даже приступить к реализации этого плана. Революционные потрясения в России привели к тому, что в 1918 г. генконсул был уволен, а штатные российские консульские представительства в Австралии и Новой Зеландии прекратили свою деятельность.

Неофициальные источники. Кроме дел по натурализации, информацию об именах, поле, возрасте, месте рождения и пункту назначения

¹⁰ Олтаржевский В.П. Планы создания российского консульства в Новой Зеландии // Россия и политика держав в странах Востока. Иркутск, 1991. С. 67—75; Его же. Создание консульских представительств России в Новой Зеландии // Страны и народы Востока: история, экономика, международные отношения: тезисы докладов... Иркутск, 1990. С. 151—154.

по выходцам из Российской империи можно найти в **списках пассажиров судов** (Passenger's Lists), прибывавших в Новую Зеландию в досоветский период. В связи с растущим интересом к фамильным генеалогиям у многих граждан этой страны, значительная часть подобных списков находится в открытом доступе в государственной архивно-библиотечной системе¹¹. Информация в судовых списках неполна и часто касается только иммигрантов, прибывавших в страну по государственной схеме. Подобные списки составляли судоходные кампании для прохождения таможенных формальностей.

Следующую группу неофициальных источников составляют **материалы новозеландской прессы** в период с середины XIX в. до 1917 г. Функционирование газетной периодики в этот период соответствовало административному делению страны. Уже с раннего периода истории этого государства все крупные регионы (провинции) имели собственные печатные органы, часть из которых существует по настоящее время. В газетах и журналах этого периода можно найти как отдельные заметки об иммигрантах российского происхождения, так и упоминания о них в связи с различными событиями в Российской империи. Оторванность от всего мира и небольшая численность населения Новой Зеландии в тот период были причиной большого внимания местных газетных хроникёров к появлению новых переселенцев. Сложилась целая практика встречи пароходов и взятия небольших интервью у новоприбывших. Часть этих бесед с комментариями репортёров публиковались в месте прибытия судна, а затем быстро расходилась по всем печатным органам страны. Большинство газетной периодики изучаемого исторического периода оцифровано, что позволяет быстро выявлять необходимую информацию в больших объёмах, а также уточнять данные, полученные с помощью других источников¹².

Ещё одну группу неофициальных источников составляют **материалы и выводы опубликованных исследований** по рассматриваемой теме. Большая часть подобных работ выполнена в рамках **зарубежной историографии** и преимущественно на английском языке. Формат материалов варьирует от газетной публикации до журнальной статьи. Новозеландский историк В. МакЛеод по заказу редакции первой русскоязычной газеты «Ветер» подготовил семь небольших заметок о россиянах в Новой Зеландии в изучаемый исторический период¹³. Монографические работы отсутствуют, но некоторые сюжеты попутно затрагиваются в ряде работ. Например, в книге австралийского исследователя Е.В. Говор, посвящённой участию бывших граждан Российской империи, натурализовавшихся в Австралии и Новой Зеландии, в

¹¹ NANZ: Auckland Office, BBAO 5552 (Auckland Inward Passenger Ships lists for 1909, 1915-1965); AREPRO 4711/357 (Comber Index for 1839-1889). NANZ: Wellington Office, Shipping Index for 1840-1970-s; Shipping Index, Port of Wellington entry 1856—1887 etc.

¹² URL: <http://PapersPast.natlib.govt.nz>.

¹³ МакЛеод В. Интерес русских к Новой Зеландии на рубеже XIX—XX вв. // Ветер. Окленд (Новая Зеландия). 2001. Вып. 62. С. 4; Его же. Отношение киви к русским (1869—1921 гг.) // Там же. 2002. Вып. 69. С. 5; Его же. Интересные русские иммигранты // Там же. 2002. Вып. 75. С. 3 и др.

военных операциях Первой мировой войны в составе австралийско-новозеландского военного корпуса¹⁴. Она же одной из первых приступила к исследованию персональных дел по натурализации в Национальном архиве Новой Зеландии¹⁵. Другой австралийский автор, М.А. Протопопов, в своём капитальном исследовании, посвящённом истории православия в этом регионе, попутно даёт характеристику бывших россиян, посещавших православные русские или греческие храмы¹⁶. Несколько статей, так или иначе связанных с пребыванием выходцев из России в Новой Зеландии, в разные годы было опубликовано в новозеландском научном журнале по славянским исследованиям¹⁷.

Российская историография. Вопросы, связанные с историей досоветской эмиграции из России в Новую Зеландию, ещё не получили освещения в отечественной литературе. Попутные упоминания об этом можно встретить в работах А.С. Петриковской, Г.А. Каневской, А.Я. Массова и В.П. Олтаржевского¹⁸. События и действующие лица обозначенного периода в Новой Зеландии были восстановлены в некоторых работах автора настоящей статьи¹⁹, в которых использовались в том числе и полевые материалы, собранные во время двух поездок в Новую Зеландию 2004 и 2010—2011 гг. Например, в них имеются аудиозапись длительного интервью с прямым потомком российского иммигранта рубежа прошлых столетий; различные фотоматериалы из семейных архивов (копии) и открытых источников, а также другие данные.

Необходимо отметить, что все указанные выше источники являются наиболее информативными, но далеко не исчерпывают всех возможных материалов. Согласно их содержанию, очевидно, что в конце XIX в. в Новую Зеландию из Российской империи небольшими группами, но довольно часто, стали прибывать этнические русские, российские евреи, поляки, польские евреи, жители прибалтийских губерний и финны. В последнее десятилетие XIX в. так называемые «русские» стали прибывать каждый год, но общее количество выходцев из России оставалось маленьким. Из-за нечёткости и неполноты ранних списков пассажиров морских судов и документов по натурализации того периода, трудно определить имели ли в

¹⁴ Govor E.V. Russian Anzacs in Australian History. UNSW Press, 2005. 310 p.

¹⁵ Говор Е.В. Из новозеландского архива // Австралиада. Сидней (Австралия). 2004. № 38.

¹⁶ Protoporov M.A. The Russian Orthodox Presence in Australia. Fitzroy: Australian Catholic University, 2005. 443 p.

¹⁷ Wilson T. Russophobia and New Zealand — Russian Relations, 1900s to 1939//New Zealand Slavonic Journal. Wellington: Victoria University Press. 1999. № 33. P. 217—246; Zohrab I. Konstantin Balmont's Visit to New Zealand in 1912 and its Evocation in his Later Writings//NZSJ. 2000. № 34. P. 199—236 etc.

¹⁸ Петриковская А.С. Российское эхо в культуре Австралии (XIX — п.п. XX вв.). М.: Институт Востоковедения РАН, 2002. 199 с.; Каневская Г.И. «Мы ещё мечтаем о России...» (История русской диаспоры в Австралии, конец XIX в.— вторая половина 80-х гг. XX в.). Владивосток: изд-во ДВГУ, 2010. 370 с.; Массов А.Я. Россия и Австралия во второй половине XIX в. СПб.: б.и., 1998. 238 с.; Олтаржевский В.П. Вступительная статья // Россия — Новая Зеландия: 50 лет дипломатических отношений. Сб. документов. Иркутск: изд-во Иркутского гос. ун-та, 1995. С. 7—19.

¹⁹ Рудникова Е.В. Первые россияне в Новой Зеландии (досоветский период) // Культура Тихоокеанского побережья (материалы V-ой междунар. науч. конф. 24—27 мая 2010 г.). Владивосток: Дальнаука, 2013. С. 159—162; Её же. Православная церковь в истории русской диаспоры в Новой Зеландии // Россия и АТР. Владивосток: Дальнаука. № 2. 2014; и др.

действительности все эти «русские» славянское происхождение. Только к началу 1900-х гг. портовых чиновников научили отличать поляка от русского. Попытки среди массы переселенцев из царской России выделить этнических русских были сделаны в переписях 1874 и 1901 гг.: их насчитали 109 и 387 чел. соответственно.

Но все же, первой этнической группой из Российской империи, заметной по своему количеству, стали евреи, бежавшие от преследований и погромов на родине. Более 40% эмигрантов покинувших Россию в период 1828—1915 гг. составляли евреи. Начало массовой еврейской эмиграции относится к 70-м годам XIX в., причём более 90% еврейских эмигрантов направлялись в США. Численность еврейских эмигрантов продолжала увеличиваться на всём протяжении XIX — начала XX в., во многом это было связано с ограничением прав евреев в России в 1880-е гг.²⁰ Особенности еврейской эмиграции из России заключаются в том, что она формировалась по самым различным мотивам: политическим, трудовым, религиозным, этническим, часто взаимосвязанным.

С начала 1870-х гг. в Новой Зеландии появились русско- и польско-говорящие евреи. В течение 1880-х гг. в Новую Зеландию приезжали пострадавшие от еврейских погромов на родине. Преследования евреев в России возмущали новозеландцев и привели к беспрецедентному голосованию в парламенте страны в 1891 г. А ещё ранее, в 1869 г. евреи, уже проживавшие здесь, собрали деньги, чтобы помочь евреям, живущим в России. 30 июля 1891 г. в палате представителей парламента Новой Зеландии выступил сэр Дж. Грэй. Он заявил, что его страна могла бы занять своё место среди других передовых государств мира, передав петицию русскому царю с требованием сострадания к пятимиллионной общине евреев в России. Через год в парламент пришёл краткий официальный ответ, в котором говорилось, что русский царь не принимает петиций от других стран, касающихся внутренних дел России²¹.

Многие из еврейских мигрантов были сельскими жителями или работниками, связанными с торговлей мехами и одеждой. Их социально-профессиональный состав, как и других выходцев из царской России, можно подробно проследить по архивным спискам иностранцев²². Большинство еврейских эмигрантов оседало в Австралии, но были и те, кто добрался и до Новой Зеландии. Например, хорошо известная в прошедшем столетии деловая сеть братьев Маной «The Manoy Brothers» была основана сыновьями супругов Марии Мосс, австралийки по рождению и Абрахама Маноя, выходца из России, поселившихся здесь в 1870-е годы. Глава семьи первоначально стал владельцем винно-спиртовой лавки. Их дети — Генри (Гарри) и Лионель в начале 1900-х гг. вместе с отцом основали торговый бизнес под названием «А. Маной и сыновья», которое после смерти отца в

²⁰ Ионцев В.А., Лебедева Н.М., Назаров М.В., Окорочков А.В. Эмиграция и репатриация в России... С. 33; Goldman L.M. The history of the Jews in New Zealand. Auckland: Reed Publishers, 1958.

²¹ Маклеод Б. Отношение киви к русским (1869—1921 гг.) // Ветер. № 69. С. 5.

²² Register of Aliens, 1917; Register of Persons Naturalised before 1948 etc.

1913 г. изменилось на «Г. и Л. Маной». Они владели магазином, мясным и кондитерским предприятиями, имели фруктовый сад и ферму. Были разные обстоятельства, но семейный бизнес сохранялся до 1986 г., когда был продан их потомками. Братья были уважаемыми людьми и оставили заметный след в памяти жителей Мотуэки — небольшого городка на Южном острове, где жили долгое время²³.

Таким образом, на основании проведённого в настоящей работе анализа всех доступных для исследования данных, можно говорить о том, что по выходцам из Российской империи, проживавших в Новой Зеландии в период Первой мировой войны, накоплено достаточное количество разнообразных источников и материалов. Кроме того, как известно, в Первой мировой войне Россия и Новая Зеландия впервые были союзниками. Учитывая малоизученность подобной проблематики в зарубежной и российской историографии, следует признать необходимость её специального научного рассмотрения и значимость выводов для изучения истории каждого из этих двух государств. Кроме того, данная тематика является частью современного научного направления по изучению Русского мира за рубежом, что обуславливает её актуальность.

²³ Dictionary of New Zealand Biography. Vol. 1 (1769-1869), 1990// http://www.dnz.govt.nz/dnzb/default.asp?Find_Quick.asp?PersonEssay=4M36 (дата обращения: 29.06.2009).

**Раздел 2. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ**

**ВЛАДИВОСТОКСКИЙ ПОРТ В УСЛОВИЯХ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ
ВОЙНЫ (ПО ДОКУМЕНТАМ ТАМОЖЕННОГО
ДЕЛОПРОИЗВОДСТВА)**

Н.А. БЕЛЯЕВА

Владивостокский филиал Российской таможенной академии, г. Владивосток

Столетие начала Первой мировой войны, как и все юбилейные даты, — повод переосмыслить не только значение самого события, но и результаты его научного изучения. Для Дальнего Востока Первая мировая война — редкий период в истории, когда ему выпало сыграть уникальную роль в решении общегосударственных задач. И эта роль связана отнюдь не с физическим пополнением действующей армии (по данным В.И. Шишкина, призванные в действующую армию дальневосточники составили всего около 100 тыс. чел., что не достигало даже 1% от числа всех призывников)¹, а с успешной работой Владивостокского порта, который в годы войны превратился в важнейший транспортный узел, а сам Владивосток — в крупный торгово-экономический центр.

Заметим, что любая война вызывает кризис таможенной системы: прекращается действие торговых договоров со странами-противниками; изменяются товаропотоки, а также номенклатура товаров; наконец, закрываются границы, а с ними таможи, оказавшиеся в районах боевых действий; происходит гигантское перемещение личного состава в таможи за пределами прифронтовой полосы; сами таможенники призываются на военную службу.

В годы Первой мировой войны в полной мере действовали лишь две российских таможни: Архангельская — на Севере и Владивостокская — на Дальнем Востоке. Роли Архангельского порта в годы Первой мировой войны посвящено исследование Т.И. Трошиной². Меньше повезло Владивостоку, хотя именно он, удалённый на пять с лишним тысяч вёрст от линии фронта, стал по сути дела тем единственным «окном», через которое российская армия получала вооружение, боеприпасы и снаряжение из Японии и Америки³. О масштабах поставок говорит динамика грузооборота, приводимая Т.Я. Иконниковой: в 1915 г. во Владивосток прибыло

¹ Шишкин В.И. Геополитическая роль русского Дальнего Востока в период Великой войны 1914—1922 гг. // Гражданская война и иностранная интервенция на российском Дальнем Востоке: уроки истории. Материалы конф., посвящ. 90-летию окончания Гражданской войны и иностранной интервенции на российском Дальнем Востоке (Владивосток, 25—27 октября 2012 г.). Владивосток: Издательский дом Дальневосточного федерального университета, 2012. С. 76.

² Трошина Т.И. Великая война... Забытая война: Архангельск в годы Первой мировой войны (1914—1918 гг.): книга для учителей. Архангельск: КИРА, 2008. 169 с.

³ Шишкин В.И. Геополитическая роль... С. 77.

736 пароходов с общим грузом 61 млн пудов, для сравнения — в предыдущем 1914 г. на 544 прибывших во Владивосток пароходах доставлено около 22 млн пудов грузов, в основном это грузы военного назначения — вооружение, военная техника и пр. Так, в декабре 1914 г. из 47 прибывших во Владивосток американских пароходов 38 были загружены паровозами, вагонами и рельсами, заказанными российским Министерством путей сообщения⁴. Японский импорт в больших объёмах был представлен разнообразным чугунным литьём, медной арматурой, брезентом, гигроскопической ватой, йодистыми препаратами, камфарой, сукном, рисом, солью, фруктами, овощами и т.д.⁵ Многие из этих товаров шли транзитом в Сибирь и Европейскую Россию, а в отношении тех, которые предназначались для Приамурского края, Т.Я. Иконникова заметила любопытную тенденцию — снижение цен на японские товары по сравнению с довоенными. Причина — в ликвидации посредничества германских коммерсантов, в результате чего стоимость пуда меди, например, снизилась примерно на 6 руб. и составляла около 12 руб.⁶

Поскольку Владивостокский порт обслуживал импортные, экспортные и транзитные грузы, изучение его деятельности невозможно без изучения деятельности Владивостокской таможни. Согласно реформе местного таможенного управления (август 1912 г.), Владивостокская таможня получила статус таможни 1-го класса 2-го разряда, а это значит, что она напрямую подчинялась департаменту таможенных сборов, обладая высокой степенью самостоятельности в деле таможенного оформления. Одновременно она выполняла и роль экспертного центра, чему способствовало сотрудничество с Восточным институтом, в штате которого были не только великолепные знатоки восточных языков, культуры и быта народов Северо-Восточной Азии, но и специалисты — товароведы и экономисты. Таким образом, к началу Первой мировой войны Владивостокская таможня оставалась самой большой в регионе, имела обширный архив и музей прикладного характера с образцами товаров, которыми когда-либо торговали в Приамурском крае.

Владивостокская таможня, созданная высочайше утверждённым мнением Государственного совета 23 мая 1901 г., по сей день остаётся единственной таможней в регионе, которая со времени образования не претерпела реорганизаций, связанных с её ликвидацией. А потому вся её деятельность отражена в архивных документах: дореволюционный и советский довоенный периоды — в фондах Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ), послевоенный — в Государственном архиве Приморского края (ГАПК). Хорошая сохранность

⁴ Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. Хабаровск: Изд-во Хабаровского гос. пед. ун-та, 1999. С. 93—94.

⁵ Иконникова Т.Я. Российско-японские отношения в период Первой мировой войны (новые страницы) // Вопросы истории Дальнего Востока. Вып. 2. Хабаровск, 2000. С. 46—55 // URL: <http://dvforpost.su/41-gossijsko-uzaronskiy-otnosheniya-v-period-pervoy-mirovoy-voyny-novye-stranicy.html> (дата обращения: 12.06.2014).

⁶ Иконникова Т.Я. Российско-японские отношения в период Первой мировой войны... С. 46—55.

документов, их полная доступность для исследователей позволяют существенно расширить источниковую базу истории Первой мировой войны в её региональном, «тыловом» измерении. Далее попытаемся показать некоторые явления в жизни Владивостокского порта через документы таможенного делопроизводства, отложившиеся в фонде 25 «Владивостокская таможня» Российского государственного исторического архива Дальнего Востока (РГИА ДВ).

Среди документов этого фонда, которые относятся к специфическому таможенному делопроизводству, преобладают циркулярные распоряжения департамента таможенных сборов и справки об их выполнении, переписка директора и вице-директора департамента, Владивостокского таможенного инспектора с управляющими таможней И.К. Ковалевским; инструкции по конкретным вопросам таможенного дела, передаваемые циркулярно руководителям таможенных учреждений. К числу документов таможенного делопроизводства следует отнести и акты ревизий таможенных учреждений. Подобные акты — распространённый вид источников, именно они дают представление о деятельности конкретных таможенных учреждений, о реальных проблемах таможенного контроля (в данном случае в чрезвычайных условиях войны), об объёмах работы таможни, решении кадровых проблем, интенсивности товарообмена, специфике грузов.

Согласно установленному порядку, таможня могла подвергаться ревизии по основной деятельности таможенным инспектором Владивостокского таможенного участка по поручению департамента таможенных сборов, в непосредственном подчинении которого она находилась. По финансовой и бухгалтерской части таможню могла ревизовать Контрольная палата. Условия войны, безусловно, не располагали к проведению проверок, и поэтому первая «военная» проверка прошла в июне 1918 г. по решению Амурской контрольной палаты⁷. Ревизию провели внезапно, её объектом стала касса специального сборщика и делопроизводство таможни. Были выявлены нарушения бухгалтерских и кассовых инструкций. Однако для нас представляет интерес не сам акт с замечаниями, а сопровождающая его объяснительная записка управляющего таможней И.К. Ковалевского, в которой рисуется сложное положение таможни и условия работы таможенного надзора.

Принимая замечание о недостатках в делопроизводстве и ведении бухгалтерского учёта, управляющий замечает, что ограниченный состав таможни, ещё более уменьшившийся в условиях призыва, не мог вести громоздкое делопроизводство в должном порядке, ибо «всё напряжение наличных сил было обращено на беззамедлительный пропуск грузов, имеющих характер чрезвычайной важности и срочности для нашей армии»⁸. Ситуация осложнялась «необорудованностью порта», разбросанностью и отдалённостью «складочных помещений». В этих условиях удалось

⁷ РГИА ДВ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 445. Л. 11.

⁸ РГИА ДВ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 445. Л. 4—4 об.

выполнить огромную работу на сотни миллионов рублей, не допустить задержки выпуска грузов из таможни. Однако кроме объективных помех были препятствия и субъективного характера — разросшаяся в годы войны бюрократия. И.К. Ковалевский замечает: «...сверх того делу своевременной отсылки документов и взысканий отсроченных платежей и штрафов сильно препятствовало обременение чинов внутренней службы таможни составлением различных срочных чуть не ежедневных справок и ведомостей всевозможным товарам, требуемым разными управлениями Военного ведомства, Правительственными учреждениями, Комиссиями, Комитетами, Союзами и организациями, что едва успевали выполнять назначенные для сего отдельные чиновники»⁹. Не слишком помогало работе и прикомандирование к таможне чиновников из таможен западной части страны, временно перемещённых на Дальний Восток, на которых приходилась половина работы по делопроизводству. Но для многих эта работа оказалась новой, более того, они не были заинтересованы в быстром и качественном «исправлении службы» во многом по причине тяжёлой депрессии — многие оставили семьи, потеряли имущество, более всего их угнетало состояние неизвестности. Наступившее с конца 1917 г. затишье в товарообороте таможня использовала в полной мере. В первую очередь обратили внимание на проверку наличия товаров. И.К. Ковалевский с гордостью отмечает — «товары все оказались налицо»¹⁰. С 1 июля 1918 г. поток товаров, прибывавших во Владивостокский порт и проходивших, естественно, таможенное оформление, вновь стал нарастать, однако просьбы управляющего об увеличении штатов, выражаясь языком деловой переписки начала XX в., «остались без последствий».

Не менее важным, чем акты и документы ревизий, источником, относящимся к таможенному делопроизводству, следует назвать журналы межведомственных совещаний и комиссий, созываемых, как правило, по экстренным поводам. Одним из таких поводов стал пожар на таможенных складах в районе Эгершельда. В деле фонда 25, озаглавленном «Дело Владивостокской таможни о пожаре в 1916 году», отложился целый ряд документов, позволяющих представить катастрофическое положение, в котором порт оказался к весне 1916 г. В деле сохранилась копия журнала Особого совещания, состоявшегося 9 мая 1916 г., о выработке правил хранения хлопка, прибывающего во Владивосток, и об охране складской территории (председатель — временно исполнявший должность коменданта Владивостокской крепости генерал-лейтенант Крылов)¹¹.

О важности обсуждаемой проблемы свидетельствует состав участников: начальник артиллерии крепости, начальник крепостной сапёрной бригады, и. д. начальника Штаба крепости, командир 4-го Владивостокского крепостного артиллерийского полка, начальник охраны

⁹ РГИА ДВ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 445. Л. 4 об. — 5.

¹⁰ РГИА ДВ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 403. Л. 5 об.

¹¹ РГИА ДВ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 445. Л. 14—15.

территории порта, управляющий Владивостокской таможней. На совещании огласили результаты дознания о причинах пожара на расположенных на Эгершельде складах таможни, где хранились легковоспламенявшиеся товары — хлопок, копра, кожи. Пожар начался 5 мая, потушить его удалось лишь 8 мая. Отдельные кипы хлопка тлели ещё какое-то время. Расследование установило, что причина пожара — неосторожная игра детей близ складированным под навесами хлопком. На совещании были выработаны меры по усилению противопожарной безопасности.

Сохранившиеся в деле документы — акты, составленные на основании требований Устава таможенного, многочисленные обращения в таможню действовавших во Владивостоке экспедиторских и страховых компаний и их представителей, а также самих товаровладельцев — позволяют увидеть весь масштаб происшедшего: продолжавшаяся с 9 по 27 мая проверка и сортировка товаров чинами таможни, выявила, что пожар нанёс ущерб в 5 266 464 руб.¹² Значительная часть товаров намокла в результате тушения пожара и потеряла товарный вид и ценность.

Хотя противопожарное состояние порта различные комиссии признали удовлетворительным, внимательное изучение отложившихся в том же деле документов свидетельствует, что к весне 1916 г. во Владивостокском порту сложилась катастрофическая ситуация, и пожар 5—8 мая был отчасти вызван именно критическим положением порта. Приведём текст телеграммы, направленной управляющим таможней И.К. Ковалевским 27 июля в департамент таможенных сборов: «...порт переживает критический момент, грузов имеется складке более 10 млн пудов, все годные под складку места забиты грузами, крайне затруднена разборка, вывозка их. Ещё один—два парохода и некуда принимать грузов, придётся вывозить на Вторую Речку за 8 вёрст, но это крайне затруднительно за неимением на это средств и людей по обслуживанию грузов новых дальних районах. Почтительнейше испрашиваю скорейшего настойчивого ходатайства безотлагательное увеличение нормы вагонов для вывоза коммерческих грузов»¹³.

В опубликованных исследованиях даются несколько иные сведения — Т.Я. Иконникова пишет о том, что к середине августа 1916 г. только в пакгаузах таможни, не считая того, что хранилось на частных складах, находилось 7 млн 861 тыс. пудов грузов¹⁴. В.И. Шишкин отмечает, что количество скопившихся грузов достигло 10 млн пудов к началу 1918 г., причём это только 30—40% от всех грузов, доставленных во Владивостокский порт и разбросанных в городе и его окрестностях¹⁵. Важно то, что решить эту проблему правительству так и не удалось.

Ещё одним видом документов таможенного делопроизводства являются циркуляры, разъяснявшие порядок нововведений в осуществлении таможенного контроля в условиях войны. Некоторые из них опубликованы в

¹² РГИА ДВ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 445. Л. 64.

¹³ РГИА ДВ. Ф. 25. Оп. 1. Д. 445. Л. 46.

¹⁴ Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл России... С. 94.

¹⁵ Шишкин В.И. Геополитическая роль... С. 77.

сборнике документов «Из истории таможенной службы России на Дальнем Востоке»¹⁶, а также в сборниках из серии «Таможня на Тихом океане»¹⁷. Общее направление зафиксированных в них нововведений — упрощение таможенных обрядностей в отношении грузов военного ведомства, ужесточение — в отношении товаров воюющих с Россией государств¹⁸.

Безусловно, документы таможенного делопроизводства — специфический источник. Большая их часть обеспечивала работу таможенной системы. Но именно делопроизводство таможен, таможенных застав и постов позволяет представить сам процесс осуществления таможенного контроля, а значит, расширить наши представления о развитии самого порта в сложных условиях Первой мировой войны.

В заключение отметим, что в двух мировых войнах Владивосток сыграл важную роль в доставке грузов союзников для действующей армии. Однако эти факты ещё ждут внимания исследователей. Неоценимую помощь в изучении истории города и порта в экстремальных условиях войн окажут документы таможенного делопроизводства, сохранившиеся в фондах таможенных учреждений в РГИА ДВ и государственных архивах субъектов Федерации.

¹⁶ Из истории таможенной службы России на Дальнем Востоке. Документы и материалы. 1899—1925 / сост. Беляева Н.А., Троицкая Н.А. Владивосток: РИО Владивостокского филиала РГА, 1999. 200 с.

¹⁷ Таможня на Тихом океане: Документы и материалы. Вып. 4. Владивостокская таможня / сост. Беляева Н.А., Троицкая Н.А. Владивосток: ВФ РГА, 2007. 208 с.

¹⁸ Беляева Н.А. Таможенный контроль в условиях Первой мировой войны // Сибирь и войны XIX—XX веков: тезисы Всероссийской (с международным участием) науч. конф. (г. Новосибирск, 8—10 июня 2014 г.). Новосибирск: Изд-во НГПУ, 2014. С. 74—78.

РОССИЙСКИЙ ДАЛЬНИЙ ВОСТОК В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ГАЗЕТЫ «ДАЛЁКАЯ ОКРАИНА»)

А.С. ЗАКОЛОДНАЯ

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток*

21 июля 1914 г. газета «Далёкая окраина» опубликовала сообщение об объявлении Германией войны России, в котором говорилось, что германский посол передал министру иностранных дел от имени своего правительства «объявление войны с Россией»¹. С этого времени газета постоянно печатала материалы, так или иначе связанные с событиями начавшейся войны.

На следующий день, 22 июля, был опубликован Высочайший манифест Николая II, в котором он обращался к подданным со следующими словами: «...Ныне предстоит уже не заступаться только за несправедливо обиженную родственную Нам страну, но оградить честь, достоинство и целость России и положение её среди великих держав...»² С этого времени в газете постоянно размещаются обращения, благодарственные послания от императора и монарших особ, которые чаще всего появлялись в ответ на различного рода телеграммы «с выражением верноподданных чувств». Обычно вначале публиковался ответ императора или членов монаршего семейства, а ниже — посланная телеграмма. Так, в № 2290 за 27 июля 1914 г. были помещены две телеграммы Николая II. Одна — на имя коменданта крепости Владивосток с просьбой передать «...гарнизону, флотилии, ведомствам, общественным учреждениям и населению Владивостока ...сердечную благодарность». Ниже была напечатана отправленная комендантом крепости генерал-лейтенантом Саввичем телеграмма, уверявшая Государя, что «...всё население готово быть полезными своей родной матушке России всем своим достоянием, а если потребуется, то и жизнью». Другая — на имя генерал-губернатора Гондатти, в которой император выражал уверенность в готовности «...жителей окраины наравне с населением коренной России отстаивать русскую землю от дерзкого врага»³. 25 октября опубликована телеграмма генерал-лейтенанту Сташевскому от императрицы Александры Фёдоровны следующего содержания: «Прошу Вас передать Областному комитету, жертвователям, искреннюю благодарность за выраженные верноподданные чувства любви и преданности и за щедрое пожертвование на помощь нашим дорогим раненым и больным воинам. АЛЕКСАНДРА». Эта «Всемиловитейшая телеграмма Государыни Императрицы» получена в ответ на посланную 10 октября Сташевским телеграмму и переведённые в помощь больным и раненым воинам 10 тыс. руб.⁴

¹ Далёкая окраина. 1914. 21 июля.

² Далёкая окраина. 1914. 22 июля.

³ Далёкая окраина. 1914. 27 июля.

⁴ Далёкая окраина. 1914. 25 окт.

В уже упомянутом номере газеты за 21 июля был также опубликован материал о прошедшей в тот день «патриотической манифестации», когда после окончания литургии «о даровании сербскому оружию победы» комендант крепости генерал-лейтенант Саввич, военный губернатор генерал-лейтенант Шташевский, командующий сибирской флотилией контр-адмирал Римский-Корсаков, представители военно-торгового порта барон Таубе, вр. и. д. Городской голова Якубовский, тайный советник, профессор А.А. Брандт совместно с горожанами и оркестром прошли от кафедрального собора и обратно. Во время шествия манифестанты останавливались у здания городского управления, дома военного губернатора, командующего сибирской флотилией и областного правления, у штаба крепости и квартиры коменданта крепости, у английского, французского и японского консульств. Во время шествия горожане несли портреты императора, национальные флаги, исполняли гимн. На следующий день прошла совместная российско-японская манифестация. Газета сообщала об этом событии так: с семи часов вечера у здания, где раньше находилось японское консульство (на углу Китайской и Пекинской улиц), стали собираться русские и японцы с бумажными фонариками и маленькими национальными флагами. К восьми часам собралось около тысячи человек, а ещё через полчаса манифестанты прошли до собора и обратно. По пути к шествующим присоединялись гулявшие горожане, так что, по словам автора, «...толпа в несколько минут выросла в многотысячную». Во время всего мероприятия исполнялся российский гимн, произносились речи, провозглашались здравицы за «русский народ», «русскую армию», Государя Императора, Англию, Францию, Японию и японского императора; закончилось всё у квартиры японского консула, который «...провозгласил здравицу в честь России и ввиду позднего времени попросил собравшихся разойтись по домам»⁵. Всего в течение 1914 г. в городе состоялось шесть манифестаций. 10 октября солидарность выразили студенты Восточного института по случаю призыва в войска учащихся высших учебных заведений⁶. 21 октября провели манифестацию учащиеся местных средних и низших учебных заведений по случаю побед русской армии и выступления Турции⁷. 31 октября состоялась манифестация «по случаю взятия Циндао», организаторами и участниками которой выступили члены местной японской колонии. Это шествие представляло собой «...грандиозное и красивое зрелище, тысячи людей с зажжёнными фонариками, с криками «ура» и «банзай» дефилировали по Светланской и по другим улицам города. К концу к манифестантам примкнули русские с оркестром и национальными флагами и мощные звуки «Боже Царя храни» слились с криками “банзай”»⁸.

Вероятно, подобные массовые мероприятия вызывали опасения у властей, так как уже после первых двух комендант владивостокской крепости

⁵ Далёкая окраина. 1914. 23 июля.

⁶ Далёкая окраина. 1914. 11 окт.

⁷ Далёкая окраина. 1914. 22 окт.

⁸ Далёкая окраина. 1914. 1 нояб.

генерал-лейтенант Саввич обратился к жителям города с просьбой «...в будущем воздержаться от массового проявления патриотических чувств». Причём данное обращение было повторно помещено в следующем номере газеты, кроме того, генерал-лейтенант Саввич призвал жителей отказаться от употребления спиртных напитков, а продавцов товаров первой необходимости не поднимать цены «без крайней к тому нужды», напоминая, что городские власти будут следить за ситуацией и наказывать нарушителей⁹. Вероятно, резкий скачок цен на продукты во Владивостоке — это реакция на сообщение о начале войны. Читая рубрику «Особые оповещения по владивостокскому крепостному району», можно узнать о распоряжениях, отданных городской администрацией. Так, если 24 июля горожан призывали добровольно отказаться от употребления алкоголя, то 7 августа было опубликовано Особое оповещение по владивостокскому крепостному району № 8 от 4 августа 1914 г., которое воспрещало подвоз, продажу и распитие спиртных напитков в любых общественных местах, а также нахождение в нетрезвом виде¹⁰. Вероятно, с целью борьбы с любого рода критикой 16 августа вышло распоряжение, запрещавшее распространять заведомо ложные сведения о неудачах вооружённых сил, «дурно» отзываться о России, её армии и флоте. Нарушители подлежали наказанию через принудительное выселение из крепостного района в кратчайший срок¹¹. 17 ноября 1914 г. «Далёкая окраина» поместила ещё одно распоряжение, призванное обеспечить успех дальнейших военных мероприятий: на основании статьи I отдела II закона от 5 июля 1912 г. был составлен перечень сведений и изображений, касающихся внешней безопасности России и её военно-морской и сухопутной обороны, оглашение и распространение которых запрещалось «...в печати или в речах или докладах, произносимых в публичных собраниях»¹². Согласно этому распоряжению, не подлежала огласке любая информация о сухопутных и морских силах страны, учреждениях военного и морского ведомства, о состоянии дорог и средств коммуникации, о «местностях театра войны» и некоторые другие.

Появляются заметки о проходах на войну жителей Дальнего Востока и об ушедших на фронт добровольцах¹³. Например, сообщая о том, что из Хабаровска ежедневно отправляются партии добровольцев на войну, корреспондент подчёркивал: «Настроение у всех отправляющихся очень бодрое»¹⁴. В ноябре опубликована заметка о проживавших в Амурской области сорока японцев, которые во главе с г. Еокосуки «...возбудили ходатайство о приёме их охотниками в действующую армию, обещая всеми силами постараться быть полезными дружественной России»¹⁵.

⁹ Далёкая окраина. 1914. 23, 24 июля.

¹⁰ Далёкая окраина. 1914. 7 авг.

¹¹ Далёкая окраина. 1914. 16 авг.

¹² Далёкая окраина. 1914. 17 авг.

¹³ Далёкая окраина. 1914. 24 июля; 2 авг.

¹⁴ Далёкая окраина. 1914. 17 авг.

¹⁵ Далёкая окраина. 1914. 9 нояб.

С августа газета печатает сообщения о мобилизации, приказы начальника Штаба Приамурского военного округа, информацию для отправляющихся или призванных в действующую армию. Например, 2 августа опубликовано распоряжение, согласно которому призыву на службу подлежали все отставные офицеры, не перешедшие предельного возраста (генералы и штаб-офицеры 55 лет и обер-офицеры 50 лет)¹⁶. В том же номере попечитель Приходского комитета по оказанию материальной поддержки лицам, отправлявшимся в действующую армию и их семьям, священник Ст. Нежинцев обратился с просьбой к прихожанам Петропавловской церкви Владивостока перед уходом в армию присылать ему свои адреса, сведения о членах семьи, остающихся в приходе, и о средствах их существования, что было необходимо для оказания помощи запасным, ратникам ополчения, добровольцам, сестрам милосердия и нижним чинам, состоявшим на военной службе в действующей армии. «Далёкая окраина» регулярно помещала объявления о призыве новобранцев, в которых указывалось, кто подлежит явке, когда и куда следует явиться указанным лицам¹⁷. В номере от 7 сентября было опубликовано положение Военного совета от 30 августа 1914 г., согласно которому войсковым частям, управлениям и учреждениям военного ведомства разрешалось приобретать у новобранцев 1914 г. и от призываемых из запаса нижних чинов и ополченцев их собственные вещи по указанным ценам: пара сапог — 7 руб. 50 коп., нательная рубашка — 65 коп., исподние брюки — 50 коп., утиральник — 20 коп., носовой платок — 9 коп., пара холщёвых или бумажных портянок — 15 коп., полушубок — 7 руб. 50 коп., фуфайка или рубашка шерстяная — 1 руб. 50 коп., фуфайка или рубашка тёплая, бумажная — 1 руб., набрюшники — 23 коп., три пары наушников — 19 коп., башлык — 90 коп., пара рукавиц — 40 коп., пара шерстяных варежек или перчаток — 35 коп., пара суконных портянок или вместо них две пары шерстяных чулок или таковых же носков — 65 коп., шаровары суконные — 2 руб. 40 коп., кожаный поясной ремень с пряжкой — 50 коп.¹⁸ Это положение осталось в силе и для новобранцев призыва 1915 г., за исключением того, что тёплые вещи приобретались лишь от новобранцев и ополченцев, прибывших до 1 февраля 1915 г.¹⁹

В газете публиковались также аналитические статьи, авторы которых пытались определить, как скажется война на экономическом положении страны и Дальнего Востока, какие необходимо принять меры для смягчения негативных последствий. Одним из важных был вопрос о возобновлении режима порто-франко на Дальнем Востоке²⁰. Так, один из авторов, отмечая, что введение порто-франко будет «...большой льготой для части местного населения», тем не менее считал, что эта мера не является необходимой, так как «...Приамурье и Маньчжурия являются единственными пока местами,

¹⁶ Далёкая окраина. 1914. 2 авг.

¹⁷ Далёкая окраина. 1914. 3, 22 окт.; 1915. 6, 15, 27 янв.

¹⁸ Далёкая окраина. 1914. 7 сент.

¹⁹ Далёкая окраина. 1915. 27 янв.

²⁰ Далёкая окраина. 1914. 6 авг.

где живущее там русское население не несёт пока почти никаких жертв на дело обороны общего отечества от вражеского нашествия», а уровень жизни здесь выше, чем в целом по России. Поэтому даже если населению Дальнего Востока и придётся переплачивать за товары, то эти переплаты будут лишь «новым ресурсом государства при ведении войны». Газета провела опрос среди местных общественных деятелей, мнения которых позже были опубликованы. Следует отметить, что взгляды разделились. Так, А.А. Масленников считал, что «...Приамурье более чем когда-либо нуждается в беспощинном ввозе заграничных товаров. На всё время войны подвоз сюда товаров из Центральной России прекратится совершенно, т.к. железные дороги будут переполнены военными грузами, а Сибирь, как известно, кроме сырья ничего нам поставить не может», поэтому введение порто-франко позволит обеспечить край необходимыми товарами и сдержит рост цен. Председатель биржевого комитета А.В. Бабинцев имел противоположную точку зрения, полагая, что подобная мера может нанести крупный ущерб интересам русской торговли.

Часто в газете появлялись заметки и небольшие статьи под рубрикой «В биржевом комитете». Так, после введения пошлин на германские и австрийские товары биржевой комитет обратился в Министерство финансов и Министерство торговли и промышленности с ходатайством, чтобы новые правила не распространялись на товары германского и австрийского происхождения, закупленные русскими коммерсантами до введения пошлин и теперь прибывшие в Приамурский край²¹. Это ходатайство удовлетворили. Однако так было не всегда. Введённое запрещение торговли водкой, а главное — слухи о том, что запрещение это будет сохранено на всё время войны, обеспокоило винозаводчиков. 15 августа 1914 г. благовещенские заводчики провели по этому вопросу совещание, а 18 августа благовещенский биржевой комитет обратился с «телеграммой-челобитной» к министрам финансов, торговли и промышленности, в главное управление неокладных сборов, к приамурскому генерал-губернатору и управляющему акцизными сборами, в которой предлагалось исключить Амурскую область из этого документа, поскольку в ней не начата мобилизация, она находится вне района казённой винной торговли, и сюда поступает много контрабандных спиртных напитков, в силу чего от запрещения торговли пострадают частные предприятия, многие из которых разорятся²². Но эта просьба не была удовлетворена.

Тема запрета алкогольной торговли неоднократно обсуждалась на страницах «Далёкой окраины». Так, управляющий владивостокским отделением государственного банка И.М. Тихенко считал, что данный запрет привёл к улучшению экономической жизни населения, показателем которого являлось увеличение притока народных сбережений в государственные

²¹ Далёкая окраина. 1914. 7 авг.

²² Далёкая окраина. 1914. 1 сент.

сберегательные кассы²³. В одной из заметок сообщалось, что с закрытием кабаков по линии Амурской железной дороги появилась масса торговцев контрабандной водкой («в разноску»), но, «...несмотря на большой приток водки, пьянство среди рабочих все-таки заметно сократилось»²⁴. Был опубликован ряд приговоров сельских обществ, подтверждавших стремление населения к трезвости²⁵. Однако газета отметила и другое: закрытие кабаков в станицах и хуторах Амурского казачьего войска «...плачевным образом отразилось на деле народного просвещения казаков», так как кабаки служили главным источником доходов, на которые содержались школы²⁶.

Ещё один вопрос, к которому на страницах «Далёкой окраины» возвращались неоднократно, — необходимость расширения пропускной способности владивостокского порта и превращение его в вольную гавань. В частности, председатель биржевого комитета А.В. Бабинцев в своём интервью назвал причины, отрицательно влиявшие на развитие порта: техническая необорудованность порта, высокие железнодорожные тарифы и более сложные таможенные формальности. Если для решения первых двух проблем были приняты конкретные меры (происходило расширение порта, снижены тарифные ставки в направлении Владивосток — Харбин), то решить третью не удавалось. По мнению А.В. Бабинцева, создание вольных складов могло бы способствовать увеличению пропускной способности порта. На необходимости устройства во Владивостоке вольной гавани настаивал и А.А. Масленников, считавший, что «...ослабление таможенных строгостей необходимо, чтобы дать Владивостоку возможность справиться с предстоящим усиленным грузооборотом и оправдать надежды, возлагающиеся на него моментом, как на питательный порт для всей России»²⁷.

Отдельная тема — внешнеполитическая обстановка на Дальнем Востоке России, при её освещении основное внимание уделялось отношениям с Японией, японо-русскому союзу, выгоды сотрудничества стран²⁸. Одной из первых появилась публикация, в которой сообщалось о разрыве дипломатических отношений между Японией и Германией и подчёркивалось, что «...интересы России и Японии не только не противоречивы, но прямо совпадают в вопросах дальневосточной политики, в частности в вопросах о Монголии, Маньчжурии и Китае»²⁹. Среди причин, побудивших Японию пойти на объявление войны Германии, назывались как политические, так и экономические. К первым относилось англо-японское соглашение, предусматривавшее охрану обеими договаривающимися державами взаимных интересов и право применить вооружённую силу

²³ Далёкая окраина. 1914. 26 окт.

²⁴ Далёкая окраина. 1914. 24 нояб.; 1915. 27 янв.

²⁵ Далёкая окраина. 1914. 23 дек.

²⁶ Далёкая окраина. 1914. 23 дек.

²⁷ Далёкая окраина. 1915. 12 февр.

²⁸ Далёкая окраина. 1914. 12, 15, 18, 21 авг., 16, 19, 23 нояб., 2 дек. и др.

²⁹ Далёкая окраина. 1914. 12 авг.

против любой страны, посягнувшей их нарушить, ко вторым — недовольство Японии развитием германской торговли в Китае³⁰.

В одной из статей высказывалось мнение, что и Россия, и Япония заинтересованы в свержении политической и торговой гегемонии Германии на Дальнем Востоке³¹. И именно эта заинтересованность стимулировала развитие более тесных отношений между двумя странами. 8 февраля 1915 г. появились интервью японского и английского консулов во Владивостоке. По мнению японского консула, развитию торговли между двумя странами мешала российская таможенная политика, пересмотр которой может изменить ситуацию, поскольку Страна восходящего солнца заинтересована в получении хлопка, льна, хмеля, шерстяных изделий, а сама она может поставлять медицинские и хирургические инструменты, химические препараты, электрические принадлежности, машины, железные изделия, медную проволоку. Английский консул Р.М. Ходсом отметил, что после ухода с российского Дальнего Востока германских фирм британцы станут более активными и что «...местные англо-русские торговые сношения, основанные на фундаменте взаимной пользы, будут расти и развиваться»³².

Но большинство материалов газеты касалось темы благотворительности, помощи воинам и их семьям. С первых дней войны публикуются различные воззвания и объявления, призывающие помогать воинам, раненым, семьям призванных запасных. 23 июля «Далёкая окраина» поместила объявление о приёме пожертвований в редакции³³, 24-го опубликовала обращение, в котором подчёркивалось, что всё общество с «...небывалым подъёмом откликнулось на призыв Монарха — защитить величие, честь, достоинство и целостность России. Русь, как один человек, поднимается по призыву Монарха, в сознании правоты своего дела, силы и мощи родной армии, армии, призванной на борьбу с врагом»³⁴. В обращении выражалась надежда, что жители дальневосточной окраины не останутся равнодушными и внесут свою лепту в дело помощи раненым и семьям погибших, а редакция газеты «...охотно возьмёт на себя труд по сбору пожертвований от владивостокцев». Публиковались и частные письма с призывами жертвовать средства в помощь жёнам, детям ушедших на войну солдат, а также семьям воинов, получивших увечья во время сражений. Так, автор письма, опубликованного 27 июля, призывал жертвовать 3% от жалованья, что и продемонстрировал на личном примере, прислав в адрес редакции 7 руб. (3% своей заработной платы). Иногда призыв оказывать помощь раненым носил «оригинальную» форму: критиковать власти, не проявлявшие чуткость и отзывчивость: «...некоторые городские органы самоуправления нашего Дальнего Востока далеко не стоят на высоте задачи,

³⁰ Далёкая окраина. 1914. 15 авг.

³¹ Далёкая окраина. 1914. 5 дек.

³² Далёкая окраина. 1915. 8 февр.

³³ Далёкая окраина. 1914. 23 июля.

³⁴ Далёкая окраина. 1914. 24 июля.

какую можно было бы от них ожидать, — в деле помощи раненым»³⁵. Автор отмечал, что Думой Владивостока пожертвовано всего 40 тыс. руб. с выплатой по 10 тыс. руб. ежемесячно, тогда как Самара, схожая с Владивостоком по численности населения, пожертвовала 1 млн руб., и призывал вспомнить о «сыновнем долге», ибо в данный момент «...нужны не отписки, не жалкие подачки, а напряжение всех сил всей страны». Газета постоянно печатает различные обращения-воззвания к полякам, женщинам, врачам, жителям Дальнего Востока с просьбой помочь пострадавшим от войны жителям Польши и других стран, раненым, воинам и их семьям, семьям призванных уссурийских казаков принять посильное участие в содержании различных учреждений (яслей, госпиталей)³⁶.

Редакция регулярно печатала фамилии откликнувшихся на обращения и перечисленные ими суммы, заметки и небольшие статьи о благотворительных мероприятиях: концертах, спектаклях, выставках картин и др. Так, 19 августа 1914 г. газета сообщила об организационном собрании владивостокского городского комитета по сбору пожертвований в пользу раненых и больных воинов под председательством городского головы И.А. Ющенко³⁷. 7 ноября во Владивостоке прошло заседание представителей всех городских благотворительных организаций по вопросу об избрании особого городского комитета для объединения деятельности всех организаций в деле оказания помощи больным и раненым воинам и семьям запасных³⁸. Сообщения о работе организаций по оказанию помощи воинам, семьям запасных, отчёты этих организаций будут постоянно появляться на страницах газеты. Так, из размещённых в газете заметок и сообщений можно узнать, что к концу февраля 1915 г. во Владивостоке получали казённое пособие 1446 семей запасных нижних чинов, из них 623 получали пособие от городского попечительства³⁹. Размер продовольственного пособия, согласно постановлению городской думы, составлял гражданским семьям по 6 руб. на взрослого и 3 руб. на ребёнка, а законным — по 3 руб. на взрослого и 1 руб. 50 коп. на ребёнка, квартирное довольствие в 5 руб. выдавалось всем жёнам запасных, за исключением одиноких, имевших свои дома, но получавших содержание по мужу и проживавших в городских квартирах⁴⁰.

Из объявлений, публикуемых «Далёкой окраиной», жёны запасных чинов, призванных на войну, могли узнать день, время и место получения пайков и пособий. Однако эти объявления оказались полезны только для жителей Владивостока. Определённые трудности в получении пособий были у сельских жителей, многие из которых приезжали в город в надежде на какую-либо помощь⁴¹. Вероятно, для устранения данной проблемы военный

³⁵ Далёкая окраина. 1914. 12 авг.

³⁶ Далёкая окраина. 1914. 5, 16 сент., 5, 6, 8 нояб., 3 дек.; 1915. 25, 26 янв. и др.

³⁷ Далёкая окраина. 1914. 19 авг.

³⁸ Далёкая окраина. 1914. 5 нояб.

³⁹ Далёкая окраина. 1915. 24 февр.

⁴⁰ Далёкая окраина. 1915. 11 янв.

⁴¹ Далёкая окраина. 1914. 2 дек.

губернатор на страницах газеты разъяснял, что лица, проживающие в пределах города, получают пособие от городских учреждений, на которых возложено попечение об обывателях, а лицам, проживающим в пределах волости, пособия выдаются волостными правлениями⁴². Неоднократно публиковались статьи, посвящённые организации помощи в Уссурийском казачьем войске⁴³.

Стоит отметить, что война — это жестокая правда, о которой необходимо найти как можно больше информации для последующего изучения. В частности, в заметке, опубликованной 2 ноября, сообщалось о том, что Восточно-Сибирский отдел Географического общества принял решение собирать материалы о войне 1914 г. и предлагал Обществу изучения Амурского края принять участие в этой работе⁴⁴. Чуть позже с подобным обращением на страницах «Далёкой окраины» выступил Иманский комитет попечения о раненых и семьях запасных⁴⁵.

Таким образом, газета «Далёкая окраина» старалась как можно более полно освещать события, происходившие на российском Дальнем Востоке во время Первой мировой войны. Газета публиковала как информационные сообщения, так и аналитические статьи на различные темы экономического, социального и политического характера.

⁴² Далёкая окраина. 1914. 8 нояб.

⁴³ Далёкая окраина. 1914. 18 окт., 5 дек.

⁴⁴ Далёкая окраина. 1914. 2 нояб.

⁴⁵ Далёкая окраина. 1914. 23 нояб.

АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ НА РУССКОМ ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

П.В. ЖУРАВЛЁВ

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток*

Ещё в 1907—1908 гг. при обсуждении вопроса о статусе Северного Сахалина предлагалось образовать самостоятельную область в составе Удского уезда и русской части Сахалина с центром в г. Николаевск-на-Амуре. Тогда генерал-губернатор П.Ф. Унтербергер выступил решительно «против», мотивируя свою позицию отсутствием каких-либо сообщений между островом и районом Нижнего Амура¹.

Однако в 1911 г. проект объединения Удского уезда и Северного Сахалина в единую административно-территориальную единицу снова оказался на повестке дня. Совещание по пересмотру границ Приморской области (май 1911 г.) пришло к выводу, что такая реорганизация будет целесообразной и с практической точки зрения вполне оправданной². Сахалинский губернатор А.М. Валуев в сентябре того же года направил в Хабаровск посвящённую данному вопросу записку, в которой предлагал назвать область «Невельской» в память Г.И. Невельского³.

Побывавший на Нижнем Амуре член Амурской экспедиции В.Ф. Романов в качестве причин выделения Удского уезда из Приморской области и объединения его с русским Сахалином указывал на то, что, во-первых, сам Николаевск-на-Амуре (центр Удского уезда) из захолустного селения превратился в крупный центр транзитной торговли и сбыта рыбы и леса, благодаря чему его население увеличилось с 4,8 тыс. чел. до 11,7 тыс. за 15 лет (1895—1910 гг.); во-вторых, сношения с областным центром — Владивостоком — летом могут быть только по морю (5—6 дней пути при благоприятной погоде), а зимой — через Хабаровск, весной же и осенью, во время распутицы, город отрезан от остальной области, вследствие чего «...Николаевский район представляет из себя в настоящее время заброшенную неустроенную окраину Приамурья и в отношении правительственного внимания к нему находится в худших условиях, чем даже Камчатская область, которой даны уже областные учреждения»; в-третьих, северная часть русского Сахалина экономически привязана к Николаевску и сообщается с Приморской областью и постом Александровский (центр Сахалинской области) только через него. Поэтому, утверждал Романов, «...оставлять Николаевский район... на положении захудалого уезда нет никаких оснований»⁴.

¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 454. Л. 109.

² РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1886. Л. 28.

³ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 727. Л. 79 об.

⁴ Романов В.Ф. Нужды Николаевского района Приморской области. Отчёт о командировке в Николаевский

Об изолированности северо-западной части и восточного побережья русского Сахалина от областного центра поста Александровского упоминалось и в отчёте сахалинского губернатора за 1911 г.⁵

Новый приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти поддержал проектируемое преобразование. По его мнению, территория новой области (которую он в честь грядущего 300-летия Дома Романовых предлагал назвать «Романовской»)⁶ представляет собой перспективный в экономическом отношении район, богатый рыбой, золотом и лесом (Нижний Амур), нефтью и углём (Сахалин). Население её имеет тенденцию к росту, и колонизация на основе эксплуатации природных богатств имеет шансы на успех⁷.

МВД поддержало данный проект, ссылаясь на то, что чиновники областного управления Сахалина ввиду своей малочисленности и полного отсутствия в северной части острова каких-либо путей сообщения не в состоянии выполнять возложенные на них обязанности. Эти доводы, очевидно, убедили правительство, и оно, хотя и с оговорками, согласилось с проектом. Было лишь изменено название предполагаемой области на «Николаевскую» из опасений подорвать престиж династии из-за негативного образа Сахалина, связанного с недавним существованием каторги. В результате управление северной частью русского Сахалина пришлось переложить на Удское полицейское управление, а заведование рыбной промышленностью и колонизацией передать николаевским чиновникам⁸. Таким образом, произошло фактическое слияние органов управления Удским уездом и Северным Сахалином.

Законодательное утверждение образования новой области требовало значительного времени, и Гондатти, опасаясь, вероятно, что его проект потеряется в бюрократических проволочках, ходатайствовал о присоединении Удского уезда к Сахалинской области ввиду того, что эта мера не требовала новых расходов казны и могла быть проведена в порядке верховного управления, т.е. без согласования в парламенте⁹. МВД согласилось с этим, и 26 февраля 1914 г. император утвердил особый журнал Совета министров. Удский уезд отходил в ведение сахалинского губернатора, за исключением южной части (она была присоединена к Ольгинскому уезду)¹⁰.

В октябре 1914 г., в условиях начавшейся Первой мировой войны, Николай II согласился с предложением Совета министров продлить срок действия Закона от 17 июня 1909 г. «Об административном переустройстве Приморской области и острова Сахалина» вплоть до издания нового акта,

район чиновника особых поручений V класса при Переселенческом Управлении // Труды Амурской экспедиции. Вып. 10. СПб., 1911. С. 3, 5, 8.

⁵ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 11. Л. 152.

⁶ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 727. Л. 407 об.

⁷ Дубинина Н.И. Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти. Хабаровск: Приамурское географическое общество, 1997. С. 56; Ремнёв А.В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX — начала XX веков. Омск: Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. С. 514.

⁸ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2040. Л. 3.

⁹ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1974. Л. 4 об.

¹⁰ РГИА ДВ. Оп. 8. Д. 2956. Л. 26.

посвящённого полному административному переустройству Приамурского края. При этом подтверждалось, что Удский уезд входит в состав Сахалинской области¹¹.

Однако объединение Удского уезда и Северного Сахалина в организационном отношении завершено не было: губернатор вместе с канцелярией переехали в Николаевск, а остальные областные учреждения остались в посту Александровский под руководством вице-губернатора. Это приводило к затруднениям в управленческом процессе и большой волоките. Помимо этого собственно система управления Сахалинской областью никак не была затронута, произошло лишь механическое объединение двух административно-территориальных единиц. Удский уезд и Северный Сахалин продолжали управляться по-разному, общих для обеих территорий органов управления (кроме самого губернатора) создано не было. Зато ведение делопроизводства значительно усложнилось, и это притом, что некоторая часть вопросов, относившихся к Нижнему Амуру, продолжала решаться во Владивостоке¹². Всё это, разумеется, негативно влияло как на качество управления, так и на взаимоотношения властей и населения, поскольку оперативно реагировать на его запросы местные управленцы были не в состоянии.

В военное время произошла масштабная реформа горного управления в дальневосточном регионе. Согласно решению Совета министров от 19 августа 1915 г., с 1 января 1916 г. в Хабаровске начало свою работу Временное Приамурское горное управление, объединявшее в своём составе дальневосточные горные округа (Амурский, Буреинский, Зейский, Приморский, Уссурийский и Сахалинский)¹³. Данный шаг, означавший централизацию управления дальневосточной горнодобывающей промышленности, был вызван несколькими причинами.

Во-первых, в условиях мировой войны возросла потребность предприятий Европейской России в сырье, одним из источников которого являлся Дальний Восток.

Во-вторых, угледобывающая отрасль демонстрировала стабильные успехи: с 1905 по 1913 г. объём добытого угля увеличился с 13 млн пудов до 21 млн, а за 1913—1916 гг. — с 21 млн до 38,4 млн пудов¹⁴. Такой рост вынуждал правительство создать региональный координирующий управленческий орган, способный заниматься вопросами планирования и стимулирования производства. Делать это из Иркутска, как ранее, уже не представлялось возможным ввиду значительного расширения масштабов отрасли.

¹¹ РГИА ДВ. Оп. 1. Д. 1974. Л. 49.

¹² Гридяева М.В. Демографические процессы, административное развитие и становление социальной сферы на острове Сахалин в середине XIX — начале XX века: дис. ... канд. ист. наук. Владивосток, 2004. С. 128.

¹³ РГИА ДВ. Ф. 994. Оп. 1. Л. 2 (Проект образования особого горного управления, охватывающего дальневосточные территории, Квантунскую область и Маньчжурию, разрабатывался ещё в период существования наместничества. РГИА ДВ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 36. Л. 1—5 об.).

¹⁴ История Дальнего Востока России: Дальний Восток России в период революций 1917 года и Гражданской войны. Владивосток: Дальнаука, 2003. Т. 3. Кн. 1. С. 68, 71.

В-третьих, в золотодобывающей отрасли сложилась кризисная ситуация. Богатые месторождения истощились. За 1905—1913 гг. добыча золота в регионе увеличилась незначительно (с 607 до 636 пудов)¹⁵. Требовалось техническое перевооружение производства, однако наплыв дешёвой рабочей силы из Китая и малая капиталоемкость многих дальневосточных золотодобывающих компаний этому препятствовали. В военное время отмечалось даже падение объёмов добычи золота. Так, в 1915 г. в Амурской области они сократились на 34%, в Приморской — на 11%¹⁶. Создание Приамурского горного управления должно было помочь золотодобыче выйти из кризиса, заменить устаревшую технику на новую, более эффективную.

В 1915 г. резиденцию управления Буреинского горного округа перенесли из пос. Экимчан в Благовещенск. Связано это было прежде всего с удобством сношений между окружным горным инженером и золотопромышленными компаниями, ведущими в округе добычу золота. Кроме того, устранялась зависимость чиновников окружного управления от предпринимателей, снабжавших их различными товарами и продуктами¹⁷.

В 1915—1916 гг. региональная администрация в лице Н.Л. Гондатти, с одной стороны, и МВД, с другой — сформулировали ряд предложений по административному переустройству Приамурского края. В частности, предлагалось переименовать Сахалинскую область в Николаевскую, включив в её состав Охотский уезд Камчатской области; Амурскую область разделить на два или три уезда; приморского и амурского военных губернаторов переименовать в гражданских и освободить от обязанностей по управлению казачьими войсками¹⁸. Однако осуществить эти планы уже не удалось. Февральская революция завершила имперский период истории России.

К февралю 1917 г. административно-территориальное деление Дальнего Востока являло собой следующую картину:

Приамурское генерал-губернаторство (центр — г. Хабаровск) включало в свой состав Амурскую, Камчатскую, Приморскую и Сахалинскую области;

Амурская область с центром в Благовещенске состояла из Амурского уезда, округа Амурского казачьего войска, Амурского, Буреинского и Зейского горных округов.

Амурское казачье войско делилось на 11 станичных округов: Игнашинский, Албазинский, Черняевский, Кумарский, Екатерининский, Николаевский, Поярковский, Иннокентьевский, Радевский, Екатерино-Никольский, Михайло-Семёновский¹⁹.

¹⁵ История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. — февраль 1917 г.). М.: Наука, 1991. С. 312.

¹⁶ История Дальнего Востока России: Дальний Восток России в период революций... С. 71.

¹⁷ РГИА ДВ. Ф. 780. Оп. 1. Д. 447. Л. 19, 26 об. — 29.

¹⁸ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2040. Л. 3—22 об.; Ф. 702. Оп. 1. Д. 37. Л. 296—297.

¹⁹ Годовой отчёт Амурского казачьего войска за 1909 год. Благовещенск, 1910. С. 3.

Амурский уезд состоял из 21 волости: Гильчинской, Тамбовской, Амуро-Зейской, Завитинской, Борисоглебской, Буреинской, Песчано-Озёрской, Ивановской, Бельской, Вознесенской, Красноярской, Томской, Тарбогатайской, Суражеской, Полтавской, Селемджинской, Овсянковской, Серебрянской, Козьмо-Демьяновской, Валуевской, Ново-Воскресенской²⁰.

Резиденции окружных горных инженеров находились: Буреинского — в пос. Экимчан (с 1915 г. — в г. Благовещенске), Зейского — в г. Зея²¹.

В области было три города: Благовещенск, Зея и Алексеевск.

Камчатская область (центр — г. Петропавловск) имела в своём составе шесть уездов (Охотский, Гижигинский, Петропавловский, Анадырский, Чукотский и Командорских островов) и три города (Петропавловск, Гижига (Гижигинск) и Охотск)²².

Приморская область с центром во Владивостоке включала в себя четыре уезда (Никольск-Уссурийский, Иманский, Ольгинский и Хабаровский), округ Уссурийского казачьего войска, Приморский и Уссурийский горные округа.

Никольск-Уссурийский уезд имел 22 волости: Адиминская, Сташевская, Раздольнинская, Кневичанская, Занадворовская, Суйфунская, Борисовская, Покровская, Михайловская, Осиновская, Голенская, Ханкайская, Григорьевская, Хорольская, Вознесенская, Жариковская, Черниговская, Монастырищенская, Ивановская, Сысоевская, Яковлевская, Чернышевская. Также в его состав входили Славянское и Барабашевское поселковые управления.

В Ольгинском уезде было 10 волостей. Это Цемухинская, Новонежинская, Петровская, Сучанская, Фроловская, Новолитовская, Пермская, Маргаритовская, Киевская, Ключевская. Кроме того, посёлки Ольга и Сучанский Рудник.

В Иманский уезд входили 12 волостей [(в том числе Зеньковская, Спасская, Лутковская, Успенская, Марьяновская, Введенская (Веденская), Тихоновская, Саровская, Новопокровская) и Спасская слободка (на правах отдельного посёлка)].

В Хабаровском уезде было 10 волостей, среди них Троицкая, Нижне-Тамбовская, Лермонтовская, Николо-Александровская, Киинская, Вяземская, Тунгузская (Тунгусская).

Уссурийское казачье войско разделялось на шесть станичных округов (Гленовский, Бикинский, Донской, Гродековский, Платоно-Александровский, Полтавский)²³.

²⁰ Обзор Амурской области за 1911 г. Благовещенск, 1912. С. 4; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 727. Л. 179—179 об.

²¹ РГИА ДВ. Ф. 780. Оп. 1. Л. 5; Ф. 788. Оп. 1. Л. 2.

²² Обзор Камчатской области за 1912 г. Петропавловск-Камчатский, 1914. С. 6, 8.

²³ Обзор Приморской области за 1914 г. Владивосток, 1915. С. 22, 28, 32, 33, 39, 42; Закревский В.А. Земское хозяйство в связи с общественным и административным устройством и управлением в Амурской и Приморской областях // Труды Амурской экспедиции. Вып. 9. СПб., 1911. С. 34; РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 727. Л. 179.

Резиденции окружных горных инженеров располагались: Приморского округа — в Николаевске-на-Амуре, Уссурийского — во Владивостоке²⁴.

В области было три города: Владивосток, Хабаровск и Никольск-Уссурийский.

Сахалинская область [центр — пост Александровский (формально), Николаевск-на-Амуре (фактически, поскольку там была резиденция губернатора)] состояла из Удского уезда на материке и Александровского и Тымовского участков на Северном Сахалине.

В Удском уезде насчитывалось 4 волости: Мариинско-Успенская, Большемихайловская, Сергиевская и Рождественская²⁵.

²⁴ Ларина Л.Л. Административно-территориальное устройство и население Приамурского края в период империализма (1900—1913 гг.): Препринт / Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВНЦ АН СССР. Владивосток: ДВНЦ АН СССР, 1986. С. 5.

²⁵ Закревский В.А. Земское хозяйство... С. 36; РГИА ДВ. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 2614. Л. 87.

ВЛАДИВОСТОКСКОЕ ГОРОДСКОЕ ПО ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ ПРИСУТСТВИЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (ПО ДОКУМЕНТАМ РГИА ДВ)

А.А. ГОРЧАКОВ

*Российский государственный исторический архив Дальнего Востока,
г. Владивосток*

За месяц до официальной даты начала Первой мировой войны законом от 28 июня 1914 г. во Владивостоке было образовано городское по воинской повинности присутствие. Одновременно образованы ещё два присутствия — в Ольгинском и Иманском уездах.

Данным актом правительство продолжило расширять сеть уже существовавших в Приморской области предшественников современных военкоматов — городских и уездных присутствий по воинской повинности. Первые воинские присутствия возникли в России несколькими десятилетиями ранее, во второй половине XIX в. Согласно Уставу 1874 г. о воинской повинности и Положения о государственном ополчении, вместо устаревших рекрутских наборов ввели всеобщую воинскую повинность. Но население Амурской и Приморской областей, наделённое особым переселенческим статусом, до начала XX в. к призыву в армию не привлекалось.

По распоряжению наместника царя на Дальнем Востоке в 1904 г. в Приморской области были образованы первые временные воинские присутствия, которые подчинялись Приморскому областному правлению. Однако средств на их содержание как и особых должностей, не было. В 1905 г. в состав временного по воинской повинности присутствия входили вице-губернатор Приморской области, товарищ прокурора, советники областного правления и воинский начальник.

После русско-японской войны стратегическое положение России на Дальнем Востоке значительно ухудшилось: отсутствие необходимого количества войск, трудности с переброской новых из Европейской России, небольшое число оставшихся в крае запасных нижних чинов — всё это послужило основанием для введения в Приморской области положения о всеобщей воинской повинности.

9 апреля 1909 г. по приказу и. д. военного губернатора Приморской области были образованы Приморское областное, Хабаровское, Удское и Южно-Уссурийское (включая территорию Южно-Уссурийского края и г. Владивосток) уездные по воинской повинности присутствия. В состав членов Приморского областного по воинской повинности присутствия под председательством военного губернатора были включены вице-губернатор, прокурор или его товарищ, непрременный член присутствия, представитель от военного ведомства.

Все уездные по воинской повинности присутствия подчинялись Приморскому областному, которому, в свою очередь, были определены

следующие функции: наблюдение за правильным ходом призыва ратников государственного ополчения; переосвидетельствование зачисленных в ратники лиц в определённых законом случаях; рассмотрение дел по предоставлению льгот призывникам и пенсий инвалидам войн; переписка о военных поставках обмундирования, о снаряжении лошадьми и обозами; рассмотрение жалоб на уездные присутствия, их отчётов, а также составление общего отчёта о выполнении призыва ратников по области.

Многие из вышеперечисленных видов документов отложились в Российском государственном историческом архиве Дальнего Востока в фондах «Владивостокское городское по воинской повинности присутствие». Рассмотрим некоторую наиболее характерную делопроизводственную документацию этого учреждения.

Несмотря на стремительно изменявшуюся международную обстановку, оформление и открытие Владивостокского городского присутствия происходило медленно. Хотя закон «о преобразовании учреждений по воинской повинности и об изменении штатов сих учреждений» был подписан императором ещё до начала войны, первые документы делопроизводственной переписки вновь образованного учреждения датируются второй половиной августа. 21 августа 1914 г. Приамурский генерал-губернатор, генерал-лейтенант Н.Л. Гондатти издал приказ об образовании в г. Владивосток городского по воинской повинности присутствия (далее. — Присутствия) и назначении председателем и. о. Владивостокского городского головы генерал-майора в отставке И.А. Ющенко. В связи с намеченным на 1 октября призывом новобранцев по Владивостоку 25 августа военный губернатор Приморской области Сташевский направил Ющенко письмо с просьбой экстренно внести в городскую Думу вопрос о выборе двух членов от городского общественного управления и секретаря для работы в Присутствии, а также о немедленном принятии мер для налаживания делопроизводства по Владивостокскому призывному участку.

27 августа 1914 г. во Владивостокской городской думе состоялись выборы двух членов городского по воинской повинности присутствия. Избранными оказались гласные Назарий Лазаревич Белов и А.А. Сызранский. Однако с отказом последнего вторым членом Присутствия избрали гласного Александра Васильевича Болховитина.

30 августа 1914 г. секретарём Присутствия был назначен секретарь Приморского областного по крестьянским делам присутствия Николай Иванович Гульбе-Шван, который незамедлительно выехал вместе с другим служащим Присутствия Иваном Алексеевичем Ермаковым в г. Никольск-Уссурийский для принятия всех дел призывников по г. Владивосток, находившихся в Никольске-Уссурийском воинском присутствии. Во Владивосток переправили дела 159 призывников, проживавших в пределах Маньчжурии и линии КВЖД, а также 269 дел об отбытии воинской повинности жителей г. Владивосток. В заголовках дел можно встретить немало фамилий призывников из известных владивостокских военных,

чиновничьих и купеческих семей: Сибирцевых, Крузе, Троицких, Бородиных, Михайловских, Колышкиных, Радомышельских, Павленко, Красовских, Рачковых и др.¹

В деятельность по освидетельствованию призывников Владивостокского Присутствия вошли районы города и крепость. При призыве запасных нижних чинов, ратников ополчения и досрочно призываемых по мобилизации людей, действия городского присутствия распространялись на весь Ольгинский и часть Никольск-Уссурийского уездов. При рассмотрении дел по призыву новобранцев на заседаниях присутствовали два врача — гражданский и военный.

Первое заседание Владивостокского городского по воинской повинности присутствия состоялось 17 сентября 1914 г. В журнал заседаний было вписано первое постановление «...действия по призыву молодых людей к исполнению воинской повинности в текущем году открыть 23 октября с/г, о чём и объявить во всеобщее сведение. Председатель присутствия И. Ющенко. Члены: Н. Белов, за полиц. Царегородцев, поручик Сучевский, старший врач Вл. м. лазарета, колл. сов. Россет, городской врач — подпись, военный врач — подпись, секретарь Шван»².

Всего до конца 1914 г. состоялось 44 заседания Присутствия на которых рассматривались ходатайства по назначению отсрочек, пенсий и освидетельствований для приёма на военную службу. Многим из призывников, «ввиду дальности расстояния места приписки», т.е. при наличии приписки к губерниям Европейской России, для приёма на военную службу или зачисления в ратники ополчения разрешалось освидетельствование во Владивостокском присутствии. В ряде случаев, за просроченное время приписки к участкам, призывники были привлечены к ответственности по закону.

17 из числа первых призывников г. Владивостока вошли в «Список лицам, заявившим желание получить отсрочку, по имущественному положению, на окончание образования и для поступления в духовное звание», пожелав окончить начатое образование в учебных заведениях Европейской России и получив отсрочку от призыва до 1917—1921 гг. Все желающие получить отсрочку должны были написать прошение и предоставить удостоверение из учебного заведения.

Формуляр постановления Владивостокского городского по воинской повинности присутствия от 23 октября 1914 г. об отсрочке информирует о личности под порядковым номером 2, оставившей неизгладимый след в истории Дальнего Востока: «...сын подпоручика Всеволод Михайлович Сибирцев, поданным в городское по воинской повинности присутствие прошением ходатайствует о предоставлении ему отсрочки по отбыванию воинской повинности для окончания образования в С. Петербургском политехническом институте с обязательством по окончании образования

¹ РГИА ДВ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 12. Л. 1—42.

² РГИА ДВ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 13. Л. 1—2, 8.

отбыть воинскую повинность вольноопределяющимся, при чём, при прошении своём Сибирцев представил удостоверение названного института от 19 марта с/г № 3057 в том, что он действительно состоит в числе студентов названного института... Городское по воинской повинности присутствие, рассмотрев ходатайство просителя Сибирцева... постановило: Сибирцеву на основании ст. 61 п. 2 Уст. воин. пов. предоставить отсрочку по отбыванию воинской повинности для окончания образования в С. Петербургском политехническом институте до 27-летнего возраста т.е. до призыва 1920 г. с обязательством по окончании образования отбыть воинскую повинность согласно изъявленного им желания вольноопределяющимся и выдать ему установленное свидетельство...»³

Помимо делопроизводственной переписки фонд содержит важную персональную информацию: 314 личных дел военнообязанных за 1914—1916 гг., списки лиц, освобождённых от призыва за 1915 г., неспособных к военной службе за 1917 г., ратников запаса и ополченцев за 1917 г., а также формулярные списки новобранцев за 1916—1917 гг.

В апреле 1918 г., с установлением советской власти Владивостокское по воинской повинности присутствие временно прервало свою деятельность. Однако с незначительными преобразованиями оно возобновляло свою деятельность в 1920, 1921 и 1922 гг. Последние документы Присутствия о назначении пенсий отставным солдатам датированы августом 1922 г. Точная дата ликвидации учреждения не установлена. По-видимому, это произошло с приходом советских войск и окончательным утверждением новых революционных институтов после октября 1922 г.

³ РГИА ДВ. Ф. 20. Оп. 1. Д. 14. Л. 1 об. — 2, 35 об. — 37.

САХАЛИНСКАЯ ОБЛАСТЬ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914—1918 гг.)

А.Т. КУЗИН

Сахалинский государственный университет, г. Южно-Сахалинск

Первая мировая война 1914—1918 гг. отразила острые противоречия между капиталистическими державами: с одной стороны, германо-австрийским блоком (Германия, Австро-Венгрия, Османская империя, Болгария), а с другой, — Антантой как тройственным союзом Великобритании, Франции и Российской империи. В глобальную борьбу за сферы влияния и мировое господство были вовлечены 38 государств, война погубила свыше 10 млн людских жизней¹.

Исторические процессы, происходившие на российском Дальнем Востоке накануне и в годы Первой мировой войны (1914—1918 гг.), имели не только региональное, но и международное значение. Изменения международной обстановки повлияли и на ситуацию в Сахалинской области. Уместно напомнить, что в результате русско-японской войны в 1904—1905 гг. от России была отторгнута часть Сахалина южнее 50-й параллели². В апреле 1906 г. на Сахалине был упразднён каторжный режим, на принадлежавший России Северный Сахалин приток переселенцев практически прекратился, численность населения значительно уменьшилась. Хозяйственная жизнь пришла в полный упадок. Надежды на поддержку промышленности со стороны деловых кругов не оправдались, наиболее предприимчивые люди ушли на материк. На Северном Сахалине остались правительственные служащие и наиболее инертная часть населения. Объявленная правительством вольная колонизация Северного Сахалина шла медленно, люди страшились бывших каторжных мест. Из-за слабой заселённости и плачевного состояния хозяйства Сахалин в ту пору называли умирающим островом³. Не случайно на всеподданнейшем отчёте сахалинского губернатора за 1908 г. российский император Николай II написал: «...Современное положение половины Сахалина чести России не делает»⁴.

В июне 1909 г. создаётся новое административно-территориальное образование — Сахалинская область в составе Александровского и Тымовского участков и с центром управления в посту Александровском. В феврале 1914 г. из Приморской области в состав Сахалинской передан Удский уезд, центром области стал г. Николаевск-на-Амуре⁵, куда спустя три года временно перенесено и местопребывание сахалинского губернатора⁶.

¹ Советский энциклопедический словарь. М., 1984. С. 61, 980.

² Протоколы Портсмутской мирной конференции и текст Договора между Россией и Японией, заключённого в Портсмуте 23 августа (5 сентября) 1905 года. СПб., 1906. С. 101—103.

³ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 485. Л. 21.

⁴ Сенченко И.А. История Сахалина и Курильских островов. К проблеме русско-японских отношений в XVII—XX веках. М., 2005. С. 170.

⁵ Обзор Сахалинской области за 1914 год. Пост Александровский, 1916. С. 1.

⁶ Победа советской власти на Северном Сахалине (1917—1925 гг.): Сб. документов и материалов. Южно-

Однако штатная канцелярия продолжала оставаться на о-ве Сахалин под непосредственным управлением вице-губернатора, при этом многие административные дела, как и прежде, поступали на окончательное разрешение учреждений Приморской области.

В 1915 г. на Северном Сахалине насчитывалось 138 селений, население составляло немногим более 11 тыс. чел., в 1916 г. оно увеличилось до 15 тыс.⁷ В составе жителей были потомки первых засельщиков Сахалина — казаков, торговых и охочих людей, каторжан, штрафованных солдат, а также переселенцы из Забайкалья, Сибири и Европейской России. Оседлыми жителями Сахалина становились пришлые из Китая, Кореи и Японии. Представить более полно конкретный состав островного населения не представляется возможным, поскольку статистическое дело на всех дальневосточных окраинах было поставлено «явно неудовлетворительно»⁸, а проводимые в 1916—1917 гг. всероссийские сельскохозяйственные переписи Северного Сахалина не коснулись вообще. Численность и состав его населения подвергались значительным колебаниям как по причине сезонного характера промыслов, так и слабого развития всей экономической жизни.

Укажем при этом на три объективных фактора, предопределявших характер трудовой занятости местного населения. Во-первых, Сахалин постепенно втягивался в дальневосточную систему формировавшегося капиталистического хозяйства. Во-вторых, все отрасли нуждались в дешёвой рабочей силе. В-третьих, свободный капитал, в том числе иностранный, искал сферу своего приложения и находил её в создании торгово-промышленных компаний и обществ.

Важнейшее значение в экономике Сахалина имел рыбный промысел, начало которому можно отнести к 70-м годам XIX столетия. Рыбодобыча имела кустарный характер, ловом занималось туземное население, к концу XIX в. большой объём добычи сосредоточился в руках японских предпринимателей⁹. Однако в целом сахалинское рыболовство быстро эволюционировало и в начале XX в. стало важнейшей отраслью сахалинской экономики. После потери Южного Сахалина из-за русско-японской войны стала развиваться рыбодобыча в районе Северного Сахалина. Здесь сформировался Сахалинский рыбопромышленный район, на который приходилось 5% улова дальневосточной рыбодобывающей промышленности¹⁰.

Сахалинск, 1959. С. 269.

⁷ Сенченко И.А. История Сахалина и Курильских островов... С. 192.

⁸ Галлямова Л.И. Основные тенденции социально-экономического развития Дальнего Востока России накануне и в годы Первой мировой войны // Азиатско-Тихоокеанский регион в глобальной политике, экономике и культуре XXI в.: Материалы междунар. науч. конф. Хабаровск, 2002; Ткачева Г.А. Демографическая ситуация на Дальнем Востоке России в 20—30-е годы XX в. Владивосток, 2000;

Гриднева М.В. О достоверности архивных источников по истории дореволюционного Сахалина // Итоги и перспективы развития архивного дела в дальневосточном регионе на рубеже столетий. Владивосток, 2001. С. 39; РГИА ДВ. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 2241. Л. 4.

⁹ Мандрик А.Т. История рыбной промышленности российского Дальнего Востока (50-е годы XVII в. — 20-е годы XX в. Владивосток, 1994. С.50—63.

¹⁰ Галлямова Л.И. Дальневосточные рабочие России во второй половине XIX — начале XX в. Владивосток, 2000. С.59—60.

Сахалин располагал богатыми месторождениями угля, и развитие угледобычи, по расчётам властей, должно было стать единственно надёжным средством успешной колонизации Сахалина. Однако ожидаемого рынка сбыта сахалинского угля сформировать не удалось¹¹. Многие рудники быстро прекращали работу, в их числе Александровский, Анастасьевский, Макарьевский, Семёновский, Пильвенский, Владимирский. Горно-геологические экспедиции давали «чрезвычайно неопределённые результаты», а время их работы приходилось считать потерянным для горного дела. Общим препятствием являлось отсутствие портовых сооружений, ориентированных на экспорт угля. Таким образом, несмотря на давность начала горного дела, оно оставалось «...в первоначальной стадии поисков и разведок в небольшом количестве, а в большинстве представлялось предприятиями, перепродававшими по спекулятивной цене свои дозвожительные свидетельства»¹².

Для угольной промышленности Сахалина тяжёлым ударом стала русско-японская война, а за ней — отмена сахалинской каторги и сильнейший отток населения с острова. В 1905 г. закрылись тюремные копи, Анастасьевские (Мгачинское месторождение) копи и Дуйский рудник. В 1913 г. на Сахалине действовало всего две шахты (Дуйская и Воеводская), с общим объёмом добычи 1,2 млн пуд. Тяжёлое военное время остановило строительство единственной сахалинской гавани в посту Александровский, что тоже не давало возможности поднять «на ноги» горноугольную промышленность. Тем не менее, в годы войны добыча угля стала расти, достигнув в 1915—1916 гг. 1,9 млн пудов¹³. Численность рабочих, занятых на предприятиях Сахалинского горного округа, возросла до 600 чел.¹⁴

На рубеже XIX—XX вв. сахалинская экономика получила новый уклон развития, обусловленный открытием первых нефтяных месторождений. Однако промышленного значения нефтегазовая отрасль не обрела из-за отсутствия капиталов, как, впрочем, и лесная промышленность — из-за отсутствия средств, деревообрабатывающих предприятий и морских портов для отправки леса на иностранные рынки.

Наличие относительно обширных незаселённых земель на о-ве Сахалин создавало объективные возможности для их сельскохозяйственного освоения. Причём на Сахалине, в отличие от Приморья, не существовало каких-либо ограничений в выборе оседлых мест. Местные пахотные земли не представляли каких-либо сплошных массивов, а были разбросаны мелкими клочками среди таёжных неудобств, горных и речных долин и даже болот. Поэтому не было хозяйств фермерского типа, а колонизация Сахалина в целом, в отличие от Приморья и Приамурья, не носила земледельческого

¹¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 50. Л. 16; Отчёт Горного департамента за 1910 г. СПб., 1912. С. 593; Волкович А. Д. Каменноугольная промышленность Северного Сахалина // Сахалинская горно-геологическая экспедиция 1925 г. М., 1927. С. 290; ГАСО. Ф. 54. Оп. 1. Д. 175. Л. 348.

¹² РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 50. Л. 9; Д. 341. Л. 93—94.

¹³ Галлямова Л. И. Дальневосточные рабочие России... С. 74, 213.

¹⁴ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 341. Л. 151 об.

характера. По данным официальных обзоров, средняя величина земельных угодий крестьянского подворья колебалась от 1,3 до 1,6 десятины. В среднем на душу населения приходилось примерно 7 пудов валового сбора зерна и 23 пуда картофеля. Значительная часть долга в казну население не способно было возместить, поскольку даже не могло прокормить себя.

Безусловно, местное население в определённой мере выживало за счёт земледельческого труда. Развивалось и животноводство: имелось около 1,8 тыс. лошадей, 3,7 тыс. голов крупного рогатого скота, более 300 коз, почти 1,5 тыс. свиней и примерно 3 тыс. оленей¹⁵. В 1917 г. число хозяйств возросло до 1104, но из них 464 — оставались безлошадными, 481 — не имело коров и 560 вообще не занимались выращиванием сельхозкультур¹⁶. Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война потребовала мобилизации мужского дальневосточного населения. В этих условиях российское правительство пошло на то, чтобы ушедших на фронт заменить частично «жёлтыми» рабочими, в первую очередь китайцами и корейцами.

Медленно происходило развитие торговли, которая, однако, оказалась не в состоянии быстро обеспечивать оборот капитала, а в условиях конкуренции была лишена какой-либо систематичности и здоровых коммерческих начал. Главной особенностью торговли являлось то, что на Сахалин завозилось почти всё — и продовольственные, и промышленные товары, главным образом из Владивостока и Одессы. Эти функции выполняли агентство Русского Восточно-Азиатского пароходства, агентство Добровольного флота, некоторые японские торговые фирмы и компании. В годы Первой мировой войны положение с продовольствием на Северном Сахалине, как и по всей стране, стало обостряться. Поэтому последовал запрет на вывоз скота с острова на материк¹⁷.

Начало XX столетия на Сахалине характеризовалось ростом общественного движения. Участились политические забастовки. Проходили волнения среди заключённых. Распространялась нелегальная политическая литература. Проводились тайные сходки с участием прибывшего с материка «неблагонадежного элемента». В секретных донесениях сообщалось, что в селениях Тымовского участка наблюдались «...буйство и неповиновение властям», а на Александровском участке допускались нарушения законов о воинской повинности со стороны «...запасных нижних чинов».

Всё это свидетельствовало о формирующейся оппозиции к государственной власти. В годы Первой мировой войны нарастание общественно-политического движения на Сахалине, безусловно, было связано с событиями на фронтах. Признавалось, что с началом войны стали заметны проявления не только патриотических настроений, но и рост недовольства в народных массах¹⁸. Поэтому местные власти стали

¹⁵ Обзор Сахалинской области за 1914 год. Пост Александровский, 1916. С. 35.

¹⁶ Всероссийская сельскохозяйственная, поземельная и городская перепись 1917 г. Владивосток, 1919. С. 192—195.

¹⁷ РГИА ДВ. Ф. 1157. Оп. 1. Д. 80.

¹⁸ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 951.Л. 56.

запрашивать широкие и чрезвычайные полномочия, выдвигали требования экстренно прислать средства на проведение сысков, командировать чинов жандармского надзора, усилить полицейскую стражу и увеличить численность воинских частей на Сахалине¹⁹. Какие-либо собрания для обсуждения общественно-политических вопросов были запрещены.

Накануне Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. политическое положение на Сахалине ещё более обострилось. После свержения императора Николая II в Сахалинской области организуется Комитет общественной безопасности. Губернская власть упраздняется, и формируются органы Временного революционного правительства. В сентябре 1917 г. образуется Сахалинский Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Октябрьское вооружённое восстание 1917 г. завершилось переходом государственной власти к большевистским Советам. Но на Сахалине до марта 1918 г. продолжали действовать органы Временного правительства. Начавшаяся на Дальнем Востоке иностранная интервенция послужила причиной активизации контрреволюционных выступлений. Власть перешла к областной земской управе и колчаковским комиссарам, которых удалось свергнуть только в январе 1920 г. Дальнейший процесс советизации Сахалина был прерван японским вторжением.

В заключение отметим, что в отечественной историографии тема Первой мировой войны почти не отражалась. В Царском Селе в 1915 г. в память о войне было открыто «Кладбище героев» и заложен деревянный храм «Утоли моя печали» для отпевания погибших воинов. Но в годы советской власти всё было разорено. В 1979 г. накануне Олимпиады в Москве были уничтожены захоронения участников Первой мировой войны. Между тем, в ряде стран День перемирия 1918 г. (11 ноября) является национальным праздником, а в Великобритании в этот День проходит поминовение павших как в Первую, так и во Вторую мировые войны. Во Франции возведены памятники погибшим воинам и Могила неизвестного солдата, а в Германии учрежден Всенародный День скорби.

Видимо, пришла пора воздать должный почёт солдатам русской армии, положившим свои жизни на алтарь Отечества. Представляется во всех отношениях справедливым в интересах патриотического воспитания молодого поколения восстановить исторические памятники, присвоить ныне действующим российским боевым частям имена лучших военачальников, а также воинских формирований дореволюционного времени.

В 2004 г. в Москве, на месте Братского кладбища, в районе Сокол были установлены памятные знаки «Павшим в мировой войне 1914—1918 годов», «Российским сестрам милосердия». В 2008 г. в городе Пушкин воздвигнут монумент героям Первой мировой войны. Наконец, в декабре 2012 г. был издан Федеральный закон, согласно которому 1 августа стало считаться Днём

¹⁹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 658. Л. 1; Д. 683. Л. 19.

памяти и признания заслуг российских воинов, погибших в Первой мировой войне²⁰. В мае 2014 г. в Калининграде был открыт по существу первый в России памятник участникам этой войны.

Первая мировая война стала одним из самых крупномасштабных и затяжных вооружённых конфликтов в истории человечества, который официально завершился подписанием Германией на Парижской мирной конференции (1919—1920 гг.) договора с государствами-победителями. Перенесённое Германией национальное унижение породило впоследствии реваншистские устремления, ставшие затем одной из предпосылок развязывания нацистами Второй мировой войны.

²⁰ Президент Российской Федерации. Внесены изменения в закон о днях воинской славы и памятных датах России. Федеральный закон. Сайт Президента России (30 декабря 2012 г.)

КООПЕРАЦИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

А.В. ИВАНОВ

*Благовещенский государственный педагогический университет,
г. Благовещенск*

На Руси всегда смотрели на войну как на общую беду, народную трагедию, с которой можно справиться только всем миром. Первая мировая внесла огромные изменения в социально-экономическую жизнь Дальнего Востока России и оказала большое влияние на развитие кооперации. Вначале казалось, что война губительно подействовала на кооперативное движение, так как вся хозяйственная жизнь вышла из обычной колеи из-за расстройств денежного и товарного рынка, мобилизации служащих кооперации и массы её рядовых участников.

Однако, с другой стороны, война явилась катализатором процесса кооперативного строительства. В условиях начавшегося продовольственного кризиса царское правительство стало активно привлекать кооперативные учреждения для организации продовольственного дела¹.

31 августа — 1 сентября 1914 г. состоялось заседание Комитета о сельских ссудо-сберегательных и промышленных товариществах с участием представителей от кооперативов, на котором было принято обращение «К кооперации всей России». В нём сообщалось, что комитет организует посреднически-справочное бюро по поставкам в армию, по сбыту и закупкам. Кооперативам предлагалось сообщать, какие военные поставки они могут и желали бы взять на себя².

Особенностью деятельности дальневосточной кредитной кооперации во время Первой мировой войны стала активизация посреднической работы, которая шла в двух направлениях:

а) закупка товаров по поручению своих членов;

б) продажа потребительских товаров, сельскохозяйственных машин и орудий по заданию монопольных торговых домов и фирм, а также казённых складов Переселенческого управления на территории Дальнего Востока.

В 1916 г. 11 сельских кредитных кооперативов Хабаровского уезда по поручению своих членов закупили разные потребительские товары на общую сумму 60 229 руб. 18 коп., сельскохозяйственные орудия на 128 руб. 38 коп., семена на 3098 руб. 17 коп., продовольственные товары и корм для скота на 49 549 руб. 63 коп.³ По поручению частных фирм, домов и заводов кредитные кооперативы продали сельским жителям товары на 48 985 руб. 44 коп., в том числе разные потребительские товары на общую сумму 22 526 руб. 35 коп. В результате посреднической деятельности кооперативы

¹ Залётный В. Кооперация в борьбе с продовольственным кризисом // Вестник кооперации. 1916. № 10. С. 16.

² ГАРФ. Ф. 102. Оп. 15. 1914 г. Д. 16. Лит. Б. Л. 13—17.

³ РГИА. Ф. 582. Оп. 6. Д. 220. Л. 2.

получили прибыль в размере 10 306 руб. 54 коп. при валовом расходе 8520 руб. 21 коп.⁴ Оборотная сумма по посредничеству в 39 товариществах Приморья в 1914 г. составила 1357 руб., в 1915 г. она превысила 30 686 руб.⁵

Товарищества закупали у крестьян продукцию сельского хозяйства, необходимую для поставки в армию. Посредством кооперации правительственные органы оказывали помощь крестьянам в приобретении семенной пшеницы; частные торговые дома и фирмы, а также промышленные предприятия через кооперативы сбывали свои товары в дальневосточной деревне. В 1915—1916 гг. пять товариществ Приморья закупили в Маньчжурии и Амурской области семенную пшеницу на 12 164 руб., 35 вагонов семенного хлеба, 8 вагонов продовольственной пшеницы. Кооперативы приобрели для комиссионной продажи своим членам 110 пудов сахара и три бочки сельди. Цена семенной пшеницы в товариществах доходила до 1 руб. 83 коп., взималась комиссионная плата от 2,5 коп. до 5 коп. за пуд, в то же время у торговцев пуд семенной пшеницы стоил 2 руб. 70 коп., пуд продовольственной пшеницы в кооперативе — 1 руб. 66 коп. с 5-процентным комиссионным сбором за посреднические услуги⁶.

В 1916 г. 12 товариществ Иманского и Никольск-Уссурийского уездов закупили потребительские товары по поручению членов общества на 97 452 руб. 22 коп., семян — на 93 934 руб., скота — на 3 517 руб. Кооперативы приняли для продажи от заводов, торговых домов и фирм на комиссию товаров на 2 495 руб. и от частных торговцев на 228 руб.⁷

С началом Первой мировой войны торгово-посреднические связи кооперативов с частным капиталом Дальневосточного края заметно активизировались. Торговые фирмы и дома нередко продавали кооперативам свои товары со скидкой. Так, благодаря посредническим операциям между кооперативом и фирмой «Кунст и Альберс» Ивановское кредитное товарищество Приморской области в 1915 г. приобрело 19 сеялок, 28 плугов, 5 соломовязалок, 2 жатки, 647 пудов матауза, всего на 23 562 руб. Комиссионная плата с каждого, вступившего в товарищество взималась в размере от 5% до 10%, т.е. в том же размере, в каком фирма допускала скидку⁸.

Посредническая деятельность между кооперативами и торговыми домами приносила определённую пользу, на что указывало Андреевское кредитное товарищество Приморья: «Посредничество по покупке сельскохозяйственных машин и орудий и сноповязального матауза практикуется уже два года и доставляет членам большие удобства, товариществу прибыль ввиду того, что фирма «Кунст и Альберс» предполагает отпуск товаров по ценам фирмы, допуская скидку на машины и

⁴ РГИА. Ф. 582. Оп. 6. Д. 220. Л. 2.

⁵ Приморский хозяин. 1917. № 5—8. С. 47.

⁶ РГИА. Ф. 582. Оп. 1. Д. 138. Л. 54.

⁷ РГИА. Ф. 582. Оп. 1. Д. 138. Л. 54.

⁸ РГИА. Ф. 582. Оп. 1. Д. 1024. Л. 25.

орудия от 5% и выше»⁹. Кредитные кооперативы края нередко обращались к торговым фирмам при составлении проектов и смет на строительство элеваторов, зернохранилищ и мельниц, особенно паровых. Кооперативы получали при этом финансовую помощь у частного капитала¹⁰.

Развитие торгово-посреднической деятельности стало более активно наблюдаться в кооперативах Амурской области, в то время как до войны эта работа осуществлялась весьма слабо. В 1916 г. Козьмодемьяновское товарищество приобрело у монопольных фирм сельскохозяйственных машин и орудий на 20 тыс. руб. с комиссионной платой 2% от стоимости орудий производства¹¹. Отраднинское общество израсходовало на покупку семян, хлеба 2823 руб.¹² Кооперативы закупали и потребительские товары у частных фирм и домов. Так, в конце 1916 г. восемь товариществ на Амуре закупили товаров на сумму 94 172 руб. для своих членов¹³.

Кредитные товарищества Дальнего Востока являлись посредниками по обеспечению сельского населения семенами и продовольствием. Например, в 1915 г. в связи с постигшим Приморскую область неурожаем в Яковлевской волости Никольск-Уссурийского уезда местному населению оказали правительственную помощь в виде продовольственной пшеничной муки и семенной пшеницы. Выдачу этой продовольственной ссуды поручили Яковлевскому кредитному товариществу за вознаграждение — 5 коп. с пуда. Всего было роздано пшеничной муки 15 655 пудов, семенной пшеницы — 15 245 пудов, продовольственной пшеницы — 2000 пудов, а в целом — 33 900 пудов¹⁴.

Кредитная кооперация дальневосточного региона России принимала участие в снабжении действующей армии продовольствием. Так, в 1915—1916 гг. Амурское сельскохозяйственное общество наладило поставки для армии мяса и кожи через представителей кооперации. Для покупки скота у крестьян Амурское общество сельского хозяйства выдало Тамбовскому товариществу денежный аванс 4 тыс. руб., а Ивановскому — 8 тыс. руб. Ивановское кредитное товарищество сдало 734 пуда 34 фунта мяса и 114 пудов 3 фунта кожи, всего на сумму 4423 руб. 42 коп.; Тамбовское кредитное товарищество сдало мяса и кожи на 3091 руб. 90 коп.¹⁵

Хабаровское отделение Госбанка в отчёте Управлению по делам мелкого кредита 14 октября 1915 г. написало о положительном значении хлебозалоговых операций в кредитных товариществах: «...вводимая в трёх кредитных товариществах хлебозалоговая операция оказалась очень своевременной, т.к. даст возможность населению освободиться от необходимости иметь дело с мелкими скупщиками хлеба и зависимости от

⁹ РГИА. Ф. 582. Оп. 1. Д. 1008. Л. 44.

¹⁰ РГИА. Ф. 582. Оп. 1. Д. 956. Л. 66.

¹¹ РГИА ДВ. Ф. 769. Оп. 2. Д. 83. Л. 8.

¹² РГИА ДВ. Ф. 769. Оп. 2. Д. 72. Л. 14.

¹³ РГИА ДВ. Ф. 769. Оп. 2. Д. 83. Л. 8.

¹⁴ РГИА. Ф. 582. Оп. 1. Д. 1413. Л. 36.

¹⁵ РГИА. Ф. 582. Оп. 1. Д. 1405. Л. 28.

них»¹⁶. Хабаровское отделение Госбанка открыло хлебозалоговые операции в трёх товариществах: Успенском, Веденском и Тихвинском. Госбанк в 1916 г. выдал этим кооперативам под залог хлеба ссуды на сумму в 28 тыс. руб.¹⁷

Одним из важных мероприятий кооперации Дальнего Востока в годы войны было распространение краткосрочного (5,5%) военного займа. Князе-Волконское кредитное товарищество Хабаровского отделения Госбанка в 1916 г. распределило среди сельского населения военный заём на 386 руб. 05 коп.¹⁸ Общее собрание Григорьевского кредитного товарищества Владивостокского отделения Госбанка 23 октября 1916 г. постановило: «Поручить Правлению товарищества обратиться с просьбой к настоятелям местных церквей и сельским старостам широко опубликовать среди населения цели военного займа и условия подписки на такие, все свободные от оборотов денежные суммы, находящиеся в капиталах товарищества, обратиться на приобретение военного займа»¹⁹.

В годы Первой мировой войны финансовая деятельность кредитных товариществ на Дальнем Востоке получила дальнейшее развитие. Однако ссудная операция кооперативов несколько сократилась. В 1915 г. сумма ссуд на одного члена кооператива при Владивостокском отделении Госбанка в среднем составляла 105 руб., Хабаровском — 134 руб., Благовещенском — 112 руб. В 1916 г. сумма кредита возросла: во Владивостокском — до 110 руб., Хабаровском — 99 руб., Благовещенском — 132 руб.²⁰

Ссуды членам кооперативов, как и до войны, выдавались на хозяйственные нужды. В 1915 г. число ссуд возросло до 12 806 на общую сумму 724 230 руб.²¹ Несмотря на высокую долю ссуд на производственные надобности резко возросли потребительские ссуды. В 1914 г. на личные расходы заёмщиков и продовольственные ссуды было потребовано 366 ссуд на 17 196 руб., в 1915 г. — 960 ссуд на 43 523 руб., т.е. почти в три раза больше предыдущего года²².

В годы войны в условиях кризиса народного хозяйства стали уменьшаться суммы производственных ссуд по всем видам в сравнении с 1913 и 1914 гг. Однако увеличилось число ссуд на покупку семян для посева почти в 3,5 раза по сравнению с 1914 г.²³ В Амурской области кооперативы также поднимали этот вопрос. Журнал «Амурский земледелец» о причине такой тенденции писал следующее: «Это объясняется отчасти приростом новых членов, а главным образом тем, что ввиду недорода хлеба крестьянам пришлось в значительной степени свои хозяйственные потребности восполнить за счёт кредитов в товариществах».

¹⁶ РГИА. Ф. 582. Оп. 6. Д. 472. Л. 637.

¹⁷ Приморский хозяин. 1916. № 9. С. 34.

¹⁸ РГИА. Ф. 582. Оп. 6. Д. 9564. Л. 15.

¹⁹ РГИА. Ф. 582. Оп. 1. Д. 1380. Л. 40.

²⁰ РГИА. Ф. 582. Оп. 1. Д. 1040. Л. 14.

²¹ Приморский хозяин. 1917. № 5—8. С. 41—42.

²² Приморский хозяин. 1916. № 3—4. С. 44; 1917. № 5—8. С. 41.

²³ Приморский хозяин. 1916. № 3—4. С. 44; 1917. № 5—8. С. 41.

Ссуды в кооперативах требовались преимущественно на хозяйственные нужды и особенно на покупку семян. Так, с 1 июля 1913 по 1 апреля 1914 г. было выдано 563 ссуды на приобретение посевных семян, а с 1 июля 1914 по 1 апреля 1915 г. — 4290 ссуд на 328 478 руб., т.е. спрос на семенную ссуду увеличился почти в восемь раз²⁴. В то же время средняя задолженность членов товарищества по ссудам увеличилась: с 57 руб. на 1 апреля 1914 г. до 71 руб. на 1 апреля 1915 г.²⁵

Дальнейшее развитие на Дальнем Востоке получила потребительская кооперация. Основной причиной увеличения количества потребительских кооперативов являлся рост цен в военное время. На почве возрастающего товарного дефицита и расстройств народного хозяйства, особенно транспорта, расцвела спекуляция. Таким образом, порождённая войной экономическая и финансовая разруха, вызвавшая обесценивание рубля и рост спекуляции, стимулировала создание новых торговых кооперативов.

Ещё одно обстоятельство способствовало возникновению потребительских обществ. Первая мировая война потребовала мобилизации всех сил на нужды армии. Во многих воюющих странах, в том числе и в России, это привело к серьёзным ограничениям свободной конкуренции и рыночных отношений. Чем хуже становилось экономическое положение, тем сильнее государство вмешивалось в хозяйственную жизнь. Основными способами такого вмешательства были: регулирование цен, распределение промышленного сырья, установление государственной монополии на продажу товаров и продуктов, нормирование потребления с помощью карточек. Царское правительство, вынужденное вступить на путь регулирования экономики, пыталось опираться на кооперативный аппарат как на наиболее приспособленный для этой цели²⁶.

В Приморской области на проходившем 29 июля 1916 г. совещании под председательством военного губернатора Приморской области генерал-майора Толмачёва было принято постановление, в котором говорилось, что разделение края на старожильческие и переселенческие районы невозможно, содействие кооперативному движению должно распространяться на весь край²⁷. Совещание рекомендовало образовавшемуся Союзу «Приамурский кооператор» закупать товары из первых рук, наладив торгово-посреднические связи с центральными организациями России²⁸.

В целях развития кооперации Министерство земледелия и Переселенческое управление направили военному губернатору Амурской области «План по содействию кооперативам Амурской области на ближайшее трёхлетие». Проходившее в Благовещенске 7 апреля 1916 г. совещание, созванное Управлением сельскохозяйственными складами Переселенческого управления, постановило: до образования в области

²⁴ Амурский земледелец. 1915. № 3. С. 69.

²⁵ Амурский земледелец. 1915. № 3. С. 69.

²⁶ Лашков И.П. Возникновение и развитие потребительской кооперации в дореволюционной Сибири (1864—1917 гг.). Новосибирск, 1965. С. 28.

²⁷ РГИА ДВ. Ф. 391. Оп. 6. Д. 161. Л. 235.

²⁸ РГИА ДВ. Ф. 391. Оп. 6. Д. 161. Л. 235.

потребительского Союза функции оптового склада передать сельскохозяйственному складу Переселенческого управления, который должен открыть оптовые отделения в Благовещенске, Бочкарёве, Алексеевске, Екатеринославке и Завитой²⁹. Каждому потребительскому обществу склад должен был предоставить кредит товаром на 1000 руб., и по возможности организовать это там, где работает кредитный кооператив³⁰.

Организация Переселенческим управлением товарного кредита кооперативам не означала, что правительство будет оказывать всемерную помощь в увеличении оборотных капиталов кооперативов путём торгово-денежного кредита. Напротив, как отмечалось в циркуляре Министерства внутренних дел от 12 февраля 1916 г.: «Потребительские общества должны возникать и развиваться самостоятельно, согласно нормальному уставу, содействие сельскохозяйственных складов должно выражаться в устройстве особых центральных складов, из которых потребительские общества должны снабжаться необходимыми товарами»³¹.

Таким образом, Первая мировая война заставила коренным образом перестроить работу дальневосточной кооперации, существенно расширив границы, возможности и перспективы использования кооперативов в обществе. Защита Отечества, забота о благе граждан определяли характер разнообразной деятельности многочисленных кооперативных объединений, видевших главную задачу в помощи населению, подъёме уровня жизни народа, преобразовании его культуры и быта. Годы Первой мировой войны стали периодом наивысшего расцвета и подъёма кооперации Дальнего Востока России, но они же стали и последним этапом, эпилогом его «классической» истории, завершившейся большевистским завоеванием кооперации.

²⁹ РГИА ДВ. Ф. 810. Оп. 6. Д. 64. Л. 19.

³⁰ РГИА ДВ. Ф. 810. Оп. 6. Д. 64. Л. 21.

³¹ Союз потребителей. М., 1915. № 23, 24, 34—35.

ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ЭЛЕКТРОЭНЕРГЕТИКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

А.В. МАКЛЮКОВ

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток*

Эра электричества в России началась в 1880 г. Хотя в области электроэнергетики Российская империя заметно отставала от западных стран (в 1913 г. по выработке электроэнергии она занимала 6-е место в Европе), однако развитие отрасли в годы предвоенного экономического подъёма шло семимильными шагами. Построенные в России электростанции по эксплуатационным показателям ни в чём не уступали зарубежным и соответствовали самым последним техническим достижениям.

На Дальнем Востоке России «электрическое дело» получило развитие с начала 90-х гг. XIX в. Пионером в области городской электрификации в регионе был немецкий торговый дом «Кунст и Альберс», который в ноябре 1893 г. запустил электрогенератор фирмы Сименс для освещения своего магазина во Владивостоке¹. К 1914 г. в дальневосточном регионе работали уже 4 городских, 8 промышленных и около 10 частных электростанций. Крупнейшей среди них была Владивостокская муниципальная станция, построенная в 1912 г. По данным городской электросети, на 1 июня 1914 г. она обеспечивала током 32 133 электрических лампочки, 61 электрический мотор и 848 уличных ламп². Станция также снабжала электроэнергией трамвай — первый электрический транспорт не только на Дальнем Востоке, но и в Сибири.

На начальном этапе электрификации Дальнего Востока значительную роль сыграли немецкие фирмы «Всеобщая компания электричества» и «Сименс и Гальске», занимавшиеся энергетическим машиностроением и поставками электрооборудования. Сеть филиалов этих лидеров рынка электротехники с 1902 г. быстро разрасталась по всей стране. В августе—сентябре 1906 г. представители «ВКЭ» обратились во все городские управы края с предложением построить городские центральные электростанции³. А в 1908 г. филиалы «ВКЭ» и «Сименс» открылись в г. Владивосток. Практически вся электротехника — от лампочек, электросчётчиков, распределителей энергии до генерирующих машин — ввозилась на Дальний Восток преимущественно этими двумя фирмами. В частности, на всех построенных в 1906—1914 гг. крупных городских и промышленных электростанциях региона были установлены турбогенераторы «ВКЭ», а на мелких станциях работали генераторы «Сименс». Городские управы, казённые учреждения и владельцы предприятий региона делали заказы на электротехнику в отделениях фирм, находящихся во Владивостоке⁴.

¹ Деег Л. Кунст и Альберс. История немецкого торгового дома на российском Дальнем Востоке (1864—1924). Владивосток: Изд-во Примполиграфкомбинат, 2002. С. 146.

² РГИА ДВ. Ф. 159. Оп. 1. Д. 15. Л. 171.

³ РГИА ДВ. Ф. 755. Оп. 3. Д. 310. Л. 2; Дальний Восток. 1906. 2 сент.

⁴ РГИА ДВ. Ф. 755. Оп. 3. Д. 570. Л. 199.

Начавшаяся Первая мировая война ударила и по энергетическому хозяйству России. Отсутствие отечественных специализированных предприятий энергетического машиностроения и полная зависимость электроэнергетики от импорта сказались на развитии отрасли уже в первые военные годы. Кроме того, центральная власть с началом военных действий стала ограничивать предпринимательскую деятельность немецких фирм, на которых практически и держалась энергетическая отрасль страны. Правительственный надзор был установлен над всеми германскими электрокомпаниями и их отделениями, в том числе и над филиалами «ВКЭ» и «Сименс и Гальске» во Владивостоке⁵. Стало практически невозможно завозить электротехнику из Германии.

Негативное влияние войны отразилось на развитии электроэнергетики регионов России, особенно таких отдалённых от Германии, как Дальний Восток. В предвоенные годы в крае, в отличие от западных районов страны, первые центральные электростанции только начинали появляться. Органы местного самоуправления строили большие планы дальнейшей электрификации городской инфраструктуры. Так, в марте 1913 г. Владивостокская городская дума приняла решение увеличить мощность электростанции в несколько раз, расширить в два раза электроосветительную сеть и построить вторую линию трамвая. Для этого в июне 1914 г. через фирму «ВКЭ» заказали новый турбогенератор мощностью 2250 кВт. Но начавшаяся война не позволила выполнить заказ — агрегат был захвачен в одном из турецких портов⁶.

С началом войны по всей стране резко подскочили цены на иностранное электрическое оборудование и технические материалы. Газета «Дальний Восток» в январе 1915 г. писала, что электрические провода подорожали в 4 раза, а электрические счётчики — в 6 раз⁷. Запаса имевшейся электротехники хватило только на год. В сентябре 1915 г. из-за отсутствия электросчётчиков отдел электрических сооружений Владивостокской управы объявил о прекращении приёма новых абонентов⁸.

Подорожание технических материалов привело к увеличению расходов на эксплуатацию городских электростанций, что, в свою очередь, отразилось на тарифах. В ноябре 1915 г. в российских городах тарифы на электроэнергию в среднем увеличились на 30%, а к февралю 1917 г. — ещё на 50%⁹. Электроэнергия подорожала и в дальневосточных городах: с 1 июля 1916 г. плата за электроосвещение выросла на 15—25%, за пользование электричеством для промышленных целей (моторов) — на 30—35%¹⁰.

Следует отметить, что на фоне обострения спроса на энергетическое оборудование в годы Первой мировой войны в России возросла популярность японских компаний — «Киосинша» и «Токото и К^о»,

⁵ Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. Хабаровск, 1999. С. 36.

⁶ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 499. Л. 7, 8.

⁷ Дальний Восток. 1915. 11 янв.

⁸ Дальний Восток. 1915. 2 сент.

⁹ Электричество. 1915. № 11. С. 3; 1917. № 3. С. 2.

¹⁰ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 500. Л. 10; Ф. 159. Оп. 1. Д. 24. Л. 93.

занимавшихся энергетическим машиностроением. Электротехника из Японии завозилась в страну через порт Владивосток. В сентябре 1916 г. большая партия японских электрогенераторов и оборудования была отправлена по железной дороге в Западную Россию¹¹. Японские энергетические машины приобретали и управления городов Дальнего Востока. Например, в ноябре 1916 г. Владивостокская управа купила у фирмы «Киосинша» турбогенератор мощностью 1500 кВт за 97 564 руб.¹² В результате удалось реализовать план по расширению городской электростанции, но с опозданием в 2,5 года.

В апреле 1916 г. электротехнический отдел Центрального Военно-промышленного комитета г. Петроград обратился ко всем ведомствам страны и городским управлениям с рекомендацией всячески поддерживать работу электростанций, обеспечивавших энергией военные учреждения и предприятия, работавшие на оборону¹³. На Дальнем Востоке в числе таких предприятий были Владивостокский военный порт и временные вагонносорочные железнодорожные мастерские, которые обеспечивались электроэнергией от ведомственных станций. В годы войны электрический отдел Военного порта поддерживал электростанцию в хорошем техническом состоянии, она обеспечивала электроэнергией не только цеха, заводские и жилые здания, но в дальнейшем практически всю восточную часть Владивостока, подстанции городского трамвая¹⁴.

Вместе с тем в годы войны продолжали обостряться проблемы своевременной замены изношенного оборудования на электростанциях и в электрической сети, проведения текущего и капитального ремонта. Поставляемой небольшими партиями электротехники и материалов не хватало. Дальневосточным энергетикам зачастую приходилось заниматься изобретательством: изготавливать недостающие детали из подручного материала. Так, электрики Благовещенской городской электростанции делали вводы в сеть из оцинкованного железа, что приводило к ещё большей потере электроэнергии¹⁵. На Владивостокской городской станции из-за отсутствия необходимого материала для ремонта электрических сетей потеря электроэнергии к 1918 г. составила 25%¹⁶. Оборудование электростанции не ремонтировалось и было предельно изношено.

Нередко возникали сбои в электрическом освещении городских улиц, жилых домов и предприятий. Например, на Владивостокской городской станции только в 1915 г. из-за технических неполадок 4 раза происходила её полная остановка¹⁷. Органы местного самоуправления принимали специальные решения, ограничивавшие горожан в пользовании электричеством. Так, Владивостокская городская дума 28 февраля 1917 г.

¹¹ Дальний Восток. 1916. 21 сент.

¹² Дальний Восток. 1916. 4 нояб.

¹³ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 503. Л. 184.

¹⁴ Дальневосточный механический и судостроительный завод «Дальзавод». Владивосток, 1923. С. 96.

¹⁵ РГИА ДВ. Ф. 755. Оп. 2. Д. 1372. Л. 30.

¹⁶ ГАПК. Ф. 1371. Оп. 1. Д. 17 а. Л. 8.

¹⁷ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 503. Л. 78 а.

приняла постановление, запретившее абонентам иметь в квартире более трёх лампочек и пользоваться электронагревательными приборами: чайниками, утюгами, электроплитами и т.д.¹⁸

Таким образом, с началом Первой мировой войны электроэнергетика в России и её регионах постепенно приходит в упадок. Наряду с общими экономическими проблемами на развитие отрасли оказывали влияние и такие факторы, как полная зависимость энергоносителей от материально-технического обеспечения иностранных производителей и поставщиков; невозможность полноценного ремонта и технической поддержки оборудования электропредприятий и сетевого хозяйства. Последовавшие за мировой войной события революций и Гражданской войны привели к окончательному краху электроэнергетики на Дальнем Востоке: в регионе за десятилетие не было построено ни одной новой электростанции, и лишь с приходом советской власти началось восстановление старых предприятий.

¹⁸ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 500. Л. 24.

КРЕСТЬЯНСТВО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Ю.Н. ОСИПОВ

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток*

Первая мировая война (1914—1918) оказала решающее влияние на созревание революции в России. Она изменила не только социально-экономическую и политическую ситуацию в стране, но и самих людей, подготовила их к участию в бурных событиях 1917 г. Прежде всего это относится к крестьянству — основе российской армии.

В 1914—1917 гг. на фронт было мобилизовано 15—16 млн чел., большинство из них — крестьяне¹. Вся эта огромная человеческая масса оказалась вовлечена в войну нового типа, непривычную для традиционного крестьянского сознания. Машинный характер войны, позиционные боевые действия, жестокость, массовость жертв, оторванность общих целей войны от интересов личного хозяйства крестьянина и его малой родины — всё это делало войну в глазах большинства российского крестьянства чуждым и бесполезным мероприятием. На фронтах Первой мировой войны рушилось традиционное крестьянское мироощущение, формировалось и укреплялось понимание того, что война противоречит коренным интересам крестьянства. Ура-патриотическая эйфория первых месяцев войны схлынула быстро. Уже с весны 1915 г. военная цензура отмечала, что крестьян-солдат гораздо больше беспокоят кризис экономики и сельского хозяйства, положение в своей деревне, судьба семьи и хозяйства, рост цен и т.д. Концентрированным выражением настроений и чаяний крестьянства вновь становится земельный, аграрный вопрос.

Крестьянский протест против тягот и бессмысленности войны выливался в братания на фронтах, массовое дезертирство, социализацию образа врага, восприимчивость к революционной агитации и пропаганде, готовность к активным действиям по защите своих интересов. Первые братания русских с австро-венграми прошли на Восточном фронте летом 1915 г. Братания на фронте отражали стремление русского солдата к скорейшему заключению мира. После Февральской революции 1917 г. они приняли беспрецедентные масштабы и практически не прекращались вплоть до конца 1917 г.

Огромные масштабы в годы Первой мировой войны приняло дезертирство, не характерное для русского воина прежних времён. Первые массовые уходы крестьян с фронта начались уже в 1915 г. В 1916 г. со всех фронтов самовольно ушли около 1,5 млн вооружённых чел.² Мобилизованные крестьяне сбегали уже по дороге на фронт. К началу 1917 г.

¹ Дурнев А.Я., Стасюкевич С.М. Аграрная история России (IX — начало XXI в.). Курс лекций. Благовещенск: Изд-во ДальГТУ, 2007. С. 207.

² Дурнев А.Я., Стасюкевич С.М. Аграрная история России... С. 208.

пополнения приходили на фронт со средней утечкой в 25%. Миллионы людей думали не столько об обороне, сколько о мире и о земле. Из родных деревень и городов шли письма о надвигающемся голоде и о том, что конца-краю невзгодам нет и не предвидится. Начавшиеся общинные переделы требовали присутствия мужчин на селе, и типичной картиной 1917 г. становится солдат с ружьём, который возвращается в родную деревню за своей землёй. К 1917 г. крестьяне в шинелях осознали себя грозной силой и открыто заявляли о намерениях завоевать и защищать свободу и землю.

В условиях военного времени в полной мере проявилась отсталость российского сельского хозяйства. Тяжело сказалась война на показателях аграрного производства. Мобилизация миллионов мужчин создала дефицит рабочей силы в сельском хозяйстве. В результате уже в 1915 г. посевные площади сократились на 20%. Валовые сборы хлебов и картофеля упали до 5,1 млрд пудов в 1916 г. по сравнению с 7 млрд пудов, которые в среднем ежегодно собирали перед войной. К 1917 г. вся продукция сельского хозяйства составили 88% от уровня 1913 г. (производство зерновых — 80%)³. Компенсировать произошедшее сокращение объёмов производства не смогло даже прекращение экспортных поставок.

Первая мировая война разрушила нормальный товарооборот между городом и деревней: резко сократилось производство и поступление на внутренний рынок необходимых крестьянству товаров, деньги обесценивались. Деревня стала придерживать продукты или продавать их по завышенным ценам. На свободном продовольственном рынке в предреволюционный период быстро росли хлебные цены: за 1916 г. цена на ржаной хлеб выросла почти в три раза.

Немалую роль в ухудшении снабжения городов и армии продуктами питания сыграли разруха на транспорте и отсутствие системы хранения и переработки (консервирования) сельхозпродукции.

Первая мировая война, экономическая разруха, политическая нестабильность резко обострили антикапиталистические настроения деревни. Социальное содержание крестьянских требований не изменилось и в 1917 г.

До 1913 г. крестьяне Дальнего Востока не проходили действительной службы. Они прямо зачислялись в запас (в ратники). В 1913 г. Государственная Дума эту льготу отменила. В связи с войной начали призывать в армию как очередные возраста, так и ратников.

За 1914—1916 гг. на военную службу в Приамурском военном округе было призвано 104 тыс. чел., в том числе Уссурийское казачье войско отправило на фронт более 3 тыс. всадников⁴. В 1917 г. по 15 центральным губерниям России лица, находившиеся в армии, составляли 46,8% всех трудоспособных мужчин, в Амурской области — 55%, при этом у казаков —

³ Дурнев А.Я., Стасюкевич С.М. Аграрная история России... С. 209—210.

⁴ История Дальнего Востока России: учеб. пособие. Владивосток: Дальневост. федерал. ун-т, 2013. С. 143; История российского Приморья: учеб. пособие для 8—9 классов общеобразовательных учреждений. Владивосток: Дальнаука, 1998. С. 93.

39% и у крестьян — 59,5%. Мобилизации так очистили деревню, что 43% крестьянских хозяйств полностью лишились мужской рабочей силы.

Наибольший процент мобилизации пал на бедные новосельские сёла и наименьший — на богатые старожильские. Так, в новосельском селе Валуево в армии находилось 72% всех мужчин, начиная с 16-летнего возраста, в деревне Горки — 81,7% , в М. Симачах — 97% , а в богатых старожильских селах — в Верхней Полтавке и Варваровке — 38,5%, в Нижней Полтавке — 36,8% , в Верхнем Уртуе — только 18,2%⁵. Вся тяжесть мобилизации легла в первую очередь на бедняцкие слои деревни. Кулаки находили тысячи лазеек, чтобы избавиться от армии.

Большой урон хозяйствам крестьян был нанесён реквизицией хлеба. Авансы по так называемому интендантскому закупу обычно получали кулаки. В 1915 г., вследствие исключительно неблагоприятных погодных условий и мобилизации мужчин в армию, хлеб убрать не удалось. (Значительная часть пшеницы и более половины овса ушло под снег, и «уборка» продолжалась вплоть до марта 1916 г.). Так как авансы выдавались под поручительство всего общества, то военное ведомство провело насильственную реквизицию зерна у всех хозяйств подряд. Таким образом, барыши от интендантского закупа, проводившегося по повышенным ценам, ежегодно получали кулаки, а расплачиваться пришлось середнякам. Значительная часть хозяйств лишилась и хлеба и семян.

Но если в целом по стране наблюдалось сокращение посевных площадей, то в таких регионах, как Сибирь и Дальний Восток — наоборот, расширение посевов. Так, в Амурской области с 1914 по 1918 г. посевные площади увеличились с 400 156 до 551 973 дес., т.е. в 1,3 раза, в Приморской соответственно — 1,1 раза⁶.

Война ускорила процесс расслоения деревни. Основная масса крестьянства разорялась. Об этом свидетельствует рост числа безлошадных хозяйств. Так, с 1910 по 1917 г. удельный вес безлошадных хозяйств в области увеличился с 11,2 до 17,6%. С 1913 по 1917 г. 6% крестьянских семей ликвидировали своё хозяйство и покинули деревню⁷.

Процесс разорения охватил в первую очередь новосёлов, но не миновал он и старожилов, и казаков. Среди старожилов за это время количество беспосевных хозяйств увеличилось в 2,3 раза, безинвентарных — в 2,4 раза и безлошадных — на 45%. Среди казаков удельный вес безлошадных хозяйств увеличился с 5,7 до 17%, а бескоровных — с 19,7 до 26,3%⁸.

О том, до какой степени обнищания дошла казачья беднота, свидетельствует письмо казака станицы Поярковской, подписавшегося инициалами С.В.Т. Он писал: «...хуторские сборы большинством постановили: для обеспечения казака к исправному выходу на службу,

⁵ Старков М.И. Амурское крестьянство накануне Октября. Благовещенск, 1962. С. 80.

⁶ Косицын В. Сельское хозяйство Амурской губернии за десять лет 1914—1923 г. // Наш путь. 1924. № 1. С. 43; Шагин Э.М. Очерки истории России её историографии и источниковедения (конец XIX — середина XX вв.). М., ВЛАДОС, 2008. С. 162.

⁷ Старков М.И. Амурское крестьянство накануне Октября... С. 81.

⁸ Старков М.И. Амурское крестьянство накануне Октября... С. 81.

принять самые строгие меры, путём отдачи последнего в работники...»⁹. По замыслам станичных воротил, три года принудительного батрачества должны были дать казаку средства для приобретения боевой лошади, седла, обмундирования и пр., после чего он должен отправиться на службу.

В письмах и жалобах крестьян сообщалось о безысходной нужде. Так, из деревни Ново-Киевки Мазановской волости, писали: «...теперь все ходят с понурими головами, не знают, за что и взяться. Да и как им не думать всё население нашей деревни бедное, сеют мало. Чтобы посеять хлеб в этом году, многие продали и последнюю скотину, а многие, надеясь на урожай, много задолжали. Теперь бог знает, что и будет»¹⁰. Задуматься крестьянам этой деревни было над чем: из 105 дворов 21 не имел лошадей, 35 — коров, 18 — инвентаря; из 123 мужчин старше 16 лет — 88 находились в армии, 64 хозяйства полностью лишились мужской рабочей силы¹¹. Из деревни Светорусовки Вознесенской волости писали: «В нашу деревню вернулось два запасных солдата: Ребров Ф.Е. — ранен в обе ноги, ходит на двух костылях, совершенно неспособен к работе; семейство его состоит из отца 60 лет, жены и 3 детей, из которых старшему около 10 лет; и Купенко И.Н. — ранен в шею и ногу, ходит без костылей, но для крестьянской работы негоден... Последняя мобилизация молодёжи и ожидаемый со дня на день призыв ратников заставляет деревню подумать, какая участь ожидает тех, кто возвратится обратно искалеченным, кто о них будет заботиться, куда обращаться за помощью и в чём она будет заключаться?»¹².

О том, какая помощь им будет оказана, крестьяне могли убедиться на собственном опыте, систематически получая отказы на свои прошения. Так, крестьянин-новосёл Мишенков обратился за помощью к губернатору. Мишенков — инвалид (60 лет и к тому же перелом правой руки), у него три сына в армии, на руках 6 детей, старшему из которых 17 лет. Губернатор отказал в помощи на том основании, что есть 17-летний сын, который может прокормить семью¹³.

Но в то время, как большинство деревни нищало, меньшинство, её верхушка обогащалась. Кулаки захватывали пустовавшие земли. Так, в селение Гильчин староста — кулак Развезев самовольно захватил общинные земли, к тому же растратил на собственные нужды общественные деньги¹⁴. Кулаки, захватывая крестьянские земли, резко увеличивали свою запашку. При росте нужды и нищеты в деревне, посевные площади продолжали расти и во время войны.

С 1913 по 1917 г. площадь посевов увеличилась на 45%. За это время удельный вес хозяйств, имевших 7 и более рабочих лошадей, повысился с 10,5 до 14,2%, хозяйств, сеявших свыше 50 дес. — с 4,9 до 6,1% , а их доля в посевах увеличилась с 25,4 до 30,5%.

⁹ Старков М.И. Амурское крестьянство накануне Октября... С. 81.

¹⁰ Старков М.И. Амурское крестьянство накануне Октября... С. 81.

¹¹ Старков М.И. Амурское крестьянство накануне Октября... С. 81.

¹² Старков М.И. Амурское крестьянство накануне Октября... С. 81.

¹³ Старков М.И. Амурское крестьянство накануне Октября... С. 81.

¹⁴ Старков М.И. Амурское крестьянство накануне Октября... С. 81.

В канцелярию губернатора Амурской области, в крестьянское присутствие и крестьянским начальникам шёл непрерывный поток жалоб на самоуправство кулаков. Но жалобы эти оставались, как говорили, втуне. Так, крестьянин селения Верного Краснояровской волости жаловался на волостного старшину, что он семенную ссуду, предназначавшуюся для нуждающихся крестьян, раздал богачам, имевшим по 6—7 рабочих лошадей, и спиртоносам. Крестьянский начальник оставил жалобу без ответа, но сельский и волостной старосты ещё больше стали безобразничать и усилили гонения на жалобщиков.

Крестьянка села Чуевки солдатка Заикина жаловалась на кулака деревни Липовской Семилетова. Заикина весной отдала Семилетову лошадь с условием, что он посеет, уберёт и обмолотит для неё 1 дес. овса и 1 дес. 10 сажень пшеницы. Семилетов лошадь взял, а в оплату предложил прелое зерно¹⁵.

Из Селемджинской волости писали: «Кулаки наши не дремлют и за бесценюк скупают всё, что можно». Далее описывался такой способ наживы: «Крестьянину нужно 30 руб. — он обращается к кулаку. Тот ссужает просимую сумму, но обуславливает платёж сеном по 15 коп. за пуд. Через два месяца сено будет продаваться по 60 коп. за пуд»¹⁶. Таким образом, за два месяца кулак на 30 рублях «зарабатывал» 120 руб.¹⁷

Затянувшаяся война обострила нужду. Среди крестьян зрело недовольство, нарастал протест. Иногда он прорывался в форме отказа от выполнения различных повинностей и игнорирования распоряжений властей. Так, часть крестьян селения Ярковы Ивановской волости отказалась от выполнения натуральных повинностей. Крестьяне села Петропавловки Амурско-Зейской волости отказались от междудворной гоньбы по предписаниям казачьего войскового правления. Крестьяне села Ивановки, обсудив предписание крестьянского начальника о найме лиц для обучения детей маршировке, приговорили: «вопрос этот отклонить»¹⁸. Как бы ни были эти факты мелки сами по себе, в них отражалось растущее недовольство крестьянства. Таким образом, в годы Первой мировой войны крестьянство Дальнего Востока, как и всей страны, переживало сложный период своей истории.

¹⁵ Старков М.И. Амурское крестьянство накануне Октября... С. 81.

¹⁶ Старков М.И. Амурское крестьянство накануне Октября... С. 81.

¹⁷ Старков М.И. Амурское крестьянство накануне Октября... С. 81.

¹⁸ Старков М.И. Амурское крестьянство накануне Октября... С. 81.

ПОРТ ВЛАДИВОСТОКА В СИСТЕМЕ СНАБЖЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АРМИИ ВОЕННО-ТЕХНИЧЕСКИМ ИМУЩЕСТВОМ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

П.В. ВИНОГРАДОВ

*Дальневосточная пожарно-спасательная академия — филиал
Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России, г. Владивосток*

Начавшаяся Первая мировая война перешла из быстрой и манёвренной в затяжную, а боевые действия приняли ярко выраженный позиционный характер. На полях сражений утвердился примат обороны над наступлением. Прорыв мощной оборонительной линии противника стал очень сложной задачей и потребовал значительных затрат не только живой силы, но и оружия и боеприпасов, огромные расходы которых, а также массовый выход из строя и потеря оружия уже в первых крупных военных операциях привели противоборствующие армии к острому кризису в снабжении боекомплектами. В российской армии «кризис вооружений» вылился в настоящий «снарядный голод», так как отечественная промышленность оказалась неспособной в кратчайшие сроки снабдить всем необходимым действующую армию. В такой ситуации царскому правительству пришлось обратиться за помощью к своим союзникам.

Но перед властями неожиданно встала другая проблема. С началом войны Чёрное и Балтийское моря превратились в зоны активных боевых действий, относительно безопасная транспортировка грузов по ним стала невозможной. В таких условиях у России осталось два порта, в которые можно было доставлять закупленные за границей грузы, это Архангельск и Владивосток.

Порт Архангельска не был приспособлен в техническом отношении для разгрузки большого количества судов. Опыт первой навигации 1914—1915 гг. показал сложность проводки ледоколами судов в Архангельск по узкому и извилистому Маймаксанскому рукаву Сев. Двины. Поэтому возникла необходимость в приобретении ледоколов для сопровождения судов. Большую проблему представляла и вывозка доставленных грузов из порта. Железная дорога по пропускной способности и подвижному составу совершенно не соответствовала требованиям времени, в связи с чем уже в первую навигацию в порту Архангельска скопилось большое количество грузов. Медь, свинец, алюминий, резина и уголь, не менее 700 автомобилей в разобранном виде в деревянных ящиках в большинстве своём лежали на открытом воздухе¹.

Кроме того, над судами, направлявшимися в Архангельск, висела опасность быть потопленными немецкими военными судами и подводными лодками или быть подорванными на минах, выставленных немецкими эсминцами. Так, в навигацию 1915 г. германский вспомогательный крейсер

¹ Knox A. With the Russian army 1914—1917. London: Hutchinson & Co. Paternoster Row. 1921. Vol. I. P. 356.

«Метеор» скрытно поставил между Йоканьгой и островом Сосновец 285 мин банками по 27—30 в каждой. 29 мая 1915 г. на немецких минных заграждениях погиб английский пароход «Арндаль». Вскоре подрывались и затонули ещё несколько транспортов. Появление минной опасности привело к резкому сокращению союзных перевозок, что заставило российское командование принять срочные меры для защиты судоходства на Севере и сформировать особую флотилию для охраны торговых судов.

Всё это вынуждало правительственные инстанции искать альтернативный порт, который мог бы принимать военно-стратегические грузы от союзников. Таким портом стал Владивосток, несомненным достоинством которого являлась абсолютно безопасная транспортировка стратегических грузов из США и Японии, поток которых с каждым месяцем всё увеличивался. В 1914 г. интендантское ведомство только в Японии сделало заказы на сумму 32,3 млн руб., в США — почти на 20 млн руб. К 1916 г. сумма российских военных заказов только в США достигла 1 млн 215 тыс. руб.²

Значение порта Владивосток как с точки зрения общегосударственных интересов, так и в отношении общеэкономического развития дальневосточного региона было осознано давно, но всё же Владивостоку довольно долго пришлось ждать, когда, наконец, правительство примет реальные меры к развитию здесь благоустроенного порта³. Однако лишь в 1913 г. был утверждён план развития порта, предполагавший ряд мероприятий, реализация которых к 1920 г. должна была увеличить ежегодный грузооборот порта до 160 млн пудов. Проектная смета расходов на модернизацию порта составляла 6 758 500 руб., однако работы по реконструкции порта до войны начать не удалось⁴. Поэтому накануне войны порт Владивостока имел целый ряд существенных недостатков, не позволявших ему принимать большие объёмы грузов.

Самый главный недостаток — значительная удалённость Владивостока от промышленно развитой европейской части России. Транссибирская магистраль имела низкую пропускную способность, поскольку при её постройке правительство, в первую очередь, руководствовалось принципом жёсткой экономии. В то время казалось, что и без того громадные денежные затраты на сооружение всего пути, малочисленное население края, экономическая бедность его и как результат — предполагаемая незначительность грузового движения оправдывали указанный выше принцип⁵. Результатом подобной политики стала низкая техническая оснащённость Транссибирской магистрали по сравнению с железными дорогами европейской части России. Перестройку магистрали на двухколейную на всём протяжении от Челябинска и дальше на Восток до

² Селезнев Г.К. Тень доллара над Россией. Из истории американо-русских отношений. М.: Воениздат, 1957. С. 27.

³ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 530. Л. 1.

⁴ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 530. Л. 2.

⁵ Ушаков К.П. Подготовка военных сообщений России к мировой войне. М.: Л.: Госиздат, 1928. С. 44.

начала войны осуществить не удалось. Производилось лишь удлинение и улучшение разъездов, позволявшее несколько повысить пропускную способность на самых трудных перегонах.

С конца 1914 г. в порту началось активное строительство. Генерал-губернатор Приамурского края Н.Л. Гондатти держал под личным контролем все мероприятия по перестройке порта Владивостока для приёма иностранных грузов, получая еженедельные отчёты о портовом грузообороте, и ежемесячно выезжал из Хабаровска во Владивосток, где оставался на продолжительное время для решения насущных проблем, препятствовавших развитию порта⁶.

На полуострове Шкота оборудовали территорию с пятью причалами для принятия военных грузов, паровозов и железнодорожного оборудования, поставляемых из США. Была проложена отдельная железнодорожная ветка до района Первой Речки, где находились обустроенные мастерские по сборке прибывавших из США вагонов⁷.

Общая протяжённость причальной набережной порта Владивосток была увеличена в два раза и после модернизации составляла 3448 пог. м. 1963 пог. м относились к типу плавучих и представляли из себя понтоны, соединённые с берегом деревянным мостиком, в результате чего борт парохода отстоял от бровки набережной на 16 м⁸. Данный тип причалов позволял производить разгрузку только мелкими партиями и вручную. Остальные 1485 п. м причальных линий принадлежали к типу каменных стенок, что позволяло производить разгрузку крупногабаритных грузов. В техническом отношении причальная набережная находилась в удовлетворительном состоянии, но ввиду прекращения в 1915 г. землеустроительных работ проектная глубина порта уменьшилась почти на 2—3 фута, что создавало трудности для разгрузки и погрузки океанских пароходов⁹. Для разгрузки военных грузов, особенно в период навигации зимой, с ноября по март, можно было использовать не больше четырёх причалов, принимавших соответственно не более пяти пароходов¹⁰.

Для модернизации самого порта в Японии было закуплено немало портового оборудования, в том числе 8 плавучих и 29 железнодорожных кранов. Там же были приобретены два больших портовых крана, фирмы «Мицубиси», которые могли поднимать груз общей массой до 40 т.

В 1914 г. во Владивосток прибыли 544 торговых судна, доставившие грузы общей массой в 360 тыс. т. В 1915 г. было доставлено около 595 340 т грузов различного назначения, в результате этого на таможене и частных складах хранилось до 128 т невывезенных грузов¹¹. Скопление большого количества грузов серьёзно поставило вопрос об обеспечении пожарной

⁶ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 938. Л. 24—25.

⁷ РГИА ДВ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 37. Л. 1.

⁸ РГИА ДВ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 32. Л. 68.

⁹ РГИА ДВ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 32. Л. 67.

¹⁰ РГИА ДВ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 43. Л. 310.

¹¹ Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. Хабаровск: Изд-во Хаб. гос. пед. ун-та, 1999. С. 94.

безопасности порта. Техническое обеспечение противопожарной охраны в порту оставалось неудовлетворительным. Зимой, а нередко и в тёплое время года вода при прохождении по длинным шлангам промерзала и подача её полностью прекращалась, поэтому нередкими были пожары на территории порта, причинявшие немалый ущерб. В начале 1916 г. за Крестовой сопкой сгорели склады с хлопком, летом случился пожар на Интендантской площади. В ноябре 1917 г. загорелся склад боеприпасов в районе нынешнего Морского вокзала. В связи с этим правительство выделило дополнительные средства на улучшение пожарной охраны порта. Управление порта приобрело и передало в Суйфунскую пожарную часть два специализированных пожарных автомобиля. Закупили большое количество пожарных шлангов общей длиной около 4 тыс. м, которые были размещены на пожарно-спасательном катере «Славянка» и ледоколе «Казак Поярков», что позволяло этим судам подавать воду в случае пожара на расстоянии более 1 км. Все пожарные рукава и соединения на пожарном оборудовании привели к единому размеру. И, наконец, в 1917 г. на Эгершельде была построена и содержалась за счёт финансовых средств Торгового порта пожарная часть. Эти действия с учётом быстрого вывоза легковоспламеняющихся грузов позволили повысить уровень пожарной безопасности Владивостокского порта¹².

С конца 1915 г. в связи с тяжёлой ледовой обстановкой в Белом море часть американских грузов для Архангельска перенаправили во Владивосток. В связи с этим в 1916 г. Министерство торговли и промышленности выделило особые финансовые ассигнования на срочные работы по подготовке порта к приёму новых грузов. Во Владивостоке обустроили две новые гавани, более десяти причалов, провели их полную электрификацию. Вдоль причалов проложили рельсовые пути, а также значительно увеличили складские помещения. Были построены пакгаузы не только вдоль причалов, но и везде, где можно было складировать грузы. Пакгаузы строились по одному типу и представляли из себя деревянный остов, обшитый железными листами шириной 10 м, так что получалась весьма дешёвая конструкция. Стоимость одной квадратной сажени составляла всего 30 руб., какого-либо механического оборудования для массовой выгрузки или погрузки в пакгаузах не предусматривалось¹³. В итоге общая площадь крытых складских помещений порта Владивосток составила 74 716 кв. м, что позволило разместить 124 367 т грузов. Площадь открытых складских помещений равнялась 20 048 кв. м, что позволяло разместить 29 333 т грузов¹⁴.

В результате принятых мер удалось почти в два раза увеличить грузооборот Владивостокского порта по сравнению с довоенным периодом. Если в 1914 г. грузооборот составлял 1 млн 323 тыс. т, то уже в 1916 г. достиг пика — 2 млн 628 тыс. т¹⁵. Общая стоимость привезённых во Владивосток

¹² РГИА ДВ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 32. Л. 35.

¹³ РГИА ДВ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 32. Л. 22.

¹⁴ РГИА ДВ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 32. Л. 7.

¹⁵ Иконникова Т. Я. Дальневосточный тыл... С. 98.

товаров оценивалась в 211 474 руб. в 1915 г. и 555 364 руб. — в 1916 г.¹⁶ За 1915—1916 гг. распределение грузов по странам выглядело следующим образом: США — 389 921 руб., Япония — 246 210, Англия — 114 461, Китай — 33 611 руб.¹⁷

Однако решить проблемы с хранением и отправкой полученных грузов в полном объёме не удалось. На скопление большого количества грузов в порту влияла неудовлетворительная работа железной дороги, несмотря на то, что с началом войны были приняты меры по увеличению пропускной способности магистрали. Простой составов был сокращён до минимума, поезда стали отправлять раньше расписания, руководствуясь лишь условием наивыгоднейшего скрещения, не допуская скопления на станциях более двух составов по одному направлению. Военские эшелоны имели преимущество перед всеми остальными. Для устранения задержек поездов и прочих недоразумений на передаточные станции назначались специальные старшие станционные агенты. Скорость движения эшелонов установили максимальную, а на однопутных участках Транссибирской магистрали в течение определённого времени движение было только в одном направлении. Это позволило несколько увеличить пропускную способность железной дороги, но кардинально изменить ситуацию не могло. Остро стояла проблема с нехваткой подвижного состава для вывоза грузов. Усилить Сибирскую магистраль паровозами и вагонами не удалось, так как весь свободный подвижной состав с дорог восточной половины страны был переброшен на запад. Согласно утверждённым планам, для вывоза грузов суточная норма подвижного состава составляла 160 вагонов, считая 40 вагонов для частных и 120 для военных грузов¹⁸. При этом значительная часть подвижного состава формировалась за счёт закупки крупных партий паровозов и вагонов в США. Министерство путей сообщения заказало в США в общей сложности 13,1 тыс. большегрузных вагонов грузоподъёмностью в 39 т каждый и 400 паровозов с запасными частями. Прибывавшие во Владивосток в разобранном виде паровозы отправлялись в Харбин, где их собирали в паровозных депо КВЖД, а сборка вагонов шла во Владивостоке в специально построенных временных мастерских¹⁹. К осени 1916 г. было собрано и введено в строй 13,1 тыс. вагонов, что позволяло довести максимальную ежедневную норму вывоза военных грузов из Владивостока до 160 вагонов. Однако на деле среднее количество вагонов, ежедневно предоставляемых для вывоза грузов, составляло не более 150, поэтому Владивостокский порт продолжал «забиваться» военными грузами, и для его разгрузки требовалось не менее 200 вагонов, и 120 — для вывоза частных грузов²⁰.

Перечисленные трудности усугублялись несовершенством Уссурийской железной дороги, которая имела однопутную колею, причём

¹⁶ РГИА ДВ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1857. Л. 15.

¹⁷ РГИА ДВ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 1819—1857. Л. 15—18.

¹⁸ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 855. Л. 251.

¹⁹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 880. Л. 6.

²⁰ РГИА ДВ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 41. Л. 525.

при её строительстве были использованы рельсы лёгкого типа, что ограничивало скорость движения железнодорожных составов. Перед самой войной были предприняты меры по модернизации этой дороги: реконструкция и строительство мостов, укладка второй линии железнодорожных путей и пр.; завершить работы планировалось в основном к 1916 г., а полностью — только к 1919 г.²¹

Усугубляли проблему транспортировки и руководящие инстанции. Центральные правительственные учреждения проявляли порой полнейшее незнание обстановки и непонимание всей остроты проблем. Так, например, Главное управление железных дорог срочно требовало от местного ведомства предоставить 20 вагонов для транспортировки чёрного кофе в Петроград, при том, что к концу 1916 г. в порту скопилось более 400 тыс. т грузов военно-стратегического назначения, требовавших немедленной отправки²². Впрочем, и местные власти «вносили свой вклад» в создание неразберихи. На заседании Особого совещания по обороне государства отмечалось, что плачевное состояние с отправкой грузов вызвано, в частности, отсутствием правильного учёта прибывших и отправленных вагонов. А среди местного населения циркулировали слухи о злоупотреблениях при отправке частных грузов, о том, что размеры взяток доходят до 40 тыс. руб. за каждый вагон. Плохая работа КВЖД была связана и с профессиональной некомпетентностью персонала, весьма склонного к злоупотреблениям²³.

К февралю 1917 г. скопившийся груз на складах порта достиг 565 тыс. т, а ежемесячное поступление ожидалось в объёме до 115 тыс. т различных грузов. Современник так описывал ситуацию: «...всё, что прибывает в порт — от тюков с бязью до деталей грузовиков сбрасывается на землю и укрывается брезентом. За городом горы армейского снаряжения, оно мокнет, ржавеет, портится, гниёт. Чего здесь только не увидишь: винтовки, миллионы боевых патронов, подводная лодка, автомобильные детали, обувь, медные и свинцовые слитки»²⁴.

В результате, несмотря на экстренные и титанические усилия правительства и местных властей, в годы войны не удалось наладить своевременный вывоз иностранных грузов, доставленных во Владивосток. Столь ценные и необходимые армии и российской промышленности стратегические материалы, закупленные с большим трудом за рубежом, лежали мёртвым грузом, ожидая своей очереди на вывоз.

Значение Владивостока в снабжении российской армии военно-техническим имуществом можно выявить, сравнив грузообороты Архангельского и Владивостокского портов за годы войны. Если сравнивать номенклатуру товаров, доставленных в порты Белого и Японского морей, то

²¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 2. Д. 855. Л. 5.

²² Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл... С. 99.

²³ Журналы Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по обороне государства 1915 г. / под ред. Л.Г. Бескровного. М., 1977. № 186. С. 678.

²⁴ Исигт Б. Из Викторни во Владивосток: Канадская сибирская экспедиция: 1917—1919 гг. Владивосток: Дальнаука, 2013. С. 105.

в Архангельск поступали не только стратегические материалы, но в первую очередь сугубо военные грузы — оружие и боеприпасы. Во Владивосток же, кроме оружия, главным образом поступало стратегическое сырьё (цветные и чёрные металлы, порох, копра), станки и производственное оборудование, а также большинство заказов центра.

Таблица 1
Грузообороты Архангельского и Владивостокского портов, тыс. т

Годы	Архангельск			Владивосток		
	вывоз	ввоз	итого за год	вывоз	ввоз	итого за год
1914	1140,993	533,049	1673,982	45,241	478,428	1323,669
1915	993,623	935,557	1869,180	1334,401	595,340	1929,741
1916	1219,448	1623,482	2842,930	529,093	2098,960	2628,053
1917	1109,286	2734,599	3843,885	564,146	1063,817	1627,963
Всего	4463,290	5826,687	10229,977	3272,881	4236,545	7509,426

Источник. РГИА ДВ. Ф. 32. Оп. 1. Д. 32. Л. 64; Трошина Т.И. Великая война и Северный край. Европейский Север России в годы Первой мировой войны. Архангельск, 2012. С. 84.

Данные таблицы наглядно иллюстрируют объём работы портов во время войны. Из неё видно, что максимальный пик по приёме грузов пришёлся на 1916—1917 гг., это объяснялось тем, что отлаженный механизм размещения военных заказов, их оплаты и доставки между Российской империей и союзниками сложился только к концу 1915 г. Разницу в общем количестве грузооборота в пользу Архангельска можно объяснить следующим: во-первых, данные по грузообороту Архангельского порта приводят совместно с другими портами Белого моря; во-вторых, через порт Архангельска вывозились товары во Францию, Великобританию и другие государства Европы, которые являлись нашими главными экспортными партнёрами, в отличие от США и Японии, товарооборот с которыми значительно уступал европейским государствам.

Таким образом, за годы Первой мировой войны порт Владивостока стал одним из главных пунктов, через который ввозились военно-стратегические товары для армии и промышленности. Поэтому правительство царской России вкладывало значительные финансовые и материальные средства в модернизацию инфраструктуры Владивостокского порта, что позволило принимать значительные объёмы грузов.

ЗАГОТОВКИ МЯСА В СИБИРИ И НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

М.В. ОСЬКИН

*Институт законовeдения и управления Всероссийской полицейской
ассоциации, г. Тула*

Первая мировая война предполагалась относительно скоротечной. Генеральные штабы и военные ведомства великих держав Европы рассчитывали закончить военный конфликт в срок до полугода, и каждый, конечно, рассчитывал на свою победу. В Российской империи, как в Германии и Франции, военное ведомство делало ставку на быструю победу, будучи уверенным в двух основных, как казалось тогда, козырях России — людских ресурсах и продовольственных возможностях, казавшихся неисчерпаемыми.

Исходя из этих соображений, вскоре после открытия военных действий в России было решено увеличить мясной паёк в Вооружённых Силах. Во-первых, война предполагалась недолгой, на чужой территории, поэтому об экономии пока не думали. Во-вторых, в Российской империи с началом войны был введён «сухой закон», действие которого распространялось и на фронт. То есть, если солдат вражеских войск получал свою порцию винного довольствия, то российский — нет. Ещё в 1908 г. винное довольствие (три чарки в неделю) заменены «чайными деньгами», т.е. суммами, выдаваемыми солдатам на улучшение питания «к чаю». Соответственно, дабы поднять уровень калорий для бойца, 25 августа 1914 г. солдатский мясной паёк был повышен с предвоенного фунта (410 г) до полутора фунтов (615 г).

По мере затягивания войны русское военно-политическое руководство постепенно пришло к пониманию фактора экономичности усилий государства в переживаемый период. Поэтому с весны 1915 г. Главноуполномоченный по заготовке продовольствия для армии (им являлся министр земледелия А.В. Кривошеин, именно его ведомству поручили сложнейшее дело продовольственного обеспечения фронта и тыла) начал поиск дополнительных источников мясных ресурсов. 21 мая 1915 г. в докладе военному министру генералу В.А. Сухомлинову главный полевой интендант генерал Д.С. Шуваев жаловался, что Кривошеин не может предоставить фронту требуемые 7 тыс. голов скота ежедневно, даёт лишь 900 голов, и требует введения военно-продовольственной повинности внутри страны¹. Шуваев сообщил фронтам, что с завозом мяса из Сибири вопрос решён. Однако уже летом пришлось сократить мясной паек до 3/4 фунта (307 г).

А.В. Кривошеин, в свою очередь, докладывал 11 июня 1915 г. председателю Совета министров И.Л. Горемыкину, что Министерство земледелия действительно не может снабжать армию мясом в полной мере.

¹ РГВИА. Ф. 499. Оп. 3. Д. 1411. Л. 22—22 об.

Причины: «...истощение запасов убойного скота, вследствие усилившегося потребления мяса как армией, так и населением», «...почти полное прекращение подвоза скота из Сибири вследствие недостаточной провозоспособности Сибирской железной дороги». По мнению Кривошеина, требовалось немедленно изыскать новые источники, и таким «...весьма обильным источником является соседняя с нами Монголия, имеющая громадные запасы рогатого скота и баранов, которые, при надлежащей организации, могут быть приобретены на местах и гоном доставлены к линии Сибирской железной дороги, а по ней в замороженном виде перевезены в действующие армии»². Результатом данных подготовительных мероприятий стала организация службы «Монголэкс» — Особой экспедиции по закупке мяса в Монголии под руководством выдающегося путешественника полковника П.К. Козлова. С июля 1915 по 1 января 1916 г. Экспедиция заготовила около 600 тыс. пудов говядины и баранины; в 1916 г. — свыше миллиона пудов³.

По количеству скота на душу населения Сибирь занимала первое место в России, что позволяло вывозить мясо в европейскую часть. Так, в 1917 г. в Европейской России на 100 крестьян приходилось 17 коров, а в Сибири — 38⁴. Но это — Западная Сибирь (Томская и Тобольская губернии), а вот Юго-Западная часть Забайкалья, Иркутская губерния, Приамурье — не обеспечены собственным скотом. Именно сюда и до войны шли поставки монгольского скота, для заготовки которого теперь создавалась специальная закупочная организация⁵.

Дело заготовки скота для армии чрезвычайно осложнялось тем обстоятельством, что доставка скота в Центральную Россию и на фронт напрямую зависела от возможностей транспорта, и без того перегруженного стратегическими грузами, идущими сквозь всю Сибирь из Владивостока. Ведь кроме вооружения и необходимых материалов, ввозимых из США и Японии, во Владивосток и Хабаровск поставлялось продовольствие (особенно рис) из Китая и Кореи. Да и сам Дальний Восток не забывал о продовольствии для армии: только в 1915 г., и только один Приамурский край дал армии миллион пудов рыбы. Тем не менее, Министерство земледелия отмечало, что «...Россия не только потребляет всю ловимую в её пределах рыбу, но и нуждается в привозе последней извне»⁶.

Чтобы использовать рыбные ресурсы страны, 24 мая 1915 г. Военный Совет принял решение о всемерной замене говядины в тыловых частях другими видами мяса и рыбой. Тем не менее, даже в Сибири говядины было больше, нежели рыбы. Например, в телеграмме, отправленной в Главное интендантское управление из Новониколаевска (ныне — Новосибирск)

² РГВИА. Ф. 499. Оп. 3. Д. 1411. Л. 92.

³ ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 1527. Л. 1.

⁴ Анфимов А.М. Новые собственники (из итогов столыпинской аграрной реформы) // Крестьяноведение. Теория. История. Современность. Ежегодник 1996. М., 1996. С. 91.

⁵ Даревская Е.М. Сибирь и Монголия: Очерки русско-монгольских связей в конце XIX — начале XX веков. Иркутск, 1994. С. 26.

⁶ ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 525. Л. 36.

14 июля 1915 г. командиром 23-го Сибирского стрелкового запасного батальона полковником фон дер Флясом, говорилось: «...продолжаю давать нижним чином исключительно говядину. Цены на баранину, свинину и рыбу значительно выше цен на говядину, причём рыбу можно достать только солёную». Аналогичные донесения шли из Хабаровска, Владивостока, Красноярска, Иркутска и других сибирских и дальневосточных городов⁷. Таким образом, даже Сибирь не могла выполнить распоряжение Военного Совета. Максимум, что могли сделать военные власти — разрешить давать рыбу два раза в неделю⁸, но заменить говядину бараниной и свиной не получалось, т.к. она была дороже.

Для частичного увеличения железнодорожных мощностей Министерство путей сообщения заказало в США паровозы, вагоны и рельсы. Дело в том, что часть железнодорожного транспорта по разным причинам не возвращалась с запада страны, а Владивосток был забит военно-стратегическими грузами и продовольствием. Так что более 13 тыс. американских вагонов стали существенным подспорьем в дальневосточных перевозках, увеличив объём грузов, перевезённых на запад на 62% в 1916 г., по сравнению с предыдущим годом. Свою роль сыграла и слабость железнодорожной сети, хотя для увеличения пропускной способности и поступления транзитных грузов из Сибири и Дальнего Востока делали всё возможное. Так, в 1916 г. завершилось строительство мостов через Амур у Хабаровска и через Волгу у Симбирска: ранее Сибирь и Туркестан соединялись с Центральной Россией только одним-единственным мостом через Волгу у селения Батраки близ Сызрани⁹.

По сведениям Земгора, к январю 1917 г. во Владивостоке скопилось до 30 млн пудов различных грузов. Суточная норма вагонов для их своевременного вывоза 150 единиц, но в декабре подавали 1—10 вагонов, а в некоторые дни их не было вовсе. Причина — отсутствие вагонов, которые не возвращались во Владивосток после их отправки с грузами: «Забайкальская дорога должна Восточно-Китайской до 8 тыс. вагонов. Ввиду полного отсутствия запаса крытых вагонов Управлением Китайской дороги сделано распоряжение прекратить на всех станциях погрузку грузов в крытые конвенционные вагоны по адресу за станцию Маньчжурия, разрешив погрузку лишь в американские вагоны, но их нет, так как они обратно возвращаются в единицах. При создавшемся положении вывоз грузов из Владивостока, даже боевого значения, совершенно прекращён». Надо было доставлять вагоны порожняком маршрутными поездами. Государственная дума даже сделала официальное заявление о неиспользовании 65% подвижного состава¹⁰. Действительно, грузы из США поступали в основном на русский Дальний Восток, откуда своевременно не могли вывезти весь

⁷ РГВИА. Ф. 499. Оп. 3. Д. 1439. Л. 1, 3, 9, 13, 14 и др.

⁸ РГВИА. Ф. 499. Оп. 3. Д. 1439. Л. 11.

⁹ Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. Хабаровск, 1999. С. 66—68, 93—94, 99.

¹⁰ ГАТО. Ф. 1295. Оп. 1. Д. 6. Л. 9.

груз. Так, на складах Владивостокской таможни к началу 1916 г. было невывезенных грузов около 3 млн пудов, к августу эта цифра увеличилась до 8 млн, а к февралю 1917 г. во Владивостоке находился 21 млн пудов невывезенных и ожидавших отправки грузов. При этом грузы находились помимо таможни ещё и на складах других различных ведомств. Ясно, что если железные дороги не могли вывезти в Европейскую Россию заготовленное Монголэксом и сибирскими уполномоченными мясо, то владивостокские грузы тем более не могли продвинуться далее Иркутска.

Доставка сибирского и монгольского мяса на Запад империи была возможна либо в холодное время года, либо в специальных вагонах, так как объёмы поставляемой солонины не могли быть чрезмерно велики: солдатам требовалось мясо, пусть и охлаждённое. Поэтому в 1915 г. Главное интендантское управление наметило обширные мероприятия на 1916 г. для снабжения армии замороженным и охлаждённым мясом, на что из военного фонда было получено 6,75 млн руб. Планировались следующие мероприятия: «...а) приспособить существующие казённые холодильники; б) построить бойни при имеющихся холодильниках; в) приспособить существующие частные холодильники; г) сделать при четырёх холодильных машинах существующих складов ледогенераторы; д) устроить 10 промежуточных ледоделательных заводов; е) приспособить 200 мясных вагонов-ледников для перевозки охлаждённого мяса; ж) соорудить четыре новых холодильника и построить четыре бойни при них»¹¹. 4 января 1916 г. министр путей сообщения А.Ф. Трепов распорядился приступить к строительству на железных дорогах убойно-холодильных пунктов. Для технической разработки проекта, смет и общего руководства строительством создаётся специальный орган под наименованием «Хладобойня». Руководить оборудованием холодильников для мяса, ввозимого из Сибири и других тыловых округов, по выбору министра земледелия А.Н. Наумова, был назначен глава Московско-Казанской железной дороги Н.К. фон Мекк. Всего строилось 16 деревянных боен-холодильников, и ещё 7 — только для хранения мяса; за несколько месяцев Мекк оборудовал около 20 холодильников на узловых железнодорожных станциях. Сменивший Кривошеина новый министр земледелия впоследствии с удовлетворением вспоминал: «Выбор мой оказался правильным. Благодаря этому выдающемуся дельцу мясное продовольственное дело, поскольку оно связано было с перевозкой, быстро было коренным образом упорядочено»¹². Также к началу 1917 г. насчитывалось около 2,5 тыс. вагонов-ледников, но минимальная потребность в них исчислялась в 66 тыс. единиц. Заказы на их строительство передали железным дорогам (835 единиц) и вагоностроительным заводам (1 165 единиц).

В итоге в 1915 г. из Сибири вывезли 81,3 млн пудов хлеба и 3,7 млн пудов мяса; в 1916 г. соответственно — 53,6 млн пудов и 5,13 млн пудов.

¹¹ Попов В.И. Довольствие мясом русской армии в Первую мировую войну 1914—1918 гг. (по архивным материалам). М., 1942. С. 17.

¹² Наумов А.Н. Из уцелевших воспоминаний. 1868—1917. Нью-Йорк, 1955. Кн. 2. С. 404—405.

Всего за 1915—1917 гг. из Сибири вывезли 174,1 млн пудов хлеба. Крупнейшим за Уралом магазином являлся Новониколаевск, где располагалось 800 тыс. пудов муки и 500 тыс. пудов овса¹³. Но главным обстоятельством мясной экономии стало снижение солдатского пайка на фронте до 1/2 фунта (205 гр.) с 7 апреля 1916 г. и до конца войны.

Ситуация с поставками сосредоточенного в Сибири скота резко ухудшилась осенью 1916 г. из-за падения транспортных мощностей, а затем и холодной зимы 1917 г. Транспортные затруднения ставили перед русским командованием неразрешимые задачи. Завоз скота из отдалённых регионов Российской империи оказался невозможным — не хватало вагонного парка и паровозных мощностей. Практика реквизиций угрожала голодом, а ближний тыл Европейской России не мог дать фронту даже необходимого минимума. На совещании 16 декабря в Ставке и.о. начальника штаба Верховного Главнокомандующего генерал В.И. Гурко заявил, что армии, кроме Кавказа, в день требуется 146 тыс. пудов мясных продуктов, причём продукты «...желательно подавать армиям, по крайней мере, на 80% в виде замороженного и охлаждённого мяса или в виде солонины и копчёного мяса, так как перегрузка железных дорог перевозкой живого скота совершенно недопустима». В ответ главноуполномоченный министерства земледелия Н.А. Мельников отметил, что «...без ущерба для сельского хозяйства можно давать в день только 100 тыс. пудов мяса, так как доставка скота из Сибири по природным факторам пока невозможна. Недостаток можно восполнить рыбой». Далее Н.А. Мельников отметил, что на откормочных пунктах Министерства земледелия есть до 30 тыс. голов скота, «...а в отношении свиней установлена особая премия за каждый лишний пуд сверх 3 пудов до 11»¹⁴.

Следовательно, зимой 1917 г. Особое Совещание по продовольствию устами одного из своих высших руководителей призналось, что требования фронта в отношении мясных продуктов будут удовлетворены только на треть. То есть, треть запрашиваемой военными потребности не могла быть обеспечена вплоть до восстановления железнодорожного сообщения с Западной Сибирью (районы уральского и алтайского животноводства), Восточной Сибирью (скот Бурятии, Монголии и Забайкалья), Дальним Востоком (грузы из Америки). Изъятие требуемого количества скота из сельского хозяйства Европейской России было невозможно, дабы не подорвать его, а доставку из-за Урала не позволял транспорт. Следовательно, и без того небольшой мясной паёк солдат действующей армии (205 г) как минимум на треть заменялся рыбой или пролонгировался введением постных дней. В действительности сокращение пайка было ещё большим, так как железные дороги не смогли доставить в окопы всего необходимого войскам продуктового груза.

¹³ Фабрика Ю.А. Новониколаевск и его жители в Первой мировой войне 1914—1918 гг. // Военно-исторический журнал. 2010. № 6. С. 43.

¹⁴ ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 386. Л. 15—16.

Задача снабжения усугублялась тем обстоятельством, что армия не могла получать необходимого мясного пайка зимой 1916/1917 г. из-за суровых природных условий и нараставшей транспортной разрухи. Уже в конце 1916 г. представители МПС заявили о невозможности «...систематического пропуска из Сибири ни одного вагона со скотом или мясом», а ведь потребность войск в жирах удовлетворялась по преимуществу сибирским маслом и салом. Бурное развитие маслоделия в Сибири в предвоенные годы позволило в 1913 г. вывезти только за границу 4,45 млн пудов масла. Теперь же эти жиры не могли доставить в войска, поэтому упавшая провозоспособность сибирской линии уже в 1916 г. заставила обратиться к частичной замене на фронте животных жиров на растительные масла¹⁵. Сливочного (или, как тогда писали, «коровьего») масла не хватало и на Дальнем Востоке. В декабре 1916 г. требовалось этого продукта «...для выдачи за деньги военнослужащим и их семьям»: во Владивостокском магазине — 460 пудов, Никольск-Уссурийском — 340, Хабаровском — 450, Благовещенском — 180 пудов. Однако отдел заготовок министерства земледелия 2 января 1917 г. сообщил в Главное интендантское управление, что «...произвести отправки масла в настоящее время не представляется возможным, ввиду крайнего недостатка масла для удовлетворения в полной мере нарядов Главного интендантского управления по отправке масла на фронты»¹⁶.

11 января 1917 г. окружной интендант Приамурского военного округа генерал Ф.П. Шелехов телеграфировал в Главное интендантское управление: «Количество мяса, заготовленного экспедицией генерала Козлова в пределах Монголии и Маньчжурии, по условиям транспорта не может быть отправлено по назначению до наступления тёплого времени. Оставление же его на местах заготовок, при неимении холодильников вызовет безусловную полную порчу мяса». Было предложено — уступить мясо ведомствам, городам и управлениям Сибири, в том числе передать 45 тыс. пудов во Владивостокский холодильник со станции Куаньченцзы, где находился сам П.К. Козлов. 14 января 1917 г. Главный интендант сообщал военному министру, что можно отправить это количество мяса во Владивостокский холодильник, так как у Козлова находится более 2 млн пудов мороженого мяса. Для этого нужно всего два маршрутных поезда по 40 вагонов каждый¹⁷. Таким образом, основная масса сибирского и монгольского мяса скапливалась на станциях Транссибирской магистрали от Омска до Иркутска и Улан-Удэ, а с отправкой его не только на фронт, но даже в Приамурье возникали проблемы.

После Февральской революции 1917 г. ситуация кардинально не изменилась, хотя закупки продовольствия в Монголии и Китае успешно продолжались. На совещании в Харбине 13 июня 1917 г. было принято

¹⁵ Журнал Совещания в Ставке по вопросам снабжения армии 15—16 декабря 1916 г. Б. м. 1917. С. 7; ГАРФ. Ф. 1797. Оп. 1. Д. 387. Л. 25.

¹⁶ РГВИА. Ф. 499. Оп. 3. Д. 1521. Л. 3, 50.

¹⁷ РГВИА. Ф. 499. Оп. 3. Д. 1698. Л. 1—2, 8.

решение «производить закупку зерна безостановочно». Причина: «Снабжение за последние годы зерном Сибири от Иркутска на восток с полной определённости убеждает, что обойтись без маньчжурского хлеба тут нельзя». А телеграмма коменданта станции Владивосток полковника Н.Н. Петренко от 5 июля 1917 г., адресованная военному министру и министру продовольствия, гласила: «Согласно заявлению министра продовольствия о надвигающемся голоде и возможности гибели армии, не будет ли признано необходимым срочно приступить к скупке всех пищевых продуктов в Маньчжурии и продвижения их в Россию, пользуясь по возможности водными путями»¹⁸. К сожалению, вывезти эти продукты вряд ли было возможно.

Ещё до революции было принято решение закупить в 1917 г. для армии 95% всего улова рыбы на камчатских промыслах. Но к маю 1917 г. этот вопрос оставался «невьясным», «вследствие затруднений с перевозками грузов из Владивостока». Комиссар Временного правительства на Дальнем Востоке А.Н. Русанов и председатель Общества рыбопромышленников на Дальнем Востоке обратились к министру земледелия с просьбой подтвердить решение об этой закупке. Но по данным МПС, во Владивостоке было «...колоссальное скопление грузов преобладающего значения, непосредственно обуславливающих боевую готовность армии», поэтому Временный распорядительный комитет по железнодорожным перевозкам считал невозможным обеспечить «специальную норму для вывоза из Владивостока рыбных продуктов». Министр земледелия по вопросу о необходимости дальневосточной рыбы для довольствия армии писал: «...ввиду истощения запасов мяса и скота в стране рыба приобретает в настоящее время чрезвычайно важное значение. В связи с увеличением в армии числа постных дней Главному интендантскому управлению требуется для довольствия войск до 30 млн пудов рыбы в год». До войны Россия ввозила свыше 20 млн пудов сельди и трески, но теперь максимум, что можно дать — это 50% требования. «При таких условиях вопрос о доставке с Дальнего Востока рыбы приобретает чрезвычайно важное значение, тем более, что рыба эта является продуктом, вполне заменяющим по своим питательным качествам мясо, а кроме того, с Дальнего Востока доставляются для армии рыбные консервы, производство коих весьма развито на Камчатке, что объясняется сравнительной лёгкостью получения там жести и машин из-за границы». В 1917 г. Министерство земледелия предполагало вывезти с Дальнего Востока 1,5 млн пудов рыбы — 2 тыс. вагонов, из коих 1800 «не имеет иного пути для вывоза на фронт как Владивосток и Уссурийская и Китайская восточная железные дороги». Доставка рыбы во Владивосток должна начаться в сентябре, и потому Министерство земледелия решило сообщить Русанову, что оно всё-таки купит 1,5 млн пудов рыбных продуктов¹⁹.

¹⁸ ГАРФ. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 59. Л. 32, 40.

¹⁹ ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 55. Л. 73 а, 73 об.

В условиях общенационального кризиса командующий войсками Приамурского военного округа 5 октября 1917 г. сообщил военному министру о неуспехе заготовки продовольствия. К этому времени из интендантских запасов для населения было отпущено 650 тыс. пудов муки и 90 тыс. пудов овса, военные готовились дать ещё 100 тыс. пудов муки, «...что ослабило обеспечение войск округа до полугодовой потребности, между тем как по хозяйственным условиям края, войска могут считаться обеспеченными от голода при наличии хлебных запасов в норме годовой потребности». Просьба — разрешить окружному интендантству самостоятельно заготовить хлеб в Маньчжурии. Тогда же, 21 октября 1917 г., Амурский областной продовольственный комитет попросил Петроград для закупки продовольствия в Маньчжурии прислать валюту в связи с ростом иностранной конкуренции²⁰.

Таким образом, в период Первой мировой войны, невзирая на значительное количество заготовленных за Уралом мясопродуктов, доставлять их на фронт удавалось с большим трудом. Более того, регионы Дальнего Востока также испытывали проблемы с продовольствием, которые хотя и не вели к продовольственному кризису, но усугубляли общую продовольственную ситуацию в Российской империи.

²⁰ ГАРФ. Ф. 6831. Оп. 1. Д. 59. Л. 80, 85.

БОРЬБА С ДЕФИЦИТОМ И ДОРОГОВИЗНОЙ В ГОРОДАХ РОССИЙСКОГО ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Т.З. ПОЗНЯК

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток*

Российский Дальний Восток в годы Первой мировой войны был глубоким тылом, однако война не могла не сказаться на повседневной жизни местного населения, она негативно отразилась на региональной экономике и обострила многие социальные проблемы, в первую очередь обеспеченность населения продовольствием и товарами первой необходимости.

Особенностью развития российского Дальнего Востока во второй половине XIX — начале XX в. являлось обеспечение значительной части потребностей населения за счёт ввоза из европейской части России, Сибири, Маньчжурии, Японии, Западной Европы, США и пр. В Благовещенск и Николаевск-на-Амуре большинство товаров доставлялось в течение короткого навигационного периода. В расположенные по линии железной дороги Владивосток, Хабаровск, Никольск-Уссурийский с пуском в действие КВЖД часть товаров стала поставляться круглогодично, часть — во время навигации.

Сразу после объявления войны в регионе произошёл скачок цен на некоторые товары, несмотря на отсутствие дефицита, так как все закупки во время навигации были успешно выполнены. Панические настроения породили ажиотажный спрос со стороны потребителей и желание торговцев получать максимальные прибыли, что обернулось сокрытием товаров и спекуляциями. В Благовещенске, например, в первые дни войны цены на основные продукты выросли на 10—20%, а соль поднялась в цене более чем на 100%¹. Военные губернаторы областей и городские думы оперативно отреагировали на кризисную ситуацию. Не последнюю роль сыграл опыт, накопленный в регионе во время военных событий 1900 г. и русско-японской войны. Во всех городах были определены органы, основной функцией которых стала забота о продовольствии для населения и борьба с ростом цен. В Благовещенске создана Продовольственная комиссия, призванная разработать меры против инфляции и дефицита, а также определить цены на предметы первой необходимости. В состав комиссии избраны гласные Н.Г. Шелудяков, В.Е. Буянов, И.Н. Шишлов, Е.А. Власов, И.С. Зубакин, В.И. Ружицкий, Д.С. Орлянский, Я.И. Матвеевко, И.П. Косицын, Н.В. Косицын, Ф.В. Ефимов².

Во Владивостоке аналогичными вопросами занимался продовольственный отдел управы, а в июне 1915 г. создана под

¹ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 706. Л. 88—88 об.; Ф. 704. Оп. 5. Д. 254. Л. 113.

² РГИА ДВ. Ф. 28. Ф. 704. Оп. 5. Д. 254. Л. 168—168 об.

председательством городского головы Комиссия в составе представителей города, биржевого комитета, мещанского общества, торговых фирм, промышленников и обывателей, которая занималась вопросом повышения цен на предметы первой необходимости, определением цен на жизненно важные продукты и установлением такс, утверждаемых военным губернатором³. В марте 1916 г. создана Продовольственная комиссия под председательством гласного А.М. Клентака⁴, кроме неё, в 1916 г. закупками продовольствия для населения занималось Владивостокское отделение Всероссийского Союза городов, после Февральской революции взявшее на себя функции Дальневосточного областного комитета союза городов⁵. В 1917 г. продовольственным делом ведал министр продовольствия при Областном комиссаре, затем дела были вновь переданы продовольственному отделу городской управы. В Хабаровске указанными вопросами ведал сначала продовольственный отдел управы, затем был создан Продовольственный комитет под председательством городского головы.

С появлением дефицита власти очертили круг товаров, без которых население не могло обходиться. В основной перечень продуктов питания включены мука, крупы, сахар, соль, масло сливочное и постное, мясо, рыба, картофель, капуста и другие овощи, кроме того, в число обязательных включены свечи, спички, керосин, дрова и уголь. Первой экстренной мерой в борьбе с дороговизной стало введение фиксированных цен на основные товары, их утверждали думы или собрания уполномоченных и затем военные губернаторы областей.

В Благовещенске, например, таксы на муку, некоторые крупы, соль, сахар и керосин были определены уже 8 августа 1914 г., а 20 августа утверждены военным губернатором⁶. Продовольственная комиссия решила не нормировать цены на свечи, масло, спички, чай, мыло и дрова. Таксы были установлены на уровне цен, существовавших в регионе до объявления мобилизации⁷. Во Владивостоке после объявления войны в июле 1914 г. при городской управе собралась временная комиссия с участием мукомолов, установившая цены на пшеничную муку.

Осенью 1914 г. главной причиной дефицита стали перебои в доставке товаров: Транссибирская магистраль из-за низкой пропускной способности не справлялась с возросшим объёмом военных перевозок, в результате частные грузы стали задерживать на неопределённые сроки. Правительство, опасаясь роста протестных настроений из-за угрозы голода, озаботилось выяснением масштабов потребности населения в главных продуктах питания и обеспеченности ими. Подобный мониторинг осуществлялся в течение всего военного времени. Органы городских самоуправлений и биржевые комитеты должны были собирать и передавать региональным властям сведения о

³ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 706. Л. 3, 527.

⁴ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 484. Л. 33.

⁵ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 476. Л. 1—11 об., 23, 35.

⁶ РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 5. Д. 266. Л. 12.

⁷ РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 5. Д. 254. Л. 188 об.—189.

запасах продуктов и предметов первой необходимости, а при обнаружении дефицита следовало выдавать удостоверения на недостающие товары, подтверждая необходимость первоочередной перевозки. Санкции на удостоверение и наряды на первоочередную доставку грузов выдавал приамурский генерал-губернатор. Наряды выдавались предпринимателям с условием реализации товаров по установленным ценам⁸.

Таксы оставались главным методом борьбы с дороговизной во всех городах в первый год войны. Однако, по оценкам гласных, они не всегда препятствовали инфляции, нормированные цены торговцы часто не соблюдали, товар утаивали, чтобы создать видимость дефицита, возникал ажиотажный спрос, и товар реализовывался по повышенной цене в нарушение принятых постановлений⁹.

С началом навигации 1915 г. и необходимостью закупок товаров на следующий год основной задачей правительства и региональной администрации стало обеспечение подвоза в города продовольственных грузов. 30 апреля 1915 г. министр внутренних дел разослал по губерниям телеграмму: «в виду необходимости обеспечить продовольствием города и населённые пункты управлением железных дорог разрешено по первое июня включительно принимать к отправлению вне очереди впереди грузов первой категории все без исключения виды продовольствия как растительного так равно мясного и рыбного, а также овса ячменя и сена при условии адресования этих грузов имя губернских присутствий земских и городских управ или губернаторов...»¹⁰.

Однако решение этой задачи упиралось в существовавшие в городах таксы на товары первой необходимости. Предприниматели, вынужденные закупать товары по выросшим ценам, не могли работать в убыток и сворачивали дела. В связи с этим весной 1915 г. городские думы Владивостока и Хабаровска отменили таксы. В Благовещенске какое-то время пытались сохранить таксу на муку, однако «...со стороны мукомолов начался открытый поход против такс»¹¹. 12 марта 1915 г. в городскую управу поступила жалоба владельцев хлебопекарен, что мукомолы отказываются отпускать муку по таксе. Некоторые мукомолы прекратили торговлю мукой из своих лавок и остановили мельницы. Причину их недовольства городское самоуправление видело в стремлении сохранить имевшийся запас муки, чтобы отправить с открытием навигации в Приморскую область для продажи по более высоким ценам. В марте в Хабаровске мука 1-го сорта продавалась по 2,65 руб., 2-го — по 2,45, 3-го — по 2,35 руб.; во Владивостоке соответственно по 2,90, 2,80 и 2,60 руб., а в Благовещенске даже в мае мука по таксе стоила по 2,50, 2,30 и 2,10 руб.¹² Только 5 мая 1915 г. Благовещенская дума отменила таксы на муку и печёный хлеб, сохранив их

⁸ РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 5. Д. 266. Л. 9—10.

⁹ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 706. Л. 59.

¹⁰ РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 5. Д. 266. Л. 74.

¹¹ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 706. Л. 90об.

¹² РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 706. Л. 90 об.—91 об.

на соль и керосин, при условии принятия губернатором постановления о запрете вывоза этих товаров за пределы области¹³. 7 мая губернатор утвердил постановление об отмене такс на муку и хлеб с условием, что таксы будут возвращены, когда цены на зерно установятся, но не утвердил запрет на вывоз керосина из области¹⁴.

По распоряжению министра внутренних дел в регионах были учреждены особые комитеты, занимавшиеся проблемами снабжения населения продовольствием. Созданный 8 июня 1915 г. Амурский областной комитет под председательством губернатора на первом своём заседании признал «...меры, стесняющие свободную торговлю... нецелесообразными, могущими послужить к сокращению ввоза в область некоторых предметов» и указал на необходимость отмены существующих такс на соль и керосин¹⁵. К июлю 1915 г. цены на разные виды продовольствия в Благовещенске сравнительно с июлем 1914 г. выросли от 5 до 55%, более всего повысились цены на нетаксированные продукты и товары.

Цены на муку и сахар повысились только после отмены такс, керосин продавался до июля 1915 г. по цене такс, и повысился в цене только после их отмены¹⁶, затем рост продолжился, и в августе керосин стоил уже по 7,80 руб. за ящик, т.е. на 21% больше, чем за месяц до отмены такс. Неудивительно, что отмена такс вызвала недовольство населения и части гласных и была «враждебно встречена местной прессой»¹⁷. В других городах региона за первый год войны цены также выросли от 15 до 55% на разные группы товаров, а к январю 1916 г., т.е. ещё через полгода, в сравнении с июлем 1914 г. — уже от 40 до 150%. Например, во Владивостоке самая ходовая мука 4-го сорта в июле 1914 г. стоила 1,65 руб. за пуд, в июле 1915 г. — 2,40, а в январе 1916 г. — 3,40 руб.

Осенью 1915 — зимой 1916 г. на росте цен в регионе сказались как общее увеличение темпов инфляции в стране, так и результаты уборки хлебов в регионе в 1915 г. В Приморской области из-за половодья погибли посевы, из-за неурожая населению грозил голод, в Амурской — из-за нехватки мужчин трудоспособного возраста в связи с мобилизацией, что не позволило вовремя собрать урожай, часть которого осталась на полях. Ситуация осложнилась из-за подорожания зерна в Маньчжурии, вызванного ростом спроса в самом Китае. В сентябре мука в Благовещенске продавалась по ценам на 9% выше, чем летом: крупчатка 1-го сорта — по 2,65 — 2,80 руб. за пуд, 2-го сорта — 2,40 — 2,45 руб., 3-го сорта — 2,20—2,25 руб., 4-го сорта — 1,70—1,80 руб. за пуд¹⁸.

Опасаясь нового витка инфляции в условиях нехватки зерна и муки, города вновь приступили к введению такс. Во Владивостоке уже в июле 1915 г. обсуждался вопрос нормирования цен на муку, керосин, в августе —

¹³ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 706. Л. 91об.; Ф. 704. Оп. 5. Д. 266. Л. 91.

¹⁴ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 706. Л. 91.

¹⁵ РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 5. Д. 266. Л. 112, 167.

¹⁶ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 706. Л. 93об.

¹⁷ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 706. Л. 91об.

¹⁸ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 706. Л. 94.

на соль. Цены на муку, например, были установлены на период с 20 июля по 1 октября 1915 г.: крупчатка 1-го сорта — 2,85 руб., 2-го — 2,75; 3-го — 2,60; 4-го — 2,40; 5-го — 1,60 руб.¹⁹

Наряду с нехваткой зерна и муки в течение второго года войны периодически возникал дефицит тех или иных жизненно необходимых товаров. Летом 1915 г. на Дальнем Востоке стал наблюдаться недостаток керосина и быстрый рост цен на него. В Хабаровске сложилась настолько острая ситуация, что городской голова обратился к «коллеге» из Владивостока с просьбой поделиться керосином, но городская дума последнего вынуждена была отказать в виду наличия в городе только трёхмесячных запасов. Керосиновым монополистом являлось Восточно-Азиатское нефтяное промышленное товарищество Бр. Нобель, которое могло оказывать влияние на цены. Склады товарищества находились во Владивостоке, Благовещенске, Хабаровске, Никольске-Уссурийском, Николаевске-на-Амуре, Сретенске, Нерчинске, Харбине и Куанчэнды. Лишь некоторые фирмы, например, торговые дома «Кунст и Альберс» и «И.Я. Чурин и К^о» ввозили в регион небольшое количество керосина для поддержания ассортимента²⁰.

Во Владивостоке с января по сентябрь 1914 г. банка керосина стоила в пределах 2,50 — 2,65 руб., в октябре — 2,70 руб., в ноябре — 2,75—2,80 руб., в декабре после введения военного налога и такс — 3,15 руб., эта цена продержалась до июня 1915 г., а с отменой такс выросла до 3,80—3,85 руб. В Благовещенске в августе 1914 г. была установлена таксированная цена на керосин — 5,80 руб. за ящик (2 банки), в ноябре из-за введения военного налога повысилась до 6,40 руб. и продержалась до июля 1915 г. При этом город был вынужден вести постоянную борьбу с товариществом, взывая к военному губернатору о введении запрета на вывоз керосина за пределы области, что не дало нужных результатов, поскольку фирма вывезла в Маньчжурию почти половину запасов²¹. Представители фирмы приводили множество аргументов, обосновывая рост цен на керосин (увеличение расходов на доставку, удорожание жести для банок, повышение акцизов)²². Однако гласные Благовещенской думы считали, что цены можно было бы сдерживать, если бы не искусственно созданный дефицит из-за вывоза керосина в Маньчжурию.

Во Владивостоке некоторые члены Комиссии (представители собрания приказчиков А.З. Бельшев и биржевой коммерческой артели С.А. Смирнов) настаивали на том, что на рынке ведётся спекуляция керосином. После многочисленных заседаний Комиссии, бурного обсуждения и расчётов себестоимости установили цену в 3,60 руб. за пуд керосина наливом в посуду покупателя на складах товарищества, продажную цену для мелких торговцев — в 3,90 руб. с тем, чтобы те в свою очередь могли продавать керосин по

¹⁹ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 706. Л. 231.

²⁰ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 706. Л. 523, 527—528.

²¹ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 706. Л. 90—90 об., 92 об.—93.

²² РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 706. Л. 528—529.

4 руб.²³ Однако представитель товарищества Бр. Нобель Сабардин настаивал на том, что такая цена приведёт фирму к убыткам и к невозможности делать закупки.

В конце сентября 1915 г. дефицит кеты и слухи, что из-за реквизиции рыбы для войск население останется на зиму без главного продукта питания, вызвал панику среди торговцев и жителей Благовещенска. По причине плохого улова и вывоза в Россию Благовещенску досталось не более 150 тыс. пудов рыбы при годовой потребности города и области в 500 тыс. пудов. После отказа приамурского генерал-губернатора освободить от реквизиции рыбу, необходимую для города и области, дума решила таксировать цены на кету, и 10 октября губернатор её утвердил²⁴. Подобная же проблема возникла во Владивостоке осенью следующего года.

В октябре 1915 г. во Владивостоке возник дефицит овощей, и они быстро поднялись в цене, стоимость картофеля, например, выросла с 50 до 70 коп. за пуд. Катастрофическая ситуация с овощами сложилась из-за недорода овощей и картофеля в Маньчжурии, поэтому из Владивостока туда было вывезено 600 тыс. пудов разных овощей. Главными потребителями являлись подрядчики и поставщики в войска. Население, недовольное растущими ценами, винило во всем спекулянтов. Следствием этого «...явились беспорядки, выразившиеся в разграблении овощей с шаланд женами запасных нижних чинов». «Имеющиеся на берегу полицейские чины... в виду их малочисленности», не смогли «...оказать должного содействия привозчикам овощей». Правда, некоторые члены Комиссии (Циммерман, Чарушников) при обсуждении вопроса об обеспечении населения овощами заявили, что жёны запасных нижних чинов являлись сообщниками скушпиков овощей, которым они и продали разграбленные овощи. После беспорядков китайские и корейские торговцы овощами с шаланд на Семёновском базаре перестали привозить овощи и картофель в город, боясь новых «недоразумений»²⁵. «Во избежание повторения подобных нежелательных явлений» военный губернатор распорядился принять меры по обеспечению населения овощами и «...выработать на овощи таксу, которая была бы вполне приемлема как для продавцов, так и для покупателей»²⁶. 26 октября Комиссия установила предельные цены на овощи во Владивостоке до закрытия навигации (до 1 декабря 1915 г.), а также ходатайствовала о назначении воинских рядов в помощь полиции для поддержания порядка при продаже овощей с барж. По предложению военного губернатора и по заявлению 59 торговцев овощами, арендующих городские лавки на Семёновском базаре, 2 декабря 1915 г. комиссия вернулась к вопросу таксирования цен на овощи на зимний период. После бурной дискуссии такса на овощи с 1 декабря по 1 апреля 1916 г. была установлена несколько выше предыдущей²⁷.

²³ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 706. Л. 519, 521 об.

²⁴ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 706. Л. 95.

²⁵ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 706. Л. 474.

²⁶ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 706. Л. 474.

²⁷ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 706. Л. 457, 459, 472—473.

Осенью 1915 г. в связи с подготовкой к зиме и к отопительному сезону городские управы озаботились тем, как избежать удорожания топлива. В Благовещенске основными топливом были дрова, они заготавливались зимой, а с открытием навигации на пароходах или сплавом доставлялись в город. Ввиду призыва ратников ополчения продовольственная комиссия, опасаясь уменьшения объёмов заготовки дров, предложила заготовить дрова силами города; после утверждения думой управе поручили заготовить 20 тыс. куб. саж. дров наиболее выгодным способом²⁸.

Во Владивостоке ещё с 17 августа 1915 г. Комиссия совместно с владельцами лесных складов Э.И. Синкевичем и Я.Л. Скидельским установила таксу на 1 пог. саж. дров 12 вершков длины твердых пород — 10 руб., мягких пород — 8,50 руб. Обычной практикой для снижения цен во Владивостоке была организация городских складов, закупка городом дров и продажа жителям по твердым расценкам, с наступлением войны эта практика значительно облегчила жизнь малоимущим слоям городского населения. Дрова приобретались городом у крупных лесопромышленников, которые в свою очередь имели и собственные склады, где старались держать невысокие цены. Однако в начале декабря первые продавались по 12 руб., вторые — по 8—10 руб.²⁹ На заседании Комиссии 7 декабря 1915 г. был поставлен вопрос об изменении такс на топливо в виду повышения цен на дрова и уголь. Представитель лесного ведомства Пак уведомил, что запасы дров у торговцев имеются, дрова продаются прошлогодней рубки, владельцы лесных складов при продаже дров по установленной цене наживают 12%. Гласные настаивали, что единственной причиной роста цен является спекуляция. Дрова должны быть ещё дешевле ввиду сложения с них с 31 декабря 1915 г. военного налога по 2 коп. с пуда. Поэтому единогласно была оставлена прежняя цена на дрова³⁰.

Добычей угля и его продажей во Владивостоке занимались компании Арцта, Скидельского и Линдгольма, кроме того, уголь привозился из Японии. В 1915 г. на уголь в городе из-за высокой конкуренции углепромышленников установилась цена ниже, чем в предыдущем году. В августе нормальной продажной ценой на уголь со складов Скидельского и Арцта было признано 8—8,10 руб. В результате комиссия решила таксу на уголь не устанавливать³¹. Однако к началу декабря цены выросли и составляли на складах без доставки за тонну угля с рудников Скидельского 8,80 руб., рудников Арцта — 9 руб., Линдгольма — 9,50, японский уголь Ничиро-Шокай 1-го сорта стоил 15 руб., 2-го сорта — 14 руб. Для города с доставкой во все здания Скидельский поставлял уголь по 6,30 руб. за тонну, а для городской электростанции — по 6 руб.³² На заседании комиссии 7 декабря после бурной дискуссии и справок о ценах на уголь разных

²⁸ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 706. Л. 97—97 об.

²⁹ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 706. Л. 449.

³⁰ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 706. Л. 450—451.

³¹ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 706. Л. 494.

³² РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 706. Л. 452.

производителей большинством голосов (при 4 воздержавшихся) была принята цена на уголь высшего качества без доставки с рудников Арцта, Скидельского и остальных местных производителей по 8 руб. за одну тонну, Линдгольма — 9 руб., японский и фушунский уголь решено предоставить свободной конкуренции³³.

Осенью 1915 г. во Владивостоке остро встал вопрос обеспечения населения сахаром, мукой, маслом, овощами, мясом. Причинами дефицита были: невозможность доставлять продовольствие и предметы первой необходимости по железной дороге из-за её низкой пропускной способности и нехватки вагонов, несвоевременная выдача нарядов на вагоны сахарозаводчикам и мукомолам и медленное исполнение их железной дорогой. Сахарозаводчики считали, что таксированная цена, установленная комиссией, была ниже закупочных цен. В Иркутске, например, цена на пиленый сахар была уже 10 руб. за пуд³⁴.

К зиме 1915/16 г. положение на продовольственном рынке региона значительно осложнилось: нарастание инфляции, периодически возникавший дефицит тех или иных продуктов питания и предметов первой необходимости приводили к растущему недовольству населения. Участились жалобы населения в управы городов на рост цен, а торговцев на базарах — на угрозу погромов. Далее положение ухудшалось с каждым месяцем³⁵.

Например, во Владивостоке после окончания действия такс к началу января 1916 г. цены на муку выросли на 35% и более, крупчатка 1-го сорта стоила 3,50 руб., 2-го — 3,75, 3-го — 3,60, 4-го — 3,40, 5-го — 2,50 руб.³⁶ При этом мукомолы получали зерно беспрепятственно из Маньчжурии по цене 1,65 руб. за пуд на месте, из Омска и Ново-Николаевска — 1,35 руб. Себестоимость пуда муки во Владивостоке с учётом доставки и помола составляла 3,35 руб.³⁷ В результате Комиссия 13 января 1916 г. выработала таксы на муку и хлеб. Такса подлежала изменению при повышении или понижении цен на зерно на местах на 5%³⁸. В Хабаровске и Никольске-Уссурийском цены на муку на тот момент были ниже, чем во Владивостоке: в первом зерно закупили в большом количестве в сентябре по низкой цене, доставили водным путём по Амуру и запретили вывоз её постановлением генерал-губернатора, во втором — цены по таксе были ещё ниже, но муки в городе не было, и мукомолы фактически были на грани остановки предприятий³⁹. Вероятно, именно усиление инфляции, разница цен на продукты питания и предметы первой необходимости в разных городах региона привели региональные власти к осознанию необходимости координации усилий по продовольственному обеспечению в масштабах региона. О необходимости такой координации много говорили на заседаниях

³³ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 706. Л. 452.

³⁴ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 706. Л. 476—485.

³⁵ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 484. Л. 183.

³⁶ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 706. Л. 232.

³⁷ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 706. Л. 235.

³⁸ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 706. Л. 28.

³⁹ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 706. Л. 234.

городских дум Хабаровска и Благовещенска. Каждый город в борьбе против дефицита и дороговизны действовал самостоятельно, что вызывало несогласованность действий и недовольство, так как предприниматели укрывали товары, направляя их в те города, где цены были выше.

На основании Высочайше утверждённого 17 августа 1915 г. Положения об особом продовольственном совещании 1 января 1916 г. Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти для координации усилий правительства, региональных администраций, органов городских самоуправлений, общественных организаций, утвердил Правила о приамурском местном совещании по продовольственному делу, создав соответствующую структуру под своим председательством. Членами совещания являлись чиновники разных ведомств, а также представители городского самоуправления и общественных организаций Хабаровска. В случае необходимости совещание могло пополняться новыми членами по приглашению председателя, «...из числа лиц, участие которых в трудах совещания будет признано полезным для дела»⁴⁰. На них могли приглашать губернаторов областей, председателей продовольственных и биржевых комитетов и других местных деятелей. Совещания собирались регулярно два раза в месяц, и по мере надобности дополнялись экстренными⁴¹. Целью совещаний было ознакомление с распоряжениями правительства по продовольственному делу, с состоянием продовольственного обеспечения в крае по донесениям губернаторов, городских общественных управлений, продовольственных комитетов, рассмотрение и систематизация данных о запасах продовольствия, ценах, проблемах доставки, обсуждение заявлений по продовольственному делу.

Губернаторы областей, городские управления, продовольственные комитеты должны были предоставлять к 1-му и 15-му числу каждого месяца отчёты по продовольственному делу и заявлять о потребностях; а торговые дома, склады, мельницы, банки и лица, ведущие торговлю по свидетельству 1 разряда, — отчёты о запасах продуктов первой необходимости⁴². 25 февраля 1916 г. генерал-губернатор издал постановление № 24, которое вменяло в обязанность торговым фирмам предоставлять сведения о запасах 1-го и 15-го числа каждого месяца, за неисполнение нарушителей могли подвергать штрафу до 3 тыс. руб. или тюремному заключению до 3 мес.⁴³

Эту же цель преследовало и Совещание представителей городов Амурской и Приморской областей, состоявшееся 18 февраля 1916 г. в Хабаровске. От Хабаровска присутствовали городской голова А.В. Плюснин, член управы С.С. Бабиков, гласный Ф.Т. Жилиев, от Благовещенска — городской голова И.Д. Прищепенко, гласный И.Н. Шишлов, от Никольска-Уссурийского — городской голова В.Н. Толок. Благовещенск горячо поддерживал идею созыва совещания, так как «страдал» больше других — городские власти всеми силами сдерживали инфляцию, и городу постоянно

⁴⁰ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 706. Л. 326.

⁴¹ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 706. Л. 326.

⁴² РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 706. Л. 326об.

⁴³ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 706. Л. 399; Приамурские ведомости 19 янв. 1916 г. № 2381.

угрожал отток продовольствия в другие города края. Гласный Шишлов, предварительно обехавший города региона с обследованием на предмет существующих цен, считал одной из причин роста цен на хлебные продукты «...отсутствие единства в деятельности городских управлений в деле борьбы с дороговизной. Каждый город действует изолированно, не считаясь с интересами других, и часто нарушая эти интересы ...города Приамурья... выступают конкурентами друг друга, повышая путём такой конкуренции цены на рынке. ...По законам рынка товар имеет тяготение к тому месту, где существует более высокая плата за него»⁴⁴.

Приамурский генерал-губернатор под давлением городских дум 10 февраля 1916 г. принял Обязательное постановление № 20 на основании п. 1 ст. 19 Правил о местностях, объявляемых состоящими на военном положении, которым запретило «...умышленное, в целях спекуляций, сокращение выпуска на рынок из складов, мельниц и магазинов запасов продовольствия и фуража, а также сокращение розничной продажи таковых населению». Нарушители подвергались административным штрафам до 3 тыс. руб. или тюремному заключению сроком до 3 месяцев. Право наложения взысканий предоставлялось военным губернаторам областей⁴⁵.

Весной 1916 г. городские думы по решению продовольственных комитетов и комиссий на период навигации опять отменили большинство такс. Владивостокская продовольственная комиссия 2 мая 1916 г. единогласно постановила представить военному губернатору доклад об отмене такс⁴⁶. По 15 июня 1916 г. сохранялись таксы на керосин, соль, уголь и дрова, но и они были отменены генерал-губернатором, и летом такс на какие-либо предметы не существовало.

26 июля 1916 г. городской голова Владивостока И.А. Ющенков докладывал военному губернатору: «Дороговизна жизни отразилась во Владивостоке почти на всех без исключения продуктах продовольствия, фуража, предметах первой необходимости и повседневного обихода: особенно же сильно вздорожали и почти исчезли с рынка: сахар, соль, масло коровье, керосин, свечи, каменный уголь, обувь, мануфактура и готовое платье низших сортов». Далее следовал длинный перечень товаров для населения и промышленного сырья, отсутствовавших на местном рынке⁴⁷.

В докладе Владивостокского комитета Всероссийского союза городов (далее ВКВСГ) от 8 июля 1916 г. причинами продовольственного кризиса названы колебания курса рубля, расстройство транспорта, вздорожание производства, «...а затем, обостряя каждую из причин в отдельности и усиливая совместное их влияние на разрешение продовольственного вопроса, — важнейшей причиной обострение кризиса служит, конечно, спекуляция...»⁴⁸. Уже ни у кого не было сомнения, что война не близится к

⁴⁴ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 484. Л. 5—5 об.

⁴⁵ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 706. Л. 339; Приамурские ведомости 1916. 13 февр. № 2392.

⁴⁶ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 706. Л. 118.

⁴⁷ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 484. Л. 105—105 об.

⁴⁸ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 484. Л. 98.

концу, продовольственный «...кризис принял затяжной характер и будет продолжаться даже после окончания войны»⁴⁹.

К 1916 г., кроме установления таксированных цен, все дальневосточные города в той или иной степени использовали целый комплекс мер борьбы с дефицитом и дороговизной — определение наличных запасов продовольствия, размеров потребления и рынков снабжения; содействие упорядочению транспорта; ходатайства о понижении тарифных ставок, усилении перевозочных средств, снятии пошлин, наблюдение за вывозом; заготовка продуктов потребления на внешнем и внутреннем рынке и снабжение населения посредством кооперативов, городских складов; призывы к населению экономить и создавать потребительские кооперативы, регулирование потребления путём введения карточной системы⁵⁰.

Зимой—весной 1916 г., наряду с применением такс, основным методом борьбы с ростом цен стали закупки основных продовольственных товаров и продажа их малоимущему населению через городские или кооперативные лавки по установленным ценам. В Благовещенске этим занимались Продовольственная комиссия и городская управа, во Владивостоке — управа, затем созданная в марте 1916 г. Продовольственная комиссия и ВКВСГ. Главной задачей Продовольственной комиссии стало путём закупок продуктов и продажи их по нормальной цене конкурировать на рынке с продавцами. Уже на первом заседании решили закупить за счёт города муки, крупы, масла, сахара и соли в размере 1/3 месячного потребления населения на 200 тыс. руб. Городские товары предполагалось хранить на городских завозных складах и продавать через кооперативы и из городских лавок⁵¹. Для снабжения населения печёным хлебом кооперативному обществу «Экономист» выдали ссуду 10 тыс. руб. на устройство хлебопекарни, а также открыли городские хлебопекарни⁵².

Городские лавки для снабжения населения печёным хлебом и другими городскими товарами открыли на при завозном складе на Коммерческой пристани, в городском помещении на Семёновском базаре, по Центральному проспекту в Куперовской пади, на 1-й Речке на углу Центрального и Северного проспектов и между Дежнёвской и Рабочей слободками, т.е. в районах, заселённых малообеспеченными слоями населения. Торговлю было решено «вести без прибыли и убытка». Средства на закупку товаров были ассигнованы по решению думы из городского бюджета⁵³.

В августе 1916 г. в условиях острого дефицита сахара ВКВСГ сделал попытку даже реквизировать сахар, хранившийся в вагонах на ст. Владивосток. Однако после категорического запрета генерал-губернатора было принято решение закупить не менее 5 вагонов сахара и продавать его небольшими партиями из расчёта 3 фунта на семью в кооперативных лавках

⁴⁹ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 484. Л. 98.

⁵⁰ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 484. Л. 98 об.

⁵¹ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 484. Л. 33, 70 об.

⁵² РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 484. Л. 33 об., 40.

⁵³ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 484. Л. 70 об., 72.

в 9 пунктах города. Тогда же ВКВСГ решил заготовить 50 тыс. пудов картофеля по 35 коп. за пуд и продавать по 50 коп. (при цене на рынке на тот момент от 0,80 до 1,60 руб.). Городская дума одобрила эти решения и выделила комитету заимообразно 50 тыс. руб. на закупку сахара и 30 тыс. — картофеля. К этому времени городские доходы уже не покрывали расходов, и городу пришлось взять кредит в банке на 250 тыс. руб. на эти и последующие закупки продовольствия⁵⁴. Ситуация с сахаром немного улучшилась после получения городом нескольких вагонов сахара при посредничестве генерал-губернатора, Комитет же получил 11 вагонов сахара только в конце ноября — начале декабря⁵⁵.

В сентябре 1916 г. вновь возникла угроза «керосинового голода», вызванного затруднениями в подвозе керосина из Европейской России и скупкой его китайцами для вывоза в Маньчжурию. ВКВСГ попытался ввести распределение по карточкам керосина, принадлежавшего Товариществу Бр. Нобель, но не слишком удачно. Керосин продолжал исчезать из складов, цена подскочила до 10 руб. за банку. Тогда Комитет испросил у города на закупку керосина 50 тыс. руб. и приобрёл со складов Нобеля 10 тыс. пудов по цене 4,45 руб. за пуд наливом и 5,12 руб. за банку. Этот керосин продавался населению исключительно через потребительские лавки. Продажную цену для кооперативов с учётом расходов комитета назначили в 4,80 руб. за пуд наливом и 5,22 руб. за банку, для потребителей из лавок — 15 коп. за фунт и 5,40 руб. за банку. Больше 20 фунтов наливом или одной банки в одни руки не отпускали. Только в конце ноября товарищество получило 200 тыс. пудов керосина и угроза «керосинового голода» исчезла⁵⁶.

Осенью 1916 г. из-за реквизиций такое же положение с кетой, как в Благовещенске в 1915 г., сложилось и во Владивостоке. Поскольку население осталось без солёной рыбы, а мясо «по своей дороговизне» было «недоступно беднейшей части населения», дума решила снабжать город свежей рыбой. В предыдущие годы город проводил лов рыбы двумя траулерами, с началом войны реквизированными Морским ведомством. Городской голова 1 декабря 1916 г. попросил военного губернатора поддержать «...ходатайство перед г. Морским Министром о предоставлении хотя бы одного траулера в распоряжение города для ловли рыбы»⁵⁷. Однако и власти крепости, и военный губернатор отказали городу с мотивировкой, что «...траулеры необходимы самому морскому ведомству»⁵⁸.

29 ноября 1916 г. Владивостокская городская дума была вынуждена принять Обязательное постановление о введении карточной системы для продажи населению города и дачного района продуктов первой необходимости, «...заготавливаемых по поручению Городской думы Владивостокским Комитетом Всероссийского Союза Городов»⁵⁹.

⁵⁴ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 484. Л. 115—117, 124, 133—137, 181.

⁵⁵ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 484. Л. 178.

⁵⁶ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 484. Л. 179—180 об.

⁵⁷ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 484. Л. 184.

⁵⁸ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 484. Л. 207.

⁵⁹ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 484. Л. 187.

В ноябре—декабре 1916 г. по Владивостоку поползли слухи о дефиците угля. Население, боясь замёрзнуть в своих домах без топлива, обращалось в управу с просьбой принять экстренные меры. Панические настроения подстегнула публикация 6 декабря в газете «Далёкая окраина» статьи «Снабжение Владивостока углём»⁶⁰. Владивостокский 1-й гильдии купец Х.А. Циммерман заявил об остановке мельницы в виду отсутствия угля, закупленного, но не полученного от торгового дома «О.В. Линдгольм и К°»⁶¹.

7 и 8 декабря 1916 г. представители местных углепромышленников — Т.Д. «О.В. Линдгольм и К°» А. Овсянкин, продолжатель дела Л.С. Скидельского Я.Л. Скидельский и горный инженер Л.Л. Арцц обратились в управу и Владивостокский биржевой комитет с заявлением: «В виду появления в городе слухов о том, что вследствие недостаточности запасов местного угля городу грозит угольный голод, считаем долгом заявить, что на местных копах... добыча не только не уменьшается, напротив, в последнее время сильно увеличена, имеются также большие запасы уже добытого угля и только лишь неподача железной дорогой вагонов под уголь является причиной недостатка угля в городе» и попросили ходатайствовать перед Управляющим КВЖД о беспрепятственной подаче вагонов на ст. Угольную для их копей⁶².

Владивостокский биржевой комитет и городской голова обратились с соответствующими запросами в управление КВЖД, которое, однако, настаивало, что замедления в перевозке угля были временным явлением, вызванным снежными заносами с 13 декабря, «но с 17 декабря нормальный оборот угольных полувагонов восстановлен»⁶³.

Дефицит угля в совокупности с паническими настроениями вызвал быстрый рост цен. В управу и в конце декабря поступали письма обывателей с вопросами о нормальной цене за уголь. Например, владивостокский мещанин А.С. Сергеев, закупивший в ноябре уголь компании «Ниче-шакай (видимо, Ничиро-Шокай — *Т.З. Позняк*) на Коммерческой пристани по 24 руб. 50 коп. тонна, 15 декабря — 29 руб. 50 коп.», а в конце декабря уже по 32 руб. тонна, просил разъяснить, «действительно ли в настоящее время такая цена на уголь»⁶⁴.

Городские власти обратились к предпринимателям с просьбой облегчить положение малообеспеченных слоёв населения. Торговый дом Бр. Синкевич «желая облегчить нужду в топливе» беднейшего населения города и семей лиц, призванных в ряды войск, на своём лесном складе продавал дрова «по цене значительно ниже себестоимости» — 7 руб. пог. саж., реализация происходила по удостоверениям Городского попечительства о семьях призванных на войну и Комиссии по призрению бедных⁶⁵.

⁶⁰ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 484. Л. 189.

⁶¹ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 484. Л. 190.

⁶² РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 484. Л. 188.

⁶³ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 484. Л. 196.

⁶⁴ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 484. Л. 198.

⁶⁵ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 484. Л. 199.

После Февральской революции положение с продовольственным обеспечением в крае только осложнилось. Вопросами обеспечения населения товарами первой необходимости продолжали заниматься продовольственные комиссии и управы, к решению проблемы подключились Комитеты общественной безопасности (КОБы). Основными мерами оставались таксирование цен и закупка продовольствия городами.

Весной 1917 г. Продовольственная управа и КОБ Владивостока установили таксу на «муку размольную» — 3,11 руб. за пуд, на «сеянку» — 3,72 руб.⁶⁶ К лету во Владивостоке и Никольске-Уссурийском сложилось критическое положение с мукой. Оно усугубилось тем, что Продовольственный комитет принял решение закупать зерно самостоятельно и продавать муку по установленным ценам, отдав местным мукомолам только перемол зерна, а исполком КОБа запретил выпечку пирожных и сдобного печенья. Панические настроения привели к возникновению ажиотажного спроса: «...мука раскупается нарасхват обывателями и пекарями из боязни прекращения снабжения в близком будущем, торговцами из тех же, а возможно и спекулятивных соображений»⁶⁷.

6 июня 1917 г. к комиссару Временного правительства обратилось Русское мукомольное товарищество с просьбой повысить таксу на муку, себестоимость размольной муки на мельнице составляла 3,89 руб., а сеянной — 4,04 руб. за пуд. Расходы мукомолов постоянно росли за счёт повышения жалованья рабочим, роста цен на мешки, уголь и его доставку. В конце июня мукомолы Владивостока и Никольска-Уссурийского адресовали во Владивостокскую управу совместное заявление об убыточности существующих такс на муку и невозможности производить закупки зерна в Маньчжурии в условиях роста цен на пшеницу. В марте в Харбине пшеница стоила 1,50 руб. за пуд, а в мае — уже 2,24 руб. В результате «...уже около месяца запасы зерна на мельницах не пополняются... мельницы обыкновенно почти непрерывно круглый год пополняют запасы зерна покупкой в Маньчжурии, сообразуясь всегда с настроением рынка и стараясь приобрести по возможно низким ценам. Приостановка покупки зерна принесла уже Приморской области убытка около одного миллиона рублей... возбуждение в населении и боязнь мучного голода не имели бы совершенно места, если бы не было перерыва в покупке зерна...»⁶⁸. Вероятно, мукомолы и областные власти пришли к компромиссу.

Благовещенское и Владивостокское самоуправления являли собой наглядный пример того, как городские власти постоянно балансировали на грани интересов населения и торгово-промышленных кругов. На них с одной стороны давило население, требовавшее низких цен и борьбы со спекулянтами, с другой — предприниматели, выступавшие за свободную конкуренцию, против ограничений с помощью такс. Население реагировало на дефицит и дороговизну ростом протестных настроений и выработкой

⁶⁶ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 484. Л. 225, 229—229 об.

⁶⁷ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 484. Л. 227.

⁶⁸ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 484. Л. 227.

таких неформальных адаптивных практик как незаконное получение пособий, рост воровства, погромы лавок.

Предприниматели сопротивлялись попыткам городского самоуправления умерить их аппетиты и получать высокие прибыли. Саботаж решений органов городского самоуправления, искусственное создание дефицита через укрытие и выпуск продовольствия и предметов первой необходимости на рынок малыми партиями, незаконная торговля товарами по ценам выше таксированных, вывоз товаров в другие города региона или в Маньчжурию были обычными практиками среди местных торговцев во всех дальневосточных городах.

Например, когда с 1 декабря 1915 г. во Владивостоке была введена в действие предельная такса на овощи, «...овощей на базаре не стало, но купить их все-таки возможно по ценам, значительно превышающим таксу»⁶⁹. Такса на картофель, например, была установлена в 60 коп. за пуд, однако фактически цена была от 80 коп. до 1,60 руб. за пуд, а в среднем 1,20 руб.⁷⁰ В феврале—марте 1916 г. японский картофель продавался на базаре по 5 коп. за фунт, тогда как по таксе должен был продаваться по цене не выше 2 коп. По сведениям управы, на 1 марта 1916 г. запасы соли во Владивостоке составляли 400 тыс. пудов, но купить её можно было по 3—4 руб. за куль в 3 пуда при таксе — 1,65 руб.

После установления таксы на топливо во Владивостоке «...уже через месяц на рынке невозможно было купить дрова ни по какой цене», «...два крупных склада (Синкевича и Скидельского) ...продажу дров вообще прекратили»⁷¹. Менее чем через месяц после установления таксы на уголь городские склады угольных копей Арцта, Скидельского и Линдгольма прекратили продажу таксируемых сортов угля. Население вынуждено было покупать «...уголь мелких китайских и японских складов по цене значительно превышающей таксу»⁷². В Никольске-Уссурийском после введения таксы на овёс, последний фактически исчез с рынка. С установлением в Никольске-Уссурийском и Хабаровске такс на муку последнюю начали отправлять во Владивосток, где таксы на неё ещё не установили⁷³. Таких фактов было великое множество.

Однако предприниматели также находились в нелёгком положении: в условиях постоянной инфляции в стране они вынуждены были продавать товары по низким ценам, а закупать по более высоким. Трудным было положение мелкого предпринимателя, делавшего не оптовые закупки, а небольшими партиями у оптовиков, лицом к лицу встречавшегося с потребителем и вынужденного постоянно выслушивать упрёки, обвинения в спекуляции, вздувании цен и утаивании товаров. В ноябре 1916 г. китайские торговцы Семёновского базара ходатайствовали перед военным

⁶⁹ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 706. Л. 3.

⁷⁰ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 484. Л. 116 об.

⁷¹ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 706. Л. 3.

⁷² РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 706. Л. 4.

⁷³ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 706. Л. 5.

губернатором об установлении таксы. В своём прошении они указали на рост цен на продукты первой необходимости и заявили, что «...многие из населения волнуются и думают, что цены подняты торговцами произвольно», протесты и волнения принимают такие формы, что можно опасаться расхищения товаров. Таксы, по мнению торговцев, должны создать более спокойное отношение населения к торговцам. Однако Продовольственная комиссия, дума и управа считали, что установление такс на предметы первой необходимости, как доказал опыт предыдущего года, не может служить мерой, регулирующей цены на продукты, так как вызывает обычно сокращение или даже полное исчезновение таксированных продуктов с рынка и тайную их продажу по чрезвычайно высоким ценам. 18 ноября 1916 г. Дума единогласно постановила таксы не устанавливать⁷⁴.

Трудные условия вызывали нервозность в работе продовольственных комиссий и городских дум. Например, в октябре 1915 г. Благовещенская продовольственная комиссия после оскорблений, прозвучавших от гласных в думе, приняла решение в полном составе требовать переизбрания, однако в ходе выборов никто из гласных не согласился баллотироваться, и старый состав вынужден был остаться работать. Компромиссным решением было расширение комиссии за счёт включения в неё представителей профсоюзных и общественных организаций⁷⁵. Положение осложнялось и внутридумским размежеванием: в думах всех дальневосточных городов были представлены разные слои населения — торгово-промышленные круги и интеллигенция, часто с левыми взглядами. Ряд гласных при обсуждении продовольственных вопросов высказывали радикальные предложения о реквизициях товаров или введении карточной системы распределения продовольствия малоимущим, и это происходило ещё до революции.

В годы войны власть и общество объединили усилия в борьбе с дефицитом и инфляцией. Однако между региональной администрацией и органами городского самоуправления часто возникали трения и разногласия при решении проблем снабжения населения городов продовольствием. Эта деятельность нередко выливалась в излишнее бумаготворчество и создание большого числа разнообразных структур, подчас дублировавших друг друга. Бюрократическая заорганизованность, необходимость многочисленных согласований по вертикали власти в то время, когда требовалось быстрое, подчас стремительное принятие мер, только усиливали трудности и порождали недовольство властью со стороны органов городского самоуправления и населения.

Городские думы Благовещенска и Владивостока неоднократно обращались с ходатайствами о введении различных мер, которые могли предотвратить продовольственный кризис и облегчить поставки в регион продуктов питания. В качестве таковых, например, предлагалось снятие на военное время пошлины на ввозимую из заграницы муку, запрет на вывоз из

⁷⁴ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 484. Л. 183.

⁷⁵ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 706. Л. 95об.

области ряда товаров, понижение железнодорожного тарифа на перевозку скота из Монголии и др. Однако ни одна из этих мер так и не была принята, фактически решение проблем ограничивалось только местным регулированием цен и правил ведения торговли, закупками продовольствия городом, а также деятельностью городских комиссий, благотворительных организаций по организации помощи отдельным категориям городского населения — беженцам, семьям мобилизованных нижних чинов, малоимущим и прочим. Более того, ходатайства и прошения городов нередко либо получали отказ, либо оставались без ответа. Так, например, остались без ответа ходатайства Благовещенска и Владивостока об отмене всех сборов с китайских мигрантов, достигавших внушительных сумм и служивших препятствием доступа их в область. Это облегчило бы ситуацию на рабочем рынке в условиях нехватки рабочих рук из-за мобилизации в армию трудоспособных мужчин.

Несколько месяцев ждали ответа генерал-губернатора во Владивостоке на ходатайство о включении представителя города в состав Приамурского продовольственного совещания, но и не дождались его и к ноябрю 1916 г. Такая же судьба постигла ходатайство о включении городского представителя в комиссию по переотправке грузов⁷⁶. А на ходатайство о разрешении Владивостокскому комитету ВСГ проверять наличные запасы товаров от генерал-губернатора был получен «категорический отказ»⁷⁷. Неоднократно получал отказ от военного губернатора и Благовещенск в ответ на подобные же просьбы. Письма, отчёты и ходатайства городских голов и управ либо терялись в ворохе переписки и не доходили до адресата, либо «ложились под сукно», либо отправлялись на дальнейшие согласования. До военного губернатора Приморской области до середины ноября 1915 г. не дошли отчёты Владивостока о введении такс на муку и печёный хлеб, отосланные ему в конце сентября⁷⁸.

Весьма показательным в плане усиления бюрократизации, увеличения числа бумаг был процесс принятия решения о закупках продовольствия в Сибири. Обращения с ходатайствами во все инстанции — к военному губернатору области, приамурскому генерал-губернатору, в МВД и Министерство земледелия и землеустройства (далее — МЗЗ), к комиссару МЗЗ в Омске, в Правление КВЖД — не приводили к быстрому результату, нередко запрашиваемого товара приходилось ждать по полгода. Основными причинами проволочек были нехватка вагонов, опасение, что продовольствие, закупленное и отправленное по соответствующим удостоверениям, пойдёт не по назначению, например, в Маньчжурию, периодически вводимые запреты на закупку тех или иных товаров в Сибири из-за необходимости снабжать войска на фронте.

⁷⁶ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 484. Л. 177.

⁷⁷ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 484. Л. 117 об.

⁷⁸ РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 706. Л. 466.

Тем не менее, положение с продовольственным обеспечением населения, сложившееся в 1914—1916 гг., ни в какое в сравнение не шло с ситуацией после Октябрьской революции и в период Гражданской войны и интервенции, когда инфляция приняла галопирующий характер, и кроме дефицита продовольствия и товаров первой необходимости постоянно ощущался недостаток наличных финансовых средств.

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ ТЫЛОВОЙ ГОРОД В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (НА ПРИМЕРЕ ВЛАДИВОСТОКА)

С.А. ВЛАСОВ

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток*

Первая мировая война — одно из трагических и масштабных событий ушедшего столетия — воспринимается как особый рубеж мировой истории. В своих внешних проявлениях это была первая война, которая коснулась непосредственно не только вооружённых сил противоборствующих сторон, но и широких масс населения, определив тем самым глубину и степень влияния на социально-экономические и политические процессы как в годы войны, так и после её окончания. Война самым непосредственным образом затронула судьбы миллионов россиян, в том числе и тех, кто жил в таких удалённых от театра военных действий регионах, как Дальний Восток. Однако изучению провинциальной среды долгое время не уделялось должного внимания. Очевидно, что исследование повседневной жизни людей и другие аспекты жизнедеятельности крупнейшего дальневосточного города Владивосток в годы Первой мировой войны дополнит отечественную историографию по важной и малоизученной проблеме.

В первые недели и месяцы войны во Владивостоке, как и по всей России, наблюдался взрыв патриотизма. В городе прошли манифестации и собрания под верноподданническими лозунгами и с портретами Николая II. В церквях Владивостока отслужили молебны о даровании победы русскому оружию. В мужской гимназии и коммерческом училище ввели два урока военного дела в неделю. От жителей города в пользу Красного Креста стали поступать пожертвования, активизировалось благотворительное движение. Общественные настроения во Владивостоке соответствовали общероссийским. Подъём патриотизма сопровождался усилением враждебности к немцам, это привело к тому, что в школах и училищах прекратилось изучение немецкого языка¹. Антигерманскими настроениями попытались воспользоваться коммерсанты города. Стремясь вытеснить с рынка конкурентов, они инициировали кампанию против торгового дома «Кунст и Альберс», совладельцем которого был немец А.В. Датган. Однако на заседании Владивостокской городской думы было принято решение о несвоевременном закрытии предприятия на том основании, что фирма является «...полезным фактором, регулирующим цены на все предметы первой необходимости»².

С первых дней войны стали образовываться и действовать многочисленные благотворительные общества и комитеты для поддержки семей мобилизованных, раненых, беженцев. Во Владивостоке действовал

¹ Бессмертный Е.Д. Годы жизни. Владивосток, 1963. С. 30.

² Позняк Т.З. Иностранцы подданные в городах Дальнего Востока России (вторая половина XIX — начало XX в.). Владивосток, 2004. С. 182.

отдел «Приамурского комитета по оказанию помощи раненым, увечным и больным воинам и их семьям», центральное правление которого находилось в Хабаровске. Приамурский комитет работал почти три года — с 23 июля 1914 г. по 1 июля 1917 г., занимаясь главным образом сбором добровольных пожертвований.

Во Владивостоке, как и в других дальневосточных городах (Хабаровске, Благовещенске), установилась традиция организации патриотических вечеров в учебных заведениях и общественных собраниях и организациях. Все средства, полученные от продажи концертных билетов, лотерей, флажков и пр., шли в фонд Приамурского комитета. Не осталась в стороне от проведения акций благотворительной помощи семьям лиц, призванных в армию, и Православная церковь, которая во многом дублировала деятельность светских властей. Священники с первых дней войны взяли на себя опеку своих нуждавшихся прихожан. Согласно распоряжению Синода, начиная с 1 августа 1914 г., предписывалось ежемесячно «...отчислять на нужды войны 2% из текущих доходов монастырских и приходских церквей». Помимо этого почти во всех церквях как приходских, так и монастырских, устанавливались особые кружки для сбора пожертвований в пользу Красного Креста.

В последующие годы, несомненно, более трудные, поток пожертвований от жителей Владивостока не ослабевал. Вне зависимости от событий на фронте у горожан сохранялось желание помочь пострадавшим от войны. Если не было возможности жертвовать деньги, помогали, как и прежде, вещами. В июле 1917 г. в местной печати было опубликовано следующее письмо: «Сибирские артиллеристы из далёкой Турции... приносят глубокую и искреннюю благодарность торгово-промышленным служащим Владивостока за ту заботу и внимание, которое они оказали присылкой подарков солдатам»³.

Помощь семьям мобилизованных оказывала местная городская администрация. С началом мобилизации семьи лишались кормильца, поэтому обустройство бытовых условий таких семей для Приморской областной и Владивостокской городской администраций было одной из первостепенных задач. Военный губернатор области генерал-лейтенант А.Д. Сташевский отмечал: «Семьи запасных, оставшихся в городах: Владивостоке, Никольске-Уссурийском, Хабаровске — состоят по преимуществу из пришлого рабочего элемента, стекающего в города для разного рода заработков и до призыва на службу их мужей, отцов, братьев таковые семьи существовали исключительно на заработки работника семьи и, естественно, что с первых же моментов ухода на службу кормильцев семьи таковые семьи были поставлены в довольно тяжёлое материальное положение»⁴.

³ Далёкая окраина. Владивосток. 1917. 15 июля.

⁴ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 491. Л. 57.

В связи с этим А.Д. Сташевский 14 августа 1914 г. подписал приказ об образовании во Владивостоке «городского комитета для призрения семейств запасных»⁵. Своё первое заседание комитет (под председательством городского головы И.А. Ющенкова) провёл 28 августа 1914 г. Главной его задачей были сбор и обработка материалов по фактическому обследованию семей запасных. В результате такого обследования ежемесячно составлялись «раздаточные ведомости» на выдачу продовольственных пособий. С августа 1914 по февраль 1917 г. состоялось более четырёх тысяч обследований, причём, как указывалось в отчёте Присутствия, «...чуть ли не по каждому обследованию приходилось иметь суждение». Это означало внимательную работу по всем поступавшим просьбам. С осени 1914 до начала 1917 г. число семей, получавших пособия в Присутствии, возросло в 4,5 раза; в январе 1917 г. на учёте состояли 4075 семей (9998 взрослых и 3122 детей), для которых казённые пособия являлись основным источником прожиточного минимума⁶.

Помимо сбора средств семьям мобилизованных Владивостоков оказывал прямую помощь действующей армии, поставляя в больших объёмах рыбу и другие продукты, а также армейскую амуницию. Во Владивостоке в конце 1914 г. был организован пошив сапог пехотного образца для нужд армии, в связи с чем была образована специальная Общественная комиссия под председательством П.А. Федорова, имевшего свой кожевенный завод. Изготовлением армейской обуви занимались местные сапожники-кустари, которых обязали шить не менее двух пар в неделю за плату от 7 до 8 руб. 50 коп. за пару в зависимости от качества⁷.

Все сапоги принимались Общественной комиссией, а затем сдавались во Владивостокский вещевой магазин. В конце декабря 1914 г. туда поступила первая партия сапог — 226 пар. Производство этой обуви ежемесячно увеличивалось и в июле 1915 г. достигло высшей предельной ежемесячной поставки — 5 тыс. пар. В дальнейшем из-за роста цен на кожу производство снизилось, и ежемесячные поставки не превышали 1200 пар. К изготовлению сапог были привлечены даже арестанты владивостокской тюрьмы. Всего Общественной комиссией за 1914—1916 гг. было принято 41 728 пар сапог⁸.

Патриотический подъём в первый год войны в дальнейшем под воздействием ситуации на фронте (к середине 1915 г.) трансформировался в такое духовное состояние общества, которое можно определить как «патриотическая тревога». Этому соответствовали объективные обстоятельства — отступление русских армий весной—летом 1915 г., сопровождаемое тяжёлыми потерями (3,5 млн убитыми, ранеными и пленными), утратой большей части Галиции, Польши, части Прибалтики и Белоруссии.

⁵ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 491. Л. 57 об. — 58.

⁶ Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл в годы Первой мировой войны, 1914—1918 гг.: дис. ... докт. ист. наук. Хабаровск, 1999. С. 199—200.

⁷ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 1097. Л. 20.

⁸ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 1097. Л. 95.

В конце мая 1915 г. IX съезд представителей отечественной промышленности и торговли принял решение о создании по всей стране военно-промышленных комитетов (ВПК), которые бы взяли на себя мобилизацию частной промышленности на обслуживание армии. Появились военно-промышленные комитеты и в дальневосточных городах. Во Владивостоке ВПК был образован в начале июля 1915 г., его председателем стал известный в городе предприниматель А.А. Масленников, а три секции комитета — фабрично-заводскую, по боевому, хозяйственному и санитарному снаряжению, торговую — возглавили соответственно В.И. Пьянков, А.Г. Свицерский и А.В. Бабинцев. Со страниц местных газет ВПК обратился с воззванием к владельцам фабрик, заводов и мастерских принять участие в решении задачи обеспечения фронта всем необходимым⁹.

Однако, как пишет в своей диссертации Т.Я. Иконникова, Владивостокский ВПК никак себя не проявил. Несмотря на то, что в городе были самые большие в Приамурском крае мастерские военного порта, ни в 1915, ни в 1916 гг. местные предприятия не получили от него предложений на производство больших заказов для нужд армии и фронта¹⁰. Патриотически настроенная торгово-промышленная общественность Владивостока была склонна обвинить в этом руководителя местного ВПК А.А. Масленникова, который ещё в довоенное время критиковал работу гражданской и военной власти Приамурского края. Ему не удалось преодолеть разногласия с властями и в военное время, что дало повод местной прессе обвинить Владивостокский ВПК в имитации настоящей работы¹¹.

В годы Первой мировой войны заметно возросло значение Владивостокского порта. В связи с тем, что Балтийское и Чёрное моря оказались ареной боевых действий, Владивосток (как и Архангельск) стал основным портом, через который осуществлялся приём военно-экономических грузов из-за границы. Через Владивостокский порт беспрепятственно поддерживалась экономическая связь России с внешним миром, порт был вовлечен в приём огромного объёма грузов, поступавших по тихоокеанскому маршруту из США и Японии. Уссурийская и Китайско-Восточная железные дороги стали активно работать по перевозке этих грузов на запад страны, в действующую армию.

Перед Первой мировой войной Владивостокский порт входил в число пяти крупнейших морских портов России. В 1911—1914 гг. сюда прибывало в среднем за год более 600 судов, а общий грузооборот порта за 1907—1913 гг. вырос в 3,4 раза и достиг 1,47 млн т¹². С началом войны поток грузов увеличился. Для того, чтобы справиться со столь значительным объёмом, с 1915 г. в порту начались работы по его реконструкции и расширению, они продолжались до конца 1917 г. За это время построено 10 новых причалов, в

⁹ Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл... С. 86—87.

¹⁰ Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл... С. 91—93.

¹¹ Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл... С. 91.

¹² Галлямова Л.И. Дальневосточные рабочие России во второй половине XIX — начале XX в. Владивосток: Дальнаука, 2000. С. 32.

том числе и на южном берегу Золотого Рога, вокруг бухты от станции Владивосток проложили железнодорожную ветку до мыса Чуркин. Для того, чтобы порт работал круглогодично, во Владивосток доставили два новых мощных лебедка. За годы Первой мировой войны грузооборот Владивостокского порта увеличился с 1,3 млн т в 1914 г. до 1,9 млн т в 1915 г., а в 1916 г. составил 2,6 млн т¹³.

В годы войны резко возросли нагрузки на железнодорожный транспорт. Через Владивосток по железной дороге в Европейскую Россию стали поступать военные и другие грузы, закупленные за границей. Уже через месяц после начала войны Уссурийская железная дорога (как и весь Транссиб) была объявлена на военном положении. За 1914—1916 гг. её грузооборот вырос на 54%¹⁴. Для того, чтобы увеличить пропускную способность железной дороги в долине Первой Речки в 1915—1916 гг. построили мастерские для сборки поступавших из США паровозов и вагонов. Помимо нескольких сотен кадровых русских рабочих из Петрограда, Риги, Харькова и других городов, к сборке вагонов привлекли 5 тыс. китайских рабочих¹⁵. Сборка вагонов осуществлялась до осени 1916 г., всего было собрано более 13 тыс. американских вагонов, которыми и вывозилась значительная часть грузов, поступавших во Владивосток. Благодаря американским вагонам объём вывоза грузов из Владивостока по железной дороге увеличился в 1916 г. по сравнению с 1915 г. на 62%¹⁶.

Сборка производилась круглосуточно. Однако, несмотря на принятые меры, железнодорожный транспорт не мог справиться с возросшим грузопотоком, и большой объём грузов скопился во Владивостоке. В декабре 1916 г. Владивостокский биржевой комитет в телеграмме на имя председателя Петроградского биржевого комитета сообщал, что в порту без движения лежит свыше 25 млн пудов грузов (более 400 тыс. т)¹⁷. По расчётам министерства путей сообщения, их вывоз в центр страны должен был растянуться на полтора года¹⁸.

Война неизбежно порождает социально-экономические проблемы в обществе. Оттого, как они решаются, напрямую зависят стабильность внутрисполитической ситуации, престиж и даже судьба государственной власти. Одной из главных проблем в годы Первой мировой войны для всей России, включая её отдалённые тыловые районы, стала продовольственная. Трудности с продовольствием появились уже в 1915 г. и с каждым годом всё более увеличивались. Причём это касалось снабжения как воинских частей, сражавшихся на фронте, так и мирного населения. Во Владивостоке продовольственный кризис до 1917 г. как целостное явление себя не проявил. Лишь отдельные проблемы, общие для всей России, периодически

¹³ Галлямова Л.И. Дальневосточные рабочие России во второй половине XIX — начале XX в.... С. 32.

¹⁴ Галлямова Л.И. Дальневосточные рабочие России во второй половине XIX — начале XX в.... С. 37.

¹⁵ Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл... С. 107.

¹⁶ Лебедев В.В. Русско-американские экономические отношения (1900—1917 гг.). М.: Международные отношения, 1964. С. 209.

¹⁷ Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл... С. 107.

¹⁸ Лебедев В.В. Русско-американские экономические отношения... С. 209.

возникали, но были преодолены. Это рост цен на продукты, их исчезновение с потребительского рынка, перебои в снабжении отдельными продовольственными товарами и развитие спекуляции.

В годы Первой мировой войны в Приморскую область стали прибывать беженцы из районов, охваченных боевыми действиями. В ноябре 1915 г. во Владивостоке было зарегистрировано 1250 беженцев, в Никольско-Уссурийском — 800¹⁹. Опекун над беженцами во Владивостоке осуществлял городской Комитет под председательством Э.И. Синкевича. На этом посту его затем сменил Д.П. Пантелеев. Все беженцы обеспечивались жильём в казармах. Те, кто имел средства, снимали частные квартиры. Для помощи беженцам Владивостокская городская дума в 1914 г. ассигновала 10 тыс. руб.²⁰ Средства на продовольствие, медицинские и санитарные нужды беженцев выделялись из городского бюджета и в последующие годы.

Городской голова И.А. Ющенко смог организовать для беженцев не только проживание в казармах, но и выдачу продовольствия «натурой из общего котла» по табельным ведомостям. Проживавшим отдельными семьями выдавалось продовольственное пособие деньгами — взрослому по 30 коп. и ребенку до 5 лет по 15 коп. в день. В апреле 1916 г. право на пособие оставили лишь за детьми до 14 лет и одним из трудоспособных членов семьи, вынужденным оставаться дома для присмотра за ними²¹. На 1 сентября 1916 г. во Владивостоке было зарегистрировано 2029 беженцев, которые ежемесячно получали пособия. В национальном составе преобладали русские — 1098 чел. (54,1%), далее шли поляки — 497 чел. (24,5%), латыши — 300 чел. (14,8%)²².

Беженцы, получавшие работу, лишались права на получение пособия. Во Владивостоке они работали в порту, на строительстве, во временных мастерских по сборке американских вагонов, где было 400 русских рабочих, эвакуированных с рижского вагоностроительного завода «Феникс». Беженцы привлекались к благоустройству улиц, проведению сточных канав, заготовке камня и щебня²³, что позволило городу в некоторой степени разрешить проблему рабочей силы, которая обострилась во Владивостоке в связи с уходом русских рабочих на фронт.

С началом войны сократилась доходная часть городского бюджета. Из-за призыва в армию уменьшилось число налогоплательщиков, что привело к сокращению городского бюджета на несколько десятков тысяч рублей. К тому же на бюджете сказались и введение «сухого закона», принятого 22 августа 1914 г. Генерал-губернатор Приамурского края Н.Л. Гондатти 31 октября 1914 г. опубликовал циркуляр о борьбе с пьянством. Было предложено «...начальствующим лицам всех учебных заведений всемерно озаботиться разъяснением вреда, причиняемого людям спиртными

¹⁹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 519. Л. 56.

²⁰ Скрабневская Е.С. Дальневосточные города в годы Первой мировой войны // Записки Гродековского музея. Вып. 13. Хабаровск, 2006. С. 144.

²¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 474. Л. 3.

²² РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 1072. Л. 364 об.

²³ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 912. Л. 268—270.

напитками, внушением им самоохраны от этого страшного бича народного». Городская дума Владивостока запретила продажу вина. Акцизное вино и спирт резко поднялись в цене, их продажа разрешалась только в ресторанах по специальным справкам, выдаваемым администрацией. Реализации правительственного запрета на торговлю спиртными напитками в городе препятствовала торговля контрабандным китайским спиртом. В июне 1916 г. Н.Л. Гондатти запретил торговлю спиртным в районе КВЖД, но добиться исполнения этого постановления оказалось сложно, т.к. в контрабанде были заинтересованы жители как полосы отчуждения, так и приграничных районов Приморья, получавшие значительные прибыли на поставках спирта во Владивосток²⁴.

Тяготы военного времени для населения Владивостока усугублялись из-за дефицита пресной воды, существовавшего ещё в довоенные годы. С началом войны потребность в воде резко увеличилась: железная дорога и порт стали работать в интенсивном режиме, и на нужды города особенно в зимнее время воды не хватало. Положение было столь напряжённым, что суда, шедшие во Владивосток из Японии, стали привозить пресную воду в балластных цистернах как товар для продажи²⁵. Для решения проблемы с пресной водой городские власти создали особый Комитет по исследованию водоносности окрестностей города, проектированию и строительству водовода. Однако из-за финансовых затруднений проект не был реализован.

Жители Владивостока стойко переживали тяготы военного времени, оказывая посильную помощь армии и фронту. В начале 1917 г. они, как и большинство граждан России, испытывали «усталость от войны» и ждали скорейшего её окончания. Они не знали, что впереди их ждут более серьёзные испытания, связанные с революцией и Гражданской войной. Весь горький опыт, накопленный народом, в том числе и за годы Первой мировой войны, пригодился и помог России выстоять уже в более сложных условиях 1941—1945 гг. Следовательно, на примере Владивостока можно убедиться, что в годы Первой мировой войны складывались традиции объединения народных сил и местной власти для помощи армии и фронту, которые пригодились нашей стране в годы Великой Отечественной войны.

²⁴ Дубинина Н.И. Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти. Хабаровск, 1997. С. 115.

²⁵ Владивостокский морской торговый порт. Описание порта, экономические обзоры и отчётные данные за 1923/24 год. Владивосток, 1925. С. 44.

КОНТРАБАНДНАЯ ТОРГОВЛЯ СПИРТНЫМИ НАПИТКАМИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

О.А. УСТЮГОВА

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток*

Контрабандный алкоголь получил широкое распространение в приграничной полосе российского Дальнего Востока ещё во второй половине XIX в.¹ С установлением торговых связей с приграничным китайским населением на территорию русского Дальнего Востока начали нелегально доставлять ханшин — водку крепостью от 40° до 60°, изготовляемую из гаоляна (низших сортов проса и буды) на специальных ханшинных заводах в Маньчжурии². Широкое распространение ханшина на Дальнем Востоке России отрицательно влияло на развитие местной винокуренной промышленности, поэтому русская администрация вела последовательную борьбу за запрещение производства и продажи китайской водки³.

Отмена порто-франко на юге Дальнего Востока России с 16 января 1909 г. фактически привела к активизации импорта контрабандного спирта, поскольку ввоз иностранных товаров по сухопутной границе с Китаем оставался свободным. Поступление нелегального китайского алкоголя не прекратилось и после ликвидации в январе 1913 г. льготного режима торговли в 50-вёрстной приграничной полосе: из общей суммы задержанной контрабанды — 189,7 тыс. руб. около 65% (124 тыс. руб.) приходилось на спиртные напитки⁴.

Необходимо отметить, что задолго до начала Первой мировой войны как в Европейской России, так и в Сибири, вплоть до Якутска, была введена казённая монополия, в то время как на российском Дальнем Востоке право продажи спирта и вина предоставлялось частным предпринимателям, благодаря чему винокуренная промышленность в Приамурском крае развивалась быстрыми темпами⁵. Однако в Северной Маньчжурии производство спирта обходилось гораздо дешевле, чем в России, из-за низких цен на пшеницу, отсутствия налогов и дешевизны китайской рабочей силы⁶.

¹ Шелудько В.О., Черномаз В.А. Контрабанда алкоголя и борьба с ней на дореволюционном Дальнем Востоке // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 1998. № 1 (2). С. 106.

² Романова Г.Н. Экономические отношения России с Китаем на Дальнем Востоке, XIX — начало XX вв. М., 1987. С. 61; Шипановская М.Ю. Российско-китайские торговые отношения на территории российского Дальнего Востока во второй половине XIX — начале XX в. // Традиционная культура Востока. Благовещенск, 1999. Вып. 2. С. 296—297.

³ Соловьёв Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861—1917 гг.). М., 1989. С. 56—57.

⁴ Унтербергер П.Ф. Приамурский край. 1906—1910. СПб., 1912. С. 181—183; Троицкая Н.А. Тоска о порто-франко. Из истории таможенной политики на русском Дальнем Востоке // Россия и АТР. Владивосток, 1992. № 4. С. 52; Романова Г.Н. Экономические отношения... С. 115—116; ГАХК. Ф. 537. Оп. 1. Д. 48. Л. 102—103.

⁵ Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. Хабаровск, 1999. С. 55.

⁶ Кротова М.В. Борьба с контрабандной торговлей в приграничных районах Дальнего Востока и полосе отчуждения КВЖД (1900—1917 гг.) // Дальний Восток России в контексте мировой истории: от прошлого к

Сбыт спирта на русской стороне границы являлся высокодоходным предприятием, что стимулировало развитие спиртоводочной промышленности в Маньчжурии, в течение долгого времени служившей своеобразной базой снабжения российского Дальнего Востока контрабандным алкоголем⁷.

Развитие винокурения в Маньчжурии и ввоз получаемого спирта в Амурскую область без оплаты акциза неблагоприятно отразились на винокурении местных заводов (Михайловского и Иннокентьевского), с 1905 по 1910 г. снизивших объёмы производства почти в два раза. В 1910 г. себестоимость ведра местной водки составляла примерно 1 руб., а с учётом уплаты акциза в 4 руб. 40 коп., оптовая цена достигала 5 руб. 50 коп. и выше, поэтому продукция благовещенских винокуров В.В. Лукина и А.Н. Макарова не могла конкурировать с безакцизным маньчжурским спиртом, обходившимся в четыре раза дешевле⁸.

Спирт для нелегального ввоза в Россию стали изготавливать и российские предприниматели: только в Харбине винокуренные заводы Фрида, Врублевского, Антипса, Смольяниченко, Мордуховича, Канна, Альтшулера, Перельштейна и др. производили в 1910 г. до 700 тыс. вёдер спирта и 500 тыс. вёдер водки. Общий вывоз спирта из Маньчжурии в Приамурье в 1910 г. составил не менее 400—500 тыс. вёдер, а потеря на акцизе — около 5 млн руб. Ежегодно одна казачья станица потребляла в среднем около 3 тыс. вёдер спирта⁹.

Водочные заводы Маньчжурии пользовались спиртом Врублевского и Найдича, представителем последнего в Маньчжурии был Самуил Фрид, организовавший при содействии китайцев в деревнях на правом берегу Амура целую сеть складов, в которых закупали спирт казаки. Иногда алкоголь для продажи приисковым и железнодорожным рабочим здесь приобретали русские фирмы (товарищество «Мохэ», торговый дом «Кунст и Альберс») и предприниматели (Пресняков, Grimm, Тир, Б.Б. Гуревич, Г.Ш. Розенбаум и др.). На станции Пограничная располагались склады безакцизного спирта фирм «Кунст и Альберс», Сизова, Смирнова, Эльвангера и других¹⁰.

На территорию российского Дальнего Востока ханшин и спирт доставлялись по рекам Амур и Сунгари. На частных пароходах привозили контрабанду на Амур, выгружали на китайском берегу, а ночью на лодках

будущему. Материалы междунар. науч. конф. (доклады и сообщения). Владивосток, 1997. С. 118—119.

⁷ ГАХК. Ф. 537. Оп. 1. Д. 48. Л. 102—103.

⁸ Мурзаев Д.В. К вопросу об экономическом состоянии Амурской области за последнее десятилетие. Благовещенск, 1914. С. 44—45; Митинский А.Н. Материалы о положении и нуждах торговли и промышленности на Дальнем Востоке. СПб., 1911. С. 96—97; Унтербергер П.Ф. Приамурский край.... С. 181—182.

⁹ Кротова М.В. Борьба с контрабандной торговлей... С. 118—119; Митинский А.Н. Материалы о положении и нуждах торговли ... С. 103, 105.

¹⁰ Митинский А.Н. Материалы о положении и нуждах торговли... С. 105; Синиченко В.В. Криминальная составляющая миграционных процессов на восточных окраинах России. Иркутск, 2003. [Электронный ресурс] // URL: http://mion.isu.ru/filearchive/mion_publications/sin/1_1.html (дата обращения: 03.06.2014); Дашышев В.Г. Из истории контрабанды спиртных напитков на Дальнем Востоке // Вопросы истории Дальнего Востока. Хабаровск, 2001. Вып. 3 (8). Ч. 1. С. 18—19.

переправляли в русские селения. Вагонами спирт привозили на станцию Сяосуйфын, откуда через границу везли на лошадях. Перевозили спирт в железных бочках и банках под видом керосина, а также помещали в мешки с безакцизным зерном. Алкоголь переправляли через Амур с китайского берега в Айгуне, Кани-Урге, Сахаляне и Мохэ, более мелкими перевалочными пунктами транспортировки были Джалинда, Черняево, Дымская и другие¹¹. По описанию А.Н. Митинского, «...против каждого казачьего селения — китайский кабак. У каждой спиртовой фанзы по Аргуни — солдатский китайский пост с офицером. По Амуру спиртовые фанзы или в китайских сёлах, или отдельно, находятся буквально против каждого русского посёлка или тропы на него. Вместо вывески — банка из-под спирта на шесте. В значительных пунктах тут же торговля безбандерольными иностранными винами и подделками под них»¹². Главные склады товара находились как в больших городах (Мохэ, Сахаляне, Айгуне), так и в появлявшихся в связи с постройкой Амурской железной дороги больших русских селениях — Пашкова, Черняева, Иннокентьевской станицы и других¹³.

Контрабандный спирт пользовался спросом у казаков, жителей селений, расположенных между Амуром и железной дорогой, возчиков и уходивших в тайгу зимой дровосеков, пароходных команд и пассажиров во время навигации, а также у железнодорожных и приисковых рабочих¹⁴.

Согласно российским законам, реализация алкогольных напитков на территории, расположенной на расстоянии менее 50 вёрст от приисков, запрещалась, если продажа не производилась с оптового склада. Тем не менее полное запрещение ввоза спирта на прииски не способствовало искоренению пьянства среди приисковых рабочих. Это объяснялось тем, что легальный спирт стоил на 10 руб. дороже контрабандного, а в особенно глухих и малодоступных местах его цена доходила до 200 руб. за ведро¹⁵. Получило широкое развитие так называемое «спиртоношество» — доставка спирта в окрестности приисков и обмен его на золото у приисковых рабочих¹⁶.

Особенно остро встал вопрос о контрабандной торговле спиртными напитками с началом строительства Амурской железной дороги. На китайском берегу, напротив пристаней, на которых концентрировались большие партии рабочих, отправлявшихся на строительство дороги, а также на вновь открытые прииски, стали возникать целые посёлки, в которых

¹¹ Унтербергер П.Ф. Приамурский край.... С. 181—182; Романова Г.Н. Экономические отношения... С. 77; Дашышев В.Г. Из истории контрабанды.... С. 18—19; Митинский А.Н. Материалы о положении и нуждах торговли... С. 105; Синиченко В.В. Криминальная составляющая... // URL...

¹² Митинский А.Н. Материалы о положении и нуждах торговли... С. 102.

¹³ Из истории таможенной службы России на Дальнем Востоке. Документы и материалы (1899—1925 гг.). Владивосток, 1999. С. 68.

¹⁴ Из истории таможенной службы России на Дальнем Востоке... С. 68—69, 71.

¹⁵ Синиченко В.В. Криминальная составляющая...; Сорокина Т.Н. Хозяйственная деятельность китайских подданных на Дальнем Востоке России и политика администрации Приамурского края (конец XIX — начало XX вв.). Омск, 1999. С. 216—217; Мурзаев Д.В. К вопросу об экономическом состоянии... С. 45.

¹⁶ Муров Г.Т. По русскому Дальнему Востоку. Люди, их жизнь и нравы. Дневник странника. Т. 1. М., 1910. С. 187.

китайские фанзы превращались в склады вина и спирта. Фактически в местах высадки прибывавших рабочих на амурских пристанях спивалось как приезднее, так и коренное русское население. На линию железной дороги контрабанду отправляли главным образом на участки активного строительства полотна, мостов, туннелей¹⁷.

В 1910 г. Комитет по заселению Дальнего Востока принял решение организовать в районе Амурской железной дороги торговлю спиртными напитками: запрет на продажу казённого спирта отменили, открыли склады, в которых торговля спиртным шла в определённое вечернее время по фиксированной цене¹⁸. По мнению Д.В. Мурзаева, введение винной монополии по линии строившейся железной дороги было эффективным, поскольку во многом способствовало уничтожению контрабандного промысла благодаря доступности и дешевизне казённой водки¹⁹.

Одной из основных причин широкого распространения контрабандного алкоголя являлась его дешевизна, определявшая высокие показатели потребления: в 1912 г. в Амурской области на 1 чел. приходилось 1,89 ведра водки, а в Приморской — 1,24 ведра, в то время как в среднем по Российской империи около 0,56 ведра на чел.²⁰ В 1910 г. только на российских винокурных заводах Харбина производилось до 700 тыс. вёдер спирта и 500 тыс. вёдер водки, 75% этой продукции контрабандой поступало в Приамурье. В Харбине спирт оптом приобретали по 2,5 руб. за ведро, а на российском Дальнем Востоке продавали по 6 руб., в то время как легальный спирт реализовывали по цене от 15 до 19 руб.²¹ Как писал А.Н. Митинский, «Свободная легальная торговля спиртом не достигает цели уничтожения контрабандной водки, ибо спирт легальный будет всегда рублей на 10 за ведро дороже контрабандного»²².

В 1911 г. в Амурскую область ввозилось контрабандного спирта на 1,8 млн руб., что составляло до 40% всего алкогольного ввоза, а в Приморскую — на 1 833 750 руб. (30%). Общий доход от продажи импортного алкоголя в крае оценивался в 13,6 млн руб., включая нелегальную торговлю на сумму более 2 млн руб. в Амурской области и около 3 млн руб. — в Приморской²³.

В первой половине 1913 г. 90% ценности задержанных контрабандных товаров (на 42 680 руб.) приходилось на спирт и изделия из него²⁴. Спиртоводочные изделия составили 65,4% — максимум от всех проведённых

¹⁷ Из истории таможенной службы России... С. 69; Митинский А.Н. Материалы о положении и нуждах торговли... С. 102; Сорокина Т.Н. Хозяйственная деятельность... С. 213, 215.

¹⁸ Синиченко В.В. Криминальная составляющая...; Сорокина Т.Н. Хозяйственная деятельность... С. 217—218.

¹⁹ Мурзаев Д.В. К вопросу об экономическом состоянии... С. 44—45.

²⁰ Глуздовский В.Е. Приморско-Амурская окраина и Северная Маньчжурия. Владивосток, 1917. С. 130.

²¹ Кротова М.В. Борьба с контрабандной торговлей... С. 118—119; Дацышен В.Г. Из истории контрабанды... С. 18—19; Глуздовский В.Е. Приморско-Амурская окраина... С. 128; Митинский А.Н. Материалы о положении и нуждах торговли... С. 100.

²² Митинский А.Н. Материалы о положении и нуждах торговли... С. 99, 101.

²³ Синиченко В.В. Криминальная составляющая...

²⁴ Из истории таможенной службы России... С. 68.

таможней в 1913 г. задержаний²⁵. Объем контрабанды алкоголя в 1913 г. достигал 40 млн ведёр²⁶. До Первой мировой войны население региона платило за контрабандный спирт около 2 млн руб., а потери казны на акцизных сборах составляли до 4 млн руб.²⁷ Основную массу контрабандно ввезившегося на российский Дальний Восток спиртного составлял фабричный контрабандный спирт, произведённый на харбинских заводах. Нелегальный импорт последнего вырос за 1912—1915 гг. более чем в 20 раз, в то время как контрабанда ханшина сократилась за тот же период в два раза и не превышала 15% от ввоза²⁸.

В 1914 г., в преддверии Первой мировой войны, на территории Российской империи был введён вызванный необходимостью проведения мобилизации запрет на продажу спиртных напитков²⁹. 16 августа 1914 г. вышел закон «О продлении воспрещения продажи спирта, вина, водочных изделий для местного потребления в Империи до окончания военного времени»³⁰. Распоряжение правительства о повсеместном запрещении продажи спиртных напитков, за исключением церковного вина в храмах и всех видов спиртных напитков в ресторанах 1-го разряда и буфетах при собраниях и клубах, затронуло в основном рабочих и крестьян, составлявших большую часть населения Российской империи³¹.

Владельцы пяти винокуренных заводов и 205 оптовых складов Амурской и Приморской областей понесли огромные убытки: к концу 1914 г. скопилось нераспроданная продукция, «сгорели» залогов на обеспечение рассроченного акциза и капитал, затраченный на оборудование помещений³². 20 сентября 1914 г. был наложен запрет на провоз спиртных напитков по КВЖД, однако в железнодорожных билярдных и столовых тайно продолжали торговать спиртными напитками³³.

Запрещение продажи алкоголя значительно усилило приток контрабандного спирта на российский Дальний Восток вследствие устранения конкуренции с легальной водкой, которая ранее была сравнительно доступна населению «...и по цене, и по обилию мест продажи»³⁴. После введения «сухого закона» контрабанда замещала более половины потребности местного населения в алкоголе³⁵. В 1914 г. в пограничную китайскую полосу ввезли 300 тыс. пуд. спирта на 5,7 млн руб.³⁶

²⁵ ГАХК. Ф. 537. Оп. 1. Д. 48. Л. 105.

²⁶ Запрещение продажи водки в Приморской деревне. Владивосток, 1915. С. 40.

²⁷ Глуздовский В.Е. Приморско-Амурская окраина... С. 130.

²⁸ Синиченко В.В. Криминальная составляющая ...

²⁹ Шелудько В.О., Черномаз В.А. Контрабанда алкоголя... С. 106—107.

³⁰ Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл России... С. 53.

³¹ Шелудько В.О., Черномаз В.А. Контрабанда алкоголя... С. 106—107.

³² Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл России... С. 55.

³³ Синиченко В.В. Криминальная составляющая...

³⁴ Обзор Приморской области за 1914 год. Владивосток, 1916. С. 103.

³⁵ Запрещение продажи водки... С. 40—41.

³⁶ Тимофеев О.И. Российско-китайские отношения в Приамурье (середина XIX — начало XX в.).

Благовещенск, 2003. [Электронный ресурс] // URL:

http://www.igpi.ru/center/lib/hist_tradit/east/china/Timofeyev2.html (дата обращения: 23.06.2014).

По данным анкетирования, проведённого статистическим отделом Приморского переселенческого района в 1914 г., контрабандный алкоголь употреблялся в 156 из 238 обследованных селений Приморской области (65,6%)³⁷. Контрабанда особенно развивалась на прилегающих к китайской границе землях Уссурийского казачьего войска. Как отмечали исследователи, «...ещё задолго до запрещения эта часть области служила местом, систематически наводняемым заграничным спиртом, и теперь, когда продажа водки объявлена нелегальной, она представляет собою уже русло, по которому контрабандная волна широким потоком проникает в соседние уезды»³⁸. Казаки массово вовлекались в занятия контрабандным промыслом, а станичные и поселковые атаманы казачьих войск нередко покровительствовали контрабандистам³⁹.

Менее всего спирт распространялся в наиболее удалённых от границы уездах Приморской области — Удском и Ольгинском. В Удский уезд спирт поступал только летом по Амуру и через Николаевск — по морю с Сахалина и из Японии, а Ольгинский уезд служил рынком сбыта сули — корейского напитка, изготавливаемого из риса, крепостью от 12° до 60°, стоившего от 20 коп. до 1 руб. 50 коп. за бутылку⁴⁰.

Контрабандную водку население заменяло или дополняло также денатуратом, политурой, лаком и напитками домашнего приготовления (медовуха, камзырь, хмельное пиво и др.). Среди русского населения несколько увеличилось число потребителей ханшина, так как он стоил почти в два раза дешевле спирта⁴¹.

За время проведения обследования средние цены на ведро контрабандного спирта выросли в два раза, достигнув максимума в 30 руб. за ведро в Ольгинском уезде, как наиболее удалённом от границы, в то время как самая низкая цена — 14 руб. 80 коп. за ведро — зафиксирована в Уссурийском казачьем войске. Цена на контрабандный спирт в среднем по области выросла на 11,5 руб. за ведро (на 111,5%) и на 1,38 руб. за бутылку (на 184%)⁴².

С целью снижения объёмов контрабандной торговли спиртным в августе 1915 г. было подписано русско-китайское соглашение о запрещении ввоза спиртных напитков в пределы 50-вёрстной приграничной с Россией полосы Маньчжурии, а в июне 1916 г. запрещена торговля спиртом в полосе отчуждения КВЖД. Однако принятые меры не ликвидировали контрабандный ввоз спиртных напитков, а лишь несколько снизили его, поскольку риск контрабандистов заключался только в непродолжительном аресте и выплате денежного штрафа, который покрывался доходом от продажи провезённого спирта⁴³. К тому же российские и китайские

³⁷ Запрещение продажи водки... С. 9.

³⁸ Запрещение продажи водки... С. 27.

³⁹ Кротова М.В. Борьба с контрабандной торговлей... С. 119.

⁴⁰ Запрещение продажи водки... С. 9, 26—27, 37.

⁴¹ Запрещение продажи водки... С. 36—37.

⁴² Запрещение продажи водки... С. 30—32.

⁴³ Кротова М.В. Борьба с контрабандной торговлей... С. 120; Дацышен В.Г. Из истории контрабанды... С. 19;

контрабандисты через подставных лиц, в качестве которых выступали японцы, ввозили алкоголь в пределы 50-вёрстной пограничной полосы, а затем тайно переправляли его на российский Дальний Восток через селение Новокиевское и через станцию Куанченцзы в Маньчжурии⁴⁴.

Снизившийся с 40 678 до 21 992 вёдер с 1913 по 1914 г. ввоз контрабандного спирта с маньчжурских заводов в 1915 г. вновь продемонстрировал устойчивый рост, достигнув показателя в 27 137 вёдер. Только за 1914 г. ввоз ханшина возрос в 11 раз (с 7 до 79 вёдер). Общий объём ввозимой ежегодно продукции составлял более 12 млн руб., а цены повысились в три раза: к началу 1917 г. ведро спирта стоило 11 руб.⁴⁵

Таким образом, в 1909—1913 гг. контрабандный ввоз спиртных напитков (спирт, водка, ханшин и др.) получил значительное распространение на российском Дальнем Востоке. Принятые русской администрацией меры не могли прекратить поступления спирта из Маньчжурии, кроме того, произошло падение производства местного спиртного, составлявшего конкуренцию нелегальному импортному. Запрещение торговли алкоголем в годы Первой мировой войны привело лишь к росту масштабов обращения контрабандных спиртных напитков на местном рынке.

Романова Г.Н. Экономические отношения... С. 115—116; Глуздовский В.Е. Приморско-Амурская окраина... С. 130.

⁴⁴ Синиченко В.В. Криминальная составляющая...

⁴⁵ Синиченко В.В. Криминальная составляющая...

Раздел 3. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: КУЛЬТУРА, РЕЛИГИЯ, ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКОВ

ВЛИЯНИЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА КУЛЬТУРНУЮ ЖИЗНЬ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ГОРОДОВ

Г.А. АНДРИЕЦ

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток*

В отечественной историографии, несмотря на значительное число работ, посвящённых военной, экономической, социально-политической истории и международным отношениям периода Первой мировой войны, проблемам культуры должного внимания не уделялось¹. Однако в последнее время учёные осознали необходимость исследования всей гаммы деформаций в развитии русской, в том числе региональной культуры военного времени, выявления реакции культуры на эти деформации и определения степени влияния войны на темпы и характер её развития в целом и на отдельные стороны и направления в частности². Определённый вклад в эти исследования должна внести данная статья, цель которой — показать влияние Первой мировой войны на культурную жизнь дальневосточных городов.

Социокультурное пространство в годы войны в большей мере поддерживало массовый позитивный настрой. Работая в собраниях, обществах, кружках, горожане организовывали культурно-просветительские программы, стремились стать полезными в данной деятельности.

Все культурные учреждения в военное время переведлись на определённый режим работы. Так, Особое оповещение по Владивостокскому крепостному району № 9 от 10 августа 1914 г. содержало приказ всем клубам и собраниям закрываться «... в 11 часов вечера, с тем, чтобы к указанному времени в них прекращались всякие игры и собрания и все посетители были из них удалены»³. Во всех ресторанах, клубах, собраниях, столовых и прочих увеселительных местах и заведениях, торговавших спиртными напитками на вынос, Особым оповещением по Владивостокскому крепостному району

¹ Бахтурина А.Ю. Окраины Российской империи: государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914—1917 гг.). М., 2004; Игнатьев А.В. Внешняя политика России. 1907—1914: Тенденции. Люди. События. М., 2000; История Первой мировой войны. 1914—1918 / под ред. И.И. Ростунова. В 2 т. М., 1975; Первая мировая война: Дискуссионные проблемы истории / отв. ред. Ю.А. Писарев, В.Л. Мальков. М., 1994; Первая мировая война. Исторический очерк / науч. рук.: В.Л. Мальков; отв. ред.: Г.Д. Шкундин. 2-е изд. М., 2005; Ростунов И.И. Русский фронт Первой мировой войны. М., 1976; Строчков А.А. Вооружённые силы и военное искусство в Первой мировой войне. М., 1974; и др.

² Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. Хабаровск, 1999; Семёнова Е.Ю. Культура Поволжья в годы Первой мировой войны (1914 — начало 1918 гг.): по материалам Самарской, Симбирской, Пензенской и Саратовской губерний. Самара, 2007; Её же. Влияние Первой мировой войны на мировоззрение, общественные настроения и поведенческие практики городского населения поволжских губерний Российской империи (июль 1914 г. — февраль 1917 г.): автореф. дис. ... докт. ист. наук. Саратов, 2013 и др.

³ РГИА ДВ. Ф. 164. Оп. 1. Д. 55. Л. 26 об.

№ 13 от 15 августа и № 14 от 18 августа 1914 г. запрещалась продажа всех спиртных напитков, в том числе пива⁴.

В связи с военными событиями многие здания собраний и помещения, до войны недоступные для простого народа, стали использоваться для устройства общедоступных вечеров, спектаклей и других развлечений. В период военного лихолетья разделение по сословному статусу утрачивало свою актуальность, для нужд населения подходили все имеющиеся помещения. Так, временно командующий войсками Новокиевского гарнизона разрешил местному отделу помощи раненым занимать помещение драгунского собрания для устройства спектаклей, вечеров и т.п. Выделенное под эти цели имущество (обстановка, вещи офицерского собрания драгун) передавалось под личную ответственность заместителю председателя отдела А.Г. Петровой и члену правления Н.И. Алпатову по описи.

Всё это вызвало волнения среди офицеров. Беспокойство по поводу использования дорогого, хотя и небольшого по своим размерам помещения драгунского собрания со зрительным залом, от лица офицеров высказал член Новокиевского отдела Общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям полковник Кузьмин, который считал драгунское собрание не приспособленным для оставшейся в Новокиевске «простой публики»: нижних чинов, крестьян, досмотрщиков, корейцев, китайцев. Офицеры считали, что имевшегося в Новокиевске значительно больших размеров, чем драгунское собрание, помещения театра 7-го Сибирского стрелкового полка, снабжённого чайной и курительной комнатами и специально предназначенного для развлечений простого народа было бы вполне достаточно⁵.

Удалённость дальневосточных городов на тысячи километров от полей сражений в Европе поначалу избавляла их жителей от прямой вовлечённости в войну, но её воздействие на города оказалось более значительным, чем во время конфликта с Японией 1904—1905 гг. Отдалённый грохот войны создавал обстановку тревоги и неуверенности, которая проникала и в дома, и в сердца людей, что сказывалось на культурной жизни дальневосточного региона. В тяжёлое для страны военное время деятельность культурных учреждений в дальневосточных городах характеризовалась стремлением предоставить людям возможность получать информацию и заниматься благотворительностью.

Особую популярность в годы Первой мировой войны приобретают лекции и чтения по вопросам истории России и международного положения. Показателен организованный в феврале 1917 г. во Владивостокском Морском собрании лекторий по военной тематике — «Япония и Приамурье», «Китай и современная Европейская война», «Морской бой 20—21 мая 1916 г. и его влияние на войну», «Обзор морских событий в 1916 г.», «Подводная война» и другие. Первые две лекции читал профессор Восточного института Н.В. Кюнер⁶.

⁴ РГИА ДВ. Ф. 164. Оп. 1. Д. 55. Л. 28.

⁵ РГИА ДВ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 6. Л. 12, 12 об., 13, 13 об.

⁶ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 12. Д. 774. Л. 11.

Лекции о влиянии войны на жизнь общества не только давали возможность горожанам быть в курсе военных событий, но и помогали осмыслить комплекс невзгод, задуматься над различными аспектами жизни, а также определиться с собственной позицией. Это способствовало приобщению части городского сообщества к благотворительности и самореализации на основе просветительства. К примеру, 21 мая 1916 г. прошёл «день служащих в пользу воинов-сибиряков» с концертом-кабарэ в театре, закончившийся к 3 часам ночи, а 5 ноября — благотворительный спектакль Комиссии фонда торгово-промышленных служащих в фонд рождественских подарков для фронтовиков⁷. В июне 1916 г. сад Благовещенского общественного собрания предоставили в распоряжение Комиссии по призрению семейств запасных нижних чинов и ратников ополчения для устройства лотереи-аллегри⁸. В ноябре 1917 г. собирала аншлаги поставленная на сцене Собрания приказчиков г. Владивостока любителями драматического искусства пьеса А.Н. Островского «Лес». Сборы от постановки направлялись в пользу Союза раненых и эвакуированных с фронта. На спектакле 27 ноября присутствовали американские гости — адмирал Найт с адъютантом и консул мистер Колдвелл; играл оркестр с американского крейсера⁹.

Посещение благотворительных культурных мероприятий в военное время стало важным для каждого горожанина. Жившая во Владивостоке американка Э.Л. Прей долгие годы вспоминала, как в апреле 1916 г. в Пушкинском театре она слушала любительское исполнение «Травиаты», устроенное женою адмирала порта г-жой Римской-Корсаковой в пользу сирот военно-морского флота¹⁰. Театр, как составляющая социокультурного пространства, в годы войны становился местом приложения сил для любителей-исполнителей, которые самореализовывались на сцене и помогали пострадавшим от войны людям, посещавшим данные мероприятия.

Театр влиял на формирование у горожан чувства патриотизма. Однако для постановки спектаклей на театральных сценах требовалось особое разрешение. Так, в список драматических произведений (всего 107 пьес), одобренных к представлению на сценах народных театров, в 1913 г. были включены пьесы М. Горького «Васса Железнова», «Мещане», «На дне», драмы А.И. Сумбатова «Соколы и Вороны», «Старый закал», «Цепи», сказки Н.И. Тимковского «Царевна Горошина» и Н.В. Денисова «Подснежник», исторические пьесы А. Ульянова «Враг Отечества» и В.А. Мазуркевича «Наполеон после Бородина» и др.¹¹ В 1914 г. по личному ходатайству члена Театрального общества А. Северской-Сигулиной разрешалась постановка в г. Владивосток, Никольск-Уссурийский, Хабаровск, в с. Спасское, на ст. Иман, Вяземская, Бикин и Гродеково пьесы «Царь Иудейский» (за № 956 от

⁷ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 566. Л. 64, 225.

⁸ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 384. Л. 660—661; Д. 566. Л. 54.

⁹ Голос Приморья. Владивосток, 1917. 30 нояб. (13 дек.)

¹⁰ Прей Э.Л. Письма из Владивостока (1894—1930). Владивосток, 2008. С. 118.

¹¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 454. Л. 1—7.

21 августа 1914 г.) с благотворительной целью в пользу семей погибших и раненых воинов¹².

Накануне и в годы Первой мировой войны использование форменной одежды воинских частей в театральных постановках не допускалось. Поводом к такому запрету послужил инцидент, прошедший 14 января 1914 г. на сцене театра «Мозаика» (г. Благовещенск), где артист местной труппы Адамов выступал на сцене «с исполнением куплетов из солдатской жизни». «Наружность солдата», одетого в форму одного из полков 10-й Сибирской Стрелковой дивизии «имела карикатурный вид», что, по мнению начальника этой дивизии, было недопустимо. Соответствующий запрет утвердил 22/23 января 1914 г. военный губернатор Амурской области В.А. Толмачёв, № 1616¹³.

Определённое место в культурной жизни городов занимали выставки. В годы войны значительное количество экспозиций посвящалось военной тематике. Например, летом 1915 г. разные предметы военного снаряжения были представлены в большом зале Городского дома в Хабаровске¹⁴. Статистика посещаемости выставок и формирования новых экспозиций, посвящённых войне, свидетельствует о проявлении интереса местного населения к современным историческим событиям. Работа по созданию выставок выразила потребность части горожан стать полезными.

Большую работу по оказанию благотворительной помощи и призрению семейств, призванных на войну лиц проводили образованные в городах Попечительства и отделения Приморского областного комитета по сбору пожертвований на помощь больным и раненым воинам и их семьям, семьям запасных, призванных на войну, а также семьям погибших и увечных воинов. Во Владивостоке городское Попечительство, образованное в конце ноября 1914 г., фактически начало свою деятельность со 2 декабря 1914 г.; в Никольске-Уссурийском — в сентябре 1914 г. (до объявления в области мобилизации войск и призыва на службу запасных нижних чинов); Хабаровское городское Попечительство о семьях запасных нижних чинов — в конце октября 1914 г.¹⁵

В Попечительства поступали пожертвования от различных общественных и культурных учреждений. Так, во Владивостокское городское попечительство по призрению семейств мобилизованных нижних воинских чинов в военное время пожертвования поступали от Владивостокского общества спорта (100 руб. за июнь 1916 г.), от Владивостокского собрания приказчиков (25 руб. за июль 1916 г.), от г. Бернадского — чистый сбор от устройства музыкально-вокального детского утра 6 марта 1916 г. в Пушкинском театре (435 руб. 93 коп. за март 1916 г.), от Е.М. Долина — 15% со сбора от маскарада 19 февраля 1916 г. (50 руб. 68 коп. за февраль 1916 г.), от Е.М. Долина — 15% со сбора от

¹² РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 11. Д. 524. Л. 1—4.

¹³ РГИА ДВ. Ф. 704. Оп. 7. Д. 759. Л. 18—20.

¹⁴ Приамурские ведомости. Хабаровск, 1915. 25 авг.

¹⁵ РГИА ДВ. Ф. 155. Оп. 1. Д. 30. Л. 33, 35, 36 об.

маскарада 2 января 1916 г. (9 руб. 90 коп. за февраль 1916 г.), от Попечительного комитета подготовительной школы и детского сада Собрания приказчиков (50 руб. за январь 1916 г.)¹⁶.

Всего в счёт частных пожертвований со 2 декабря 1914 г. по 1 июня 1916 г. вошли суммы: от устройства спектаклей, концертов, лотерей-аллегри и чтения лекций — 3750 руб. 91 коп., от общественных организаций (Общества спорта, Городского комитета и Собрания приказчиков) — 4622 руб. 12 коп.¹⁷ Следует отметить, что из всех пожертвований за этот период помощь от благотворительных культурных мероприятий и деятельности культурных учреждений на военные нужды оказалась самой значительной.

Все собранные средства расходовались в соответствии с потребностями военного времени и в основном шли на выдачу единовременных пособий, на медицинскую помощь, на содержание детского приюта попечительства, на похороны, на квартирные пособия, на жалование служащим, на счёт продовольственного пособия. Существенная помощь оказана детям запасных нижних чинов в 1914 г. со стороны попечительства (г. Владивосток) в сумме 2963 руб. 89 коп., из которых на подарки всем детям к праздникам Рождества Христова и Святой Пасхи израсходовали 273 руб. 72 коп.¹⁸

Случались и негативные факты при раздаче подарков. Например, в 1916 г. Новокиевским отделением состоявшего под Высочайшим Его Императорского Величества покровительством Комитета по сбору пожертвований на оказание повсеместной помощи пострадавшим на войне, прошла с благотворительной целью рождественская ёлка с бесплатной раздачей подарков для бедных детей. Всё население, «исключительно крестьянское и оставшиеся семьи солдат, проливающих кровь за Родину, и из них есть очень бедные, однако они были обойдены и ушли со слезами...» Все собранные для бедных подарки и даже ёлочные украшения были несправедливо розданы членам Комитета¹⁹.

Ряд культурных учреждений, осуществлявших до войны работу в интересах своих служащих и их семей, с началом войны стали выполнять просветительскую миссию в интересах широких слоёв социума. Горожан пытались знакомить с культурными традициями, дать элементарные естественнонаучные представления об окружающем мире, повысить их образовательный уровень, усилить физическое воспитание. Так население Дальнего Востока адаптировалось к условиям военного времени.

К примеру, несмотря на отдалённость края, спортивная жизнь Приамурья была тесно связана с общественно-политической жизнью России. События Первой мировой войны не прекратили занятия спортом, а, наоборот, активизировали работу военно-спортивных комитетов, спортивных обществ и кружков, усилив их военно-прикладное назначение.

¹⁶ РГИА ДВ. Ф. 155. Оп. 1. Д. 30. Л. 152 об., 162 об., 95 об., 85 об., 75 об.

¹⁷ РГИА ДВ. Ф. 155. Оп. 1. Д. 30. Л. 136 об.

¹⁸ РГИА ДВ. Ф. 155. Оп. 1. Д. 30. Л. 33 об. — 34.

¹⁹ РГИА ДВ. Ф. 90. Оп. 1. Д. 6. Л. 16—16 об.

Правительство России предполагало создать сеть военно-спортивных комитетов при спортивных обществах и учебных заведениях. Так, в апреле 1916 г. в г. Благовещенск начал работу военно-спортивный комитет Амурской области. В состав правления вошли: военный губернатор К.Н. Хагондоков — председатель, командир 301-й Вятской пехотной дружины Л.А. Болдок; пограничный комиссар Амурской области полковник Н.А. Спешнев; директор Благовещенской мужской гимназии Н.П. Покровский — товарищ председателя; директор Благовещенского реального училища И.Г. Гордиенко — кандидат в товарищи председателя; ректор Благовещенской духовной семинарии протоиерей А.А. Миролюбов; директор Благовещенской учительской семинарии Д.В. Солодов; инспектор народных училищ Н.Д. Кульвановский, инспекторы 1-го и 2-го высших начальных училищ П.Н. Мизгирев и Э.А. Максимов, инспектор Большого ремесленного училища им. Муравьёва-Амурского Г.Ф. Орлов; вице-президент Амурского общества поощрения коннозаводства П.И. Игнатьев — товарищ председателя; представитель Амурского охотничьего общества и директор Русско-Азиатского банка Н.А. Барашев — казначей Комитета, представитель Благовещенского пожарного общества М.П. Коробов, представитель Благовещенского общества туристов П.А. Малых; благовещенский городской голова И.Д. Прищепенко²⁰.

В 1914 г. произошло слияние Благовещенского общества спорта с Обществом туристов в единую, крупную, спортивную организацию — Амурское общество спорта, туризма и военной подготовки. Сад общества стал первым и основным местом проведения спортивных мероприятий. Общество существовало не только на собственные средства (взносы, плата за входные билеты и т.д.), но и на пожертвования простых горожан, интеллигенции и предпринимателей²¹. В соответствии с утверждённым 8 декабря 1915 г. Положением о мобилизации спорта с 1916 г. Владивостокское общество спорта возложило на себя задачу допризывной подготовки к военному строю²².

Школьному физическому воспитанию уделялось большое внимание. Прежде всего оно было представлено «сокольской» гимнастикой. Во дворах учебных заведений г. Благовещенск оборудовались спортивные городки с гимнастическими снарядами. Занятия проводились даже в зимнее время, особенно в казачьих школах, и носили характер военно-прикладной подготовки. При строительстве казачьих школ спортивные городки для занятий гимнастикой были обязательным условием²³.

События Первой мировой войны не оставили равнодушными гражданское население Хабаровского края, в том числе детей, которые также стремились поддержать фронтовиков. Так, к Новому 1915 г. учащиеся

²⁰ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 463. Л. 50—51.

²¹ Кашуба С.А. Физкультура и спорт в Благовещенске. Конец XIX — начало XX вв.: Серия «Благовещенск. Из века в век». Благовещенск, 2006. С. 93.

²² РГИА ДВ. Ф. 28. Оп. 1. Д. 491. Л. 2, 3, 14.

²³ Кашуба С.А. Физкультура и спорт в Благовещенске... С. 16.

Хабаровского реального училища отправили большие партии подарков бойцам 6-й Сибирской стрелковой дивизии. Местная газета опубликовала телеграмму генерал-майора Чашина, который благодарил директора училища Кедровского за поддержку бойцов. Официальные власти и общественность края, поднимая патриотизм населения, создали «Приамурский комитет по оказанию помощи раненым, больным и увечным воинам и их семьям». Только за первые полгода своей деятельности Комитет собрал более 150 тыс. руб. и организовал Приамурский передовой врачебно-санитарный отряд, отправив его на фронт. Рядовые граждане Хабаровска жертвовали на нужды армии по подписным листам. Проводились кружечные сборы, патриотические вечера. Одним из центров движения стал Хабаровский графа Муравьёва-Амурского кадетский корпус, где следили за картой боевых действий, проводили благотворительные концерты²⁴.

В целях воспитания у подрастающего поколения патриотизма, любви к Царю и Отечеству 30 апреля 1915 г. во Владивостоке для всех учащихся состоялся общешкольный праздник по случаю окончания учебных занятий и «о даровании победы доблестному всероссийскому победоносному воинству» с провозглашением вечной памяти погибшим. Более 3000 мальчиков и девочек из 29 местных начальных школ в форменных костюмах в сопровождении учителей после торжественного молебствия с портретами императора и царствующих лиц, с национальными флагами и флагами союзных держав совершили торжественное шествие по Светланской улице с пением «Коль славен наш Господь». Прежде всего колонна учащихся проследовала к дому военного губернатора, где под звуки двух военных духовых оркестров — Сибирского флотского экипажа и 1-го Артиллерийского крепостного полка — прозвучал гимн «Боже, Царя храни». Затем торжественная процессия направилась к местным консульствам союзных с Россией держав и к коменданту крепости, где исполнили соответствующие гимны и песни «Многие лета», «Гей, славяне», «В ногу, ребята», «Братья славяне». В заключение праздника в пользу Приамурского комитета по оказанию помощи раненым, увечным и больным воинам и их семьям организаторы провели лотерею-аллегри, беспроигрышную лотерею с аукционом вещей и патриотический концерт²⁵.

Таким образом, Первая мировая война оказала существенное влияние на культурную жизнь дальневосточных городов. Культурная и благотворительная деятельность любительских организаций направлялась в помощь пострадавшим во время военных действий. Наблюдалось преобладание военной тематики. События Первой мировой войны определили приоритет военно-спортивного направления в деятельности спортивных обществ, а также их роль в допризывной физической подготовке населения.

²⁴ Бурилова М.Ф. Общество старого Хабаровска (конец XIX — начало XX вв.): по семейным фотоальбомам и прочим раритетам. Хабаровск, 2007. С. 48—49.

²⁵ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 527. Л. 7—7 об., 24.

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ АМУРСКОГО И УССУРИЙСКОГО КАЗАЧЕСТВА НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

В.С. ТОКМАКОВ

*Амурская государственная медицинская академия Минздрава РФ,
г. Благовещенск*

В преддверии столетия начала Первой мировой войны особую актуальность в научных кругах приобретает обращение к этому, во многом ключевому для истории всего XX в. событию. Военно-стратегические и общественно-политические аспекты её истории представляются уже достаточно хорошо изученными как в историографии прошлого столетия, так и в новейших исследованиях¹. Недостаточным, на наш взгляд, является изучение повседневной жизни «тыла» в военный период. В литературе мы встречаем общие замечания по поводу социально-экономической и общественно-политической жизни в регионах, но от нас ускользает целостная картина происходившего. Тем временем не вызывает сомнения непосредственное влияние последствий боевых действий на повседневную жизнь подданных всей Российской империи, в том числе и на Дальнем Востоке.

Амурское и Уссурийское казачество вместе с другими войсками сыграло активную роль в борьбе вооружённых сил империи на фронтах Первой мировой войны. В эпицентре мировых событий дальневосточные казаки оказались уже окончательно сформировавшейся региональной общностью, что непосредственно сказалось и на обстановке на Восточной окраине России.

Задача настоящей статьи — попытка описать основные изменения повседневной жизни дальневосточного казачества под влиянием войны.

Первостепенной задачей в любое время для казачьих войск было комплектование строевых частей, особенно актуализировавшееся с началом войны. Но всегда существовала проблема недоукомплектования. В 1913 г. некомплектность войскового казачьего состава достигала 43,7%, т.е. по сравнению с 1912 г. (30%) увеличилась на 13,7%.

Причинами недоукомплектования были предоставленные казакам льготы на увольнение по семейному или имущественному положению. После пополнения полка до штата эта убыль возмещалась за счёт нижнепредельных. В число назначенных на укомплектование полка попадали малообеспеченные казаки, которые, прослужив год или менее, войсковым начальством отпускались на льготу, как единственные в семьях работники. Также брали в наряд больных и почти неспособных к службе

¹ Головин Н.Н. Россия в Первой мировой войне. М., 2006; Залесский К.А. Первая мировая война: энциклопедия в 2-х частях. М., 2014; Уткин А.И. Первая мировая война. М., 2013; Пестушко Ю.С. Российско-японские отношения в годы Первой мировой войны (1914—1917). Хабаровск, 2008; и др.

казаков, которые, пробыв один—два месяца, увольнялись комиссиями со службы временно или как неспособные к ней вовсе².

От службы освобождались представители казачьей интеллигенции: врачи, учителя, агрономы, ветеринары. Студенты получали отсрочку от призыва. Например, вследствие имевшегося ходатайства, казаку станицы Гродековской УКВ Василию Бочарову, 1914 г. срока службы, как состоявшему студентом Томского технологического института императора Николая II, дали отсрочку по отбыванию воинской повинности до 1 января 1915 г.³ Будущий войсковой атаман И.М. Гамов, учитель из Верхнеблаговещенского посёлка, не получивший боевой подготовки, во время Первой мировой войны являлся депутатом IV Государственной думы, а также вольнослушателем Петербургского университета с 1915 г.⁴

Муштра, бытовая неустроенность, характерные для воинских контингентов, были свойственны и дальневосточному казачеству. Главным недостатком в полку являлось санитарное состояние: скученность размещения нижних чинов из-за отсутствия достаточного числа жилых помещений, особенно в первую половину года, когда прибывало молодое пополнение. Неизбежное следствие такой скученности — трудно устранимое загрязнение помещений и заражение воздуха. В полку не было столовых, за исключением третьей сотни.

В отчёте по Амурскому конному казачьему полку за 1913 г. зафиксировано, что «в 1-й и 3-й сотнях здания очень ветхие и плохо держат тепло в зимнее время. Совсем нет прачечных и бань, зимой нижние чины стеснены в отношении стирки белья и опрятного содержания тела. Посещение торговых бань, вследствие их грязного содержания, способствует появлению чирьев на теле. Большинство казаков спит на нарах тесно. Другим крупным санитарным недостатком является наличие у казаков одной смены тюфяков и нижних подушечных наволочек, которые большей частью года остаются грязными. Моются последние два раза в год весной и осенью. Кухни холодные и находятся в одном помещении с хлебопекарнями»⁵.

На людских ресурсах войск сказывались последствия кровопролитных боевых действий. Одна часть служивших выбывала из строя по причине гибели или увечья, набрать новых с течением времени, учитывая проблемы с комплектованием ещё накануне Первой мировой войны, становилось всё сложнее. Поэтому число строевых 2-го Амурского казачьего полка в течение 1916 г. сократилось с 447 до 439 чел., а старших приготовительного разряда — с 54 до 49 чел.⁶

Неотъемлемой частью повседневной жизни тыла в военное время стала поддержка сирот и увечных казаков, вменённая в обязанность местной администрации. В предписании есаула Федотьева Николаевскому

² ГАХК. Ф. 199-и. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

³ ГАХК. Ф. 286-и. Оп. 1. Д. 36. Л. 19 об.

⁴ Пушкарев В.А. Булаве предпочёл указку. Извилистая жизнь амурского атамана Гамова // Родина. 2014. № 1. С. 121.

⁵ ГАХК. Ф. 199-и. Оп. 1. Д. 1. Л. 3 об., 5.

⁶ РГИА ДВ. Ф. 951. Оп. 2. Д. 29. Л. 2—9.

станичному правлению АКВ говорилось о необходимости «...1 числа каждого месяца представлять в войсковое правление следующие сведения: 1) список казаков из числа эвакуированных с театра военных действий, утративших способность к труду с обозначением грамотности, владения каким-либо ремеслом, с обозначением состава его семьи; 2) списки детей-сирот, оставшихся после убитых или умерших от ран казаков, с указанием, кто из них нуждается в помощи»⁷.

Решались вопросы опекунов над детьми и имуществом. Так, 13 сентября 1915 г. мать сирот Марии, Анны, Ивана, Максима и Павла Дейниковых Евдокия Кондратьева (позже Кондрашенкова) и муж её В.Л. Кондрашенков выдали настоящую подписку опекуну над вышеупомянутыми сиротами казаку хутора Гродеково Я.Л. Прусакову. Стоимость опекаемого имущества сирот, вверенного ему, составляла 422 руб. 50 коп.⁸

Накануне Первой мировой войны в ходе продолжавшейся колонизации приграничных территорий весьма актуальным был вопрос финансирования новопоселенцев. По этому поводу в приказе по УКВ за 1914 г. говорилось о том, что нужно «испросить Высочайшее соизволение на отпуск из общего войскового капитала УКВ сверхсметным кредитом 12 200 руб. для выдачи в 1914 году переселенцам-казакам сего войска, выходящим на службу в 1915 году, ссуд и пособий в размере не выше 200 руб. одному лицу, вне зависимости от того, что обеспечивается ссуда или нет наличным имуществом и поручительством»⁹. Относительно тех, кто не мог рассчитаться по долгам, правила о призрении казачьих семейств в связи с мобилизацией от 9 августа 1914 г. предписывали следующее: «...все общественные недоимки и долги, числящиеся за нижними чинами войскового сословия, семьям коих на основании оказывается призрение, если не могут быть сложены, — отсрочиваются на льготных, по возможности, основаниях до тех пор, пока производится означенное призрение»¹⁰.

Если в мирное время обеспечение казаков пособиями подвергалось критике в печати, то в годы войн оно оказалось, на наш взгляд, эффективным средством поддержания представителей войскового сословия. К примеру, для льготных казаков 2-й очереди учреждались пособия: конным по 200 руб., пешим по 50 руб.; молодым казакам и казакам младших возрастов строевого разряда, а также льготным казакам 3-й очереди: конным по 300, пешим по 75 руб.; казакам запасного разряда и войскового ополчения: по 300 и по 100 руб. соответственно¹¹.

Верстались в казаки в это время и представители других сословий. Зачислен в войсковое сословие УКВ и был водворён в посёлок Софье-Алексеевский Гродековского станичного округа мещанин г. Владивосток

⁷ РГИА ДВ. Ф. 951. Оп. 2. Д. 29. Л. 14—14 об.

⁸ РГИА ДВ. Ф. 951. Оп. 2. Д. 27. Л. 2, 3.

⁹ ГАХК. Ф. 286-и. Оп. 1. Д. 35. Л. 365.

¹⁰ ГАХК. Ф. 286-и. Оп. 1. Д. 35. Л. 24.

¹¹ ГАХК. Ф. 286-и. Оп. 1. Д. 54. Л. 47.

Василий Иванович Зеленский 38 лет, с детьми, на общих основаниях, т.е. без права получения ссуд и пособий от казны и войска¹². Другой пример: в казаки перешёл крестьянин села Чемужевка, Замостянской волости в водворением в посёлок Павло-Федоровский Донского станичного округа, также на общих основаниях¹³. Важен сам факт перехода крестьян и представителей других сословий в казаки даже во время Первой мировой войны, причём происходившего на общих основаниях. Хотя имелись и противоположные случаи. Например, был исключён из войскового сословия казак посёлка Графское Донского станичного округа Иннокентий Плотников по причине зачисления в мещане г. Владивосток¹⁴.

Анализ качественного состава переселенцев по материалам приказов по АКВ и УКВ выявил неоднократные случаи выборки малоподготовленных людей для заселения пустующих территорий. Установлено также, что в начале XX в. и в годы Первой мировой войны в частности, было развито отходничество, а в городах жило много неустроенных казаков.

К 1914 г. проводимая Русской православной церковью политика ограничения в отношении раскольников способствовала тому, что абсолютное большинство казачьего населения являлось ортодоксальными православными христианами. По сравнению с 1913 г. число раскольников в войске не увеличилось. Всего на землях Уссурийского казачьего войска было 14 церквей и 24 часовни, сооружённых исключительно на средства казаков; всё православное население распределялось между 14 церковными приходами, в среднем по 3017 чел. на одну церковь¹⁵.

К концу 1914 г. по количеству функционировавших начальных школ территория УКВ была фактически подготовлена к введению всеобщего. Здесь на 75 станиц и посёлков приходилось 70 школ¹⁶. Учебных заведений не имели лишь небольшие по количеству жителей посёлки, образованные за 5—6 лет до войны.

В то же время образования, получаемого в начальных казачьих школах, не давало учившимся в них детям достаточного кругозора. Проверочные данные свидетельствовали о том, что большинство учащихся не были знакомы с историей и географией области и войска. Опрошенные казачата не могли ответить, в какой области они проживают, к какому войску принадлежат, «...не умели твёрдо титуловать Высочайших Особ, не знали кто Военный губернатор, Генерал-Губернатор, кто Наказной Атаман, Войсковой Наказной Атаман, Военный Министр». При этом качественно педагогический состав, по крайней мере, формально, был хорошим. В Уссурийском казачьем войске в 1914 г. из 89 учителей только 7 не имели специального образования.

¹² ГАХК. Ф. 286-и. Оп. 1. Д. 36. Л. 67 об.

¹³ ГАХК. Ф. 286-и. Оп. 1. Д. 42. Л. 7.

¹⁴ ГАХК. Ф. 286-и. Оп. 1. Д. 42. Л. 2.

¹⁵ ГАХК. Ф. 286-и. Оп. 1. Д. 39. Л. 5.

¹⁶ ГАХК. Ф. 286-и. Оп. 1. Д. 39. Л. 15.

Следующая выдержка из приказа наказного атамана показывает стремление администрации УКВ в довоенный период охватить начальным обучением максимальное число казачьих детей. «Приказываю вообще посольным атаманам ежегодно составлять во всех посёлках списки детей обоёго пола, достигших учебного возраста, для поступления в школу и передавать их к началу учебного года учителям. Уклоняющимся от посылки детей в школы учителям доносить, для доклада мне. Освобождению подлежат временно только при приговорах общества через инспектора школ. Вообще требовать, чтобы в казачьих школах обращалось как можно больше внимания на воспитание учеников в казачьем духе»¹⁷.

Война внесла существенные коррективы в развитие школьной сети, где отмечалась большая текучесть кадров. Нередко наличие учителя определял сам факт существования школы. Уже к концу 1914 г. в Амурском казачьем войске не работала каждая третья школа в связи с мобилизацией учителей на фронт. Педагогический состав формировался не только из представителей казачьего сословия, учительство последних, как отмечалось выше, засчитывалось за очередную службу¹⁸.

Морально-нравственный облик дальневосточного казачества в начале XX в. хотя и характеризовался в целом как удовлетворительный, всё же оставался далеко не самым лучшим. Содержавшиеся в документах сведения о правонарушениях и мерах по борьбе с ними наглядно подтверждают наличие последних в войсках. Так, в постановлении Приамурского генерал-губернатора от 28 января 1914 г. запрещалось: нарушение общественной тишины и порядка; появление в публичных местах в нетрезвом виде, нарушая благопристойность; вторжение в чужое жилище. Виновные в нарушении этих обязательных постановлений подвергались в административном порядке денежному штрафу до 3 000 руб. или тюремному заключению сроком до трёх месяцев¹⁹.

Имели место не только контрабандная торговля, бытовые правонарушения, дисциплинарные проступки, но и более серьёзные нарушения в границах войсковой иерархии. Например, хуторской атаман казак С.М. Марков допустил превышение власти, выразившееся в обсуждении на хуторском сборе 12 сентября 1916 г. действий станичного атамана Бородина и в производстве дознания о действиях его по жалобам казаков: Николая Куликова, Семёна Бодрова и Якова Дрокина. Марков предан Благовещенскому окружному суду²⁰. Постановлением Наказного атамана АКВ от 16 ноября 1916 г. Михайловский хуторской атаман Фёдор Карякин за должностное преступление — содействие арестованным контрабандистам — отстранён от должности²¹.

¹⁷ ГАХК. Ф. 286-и. Оп. 1. Д. 49. Л. 3.

¹⁸ Коваленко А.И. Культура казачества восточных окраин России (XVII — начало XX в.). Благовещенск, 2008. С. 135.

¹⁹ ГАХК. Ф. 286-и. Оп. 1. Д. 36. Л. 44 об. — 45.

²⁰ РГИА ДВ. Ф. 965. Оп. 1. Д. 5. Л. 50.

²¹ РГИА ДВ. Ф. 802. Оп. 1. Д. 1. Л. 181.

В большинстве своём совершались малозначительные преступления и проступки, подсудные мировым судьям, например: у кого-то отобрали бутылка контрабандного спирта, кто-то обвиняется в быстрой езде и т.д. От имени Иннокентьевского станичного атамана 1 февраля 1916 г. доносили следующую информацию: управляющий местной таможенной заставой заявил, что в доме Матвея Судакова на проходящего досмотрщика Иннокентьевской заставы Терентия Путяжкина набросились Андрей Каргин и с ним ещё несколько казаков, нанесли ему побои и отобрали револьвер²².

Время от времени приходили вести с фронта, которые не только информировали людей, но также поддерживали высокий морально-волевой настрой казачьего населения. В телеграмме командира первого Амурского казачьего полка сообщалось о том, что его «...полк доблестно ходил в штыковую атаку, нанёс поражение врагу, взяв пленных, два пулемёта. Офицеры целы, нижних чинов убито 11, ранено и контужено 42»²³. Командир полка Е.Г. Сычѳв телеграфировал 31 июля 1916 г. о 10 убитых и 18 раненых казаках в боях 26—29 июля²⁴; за три недели до этого, 8 июля, погибли 11, было ранено и контужено 48 казаков²⁵. Подобного рода информация специальными приказами наказного атамана доводилась до сведения личного состава всех особых сотен и отдельных команд, а также населения станиц и посѳлков АКВ.

В Амурской области удельный вес призванных в армию из числа сельского населения по отношению ко всем остальным составлял 12,5%, в Приморской — 10,8%. Показатель призванных в армию к общему числу всех мужчин в Амурской области был 23,5%, в Приморской — 20,1%, а к числу трудоспособного населения — 55,8 и 43,4% соответственно. Приведѳнные данные сопоставимы с показателями многих губерний России, не сильно они отличаются от общероссийских показателей: 11,2, 22,6 и 47,4%²⁶. Такие трудовые потери для экономики региона были довольно ощутимыми. В целом экономика казачьих хозяйств, в силу того, что процент казаков ушедших на службу стал выше, нежели среди крестьян, намного быстрее приходила в упадок.

Помимо запустения казачьего хозяйства из-за длительного отсутствия работников-мужчин, а в случае гибели кормильца это обрекало семью казака на разорение, мировая война способствовала разрушению традиционных норм, ценностей и представлений войскового населения. Ментальные установки казачек, надолго остававшихся единственными хозяйками на землях своих семей, менялись порой довольно радикально²⁷.

²² РГИА ДВ. Ф. 802. Оп. 1. Д. 1. Л. 4, 14.

²³ ГАХК. Ф. 286-и. Оп. 1. Д. 52. Л. 30 об.

²⁴ Кильчанский В.Г. Амурское казачье войско в 1914—1917 гг. // Амурские казаки. В 2 т. Благовещенск, 2008. Т. 1. С. 238.

²⁵ Кильчанский В.Г. Амурское казачье войско... С. 238.

²⁶ Головин Н.Н. Россия в Первой мировой войне. С. 139—141.

²⁷ Акоева Н.Б. Повседневная жизнь Кубанского казачьего войска на рубеже веков. Славянск-на-Кубани, 2006. 280 с.

Читая и анализируя приказы по войскам, неопубликованные материалы правлений, содержащие множество интересных частных сведений и общих замечаний, мы делаем вывод о том, что повседневная жизнь шла своим чередом, разумеется, с поправкой на военное время. Первая мировая война истощала экономические, человеческие и культурные ресурсы Амурского и Уссурийского казачьих войск. Однако ещё более страшные последствия имело вовлечение дальневосточных казаков в 1918 г. в активную революционную борьбу и братоубийственную войну. В данном контексте ещё более убеждает вывод современной общероссийской историографии о том, что окончательно подорвала российскую экономику не война, а революция и затем Гражданская война.

ВЛИЯНИЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА НАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В ПРИМОРЬЕ

И.В. ПЧЕЛА

Дальневосточный федеральный университет, г. Уссурийск

В начале XX в. в Приморье удалось достичь значительных успехов в ликвидации неграмотности и малограмотности. Органы краевой и местной власти, местное население предпринимали энергичные усилия для открытия новых начальных и средних школ, расширяя возможности для достижения всеобщего начального образования в соответствии с Законом 1909 г. На Дальнем Востоке России реализовывалась программа выделения кредитов на школьное строительство, из центральных регионов страны начался приток квалифицированных кадров. Однако с началом войны поступательное развитие дальневосточной школы приостановилось.

В первый год войны система образования ещё работала «по инерции», и открытие церковно-приходских школ продолжалось. Так, в 1914/15 учебном году к занятиям приступили учащиеся шести новых 1-классных церковноприходских школ, из которых две были открыты во Владивостоке (школа на 142-й высоте Владивостокской крепости и школа при храме «В память убиенных воинов в войну 1904—1905 гг.»). Распахнули свои двери школы в с. Спасское и в урочище Барабаш. Новое кирпичное здание Спасской школы стоимостью 20 тыс. руб. строилось в течение четырёх лет, благодаря энергичной деятельности заведующего школой священника Н. Вотчинского и сельского общества¹. Строительство 2-классной церковноприходской школы в Барабаше стоимостью 7 тыс. руб. успешно завершилось благодаря хлопотам попечителя школы, учёного-лесоведа Т.Л. Гродецкого².

Однако вскоре народное образование края, как и по всей стране, оказалось в глубоком кризисе. Сократилось финансирование народного просвещения, т.к. война поглощала всё больше казённых средств, а сельское население в массе своей беднело и уже не могло нести бремя расходов на «школьные нужды» в прежних размерах. Так, из «Приговора № 1 Камень-Рыболовского сельского схода» следует, что 65 домохозяев, собравшись на сход 8 января 1917 г., обсудили вопрос о необходимости постройки в своём селе нового здания трёхкомплектной церковноприходской школы. В связи с этим они ходатайствовали о выделении безвозвратного пособия в сумме 7500 руб. из государственного казначейства и ссуды в 10 600 руб. сроком на 40 лет. Остальную сумму 4525 руб. деньгами и материалами, согласно смете и плана, сельское общество гарантировало изыскать из собственных средств³.

В большинстве же населённых пунктов края наблюдались прямо противоположные тенденции: школы либо закрывались совсем, либо

¹ Березкина Н.И. Это нашей истории строки. Владивосток, 1999. С. 15.

² Березкина Н.И. Это нашей истории строки... С. 15.

³ Архив администрации Ханкайского района. Ф. 3. Д. 208. Л. 30—32.

значительно сокращался контингент учащихся. Особенно страдали начальные учебные заведения в сельских районах края, где большую часть мужского населения мобилизовали на фронт, и многие крестьянские семьи остались без кормильцев и работников.

Одна из старейших жительниц края Н.И. Елхова перечислила по памяти около двух десятков дворов в с. Анучино, хозяева которых «пошли воевать». Она вспоминала, что «... в 1914 г. трое сыновей Дмитрия Торопцева ушли на фронт, Афанасий и Фёдор не вернулись, Иван был убит при набеге хунхузov»⁴.

О массовом призыве в действующую армию вспоминали и старожилы Чернышевки. «По селу в действующую армию были призваны Н. Волошин, Г. Вялков, Ф. Дедовец, И. Изотов, Г.Г. Карабович, Д. Кисель, Ф.Н. Кулик, И. Левченко, Г. Мохнач, З. Меша, А.Г. Михайленко, Д. Моторный, Насенник, В. Пинчук, И. Скоробогатый, И.М. Тимченко, Ф. Шуляк, Шама, Янченко и другие. Зачастую на службу призывали нескольких членов одной семьи. Так, в числе призывников оказались родные и двоюродные братья: Пётр и Тимофей Бескровные, Павел и Емельян Дубина, Дмитрий и Максим Игнатьевы, Семён и Авраам Лях, Иван и Михаил Карабута, Фёдор и Иван Максименко, Андрей и Григорий Осьмачко, Пётр и Денис Шепеленко»⁵.

Из-за дефицита рабочих рук крестьянские дети, особенно из многодетных семей, становились серьёзной опорой в домашних делах и на полевых работах. В сложившихся условиях неизбежно сокращалось число учащихся, регулярно посещавших занятия, о чём с горечью писал наблюдатель за церковноприходскими школами А. Антонинов, в отчёте которого «О состоянии церковных школ Владивостокской епархии в учебно-воспитательном отношении за 1914—1915 учебный год» сообщается, что «...сравнительно большой процент неисправно посещающих школы и совершенно прекращающих занятия в них до конца учебного года составляет почти заурядное явление в жизни начальной школы, коренящейся в условиях сельского быта»⁶. Однако в 1914/15 учебном году прекращение занятий «...наблюдалось в гораздо больших размерах, чем в прежние годы, поскольку многие семьи лишились своих кормильцев, взятых по мобилизации или работников из своего состава, призванных на военную службу. Естественно, что в таких семьях дети-подростки из школьников не могли не отвлекаться от школы, так как являлись серьёзным подспорьем и в домашнем обиходе, и на полевых работах». «С уменьшением рабочих рук во многих крестьянских семьях сильно пошатнулось и общее благосостояние, а с тем вместе усилились недостатки в тёплой одежде и в обуви для детей-школьников, из-за неимения которых они тоже нередко опускали уроки», — констатировал это ещё один современник⁷. В военные годы во многих сёлах

⁴ Голко Г. Историю пишем сами // Анучинские зори. Анучино, 2012. 23 марта. С. 2.

⁵ Пчела И.В. «Школа далёкой окраины». История Чернышевской школы. 1909—1956 гг. Уссурийск, 2012. С. 20.

⁶ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 508. Л. 62 об. — 63.

⁷ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 508. Л. 62 об.

и деревнях Приморья вполне обыденной стала и такая ситуация, когда «по селу среди бела дня в учебное время улицы наполнены детьми школьного возраста, бесцельно слоняющимися по ней»⁸.

Руководители школ и педагоги, школьные попечители серьёзно озаботились таким «печальным явлением» как безнадзорники. Они изыскивали средства и создавали условия, позволявшие крестьянским ребятишкам вернуться за школьные парты и «получить здравый и справедливый взгляд на жизнь из школы, а не с улицы»⁹. Например, заведующий Анучинской двухклассной церковноприходской школой о. С. Бородин, учитель Иван Саенко, школьный попечитель Дмитрий Михайлович Бочманов, искренне стремясь избежать развращающего влияния улицы, обратились к крестьянскому начальнику с убедительной просьбой о выделении школе земельного надела, доходы с которого можно было пустить на содержание и развитие школьного дела. «В то время как везде по сёлам области имеются для школ земельные участки, доходы с которых идут на содержание и развитие школ, — писали они, — Анучинская школа ничего этого не имеет, и попечительство вынуждено потребные средства для содержания её (около 360 руб. в год) раскладывать на учащихся. Это заставляет родителей школьников совсем не посылать детей в школу или посылать только тех, на которых, по их расчётам, хватит средств»¹⁰. Однако просьбу попечителей так и не удовлетворили, и требуемый участок не был отмежеван. Все это, по мнению заведующего школой, в сложившихся обстоятельствах обострило проблему безнадзорности, и никакой пользы для исполнения возложенных на школу обязанностей воспитания и развития молодого поколения более не имелось.

Таким образом, даже в глубоком тылу, в сельских районах Приморья особую остроту приобретала проблема детской безнадзорности, в довоенный период более характерная для городов. Эта негативная тенденция усугубилась следующей: в годы войны произошло значительное сокращение учительского корпуса. В числе мобилизованных на фронт солдат и офицеров, было несколько десятков учителей начальных и средних учебных заведений Приморья. К примеру, в 1914/15 учебном году призывом на действительную военную службу и по мобилизации выбыли из состава учителей следующие педагоги: Д.Г. Сычинский (Барабашевская 2-классная школа), А.И. Иванушко (Екатериновская 2-классная школа), А.И. Мартышко (Таудеминская 2-классная школа), Г.А. Круглов (учитель Городеченской школы), Г.В. Вертиков (Рязановская школа). По мобилизации участниками Первой мировой войны стали народные учителя В.П. Шапиловский (Первореченская 2-классная школа), П.П. Герасимовский (Новонежинская 2-классная школа), И.К. Янцевич (Романовская 2-классная школа), А.И. Панчук (Седанкинская 2-классная школа), З.И. Черныш (Тигровская школа), Т.В. Огай (Новокиевская школа). В действующей армии оказались

⁸ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 538. Л. 41.

⁹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 538. Л. 42.

¹⁰ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 538. Л. 42.

Н.Л. Панасюк (Серафимовская школа), Ф.М. Карасев (Грингмутовская школа), И.Е. Фунтиков (Фаташинская школа), А.Г. Уральский (Молдавская школа), Ф.Т. Бурмистров (Милоградская школа). По военному набору покинули начальные и средние школы учителя: С.М. Жиликов (Борисовская 2-классная школа), Н.Н. Остроумов (Михайловская 2-классная школа), Н.Ф. Делицын (Новокачалинская школа)¹¹. На фронт были мобилизованы педагоги Н.С. Дрягин (Никольск-Уссурийская соборная 2-классная школа), Т.Г. Залуцкий (Комаровская 2-классная школа), А.С. Приходской (Глуховская 2-классная школа), Н.М. Мамцов (Пуциловская 2-классная школа), В.Г. Пугачёв (Борисовская 2-классная школа), П.Я. Галкин (Андреевская школа), Н.С. Гончаров (Ананьевская школа). Р.Л. Ерышев (Руновская школа), С.Л. Заболотный (Липовецкая школа). Ушли воевать учителя А.А. Лебедев (Барабаш-Левадовская школа), Л.Я. Кондратюк (Бусевская школа), Г.З. Клименко (Духовская школа).

На время забыли о своей мирной профессии и стали солдатами учителя Н.А. Найда (Комиссаровская школа), В.Ф. Недашковский (Павловская школа), Н.А. Опень (Сергеевская школа), А.Ф. Рык (Степановская школа), В.Т. Поляков (Никола-Михайловская школа), К.Г. Рогаль (Преображенская школа), Л.И. Сосновский (Архангеловская школа), В.Г. Быстрицкий (Бельцовская школа), И.А. Скрипка (Меркушевская школа), Н.И. Чупилка (Сандуганская школа)¹².

Сохранились воспоминания о том, как провожали на фронт учителя Корниловской церковноприходской школы Г.К. Бухта. «В 1916 г. в начале лета моего восемнадцатилетнего брата Гришу мобилизовали на войну, которая шла уже третий год. Ушли на войну с села все сверстники брата. Очень хорошо помнятся проводы юношей. Жаркий летний день. Вереница подвод, а за ними бредёт толпа женщин, рыдает моя мама, неистово плачу я. Далеко за околицей вся процессия останавливается. Наступает трагическая минута прощания. Матери вцепляются в своих сыновей и не выпускают со своих объятий. Душу раздирают материнские причитания и плач. Двинулись подводы, на них, буквально вырываясь из объятий матерей, вскакивают юнцы. Долго стоят на дороге родные, глядя вслед удаляющимся детям. Вот последняя подвода скрылась за поворотом. Понуро побрели в село провожатые»¹³. Ушёл на фронт учитель, закрылась Корниловская школа. В течение нескольких лет не удалось заместить вакансию (из числа местных или приезжих педагогов); новый учитель появился в школе уже в советский период в середине 1920-х гг.

Список учителей начальных и средних школ Приморья, призванных в действующую армию далеко не полный. В те годы имели место случаи, когда учителя уходили на фронт добровольцами, о чём органам управления образования не всегда было известно. Обеспокоенные этим обстоятельством,

¹¹ Владивостокские епархиальные ведомости. 1916. 1—15 июня. С. 390.

¹² Владивостокские епархиальные ведомости. 1916. 1—15 июня. С. 391.

¹³ Воспоминания В.К. Бухта // Проблемы истории образования на Дальнем Востоке России: материалы науч. конф. / отв. ред. О.Б. Лынша. Вып. 1. Уссурийск, 2011. С. 109.

Епархиальный училищный совет весной 1916 г. оформил запрос «Об участии церковных школ Владивостокской епархии в современной войне». Свой запрос он мотивировал тем, что «не ясно, сколько учителей взято на военную службу и в каком они состоянии ныне, насколько последнее известно»¹⁴. По мнению епархиальных наблюдателей, они «...должны точно знать, кто именно взят на военную службу для исполнения воинского долга перед Родиной и должны по возможности осведомляться на местах о своевременном состоянии их, например, кто удостоен офицерского чина, кто воинской награды, кто ранен или контужен, кто убит или взят в плен. Это будет только уважением к исполнению учителями воинского долга перед Родиной»¹⁵.

По запросу с мест получили ответы, из которых следовало, что учителя на фронте «воевали честно», среди них были доблестные герои. К примеру, «бывши до 6 декабря 1913 г. в Новонежинской школе учитель Ровенко, попавши в плен к австрийцам, бежал... при бегстве был ранен в живот. За отличие награждён солдатским Георгием»¹⁶. Учитель Барабаш-Левадской школы А.А. Лебедев представлен к Георгиевской награде 4-й степени; учитель Первореченской двухклассной школы В.П. Шапиловский «...произведён в штабс-капитаны и представлен к золотому оружию»¹⁷.

Вместе с тем приходили и горестные вести о ранении и гибели учителей. Так, «призванный по мобилизации учитель П.П. Герасимовский (Новонежинская школа) был ранен в бою, по выздоровлении возвратился в свой полк; И.З. Черныш получил две раны (в руку и в грудь), из коих одна от разрывной пули, находится в команде выздоравливающих в Харькове»¹⁸.

Война затягивалась, каждый год на фронт призывали всё новых солдат и офицеров, в том числе и из числа народных учителей. Довольно скоро начальные учебные заведения Приморья стали испытывать острый дефицит педагогических кадров. К примеру, в 1914/15 учебном году в ряды действующей армии было призвано 43 учителя, при этом числилось только 32 заместителя, способных заменить учителей¹⁹. Значит, в 11 случаях вакансии так и не были закрыты, и школа не работала.

Кстати, не только по случаю мобилизации педагога закрывалась школа. К тому вели и иные причины. Так, в 1916 г. скоропостижно скончался учитель Гродековского министерского училища А.А. Введенский, что едва не привело к полному закрытию школы, т.к. заменить его было не кем²⁰. Сельское общество с трудом «испросило» нового учителя. Причина

¹⁴ Владивостокские епархиальные ведомости. 1916. 1 марта. С. 163.

¹⁵ Владивостокские епархиальные ведомости. 1916. 1 марта. С. 164.

¹⁶ Владивостокские епархиальные ведомости. 1916. 1 янв. С. 20.

¹⁷ Владивостокские епархиальные ведомости. 1916. 1—15 июня. С. 391.

¹⁸ Владивостокские епархиальные ведомости. 1916. 1 янв. С. 19.

¹⁹ Владивостокские епархиальные ведомости. 1916. 1—15 июня. С. 391.

²⁰ Пчела И.В. Школа в «медвежьем углу». Становление начальных школ Анучинского района Приморского края. 1900—1917 гг. Владивосток, 2014. С. 131.

заклучалась в том, что в условиях продолжавшейся Первой мировой войны, Владивостокская епархия и Приамурское генерал-губернаторство ощутили острый дефицит квалифицированных педагогических кадров.

В «Отчёте о состоянии церковных школ Владивостокской епархии в учебно-воспитательном отношении за 1914—1915 учебный год» отмечено: «...из-за резкого сокращения притока населения из центрально-европейской части страны, в том числе и контингента учителей, число просителей по этой категории сократилось почти втрое. Так как выбирать учащихся было не из кого, то приходилось волей-неволей замещать вакансии кандидатами хотя и с учительским цензом, но часто без педагогической подготовки для самостоятельного ведения школьных занятий»²¹. Вакансии замещали выпускники учительских семинарий и учительских курсов. В итоге качество учебных занятий в приморских школах, и без того не очень высокое, существенно снизилось.

Положение ещё более осложнилось, когда в области объявили мобилизацию и начались призывы на военную службу учителей в обычном и досрочном порядке. «Тут уж, — отмечалось в «Отчёте», — приходилось и вовсе поступаться обычными требованиями, лишь бы школа не перестала функционировать. Тем более, что самое положение временного заместителя призванного на войну учителя по своей неуступчивости и неопределённости в материальном отношении на первых порах никому не могло улыбаться... Лица, располагавшие достаточно общим образованием и получившие элементарную педагогическую подготовку для ведения школьного дела, каковы, например, питомцы второклассных школ, вели бы дело обучения с большим успехом»²². Благодаря таким послаблениям, вакансии педагогов заняли выпускники двухклассных министерских училищ, двухклассных церковно-приходских школ и гимназий Приморской области. К примеру, в 1914/15 учебном году из 43 вакансий ушедших на фронт педагогов 32 были заняты молодыми учителями.

Если проанализировать их образовательный ценз, то выясняется, что лишь двое имели среднее педагогическое образование, один — специальное педагогическое образование; 13 учителей предъявили свидетельства на звание учителя и один педагог имел документы, дающие ему право стать учителем школы грамоты. 15 молодых специалистов вообще не имели учительских свидетельств²³. Конечно, такие педагоги не могли обеспечить качество начального и среднего образования на прежнем уровне.

О бедственном положении в народном просвещении осенью 1917 г. писал один из земских деятелей П.Н. Казанцев: «...хочется теперь кричать, плакать, биться головой об стену, ибо я чувствую грядущее одичание страны, которое страшнее немца. Нет учебников, нет учебных принадлежностей, нет

²¹ Владивостокские епархиальные ведомости. 1916. 15 апр. С. 265.

²² Владивостокские епархиальные ведомости. 1916. 15 апреля. С. 266.

²³ Владивостокские епархиальные ведомости. 1916. 1—15 июля. С. 391.

книг. Школы занимаются лазаретами и военным постоем; учителя частью сидят в окопах, частью обезумели от голода; детишки... успели окончательно исхулиганиться... Ратуйте, добрые люди!»²⁴.

Таким образом, Первая мировая война значительно снизила темпы развития начального образования, достигнутые к 1914 г. Уменьшилась сеть школ из-за призыва учителей в ряды действующей армии и отсутствия достаточного финансирования. Произошло резкое сокращение контингента учащихся из-за падения общего уровня жизни населения и особенностей аграрного производства. К сожалению, наметившиеся негативные тенденции в дальнейшем только усилятся, достигнув апогея в годы Гражданской войны.

²⁴ Джуринский А.Н. История педагогики. М., 2000. С. 359—360.

РЕФОРМА РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ ЕДИНОЙ ШКОЛЫ (1915—1927 гг.)

С. Б. БЕЛОГЛАЗОВА

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток*

Реформа национальной системы образования являлась одним из приоритетных направлений модернизации в России. Даже в годы Первой мировой войны, несмотря на сложное положение страны, работа над реформированием системы образования не прекращалась, поскольку институтам образования отводилась важная роль в механизме социальной мобильности и адаптации российского общества к новым политическим и экономическим реалиям. В 1915—1916 гг. проект школьной реформы был разработан министром народного просвещения графом П.Н. Игнатьевым, а в 1917 г. Государственный комитет по народному образованию при Временном правительстве подготовил программу социопедагогических преобразований.

В связи с этим нельзя считать обоснованной сложившуюся в советский период исследовательскую традицию, которая увязывала демократическую реформу российской школы исключительно с преобразованиями советской власти, противопоставляя их дооктябрьскому периоду и отрывая от событий предшествующих лет. Современный тренд в исследовании проблемы переключает внимание исследователей на изучение реформы образования в десятилетие, предшествовавшее Октябрьской революции, но, в свою очередь, не связывает их с преобразованиями советского периода, что тоже нельзя считать правильным¹. По нашему мнению, преобразования первых лет советской власти берут начало в проекте графа П.Н. Игнатьева и в программе Государственного комитета по народному образованию 1917 г.

Основные положения реформы П.Н. Игнатьева — переход к Единой школе в составе I-й и II-й ступеней на основе преемственности начальной и средней школ, привлечение общественности к управлению образованием, введение школьного самоуправления, пересмотр учебных программ и перестройка учебно-воспитательного процесса на основе трудового воспитания и обучения — существенно меняли официальную модель образования². Отправка П.Н. Игнатьева в отставку с поста министра народного просвещения в декабре 1916 г. дала основание оценивать его реформу как нереализованный план, не имевший исторической перспективы³.

¹ Днепров Э.Д. Российское образование в XIX—XX века. Т. 1. М.: Мариос, 2011; Липник В.Н. Школьные реформы в советской и постсоветской России // Образование. 2003. № 8. С. 34—44; Сапрыкин Д.Л. Образовательный потенциал Российской Империи. М.: ИИЕТ РАН, 2009.

² Материалы по реформе средней школы: примерные программы и объяснительные записки, изданные по распоряжению г. Министра народного просвещения. Петроград: Сенатская тип., 1915. С. 4, 431, 388, 508—529.

³ К оценке источников / Образовательный потенциал Российской Империи. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki>

Однако содержание программы преобразований Временного правительства, одобренной в «Руководящих положениях», принятых Государственным комитетом по народному образованию, показывает, что при разработке вопросов о реформе народного образования» (1917) положения реформы П.Н. Игнатъева были использованы, они лишь дополнены положениями о введении всеобщего и обязательного начального образования, совместного обучения девочек и мальчиков, признании религии частным делом и необязательном её преподавании в школе, гарантиях равенства прав граждан на образование (доступность и бесплатность, отмена сословных, национальных и конфессиональных ограничений)⁴.

Помимо идейного наследия самого П.Н. Игнатъева были использованы и некоторые практические разработки возглавляемой им в 1915—1916 гг. комиссии. Так, «Временные программы обучения в начальных школах» (1917) включали материалы примерных программ (1915) и программы для высших начальных училищ (1916). Структура «Временных программ...» принципиально отличалась от действовавших в России с 1897 г. программ для начальной школы отсутствием предметной группировки материала. Учебный материал новых программ распределялся в комплексе по четырём логически связанным циклам естественнонаучных дисциплин: Физика и Химия, Землеведение, Ботаника, Зоология⁵. Между ними поддерживалась логическая связь, и отдельные знания взаимно дополняли и поясняли друг друга. На территории Тихоокеанской России «Временные программы...» были введены в сентябре 1917 г. в школах по линии Уссурийской и Китайско-Восточной железных дорог.

Известно, что будущий нарком просвещения в правительстве большевиков А.В. Луначарский некоторое время работал в составе Государственного комитета по народному образованию в качестве делегата от Всероссийской организации Профессиональных союзов⁶. После Октябрьского переворота наработки предшественников были использованы большевиками при подготовке Декрета ВЦИК от 16.10.1918 г. «О Единой Трудовой Школе Российской Социалистической Федеративной Советской Республики», положенного в основу советской реформы школы.

В Тихоокеанской России, вследствие сложившейся здесь военно-политической обстановки, полномасштабная и повсеместная реформа образования на принципах Единой Трудовой Школы началась после окончания Гражданской войны. К середине 1920-х гг. образовательный потенциал региона был восстановлен и даже несколько превысил довоенный уровень.

(дата обращения: 30.08.2015).

⁴Руководящие положения, принятые Государственным комитетом по народному образованию, при разработке вопросов о реформе народного образования. URL: <http://biblio.narod.ru/gymal/publicat/komitet-2.htm> (дата обращения: 30.08.2015).

⁵ ГАХК НСБ. Китайская Восточная железная дорога. Приказ № 353. Временные примерные программы начальных школ Китайской Восточной и Уссурийской железных дорог с четырёхгодичным курсом обучения. 23 сентября 1917 г. С. 14—31.

⁶Краткие сведения об учреждении Государственного Комитета по народному образованию и его деятельности. URL: http://biblio.narod.ru/gymal/publicat/o_komit.htm (дата обращения: 30.08.2015).

Таблица 1

Сравнительная динамика учебных заведений Тихоокеанской России

Тип учебного заведения	Количество учебных заведений (по годам):		
	1915	1923/24	1925/26
Низшие общеобразовательные	1557	547	1628
Средние общеобразовательные	27	56	68
Национальные школы	43*	9	189
Низшие профессиональные	8	36	88
Средние профессиональные	31	15	18
Высшие профессиональные	1	1	1

*По данным за 1912 г.

Источники: Белоглазова С.Б. Культура Дальнего Востока России в условиях общественных трансформаций 20—30-х годов XX в.: очерки истории. Владивосток: Дальнаука, 2001. С. 56; Берёзкина Н.И. Это нашей истории строки. Владивосток: Изд-во «Уссури», 1999. С. 41; Дубинина Н.И. Дальний Восток Яна Гамарника: документально-историческое повествование. Хабаровск: КГУП «Хабар. краев. тип.», 2011. С. 100; Севильгаев Г.Ф. Народное образование на Дальнем Востоке России XVIII в. 30-е гг. XX в. Барнаул: ОАО «Алтайский полиграфкомбинат», 2001. С. 308; Статистический ежегодник России. 1915 год. Отд. I. Пг., 1916. С. 30.

Как показывает таблица, главные усилия региональных властей были направлены на развитие начальных общеобразовательных и профессиональных школ. Приоритетное внимание именно этим типам учебных заведений объясняется, на наш взгляд, следующими причинами: введение всеобщего начального обучения, потребность в обученных рабочих кадрах для промышленных предприятий, заинтересованность региональных управленцев в увеличении численности пролетариата как социальной опоры Коммунистической партии.

В 1922—1923 гг. завершилось структурирование общеобразовательной школы в соответствии с Положением о Единой трудовой школе РСФСР. На основании циркуляра Дальревкома «О принципах школьного строительства в Дальневосточной области» (19.11.1922) была создана единая, общедоступная, бесплатная школа в составе 2-х ступеней: I-я (1—4 классы) и II-я (5—9 классы). Введено совместное обучение девочек и мальчиков. Демократическая перестройка системы образования де-факто снимала социальные ограничения в получении доступа к образованию для всех граждан. В перспективе подготовка специалистов из бывших непривилегированных сословий стала играть решающую роль в структурировании советского общества.

В процессе разгосударствления системы образования в управление школой вовлекались общественные организации (Советы народного образования, советы школ, родительские комитеты), получившие довольно обширные полномочия. Они утверждали уставные и другие нормативные документы, регламентировавшие жизнь школы, определяли направления расходования школьного бюджета, контролировали приёмы обучения.

Повсеместно вводилось школьное самоуправление. Оно прививало учащимся умение организовывать учебную и внеклассную работу, развивало их инициативу. В профессиональных учебных заведениях функции самоуправления выполняли студенческие советы, предметные комиссии и др. Традиционные для дореволюционной школы взаимоотношения учителя и ученика, покоившиеся на недоверии, заменялись общим товарищеским сотрудничеством. Организация занятий по американским методикам — Дальтон-плану Е. Паркхерст и методу проектов Дж. Дьюи⁷ стала альтернативой дореволюционной классно-поурочной системе.

В 1923/24 учебном году в дальневосточных школах начали заниматься по программам Наркомпроса, моделью для которых послужили «Временные программы обучения в начальных школах», но в отличие от программ 1917 г. их содержание было сформировано в соответствии с парадигмой марксизма. К примеру, программа для школ I-й ступени состояла из трёх комплексных частей. Комплекс «Природа и человек» содержал элементарные знания по физике, химии, географии, ботанике, зоологии и анатомии человеческого тела. Комплекс «Общество» включал материалы о хозяйстве местного края, РСФСР и других стран мира, трудовой жизни семьи (крестьянской и городской), а комплекс «Труд» — знания о семье и школе, общественных учреждениях города и деревни, государственном строе России и других стран, истории родного края, страны и человечества⁸.

С февраля 1923 г. в программу обучения вводился небольшой курс политминимума⁹. Новые учебные программы по обществоведению состояли из разделов по истории Запада, русской истории, марксистской политической экономики и современности (марксистского учения о государстве диктатуры пролетариата, основах экономической политики большевиков).

В Советском государстве школа отделялась от церкви, преподавание религиозных дисциплин запрещалось. В реформе Временного правительства Закон Божий позиционировался как дисциплина по выбору.

В целом, основные направления советской реформы школы совпадали с положениями реформ предшественников, но содержание образования увязывались с решением задачи формирования «нового человека», строящего социалистическое общество. Учебный материал организовывал восприятие новой действительности и задавал возможную рамку повседневных действий, формировал новую самоидентификацию личности.

Во второй половине 1920-х гг. в преддверии намеченной XIV съездом ВКП(б) форсированной индустриализации СССР реформа образования была скорректирована в сторону ускоренной подготовки кадров для индустриального строительства. Начатая кампания структурирования

⁷ Белоглазова С.Б. Культура Дальнего Востока России в условиях общественных трансформаций 20—30-х годов XX в.: очерки истории. Владивосток: Дальнаука, 2001. С. 65; Перед именем твоим: педагогическому образованию Дальнего Востока 100 лет. Хабаровск: Дальневост. изд. центр «Приамурские ведомости», 2009. С. 18.

⁸ Белоглазова С.Б. Культура Дальнего Востока России... С. 173.

⁹ Кузнецов М.С. Борьба партийных организаций Дальнего Востока за становление советской культуры (1922—1927 гг.). Томск: Наука, 1978. С. 116.

профессиональной школы по отраслевому принципу предполагала передачу учреждений специального образования из ведения Наркомпроса на баланс соответствовавших им по профилю отраслевых наркоматов. Расчёт строился на том, что хозяйственники поддержат профессиональную школу материально и смогут оптимизировать её работу, сосредоточив усилия на подготовке кадров для наиболее актуальных отраслей народного хозяйства. Однако вместо инвестиций в дальневосточную школу, которые окупались со временем, хозяйственные органы, занимавшиеся подготовкой квалифицированной рабочей силы, вложили средства в колонизацию, чтобы решить кадровую проблему в более короткие сроки.

В результате недофинансирования программы «отраслирования» план развёртывания сети ФЗО не был выполнен, количество учебных заведений низшего профессионального образования сократилось. Снизилось и количество средних профессиональных школ при общем росте в них численности учащихся до 2970 чел. (в 1915 г. — 2552 чел.).

Таблица 2

Динамика учебной сети Дальневосточного края

Тип учебного заведения	Количество учебных заведений		
	1925/26 уч. год	1927/28 уч. год	рост/ сокращение
Начальные общеобразовательные школы	1628	2327	+30%
Средние общеобразовательные школы	68	170	+60%
Национальные начальные школы	189	248	+24%
Низшие профессиональные школы (ФЗО)	88	35	-60%
Средние профессиональные (техникумы)	18	16	-11%
Высшие профессиональные	1	1	0%

Источники: Белоглазова С.Б. Культура Дальнего Востока России в условиях общественных трансформаций 20—30-х годов XX в.: очерки истории. Владивосток: Дальнаука, 2001. С. 56; Госбюджетные учреждения народного образования Дальневосточного края на 1927/28 год: список, штаты и смета учреждений. Хабаровск: Изд. Далькрайно, 1928. С. 5—7; Пятый Пленум Дальневосточного краевого комитета ВКП (б) 20—23 мая 1928 г.: стеногр. отчёт. Хабаровск, 1928. С. 5; Сенюк Н.И. Становление школьной сети первой ступени на Дальнем Востоке в 1920-е годы XX века (1922—1929 гг.) // Четвёртые архивные научные чтения им. В.И. Чернышёвой: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Хабаровск: 2012. С. 308; Статистический ежегодник России. 1915 год. Отд. I. Пг., 1916. С. 30.

В 1928 г. И.В. Сталин поддержал выдвинутую партийно-хозяйственной элитой идею подготовки «узкого» специалиста, на практике означавшую профессионализацию средней школы и расширение объёмов специальной подготовки в профессиональных учебных заведениях. Началась профориентация в старших классах средней школы. С осени 1928 г. был введён курс военного обучения с тем, чтобы выпускники средней школы приобрели военные знания, соответствующие кандидатам на должность командиров РККА¹⁰.

¹⁰ Военное обучение в учебных заведениях Дальневосточного края (учебные планы и программы курса

С 1926 г. в дальневосточные школы стали поступать учебные программы второго поколения для школ I-й и II-й ступеней, в которых, в отличие от программ 1923 г., закреплялся обязательный минимум систематических знаний и навыков по отдельным дисциплинам, увеличивалось число часов на математику, естествознание, обществоведение, родной язык и литературу¹¹. Акцент на систематизированное усвоение знаний по отдельным дисциплинам возвращал к классно-поурочной системе преподавания в общеобразовательных школах и введению традиционных лекционных часов в университете и техникумах.

Таким образом, возврат к дореволюционной школьной традиции и частичное её возрождение в конце 1920-х гг. были инициированы руководящей элитой с целью адаптации содержания советского образования к решению задачи ускоренной индустриальной модернизации в СССР.

военных знаний). Хабаровск: Изд. Далькрайно, 1928. С. 3—5.

¹¹ Новые программы сельской школы I-й ступени Дальневосточного края. Хабаровск — Владивосток: Изд-во. Далькрайно, 1926. С. 4; Программы единой трудовой школы II ступени (5, 6, 7, 8 и 9 годы обучения). Хабаровск — Владивосток: Изд-во. Далькрайно, 1926. С. 4.

ВОИНСКИЙ ФОЛЬКЛОР НА ЮГЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ В ПЕРВЫЕ ДЕСЯТИЛЕТИЯ XX в.

Л.Е. ФЕТИСОВА

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток*

История России (как, впрочем, и многих других государств) — это череда военных конфликтов, которые фиксировались народным сознанием в разных формах, в том числе в форме художественного осмысления событий, имевших для страны судьбоносное значение. Неудивительно, что воинский фольклор, в частности песенный, составил неотъемлемую часть регионального репертуара устного творчества, тем самым включая дальневосточников в число преемников материнских традиций.

Начало XX столетия отмечено рядом военных конфликтов, развернувшихся непосредственно на Дальнем Востоке. Первый из них — так называемая «китайская война». Советской исторической наукой этот конфликт рассматривался как участие Российской империи в подавлении боксёрского восстания (восстания ихэтуаней), но сами участники событий расценивали его как защиту интересов нашей страны в зоне строительства Китайско-Восточной железной дороги. Для уссурийских казаков «китайская война» явилась точкой отсчёта «местного исторического времени», когда они осознали собственную значимость при защите интересов России на востоке Азии. По справедливому заключению О.И. Сергеева, участие в этом конфликте стало «первым боевым крещением для уссурийского казачества»¹.

К этому периоду относится песня о возвращении солдата на родину, записанная автором данной статьи в 1970 г. в с. Штыково Шкотовского района Приморского края от А.М. Деменок, 1902 г. рождения:

Шёл солдатик из походу,
Из проклятого народу,
Из Китая, из Китая...²

За исключением начальных строк, определивших место и время действия, текст не имеет отношения к реальным событиям, а представляет собой образец любовной лирики, в котором сюжетная ситуация разворачивается вокруг встречи солдата и молодой женщины.

Пафосно-героическую направленность имела другая песня, созданная на основе гимна «Гром победы раздавайся» (неофициальный гимн России конца XVIII — начала XIX в. на слова Г.Р. Державина) и также отразившая события начала XX в.:

¹ Сергеев О.И. Участие уссурийского казачества в военных событиях первой четверти XX в. // XX век и военные конфликты на Дальнем Востоке: тез. докл. и сообщений Междунар. науч. конф., посвящ. 50-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Хабаровск, 1995. С. 78; Дацышен В.Г. Война России с Китаем в 1900 г. // Там же. С. 31—32; Зуев В.Н. Осада Благовещенска в 1900 г. // Там же. С. 32—35.

² Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 7. Л. 29.

Воды Сунгари, Амура
Уж теперь у нас в руках,
Шаг за шагом наступаая,
Росс внушал китайцу страх...³

Конфликт на российско-китайской границе оставил неизгладимый след в памяти жителей Благовещенска, который подвергся обстрелу с китайской стороны. Спасение города его жители приписывали Албазинской иконе Божьей матери «Слово плоть бысть», находившейся в кафедральном соборе: несмотря на то, что неприятель обстреливал Благовещенск в течение 19 дней, в нём почти не было убитых и не возникло пожаров, опасных для деревянных строений. Современники вспоминали, что, по рассказам китайцев, над городом ходила «Белая (светлая) женщина», внушавшая им страх и лишавшая их снаряды губительной силы⁴.

Надо сказать, что этот конфликт не получил в стране широкого общественного резонанса, в отличие от русско-японской войны 1904—1905 гг., которая никого из россиян не оставила равнодушным. Самые известные произведения, созданные на тему русско-японской войны, были созданы именно в европейской части страны. Примечательно, что на гибель «Варяга» откликнулись не только в России, но и за рубежом. Текст одной из первых песен «Наверх, о товарищи, все по местам», посвящённой героической гибели русских моряков, известен нам в переводе Е.М. Студенской⁵, но написан он австрийским поэтом Р. Грейнцем и опубликован 25 февраля 1904 г. в мюнхенском журнале «Jugend»⁶. Песня, подвергшаяся некоторому сокращению и стилистической корректировке, сразу получила повсеместное распространение. Причём внесённые изменения надо признать вполне оправданными, не случайно их сохраняют и современные исполнители. Так, первая строка теперь обычно начинается словами «Наверх, вы товарищи...», что более соответствует суровому характеру людей, сознательно идущих на смерть. То же можно сказать относительно заключительных строк, которые в переводе Е.М. Студенской выглядели следующим образом:

Не думали мы ещё только вчера,
Что нынче уснём под волнами⁷.

Текст, «хрестоматийный» для современного слушателя, стилистически более убедителен:

Не думали, братцы, мы только вчера,
Что нынче умрём под волнами.

В данном варианте уместно звучит народное обращение «братцы» и психологически оправданна замена метафоры «уснём под волнами» на прямое и жёсткое «умрём».

³ Ермак Г.Г. Семейный и хозяйственный быт казаков юга Дальнего Востока России. Вторая половина XIX — начало XX века. Владивосток, 2004. С. 95.

⁴ Сказание об Албазинской иконе Божией Матери «Слово плоть бысть» // URL: <http://www.ioann-bogoslov.ru/all/h/ab.htm> (дата обращения: 31.05.2011).

⁵ Песни русских поэтов. Л., 1988. Т. 2. С. 320—322.

⁶ Памяти «Варяга» // URL: <http://www.pravoslavie.ru/news> (дата обращения: 26.11.2009).

⁷ Песни русских поэтов. С. 322.

По степени популярности с этой песней может соперничать лишь произведение Я. Репнинского «Плещут холодные волны», также известное в народной редакции и впоследствии послужившее основой для создания партизанских песен (в частности, «Дуют холодные ветры» К. Рослого).

В 1904 г. была сложена песня «Вспомним, братцы-уссурийцы», посвящённая гибели генерала Ф.Э. Келлера на Янзелинском перевале. Генерал Ф.Э. Келлер (1850—1904 гг.), в своё время бывший участником сербско-турецкой и русско-турецкой войн, отправился добровольцем в Маньчжурию, оставив должность Екатеринославского губернатора. По прибытии он стал во главе 2-го Восточно-Сибирского корпуса, вскоре был назначен начальником Восточного отряда. По воспоминаниям современников, храбрый и мужественный Келлер поднял боевой дух вверенных ему войск⁸. Не случайно, во всех вариантах говорится: «Генерал наш храбрый Келлер он всё время впереди». 18 июля 1904 г. генерал проехал верхом к наиболее обстреливаемой батарее и был смертельно ранен:

Получил большую рану
От японца-подлеца.
«Уж вы, братцы-уссурийцы,
Не покиньте здесь меня,
Жив я буду, не забуду
Вас крестами наградить»⁹.

Генерала вынесли с поля боя; похоронили его в семейной усыпальнице в имении Сенницы.

В основу песни памяти Ф.Э. Келлера был положен более ранний текст «Вспомним, братцы мы кубанцы», посвящённый русско-турецким кампаниям, где врагами являлись «басурмане». В годы Первой мировой войны солдаты пели: «Как дралися мы с германцем от рассвета допоздна», а возглавлял сражение «командир наш нетрусливый», чьё имя не называлось. Участники Великой Отечественной войны вносили свои коррективы в устоявшийся текст; раненый командир обещал:

Жив я буду, не забуду
Красным знаменем наградить...¹⁰

Известен также вариант, начинающийся строкой «Вспомним, братцы-сталинградцы». Наличие множества вариантов, создававшихся на протяжении 70 лет, начиная с русско-турецких войн второй половины XIX в., служит свидетельством народного признания песни и подтверждает непрерывность её бытования.

Новым явлением в фольклорной традиции начала XX в. стало создание произведений, посвящённых не военачальникам или безымянным героям из «народа», но конкретным личностям, представлявшим народ. В числе первых таких героев был разведчик 284-го Чембарского полка Василий Рябов.

⁸ Келлер, Фёдор Эдуардович // URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki/>... (дата обращения: 12.08.2014).

⁹ Ермак Г.Г. Семейный и хозяйственный быт казаков... С. 161.

¹⁰ «Казачий круг». Песенный архив // URL: <http://www.kaz-krug.ru/pesniarch/245-vspomnimbratcy> (дата обращения: 12.08. 2014).

Осенью 1904 г. его схватили японцы и после жестокого допроса расстреляли. Его образ символизировал мужество и стойкость русского воина:

Не скажу я вам ни слова,
На то русский я солдат...

Верность долгу расценивалась как высшее проявление патриотизма. Песня прочно вошла в воинский репертуар, её пели и в середине XX в. Причём сибирские информанты известного фольклориста Л.Е. Элиасова были убеждены, что свой подвиг Василий Рябов совершил не на японском, а на германском фронте¹¹.

Песня «На взморье мы стояли» — одна из немногих, в которых звучала оптимистическая вера в скорую победу над врагом: «Штык стальной, четырёхгранный / Грудь японскую пронзит...» Начавшаяся война с Германией вызвала соответствующие изменения в тексте: «Штык стальной, четырёхгранный / Грудь германскую пронзит...»¹²

Как видим, в годы испытаний популярные произведения подвергаются переосмыслению и получают вторичную актуализацию. Это произошло и со стихотворением «Умер бедняга в больнице военной», написанным в 1885 г. внуком императора Николая I Великим князем Константином Романовым, который публиковался под псевдонимом К.Р. По оценке литературоведов, Константин Романов (1858—1915 гг.) занимает место в ряду таких поэтов, служителей «чистого искусства», как Фет (бывший его наставник), Майков, Полонский. Между тем цикл «Солдатские сонеты» не позволяет полностью принять данное утверждение. В стихотворении «Умер бедняга в больнице военной» отчётливо звучат некрасовские мотивы:

Умер бедняга в больнице военной,
Долго родимый лежал,
Эту солдатскую жизнь постепенно
Тяжкий недуг доконал...

В оригинале речь идёт о заболевании туберкулёзом, вызванным «серым туманом» Балтики, но в процессе бытования текст получил иную трактовку — боец умирал вдали от родины от ран, полученных на поле боя:

Спи же, товарищ ты наш одинокий,
Спи и покойся себе
В чужой стороне, на Дальнем Востоке.
Вечная память тебе!

Особенную популярность песня приобрела, после того как была исполнена известной певицей Надеждой Плевицкой в 1909 г. В живом бытовании песня имела несколько вариантов, многие из которых также упоминали о русско-японской войне:

Всё ж перед самою смертью
Он Порт-Артур вспоминал.

Позже содержание произведения стали увязывать с событиями Первой мировой войны¹³.

¹¹ Элиасов Л.Е. Фольклор Восточной Сибири. Ч. 3: Локальные песни. Улан-Удэ, 1973. С. 409—410.

¹² Обшарина Е.С. «Песни-переделки» и их бытование на Дальнем Востоке // История, социология и филология Дальнего Востока. Владивосток, 1971. С. 132—133.

¹³ Константин Константинович Романов. К.Р. // URL: biography.5litra.ru/51-konstantin-konstantinovich-

В полевых материалах автора, собранных в 1969 г., есть текст этой песни, близкий к оригиналу К. Романова. Исполнительница, Е.Г. Пиляй, 1906 г. рождения, жительница г. Артёма, слышала песню от отца и дяди. От них же она слышала песню о знаменитом Брусиловском прорыве 1916 г. — наступательной операции Юго-Западного фронта Русской армии под командованием А.А. Брусилова, в ходе которой было нанесено тяжёлое поражение армиям Австро-Венгрии и Германии. В начальных строках говорится о доблести и бесстрашии русского воинства:

Там бьются солдаты за правду,
И смерть храбрецам не страшна...

Однако смерть героя всегда является трагедией для его близких:

Убит он австрийской гранатой,
И кости в долину вросли,
Никто той могилы не знает
Защитника русской земли.

Как сообщила нам Е.Г. Пиляй, «пели дядя, отец, которые воевали»¹⁴.

Начало Первой мировой войны было встречено подъёмом патриотизма, получившего отражение и в устном творчестве. Один из таких текстов записан исследователем из Благовещенска Г.С. Новиковым-Даурским:

Из тайги, тайги дремучей
От Амура от реки
Молчаливой грозной тучей
На войну шли казаки...¹⁵

Надо сказать, что большинство песен, связанных с этой темой, пришло на Дальний Восток уже в конце войны вместе с её участниками, возвратившимися домой.

В воинском репертуаре начала XX в. преобладали лирические песни и незначительное место принадлежало эпическим произведениям, ранее широко представленным жанрами исторической песни и баллады. Однако баллада о двух героях пользовалась неизменной популярностью. Произведение представляет собой позднюю версию сюжета «Муж-солдат в гостях у жены»: к женщине на ночлег попросился солдат, в котором она с трудом (по перстню) признала мужа, считавшегося погибшим. По мнению фольклористов, баллада сложена в период Отечественной войны 1812 г.¹⁶ В версии, возникшей после 1914 г., говорится уже о двух путниках, попросившихся на ночлег к одинокой вдове. Как оказалось, это были её муж и сын. Последняя интерпретация сюжета относится к Великой Отечественной войне 1941—1945 гг.:

- Скажи, скажи, хозяйюшка,
С каких ты пор вдова?
- Щей в сорок первом годике,

romanov-kr.html (дата обращения: 15.06.2014).

¹⁴ Архив ДВО РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 143. Л. 56—58.

¹⁵ ГААО. Ф. 958. Оп. 1. Д. 164. Л. 6.

¹⁶ Народные баллады / Вступит. статья, подготовка текста и примеч. Д.М. Балашова. М.: Л., 1963. С. 397.

Как началась война...
 -Узнай, узнай, хозяйюшка,
 Ты мужа своего,
 Признай, признай, хозяйюшка,
 Сыночка своего...¹⁷

В тексте явственно ощущается литературное влияние, что также указывает на его сравнительно недавнее происхождение.

Безусловно, поздняя солдатская лирика, оторвавшаяся от традиций крестьянского фольклора и не имевшая богатого опыта книжной поэзии, большей частью была слабой в художественном отношении. Типичным примером может служить песня ветерана, популярная в первой половине XX в.:

Товарищ, товарищ,
 Болят мои раны,
 Болят мои раны у боке,
 Одна заживает,
 Другая нарывает,
 А третья таится в глубоке...

К этому же разряду можно отнести не менее известную песню «Горит свеча, в вагоне тихо» — о санитарном поезде, в котором умирает молодой солдат. Основной пафос произведения заключается в обращённых к матери сетованиях героя на свою несчастную судьбу. Вариант, записанный нами в 1967 г., представлен заметно сокращённым текстом, но общий смысл остался прежним:

Ой, мать, матынька родная,
 Зачем на свет ты родила,
 Судьбой несчастной наградила,
 Шинель мне серу обрекла.

Этот куплет встречается в разных версиях данного сюжета¹⁸. Символический смысл «серой шинели» гораздо шире конкретного значения устойчивого словосочетания: «серыми шинелями» метафорически называли рядовых русской армии. Образ используется во многих фольклорных жанрах, например, в частушках:

А забирают, забирают,	Оставайся, брат Ванюша,
Да, наверно, заберут,	Траву зелёную косить,
Шинель серую наденут	А мне, бедному мальчишке,
И винтовочку дадут ¹⁹ .	Шинель серую носить ²⁰ .

Как видим, «элегическое» направление поздней солдатской лирики выработало собственную систему постоянных формул, закрепившихся в устном творчестве конца XIX — начала XX в.

¹⁷ Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 136. Л. 42.

¹⁸ Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 136. Л. 110.

¹⁹ Фетисова Л.Е. Дальневосточная частушка и некоторые проблемы истории и поэтики жанра: Дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 1982. С. 40.

²⁰ Фетисова Л.Е. Дальневосточная частушка и некоторые проблемы... С. 41.

Наряду с произведениями новой эпохи в народном быту сохраняли прочные позиции классические воинские песни: «Чёрный ворон»; «Забелели снежки, забелели белы»; «Ой, поля, вы поля». Обращение к высокохудожественным, испытанным временем образцам поддерживало устойчивость традиции и обеспечивало преемственность творчества. Так, развёрнутая метафора, базирующаяся на древнем представлении «смерть как свадьба», использовалась в общеславянском разбойничьем фольклоре. В качестве финальной формулы она широко представлена в разных произведениях воинского фольклора. Как правило, умирающий боец посылал верного коня домой с последним наказом:

Не кажи ты, мий конь,
 Шо я вбытый лежу,
 А кажи ты, мий конь,
 Шо женатый хожу:
 Оженыла мене
 Пуля быстрая,
 А звенчала мене
 Шабля острая...

Приведённый текст записан автором в 1973 г. от украинки Е.М. Яблонской, 1913 г. рождения (с. Марьяновка Кировского р-на Приморского края)²¹, но песня бытовала у всех восточных славян — русских, украинцев, белорусов. Этот мотив встречался также в русских ямщицких песнях, связанных с описанием безвременной смерти героя вдали от семьи и родных мест, что подтверждает продуктивность фольклорных формул, обладавших высокими художественными достоинствами.

В народном сознании военная служба, с одной стороны, традиционно рассматривалась как тяжкий долг, насильственное изменение судьбы, нередко ведущее к гибели, но, с другой стороны, победы русского оружия, несомненно, поднимали боевой дух защитников отечества, воспитывали патриотизм и чувство гордости от осознания выполненного долга. И здесь особенно отчётливо проявляется гендерный аспект. Основными исполнителями произведений антивоенной направленности были, конечно, женщины.

Милый мой, пойдём домой,	Кабы я была цыганка
Пойдём, моя картиночка,	И умела воровать,
Тебя погонят на войну,	Не пустила бы милёнка
Останусь сиротиночка ²² .	В царску армию служить ²³ .

В 1929 г. профессор Государственного Дальневосточного университета А.П. Георгиевский писал о том, что в лирических произведениях, посвящённых военной тематике, «...звучат старые настроения, связанные главным образом с потерей для родителей своих детей, для девицы своего милого, с потерей для молодой жены мужа и для малых детушек — отца»²⁴.

²¹ Личный архив автора.

²² Ермак Г.Г. Семейный и хозяйственный быт казаков... С. 168.

²³ Фетисова Л.Е. Дальневосточная частушка и некоторые проблемы... С. 40.

²⁴ Георгиевский А.П. Русские на Дальнем Востоке. Вып. 4. Фольклор Приморья. Владивосток, 1929. С. 102—103.

Однако в собственно воинской среде тематический диапазон репертуара был значительно шире. Наряду с элегическими там имели хождение сатирические произведения, а также марши и походные песни. Строевые песни, представлявшие одно из направлений воинского фольклора, выполняли специфическую функцию: они должны были обеспечить слаженное движение солдатского строя. Их характерной особенностью надо считать особую ритмическую организацию, использование десемантизированных попевок при повторе строки, а также наличие припева, нередко не связанного по смыслу с основным содержанием. Одна из таких песен записана в 1972 г. в с. Ариадное Дальнереченского района от Е.Х. Иващенко, 1915 г. рождения:

Мы три года прослужили,
Ни о чём мы не тужили,
Эх, раз, ай да люли,
Ни о чём мы не тужили.
Стал четвёртый наступать,
Стали думать и гадать,
Эх, раз, ай да люли,
Стали думать и гадать.
Стали думать и гадать,
Как бы дома побывать,
Эх, раз, ай да люли,
Как бы дома побывать.
Как бы дома побывать,
Отца с матерью видать,
Эх, раз, ай да люли,
Отца с матерью видать.
Отца с матерью видать,
С молодой женой поспать,
Эх, раз, ай да люли,
С молодой женой поспать...²⁵

Надо сказать, что аналогичную структуру имели многие хороводные песни, также предназначенные для организации движения группы людей в определённом ритме. Таким образом, даже поздняя солдатская лирика обнаруживает тесную связь с народными традициями, что обеспечило возможность её функционирования вне специфического воинского быта и тем самым способствовало продлению срока жизни. Песни стали исполняться гражданским населением как память о минувших войнах. Локальные конфликты их участникам не представлялись малозначимыми,

²⁵ Архив ДВО РАН. Ф. 13. Оп. 1. Д. 22. Л. 123.

поэтому произведения, отражавшие события, важные, с точки зрения дальневосточников, воспроизводились на протяжении длительного времени как существенный компонент их исторической памяти. Региональная история становилась продолжением истории общероссийской, одновременно обогащая её за счёт местных реалий.

МОБИЛИЗАЦИЯ СПОРТА В ПРИАМУРСКОМ ГЕНЕРАЛ-ГУБЕРНАТОРСТВЕ НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Н.А. ТРОИЦКАЯ

*Российский государственный исторический архив Дальнего Востока,
г. Владивосток*

В конце XIX — начале XX в. жители Старого света внезапно осознали, что «...слишком много отдавали сил на развитие умственных способностей», забыв «о развитии и укреплении своего тела»¹. Внешним проявлением качественных изменений в сознании людей стало возрождение Олимпийских игр (апрель 1896, Афины). Спорт — это прежде всего труд, а физически трудиться в самодержавном (иерархическом) государстве не было престижным. Поэтому Россия в процесс возрождения культа тела включилась с запозданием.

Министерство народного просвещения ввело преподавание гимнастики в мужских гимназиях империи в последнее десятилетие XIX в. Основой учебного курса дисциплины стало «Наставление для производства строевых упражнений в гражданских учебных заведениях», автором которого являлся генерал-майор Колбе. В ноябре 1910 г. гимнастика официально закрепились в других общеобразовательных школах.

В начале XX в. спортивные общества с целью содействия «...развитию полезных физических упражнений и разумных развлечений»² стали распространяться в российских городах. Преимущественно это были общества прикладных видов спорта: конного, водного, стрелкового и др. Дальнейшему развитию спортивного движения в стране способствовали рождённые Первой русской революцией временные правила об обществах и союзах 4 марта 1906 г. Довольно бурное развитие спорта на частном уровне позволило российским атлетам принять участие в Олимпийских играх 1908 (IV) и 1912 (V) гг. В марте 1911 г. создан Российский Олимпийский комитет под почётным председательством барона Ф.Е. Мейердорфа. Перед ним стояла задача более широкого развития в империи спорта и пропаганды здорового образа жизни.

Для государства большое значение всё же имело обучение именно военному делу как важному практическому знанию, на котором «...крепко держатся устои всякого государства и его благополучие». Необходимость государственного покровительства и инициативы в деле физического развития населения осознали на самом высоком уровне, однако путь к практической реализации идеи был по-русски не очень прост.

В декабре 1912 г. генерал-майор свиты его величества В.Н. Воейков получил должность, название которой не найти в справочной литературе,

¹ Энциклопедический словарь / изд. Ф. Брокгауз и И. Эфрон. Т. 31. СПб., 1900. С. 298.

² РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 417. Л. 15—16.

поскольку в аппарате управления отсутствовало соответствующее ведомство — *Главнаблюдающий за физическим развитием населения*. Скандальные подробности этого назначения описаны в воспоминаниях министра финансов В.Н. Коковцова, уговорившего государя не идти на разрыв с Думой из-за должности Главноуправляющего по делам физического развития населения. В.Н. Коковцов запомнил, как Николай II, принимая его аргументы, с горечью сказал, что искренне хотел «...направить и у нас то дело, которому весь мир придаёт теперь величайшее значение, и только мы одни идём позади всех»³. Традиционно для бюрократической машины только к лету следующего года определили функции Главнаблюдающего, ему разрешалось входить непосредственно к государю с докладами, а всем министерствам и ведомствам — оказывать всемерное содействие. Естественно, что единолично наладить работу один человек не мог, поэтому в ноябре 1913 г. в помощь ему создали совещательный орган — Временный Совет по делам физического развития народонаселения России.

В марте 1914 г. состоялось его первое заседание, в котором участвовали не только представители всех заинтересованных ведомств, но и сведущие лица, такие как председатель Всероссийского футбольного союза Р.Ф. Фульда, председатель Союза Русского Сокольства А.С. Гижицкий, председатель Союза Лаун-Теннис клубов А.Д. Макферсон и др.⁴ Открывая заседание, Главнаблюдающий выступил с речью о положении физического развития населения в России, ознакомив присутствующих с проектом организации физического развития населения, разработку которого поручил государь. В.Н. Воейков подчеркнул, что в то время, когда спорт необходим современной России в условиях надвигающейся войны, «...на физические упражнения, как и на физический труд многие в обществе смотрят с предубеждением». В огромной империи насчитывалось чуть меньше спортивных обществ, чем в маленькой Швеции, не говоря уже о Германии, где гимнастическую подготовку проходили более 1,1 млн чел. Поэтому развитие спорта рассматривалось как важная государственная задача, для решения которой необходимо создавать единую систему физического воспитания, базирующуюся на национальных традициях, принципах преемственности и всего лучшего из зарубежного опыта. Свою лепту в общее дело должна была внести и медицина, чтобы определить разумные пределы нагрузок для каждого.

Опыт организации физической подготовки в государствах Европы, Азии, Америки членам Совета осветил генерал-лейтенант Фёдоров. Он подчеркнул, что в европейской физической культуре заметное место заняла допризывная подготовка молодёжи, поскольку вооружённым силам требовались физические развитые, выносливые и дисциплинированные бойцы. В вековой ретроспективе эта активность воспринимается не столько благим, сколько зловещим начинанием, предчувствием мировой войны.

³ Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. Кн. 2. М., 1992. С. 121.

⁴ Запись первого заседания Временного Совета по делам физического развития народонаселения России 15 марта 1914 г. Б/г, б/м. 36 с.

Широкое распространение в мире получил скаутизм (Boy scouts) — форма внешкольного воспитания детей и подростков 8—18 лет, возникшая в Великобритании в 1909 г. стараниями полковника Р. Баден-Поуэлла (Баден Пауль, Баден Паул). Любители спорта в России были знакомы с переведёнными на русский язык пособиями «В помощь разведчикам» (1902) и «Юный разведчик» (2-е изд., 1910). Для российской действительности большое значение имела провозглашённая аполитичность скаутского движения, нацеленного на отвлечение молодёжи от революционной пропаганды⁵.

В то же время в России вспомнили о «потешных» военных отрядах, организуемых из детей царём Алексеем Михайловичем для военных игр наследника. Главными элементами направленной на мальчиков игры были обучение гимнастике, военному строю, стрельбе, пению патриотических песен. Большое значение имели организованность, дисциплина, наличие единой формы и символики. С лета 1911 г. государство пытается содействовать деятельности потешных отрядов, содержание которых, однако, целиком возлагалось на инициаторов и добрую волю местного населения. Особо отличившиеся потешные по вызову императора собирались на высочайший смотр в столицу.

Использовались и иные формы деятельности, направленные на более широкий охват населения. С начала 1914 г. Министерство народного просвещения испрашивает особый кредит на устройство детских площадок для игр и физических упражнений и для этого срочно собирает сведения о ситуации на местах. Организацией детских площадок занимались училищные комиссии, члены которых считали, что «наряду с серьёзным обучением грамоте, наряду с усвоением полезных знаний в школе, необходимо ещё вносить в душу ребёнка радость и веселье, а вместе с тем содействовать и физическому укреплению его организма».

Начавшаяся мировая война ярко проявила отставание России в деле допризывной подготовки будущих бойцов. «Театр» военных действий требовал новых «актёров». В циркуляре Департамента полиции от 31 января 1916 г. подчёркивалось, что «...доблестная русская армия нуждается в непрерывном пополнении убыли в рядах сражающихся новыми людьми, причём быстрота и качество их подготовки к военной службе в значительной степени должны оказать влияние на достижение общего успеха на театре военных действий»⁶. 8 декабря 1915 г. император подписал Положение Совета Министров о мобилизации спорта, в соответствии с которым повсеместно, где имелись спортивные и гимнастические общества, должны были создаваться военно-спортивные комитеты. В документе подчёркивалось, что главная цель мобилизации спорта — допризывная подготовка молодёжи. Прошедшие обучение получали знания и удостоверение, которые не только обеспечивали более быструю адаптацию к

⁵ Кашуба С.А. Становление физкультуры и спорта в Амурской области во второй половине XIX — начале XX вв. Благовещенск, 2003. С. 35.

⁶ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 463. Л. 11.

фронтальной реальности, но и давали преимущества при поступлении в учебные команды и школу прапорщиков пехоты. Не имея источников, сложно судить, насколько форсирование этого процесса в условиях войны привело к ощутимым результатам. Ясно одно, что увлечение спортом, таким, казалось бы, полезным делом, в результате завершилось массовым истреблением физически развитых (и не очень) людей на войне.

Не был в стороне от общих процессов и российский Дальний Восток. Крайне отдалённое, климатически суровое географическое положение, малонаселённость с преобладанием военных и казаков способствовали появлению спортивных объединений по интересам: охота, конные состязания, водный спорт и др. В общеимперской статистике спортивных обществ в 1910—1915 гг. на Дальний Восток приходилось 2% или 12 организаций, в том числе в с. Владимиро-Александровское на Сучане (р. Партизанская) и с. Спасское.

В 1909—1910 гг. в регионе военной подготовки занимались министерские школы, которые, по распоряжению командования Приамурского военного округа, получали оружие для учебных целей. Это были главным образом 3-линейные винтовки, не годные к практическому применению. В сохранившихся ведомостях школьного имущества, например школы в с. Майхе (Штыково), встречается упоминание о таких винтовках. Практиковалось также обучение детей военному делу с использованием деревянных ружей.

По данным, собранным в 1910 г. штабом Приамурского военного округа, обучение строю и военной гимнастике проводилось в 108 школах Приморской области. Под руководством отставных нижних чинов, учителей и просто крестьян занимались 3784 мальчика⁷. Многие из руководителей работали за мизерную плату, нередко бесплатно, как например поручик 1-го Восточно-Сибирского стрелкового полка Шепеловский. Его ученики из с. Раздольное на смотре показали прекрасные результаты в военной подготовке. Правда, ученики примерно трети школ области показали очень слабую подготовку или даже безрезультатное обучение. В крестьянских селениях Амурской области, из-за отказа жителей платить преподавателям такие занятия не проводились. В то же время в среде казаков физическое воспитание и обучение военному делу проводилось традиционно, на бытовом уровне. Причём навыки обращения с оружием, строевой подготовки, конной езды приобретали и девушки. Полученные в обыденной жизни навыки закреплялись на лагерных сборах, куда отправлялась молодёжь в возрасте от 17 до 21 г.

В 1910 г. во Владивостокском обществе спорта началось преподавание «сокольской» гимнастики под руководством преподавателя, специально приглашённого из Пражского общества соколов. Ежедневно занимались более 60 чел. Там же проходили уроки фехтования. Узнав об этом полезном начинании, размещённые во Владивостоке войсковые части выступили с

⁷ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 300. Л. 107—116.

предложением о подготовке для них инструкторов «сокольской» гимнастики. В короткое время были подготовлены таковые для 3-й дивизии, местных артиллерийских полков и сапёрного батальона. Деятельность Общества спорта в 1911 г. высоко оценил Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти как дело, правильно поставленное и очень полезное. В 1911 г. был зарегистрирован устав Хабаровского гимнастического общества «Амурский Сокол». Накануне войны гимнастика появилась в женских учебных заведениях. Например, с января 1914 г. занятия в Хабаровском городском Иннокентьевском женском училище вела учительница А.К. Сидорская. Спросом пользовалось «Наставление для обучения военному строю, гимнастике и играм в средне-учебных заведениях, народных, церковно-приходских и сельских школах» — пособие для учителей и учеников, подготовленное капитаном 60-го пехотного полка И.В. Семёновым, вышедшее в Одессе двумя изданиями 1910 и 1913 г. Оно позволяло самостоятельно разобраться в деле обучения военному строю. Торговые фирмы предлагали под заказ металлические гимнастические городки, оборудованные кольцами, канатами, лестницами и шестами для лазания, а также кружалами (гигантские шаги).

Как и повсеместно, в России стали создаваться детские площадки для физического развития детей на открытом воздухе. В Благовещенске, например, было зарегистрировано шесть таких площадок, однако в 1913 г. реально работали только две, при Народном доме и Теннис-клубе. Во Владивостоке волна учредительства привела к созданию целого ряда детских площадок, из которых наиболее известна Жариковская, а в 1910 г. создано городское Общество содействия и устройства детских развлечений.

На Дальнем Востоке появляются «потешные» войска, о которых сохранилось не так много информации⁸. Прежде всего потому, что в российских архивах преобладают документы органов управления. В создании же «потешных» очень многое зависело от личной инициативы, от людей, заражённых идеей физического и нравственного совершенствования молодёжи. В фонде канцелярии Приамурского генерал-губернатора сохранился любопытный проект организации «Амурской военно-земледельческой практической школы» (1909 г.), которая могла бы готовить резервы для размещённых в округе войск и дисциплинированных тружеников. Его автор, отставной генерал-майор Пржецлавский, движимый стремлением восстановить прежнее значение России в регионе после Русско-японской войны⁹.

Через два года доклад, к сожалению не обнаруженный, об организации «потешных» в школах края генерал-губернатору представил полковник артиллерии в отставке Н.А. Рыбалтовский. Ответа на своё предложение он не получил, однако с 1912 г., будучи надзирателем и руководителем уроков гимнастики в Техническом железнодорожном училище в г. Хабаровск,

⁸ К сожалению, автору единственной монографии о развитии спорта в регионе материалов о них обнаружить не удалось. См.: Кашуба С.А. Становление физкультуры... С. 35.

⁹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 300. Л. 92—93.

опробовал на практике составленные им программы и подготовил шесть учителей военного дела «...из более ловких и способных, могущих всё показать». Идея Рыбалтовского, как он выразил её в письме городскому голове г. Хабаровск 29 июня 1914 г., состояла в том, чтобы ввести такие занятия во всех училищах Хабаровска. Однако всеобщего охвата молодёжи военной подготовкой достичь не удалось.

В 1910—1911 гг. «потешные» — «стрелки-гимназисты» — из учеников мужской гимназии г. Владивосток занимались при 12-м Сибирском стрелковом полку (инструктор штабс-капитан В.А. Волков). Под его руководством будущие защитники изучали «сокольскую» гимнастику, строй, военно-патриотические песни, учились обращаться с оружием (малыши с деревянными ружьями, старшие — с берданками). Летом они участвовали в лагерных сборах. Через школу В.А. Волкова прошли до 100 гимназистов. В этом же году действовал отряд юных разведчиков при Команде конных разведчиков 36-го Сибирского стрелкового полка. Около 60 чел. были экипированы на средства командира полка, им выдали чёрные суконные рубашки с зелёными шнурами на плечах, папахи, шинели, деревянные ружья. В этом отряде имелся даже свой оркестр. Однако занятость Команды конных разведчиков основной службой и недостаток средств не позволили отряду стать долговечным.

Отличными результатами работы выделялись потешные организации при Янчихинском, Николаевском, Новокиевском и Алексеевском училищах. Военному делу здесь обучали, главным образом, детей корейских крестьян. В документах имеются упоминания о потешных войсках в Хабаровске, в Николаевске-на-Амуре (25 чел.) и Александровске-Сахалинском (20 чел.).

В 1912 г. в край прибыл полковник лейб-гвардии Семёновского полка Назимов для инспектирования дела физического воспитания молодёжи в Приамурском генерал-губернаторстве. Вместе с генерал-губернатором П.Ф. Унтербергером он участвовал в смотре «потешных» В.А. Волкова и дал высокую оценку их знаниям, пригласив на императорский смотр в Петербург. Материальное обеспечение поездки ложилось на плечи общественности и родителей, что позволяет выразить сомнения в справедливости имеющегося в литературе тезиса о рабоче-крестьянском составе «потешных» войск. Среди отличившихся «потешных» было 79 учеников Владивостокской гимназии (директор Д.И. Круглый). Это дети чиновников: А. Бартошевич, А. Лещинский, А. и К. Динсберги, И. и О. Дюковы, С. Красовский, А. Перлин, С. Ремезов и др., купцов и почётных граждан: Д. и П. Колышкины, В. Владивостоков, И. Гринберг, С. и Н. Унжаковы, В. и Е. Черновы и др., офицеров армии и флота: Б. Филонов, Л. Шаликов, В. Миронов, М. Латернер, П. Будберг, В. Панов и др. Кроме них Приморскую область в столице представляли 38 детей корейских крестьян из с. Янчихе (зав. училищем К.П. Ким, учитель Ф.И. Ким) и 45 чел. смешанного состава из с. Новокиевское. Примерно третью часть средств, требовавшихся на поездку, собрали родители и общественность. Сельские общества выделили 2500 руб., Владивостокская дума только 1000 руб. Исходя из

значимости мероприятия и отсутствия иных источников финансирования, военный губернатор М.М. Манакин организовал бесплатную доставку детей и 13 сопровождавших их лиц по железной дороге в специально оборудованном товарном вагоне¹⁰. Более чем вероятно, что эта поездка в июле 1912 г. в столицу оставила у ребят массу впечатлений, узнать о которых из архивных документов, к сожалению, практически невозможно.

Начало войны заставило спортивные организации активизировать мобилизационную работу. Владивостокское общество спорта организовало курсы допризывной подготовки лиц, подлежащих призыву в войска, а также курсы шоферов, ввиду большой надобности последних на фронте. В соответствии с Положением о мобилизации спорта весной 1916 г. на Дальнем Востоке России, на базе спортивных обществ, были созданы военно-спортивные комитеты (ВСК). Первый военно-спортивный комитет появился во Владивостоке 1 апреля 1916 г. (председатель В.И. Лавров). В состав комитета вошли директор гимназии Д.И. Круглый, директор Коммерческого училища Е.И. Луценко, чиновник князь Мещерский, члены Владивостокского общества спорта. Базовыми учреждениями для проведения занятий стали Общество спорта, мужская гимназия и Коммерческое училище. Занятия проводил член ВСК штабс-капитан Кедров. Для лагерных сборов допризывников свои услуги предложил 12-й Сибирский стрелковый полк¹¹. Как видим, предшествующая инициативная деятельность позволила в оптимально короткие сроки организовать работу комитета во Владивостоке.

Известный педагог А.Г. Кедровичанский возглавил работу по созданию ВСК в Хабаровске, и уже 23 мая прошёл первый смотр-испытание в допризывной подготовке 38 юношей, окончивших реальное училище. Занятия с ними проводил капитан Фризовский. В составе этого комитета преобладали чиновники и военные, включая городского голову А.В. Плюснина, чиновников В.А. Закревского, К.М. Теодоровича, подполковника П.З. Манковецкого и др.

В Никольске-Уссурийском военно-спортивный комитет также был создан при реальном училище под руководством директора В.С. Пулезо. Директор реального училища Е.Р. Скибицкий возглавил комитет в г. Николаевск-на-Амуре. Кстати, в его состав вошёл инспектор высшего начального училища надворный советник А.В. Могильник, сопровождавший в 1912 г. «потешных» Приморской области на императорский смотр. В Амурской области деятельность Благовещенского военно-спортивного комитета, первые собрания которого прошли 18 и 22 апреля, проходила под непосредственным руководством военного губернатора генерал-майора К.Н. Хагондокова. В комитет входили полковник, командир 301-й Вятской пехотной дружины Государственного ополчения Л.А. Болдок, руководители образовательных учреждений и инспекторы училищ И.Г. Гордиенко, Н.П. Покровский, Д.В. Солодов, Н.Д. Кульвановский, Н.П. Мизгирев,

¹⁰ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2229. Л. 18.

¹¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 463. Л. 37—38.

Ф.А. Максимов, Г.Ф. Орлов, ректор Благовещенской духовной семинарии протоиерей А.А. Миролюбов¹². Не обнаружена информация о создании военно-спортивных комитетов на Камчатке и Сахалине, где спортивных обществ не было и в предвоенный период. Однако Приамурский генерал-губернатор настаивал на проведении необходимой работы по их организации. Шталмейстер Н.Л. Гондатти очень серьёзно отнёсся к поставленной задаче по подготовке будущих воинов. Осознавая особенности российской бюрократической машины и возможные проволочки в утверждении составов комитетов в столице, он добился от Главнонаблюдающего права предварительно утверждать составы военно-спортивных комитетов, благодаря чему они начали действовать уже через три месяца после издания Положения.

Дальневосточные военно-спортивные комитеты занимались ежедневной допризывной подготовкой и обучением населения первичным навыкам гражданской обороны. Устраивали зрелищные спортивные мероприятия благотворительного характера: футбольные матчи, показательные выступления гимнастов; организовывали курсы автомобилистов, спасателей, милиционеров и др.

В последний период Первой мировой войны, а затем в годы интервенции и Гражданской войны большое развитие на Дальнем Востоке получило скаутское движение. Бойскаутские отряды действовали в Хабаровске, Благовещенске, Владивостоке. В них активное участие принимали девочки. Дальневосточные скауты издавали свои журналы, такие, например, как «Владивостокский скаут», «Забайкальский скаут» и др.¹³

Дело допризывной подготовки молодёжи продолжилось и в советское время. В течение шестидесяти лет (1931—1991 гг.) физическому развитию молодёжи способствовала подготовка и сдача норм комплекса готовности к труду и обороне (БГТО, ГТО). В современных условиях актуальность проблемы здоровья нации потребовала от Президента РФ В.В. Путина подписания 24 марта 2014 г. Указа о старте проекта по возрождению системы «Готов к труду и обороне»¹⁴. В связи с этим, знакомство с опытом прошлого может быть полезным и продуктивным.

¹² РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 463. Л. 50—51.

¹³ В региональных книгохранилищах сохранилось лишь несколько номеров этих изданий. См.: Библиографический указатель газет и журналов, выходивших на русском Дальнем Востоке до 1922 г. и хранящихся в библиотеках и архивах региона. Владивосток, 2010.

¹⁴ Российская газета. 2014. 27 марта. С. 2.

ВОЕННАЯ ПРОПАГАНДА И ОБРАЗ ВРАГА ВО ВЛАДИВОСТОКСКОЙ ПРЕССЕ 1914 г.

В.Л. АГАПОВ

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

28 июля 2014 г. исполнилось 100 лет с начала Первой мировой войны, оказавшей огромное влияние на историю человечества в XX в. Накануне войны город Владивосток являлся одним из крупнейших экономических, культурных и информационных центров на Дальнем Востоке России с населением около 75 тыс. чел. Здесь располагались современная крепость со своим гарнизоном, военно-морская база Сибирской флотилии, торговый порт. В 1913 г. в пяти городах Приморской области выходили 11 журналов и 23 газеты, из которых 8 журналов и 12 газет — непосредственно во Владивостоке¹. Правда, было лишь 5—6 функционирующих постоянно газетных изданий².

В памятной записке о печати в Приморской области от 3 марта 1914 г. владивостокский инспектор по делам печати (с 1906 г.) Н.В. Дюфур сообщал, что во Владивостоке выходили следующие повременные издания: газеты «Дальний Восток», «Далёкая окраина», «Русский Восток», «Восток» (временно издающийся вместо газеты «Приморский край»), «Текущий день», «Владивостокские епархиальные ведомости» и еженедельный журнал «Дальневосточный мир»³. В список не вошли научные издания: «Записки Общества изучения Амурского края», «Известия Восточного института», а также специализированные журналы.

Таблица

Владивостокская периодика по данным середины лета 1914 г.

Название газеты	Год основания	Тираж, экз.	Направление
Дальний Восток	1892	2500—2300	Правое
Далёкая окраина	1907	4000—5000	Либеральное
Текущий день / Новости дня*	1910/1915	1400	Левое
Владивостокские биржевые ведомости / Русский Восток*	1910/1914	?	Правое
Приморский край / Восток*	1911/1914	1000	Левое
Дальневосточный мир	1913	?	Левое

Примечание. * Отмеченные газеты созданы на основе более ранних изданий.

Из данных таблицы видно, что шесть изданий, выходивших накануне Первой мировой войны во Владивостоке, охватывали достаточно широкий диапазон идейно-политических направлений российской прессы периода 1907—1914 гг. Две газеты: «Дальний Восток» и «Русский Восток» были монархическими и националистическими, однако первая выступала с резкой

¹ Прудкогляд Т.В. Листая пожелтевшие страницы... К истории периодической печати Дальнего Востока России (1865—1917). Владивосток, 2000. С. 212—224.

² РГИА ДВ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 11. Л. 2.

³ РГИА ДВ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 11. Л. 33, 33 об., 34, 34 об., 35, 35 об.

критикой местной администрации, поэтому не пользовалась её доверием, а вторая, наоборот, рассматривалась властями как «полезная» и поддерживалась с их стороны. Либеральное направление представляла «Далёкая окраина», близкая к московскому «Русскому слову», которая имела наибольший тираж в городе, достигавший 5 тыс. экземпляров. К «левому» («вредному») направлению относились газеты «Текущий день», «Приморский край» (в 1914 г. — «Восток») и «Дальневосточный мир».

Автор работы из истории военных корреспондентов Филипп Найтли, говоря о журналистах Первой мировой войны, задавался вопросом: должен ли журналист говорить только правду, или в трудные времена ему следует быть патриотом и лгать, если его государство считает это выгодным⁴. Однако вряд ли возможно адресовать подобный вопрос издателям, редакторам и рядовым сотрудникам владивостокских газет, потому что объявленная Манифестом 17 октября 1905 г. свобода слова для российской печати оказалась во многом декларативной, и журналисты не стояли перед названной выше моральной дилеммой. Отечественной прессе, полностью зависимой от суда, полиции и цензуры⁵, запрещалось «возбуждение враждебного отношения к правительству», сообщение «ложных сведений о нём» и «распространение слухов»⁶. В фонде владивостокского инспектора по делам печати РГИА ДВ (Ф. 24) до сих пор хранятся многочисленные документы о привлечении редакторов газет к ответственности в различных формах: штрафы от 100 до 500 руб., аресты и тюремные заключения до одного месяца, конфискации тиражей газет.

20 января и 12, 20 и 26 июля 1914 г. во всех периодических изданиях был обнародован «Перечень сведений и изображений, касавшихся внешней безопасности России и её военно-морской и сухопутной обороны, оглашение и распространение коих... воспрещается»⁷, содержащий 25 пунктов. Среди них — сведения об устройстве, составе, численности сухопутных и морских сил, о расположении и передвижении всякого рода частей, о личном и командном составе, о технических средствах и боевых качествах армии и флота, о состоянии крепостей, о состоянии железных дорог. Запрещалось писать о потерях в личном и материальном составе.

20 июля 1914 г., т.е. на следующий же день после начала войны, было подписано «Временное положение о военной цензуре», в соответствии с которым изготовление матрицы тиснения подвергалось предварительному просмотру военным цензором, в обязанности которого входило также наблюдение за типографиями и книжной торговлей. Военные цензоры, просматривая предназначенный к выпуску в свет газетный материал, оценивали его не только с узковоенной точки зрения, но и с политической⁸. В

⁴ Knightley Phillip. The first casualty. From the Crimea to Vietnam: The War Correspondent as Hero, Propagandist and Myth Maker. New York and London, 1975. P. 81, 97, 109.

⁵ Жирков Г.В. История цензуры в России XIX—XX вв. М., 2001. С. 190—196.

⁶ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 4. Д. 654. Л. 50—52 об.

⁷ Нами для примера он взят с электронной версии газеты: Виленские губернские ведомости. 1914. 30 июля. С. 1—2.

⁸ Жирков Г.В. История цензуры в России XIX—XX вв. С. 196.

соответствии с установкой начальника Главного управления по делам печати А.А. Катенина (июль 1915 г.), «в эти исторические дни» печать должна была освещать государственные и общественные вопросы «в бодром, спокойном и объективном духе»⁹. Таким образом, с включением в неё политической составляющей, военная цензура на Дальнем Востоке, как и в целом по стране, приобретала тотальный характер.

Анализ содержания владивостокских газет 1914 г. показывает, что периодическая печать принимала активное участие в пропагандистской кампании в начале войны. Местные газеты пестрели публикациями телеграмм правительственного Санкт-Петербургского телеграфного агентства с сообщениями об «общем патриотическом подъёме русского общества»¹⁰, «многочисленных патриотических манифестациях»¹¹ во всех крупных городах России и «необычайном энтузиазме», с которым население повсеместно встретило начало мобилизации¹². 21 июля 1914 г. в «Далёкой окраине» вышел репортаж о патриотической манифестации во Владивостоке, в которой участвовали несколько тысяч человек¹³. Пресса предпринимала большие усилия по разъяснению общественности «великих задач» войны и созданию образа врага.

Изучение соответствующих публикаций в газетах «Дальний Восток» (с 1915 г.), «Далёкая окраина» (с 1914 г.), «Дальневосточный мир», «Русский Восток» (обе — 1914 г., за другие годы подшивки не сохранились) позволило установить, каким образом местные газеты пытались заставить читателей «забыть внутренние распри» и достигнуть «единения царя с его народом». Так, вся вина за развязывание войны однозначно возлагалась на противника. Особенно в этом преуспела либеральная «Далёкая окраина», которая писала, что «ответственность за это падает исключительно на головы властей Австрии и Германии. Ибо в этой войне славянство будет вести оборонительную войну от волн наступающего германизма»¹⁴. Борьба эта освящается «высокими идеями защиты родины, своего очага, своей культуры, всего, что есть самого дорогого для человека»¹⁵. Постоянным рефреном звучала мысль о том, что «Россия не ищет завоеваний в этой войне»¹⁶, но что она всего лишь хочет освободить из немецкого и турецкого рабства братьев-славян, братьев-армян, и что она, воодушевлённая высокими идеалами, борется против милитаризма и за вечный мир во всём мире. Дополнительными доказательствами этих идеологем стали перепечатаваемые «Далёкой окраиной» цитаты из статей и выступлений великих писателей Герберта Уэллса, Мориса Метерлинка и других, оправдывавших войну против Германии.

⁹ А.А. Катенин о цензуре и о ближайших задачах печати // Далёкая окраина. Владивосток, 1915. 4 июля. С. 2.

¹⁰ Телеграммы // Далёкая окраина. Владивосток, 1914. 16 июля. С. 2.

¹¹ Заявление русского правительства // Далёкая окраина. Владивосток, 1914. 17 июля. С. 2.

¹² Манифестации в России // Далёкая окраина. Владивосток, 1914. 19 июля. С. 2.

¹³ Хроника. Патриотическая манифестация во Владивостоке // Далёкая окраина. Владивосток, 1914. 21 июля. С. 2.

¹⁴ М.В. Усилия Англии // Далёкая окраина. Владивосток, 1914. 19 июля. С. 1.

¹⁵ Н.С. Мобилизация // Далёкая окраина. 1914. 20 июля. С. 2.

¹⁶ Чарин. Народ-освободитель // Далёкая окраина. 1914. 22 окт. С. 4.

Наиболее яркий пропагандист войны из «Далёкой окраины» Новиков-Сибирский (М.В. Вознесенский) призывал общество «отбросить семейные споры и счёты», «отложить партийные разногласия» и «соединиться в один могучий порыв»¹⁷. «Бронированный кулак Германии разобьётся о доблесть и силу русско-французского оружия, и Европа тогда только вздохнёт свободно от кошмара вооружённого мира. Победоносная война России, Франции и Англии — означает победу мирной культуры над царством грубой силы. И мы верим в это грядущее торжество права и справедливости»¹⁸. «Враг встретит единодушный отпор», — повторяла, хотя и с меньшей уверенностью, газета «Русский Восток»¹⁹.

Описывая приём и проводы запасных во время начавшейся во Владивостоке с сентября 1914 г. мобилизации, газетные хроникёры отмечали, что всё население чувствовало серьёзность момента, а мобилизованные стремились как можно быстрее попасть в действующую армию и сразиться с немцами: «наши сограждане исполняют свой долг, являясь немедленно на призывные пункты»²⁰, при прощании с семьями «причитанья, даже слёз не видно...»²¹

В участии России в европейской войне публицисты искали и находили высший смысл, связывая с войной надежды на моральное оздоровление нации. «Далёкая окраина» в редакционной статье «Плечом к плечу» писала, что «великое и возвышающее чувство солидарности рождается из великих испытаний»²², а в статье «Пессимизм и оптимизм» утверждала, что «всюду здоровый оптимизм... Сотни миллионов лучших и благороднейших сердец мира бьются в унисон друг с другом...»²³ По мнению «Русского Востока», «единение побеждает все препятствия, стоящие на пути»²⁴. «Замолкла рознь между интеллигенцией и народом. Наступило общественное единение...»²⁵ «Война... всех нас совершенно переродила. Слова “Родина”, “Отечество” — исполнились для нас особым, глубоким значением...»²⁶ Утверждалось даже, что война «сковала снова прочной единой цепью... связь отцов и детей...» и «к новым победам мы пойдём, окутанные ароматом и свежей благоухающей поэзией юности»²⁷.

Газетные литературные критики считали, что война должна соединить художественную мысль с «подлинным руслом народной жизни» и «создать литературное явление большого значения и художественного веса»²⁸.

Вполне естественно, что газеты апеллировали и к религиозным

¹⁷ Новиков-Сибирский. На защиту родины // Далёкая окраина. 1914. 22 июля. С. 2.

¹⁸ Новиков-Сибирский. Германия — царство бронированного кулака // Далёкая окраина. 1914. 23 июля. С. 2.

¹⁹ Владивосток, 30 июля 1914 г. // Русский Восток. Владивосток, 1914. 30 июля (12 авг.). С. 2.

²⁰ Хроника. Мобилизация // Далёкая окраина. 1914. 17 сент. С. 3; Новиков-Сибирский. В путь-дорогу! // Далёкая окраина. 1914. 19 сент. С. 2.

²¹ Чарина Е. Проводы запасных // Далёкая окраина. 1914. 19 сент. С. 2.

²² Плечом к плечу // Далёкая окраина. 1914. 15 авг. С. 3.

²³ Леонов А. Пессимизм и оптимизм // Далёкая окраина. 1914. 7 сент. С. 1—2.

²⁴ Владивосток, 5 декабря 1914 г. // Русский Восток. 1914. 5 дек. С. 2.

²⁵ Листки // Русский Восток. 1914. 7 окт. С. 2.

²⁶ Ленский Вл. Пробуждение // Русский Восток. 1914. 30 окт. С. 2.

²⁷ Old. Энтузиазм молодости // Русский Восток. 1914. 30 окт. С. 2.

²⁸ Черномор. Война и литература // Дальний Восток. 1915. 1 янв. С. 2.

чувствам читателей. «Далёкая окраина» 1 января 1915 г. сравнивала Новый год с годом рождения Христа и возлагала на него надежды на исполнение заветов Христа людям²⁹. 9 января она опубликовала изложение лекции бывшего марксиста, философа, богослова С.Н. Булгакова, в которой, между прочим, были и такие слова: «Рушится мещанский мир Европы, и под его личиной вдруг явилось нам истинное лицо средневекового рыцаря, полного религиозного воодушевления»³⁰. Война с Германией и Австро-Венгрией интерпретировалась как борьба «...мирных, стремящихся к культурному спокойному развитию народов Европы с... культом бронированного кулака, с принципами грубой силы»³¹.

К концу 1914 г., когда стало ясно, что война не получится короткой и победоносной, для её оправдания понадобились новые аргументы. «Далёкая Окраина» снова особенно отличилась в этом, вызвав из прошлого призраки давно уже покойных Чернышевского и Герцена и написав 10 ноября, что они поддерживали идею войны России с Германией³². Очевидно, расчёт строился на популярности этих авторов в оппозиционных к власти кругах, но особенно среди молодёжи. Для старшего поколения использовался тезис о том, что Бог на стороне России. Впрочем, это делалось в прессе всех стран.

Важным направлением в газетной пропаганде являлось создание образа врага, над которым трудились почти все газеты. Негативный образ создавался рубриками «Зверства германских войск» и «Жестокости германцев». Как правило, они имели вид сообщений, полученных по телеграфу из Франции и Бельгии. К примеру, «Морфонтене. Близ Хонгви немцы расстреляли двух 15-летних мальчиков, предупредивших французских жандармов о приближении неприятеля. Французский унтер-офицер, раненый в Бламоне, был приколот немцами»³³. «Префект департамента Мерт и Моель сообщает, что немцы совершают повсюду акты возмутительной жестокости. В округах Бадонвилье, Сирей и Бламон немцы расстреляли много стариков, девушек и детей»³⁴. Истории о «зверствах германцев» в целях пропаганды фабриковало французское Бюро де ла Пресс³⁵. Однако в 1914 г. журналисты пытались подвести под них теоретическую базу.

В националистическом «Русском Востоке» немцы назывались «врагами всего человечества, всего того, что не подчиняется их воле», «варварами» и «культурными мародёрами»³⁶. «Далёкая окраина» утверждала, что у немцев якобы есть «строго разработанные заранее планы ограбления того или иного государства или города»³⁷. Автор статьи «Немцы» полагал, что после победы над Францией в 1870 г. «немцы убедились в том, что на их стороне сила»³⁸ и что ими овладел «воинственный дух»³⁹.

²⁹ Н. К-овъ. 1915-й год // Далёкая окраина. 1915. 1 янв. С. 2.

³⁰ Война и русское самосознание // Далёкая окраина. 1915. 9 янв. С. 1.

³¹ Война или мир? // Далёкая окраина. 1914. 4 сент. С. 2.

³² Чернышевский и Герцен о немцах // Далёкая окраина. 1914. 10 нояб. С. 1.

³³ Зверства германских войск // Далёкая окраина. 1914. 27 июля. С. 2.

³⁴ Жестокости немцев // Далёкая окраина. 1914. 8 авг. С. 1.

³⁵ Knightley Ph. Op. cit. P. 83.

³⁶ Предел варварства // Русский Восток. 1914. 3(16) авг. С. 2.

³⁷ Современные ландскнехты // Далёкая окраина. 1914. 15 авг. С. 3.

³⁸ Немцы // Далёкая окраина. 1914. 24 авг. С. 2.

³⁹ Немцы // Далёкая окраина. 1914. 27 авг.

Упомянутый выше журналист из «Далёкой окраины» Новиков-Сибирский (М. Вознесенский), рассказывая о разрушении германской армией Реймского собора (статья «Проклятие войны»), оценил действия германских военных как преступление «против культуры, перед которыми бледнеют набеги сарацин и турок...»⁴⁰ В другой статье он подчёркивал, что «Вандализм, проявленный германскими войсками, породил уныние и разочарование в силе духовной культуры среди тех, кто верил в немцев как в культурную нацию»⁴¹.

Либеральной прессе вторила и правая, монархическая печать. 5 декабря 1914 г. автор «Русского Востока» В. Ленский в статье «Немецкая культура» ничтоже сумняшеся писал: «Не будем лучше говорить о немецкой культуре, ибо её у них вовсе не оказалось»⁴².

Подводя итог «Ужасам войны и зверствам немцев», «Далёкая Окраина» весной 1915 г. пришла к выводу, что «германские зверства — это не случайное явление, а явление массовое, типичное для германской армии и народа. При таких условиях и ответственность за эти зверства, коими запятнала Германия имя европейца, должна пасть на всю Германию, на весь народ её от самых его низов и до верхов»⁴³.

В газете правого националистического направления «Русский Восток» антинемецкая пропаганда с первых дней войны начала принимать уродливые формы. Как писал 10 августа 1914 г. журналист николюк-уссурийской газеты «Уссурийский голос» в статье «Единение» по поводу нападок суворинского «Нового времени» на кадетскую газету «Речь», «бывшие германофилы очень быстро переменили тактику и, приспособившись к новым обстоятельствам, стали яркими германофобами»⁴⁴.

27 июля 1914 г. «Далёкая окраина», говоря о первых добровольцах, поместила на третьей полосе фотографию прапорщика Александра Даттана, сына владельца немецкого торгового дома «Кунст и Альберс», выехавшего добровольцем в действующую русскую армию. 29 июля «Русский Восток» поместил письмо, в котором выражалось «недоумение: чем успел проявить себя г. Даттан». 24 августа «Русский Восток» перепечатал из санкт-петербургской газеты «Свет» статью Далинского «На Дальнем Востоке»⁴⁵, представлявшую, фактически, донос на фирму «Кунст и Альберс». «Воюя с внешним врагом, — писал Далинский — нужно обратить внимание на врагов внутренних, немецких подданных немцев, в громадном количестве живущих у нас в России и сугубо растаскивающих наше добро... Вся крупная торговля, вся промышленность страны в руках немцев. Немцы всюду и везде в почёте, перед ними заискивают, их боятся все...» Автор статьи утверждал также, что местные власти покровительствуют немцам, делая это в ущерб русским фирмам таким, как «Чурин и К°».

⁴⁰ Новиков-Сибирский. Проклятие войны // Далёкая окраина. 1914. 12 сент. С. 1.

⁴¹ Печать. Будем же мужественны // Далёкая окраина. 1914. 27 сент. С. 2.

⁴² Ленский В. Немецкая культура // Русский Восток. 1914. 5 дек. С. 2.

⁴³ Ужасы войны и зверства немцев // Далёкая окраина. 1915. 21 мая. С. 1.

⁴⁴ Н.А. «Единение» // Уссурийский край. 1914. 10 авг. С. 2.

⁴⁵ Далинский. На Дальнем Востоке // Русский Восток. 1914. 24 авг. С. 2.

Тираж номера «Русского Востока» за 24 августа 1914 г. выкупили сотрудники фирмы «Кунст и Альберс», но статья с разрешения военного губернатора Приморской области вышла отдельной брошюрой⁴⁶. Этот случай показывает, что местные власти, настроенные черносотенски поддерживали оголтелую антинемецкую кампанию, развёрнутую «Русским Востоком». Благодаря такой поддержке, газета продолжала выступать против немцев, обвиняя их во всех бедах России и требуя конфисковать имущество немецких фирм.

5 ноября 1914 г. в статье «Необходима осторожность» не назвавшийся автор «Русского Востока» рассуждал о том, что неплохо было бы уничтожить всех немцев или загнать их в резервацию, но так как это негуманно, то есть более «...действительное средство предупреждения повторного засилья России немцами. Это... беспощадный бойкот как во время войны, так в особенности по наступлении мира, не только немецких товаров и немцев всех профессий, но всего вообще возбуждающего хотя бы только подозрение в родственности Германии...»⁴⁷

Однако германофобия «Русского Востока» встретила резкое неприятие владивостокской общественности. Против газеты выступила и большая часть городской прессы. Первым в борьбу вступил небольшой социалистический листок «Дальневосточный мир», редактором которого был народный учитель Пётр Макаев. В № 47 газеты от 6 декабря 1914 г. появилась статья редактора «Без заглавия». В ней говорилось о «некоем зело честном и в великом фаворе у начальства обретающемся редакторе», германофобе, который шантажирует немцев, травит их поголовно, строчит на них лживые доносы. Макаев писал, что «...ни один уважающий себя русский гражданин» «...не должен и не может считать каждого немца ответственным за деяния Гогенцоллернов, не может отказывать немцу в честности и порядочности». «...Я положительно не в силах видеть... такого непроходимо глупого, такого бесконечно подлого отношения к немцам без разбора...» Впрочем, писал далее редактор «Дальневосточного мира», к направлению «Русского Востока» городское общество относится враждебно, и теперь его «читают только околоточные надзиратели, да и те даром...»⁴⁸

Выпад по адресу «Русского Востока» дорого стоил «Дальневосточному миру». За статью «Без заглавия» газету Макаева закрыл приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти. Данный случай административного вмешательства в поддержку «Русского Востока» показал, что симпатии дальневосточной администрации были на стороне черносотенных сил.

После закрытия газеты Макаев выпустил журнал с таким же названием «Дальневосточный мир», который придерживался прежней позиции. Редактор писал: «В патриотическом усердии русские националисты подражали немцам, и чем больше старались от них очиститься, тем больше

⁴⁶ РГИА ДВ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 31. Л. 34.

⁴⁷ «Необходима осторожность» // Русский Восток. 1914. 5 нояб. С. 3.

⁴⁸ Макаев П. Без заглавия // Дальневосточный мир. 1914. 6 дек. С. 2.

на них походили...»⁴⁹ Не просуществовав и недели, этот журнал также был закрыт в декабре 1914 г., однако свою роль он сыграл. В январе 1915 г. «Далёкая окраина» начала на своих страницах дискуссию о русских немцах. С февраля перегибы антинемецкой пропаганды начал остроумно высмеивать в фельетонах «Дальний Восток».

Смысл происходившего начал доходить до правящих кругов России после того, как взращённая прессой германофобия спровоцировала немецкие погромы, произошедшие во многих городах в 1915 г. В секретном циркуляре Главного управления по делам печати от 4 июня 1915 г., подписанном министром внутренних дел Н.А. Маклаковым, по этому поводу недвусмысленно говорилось, что «оппозиционные издания» пропагандируют «освобождение России от германского засилья» «в целях дискредитирования правительственной власти», а также содержался приказ губернаторам не позволять газетам антинемецких высказываний⁵⁰. Одним из результатов этого приказа стало закрытие газеты «Русский Восток», разделившей в некотором роде судьбу «Дальневосточного мира». Вообще из всех владивостокских газет, выходивших в начале Первой мировой войны, до 1917 г. «дожили» только наиболее старые и авторитетные — «Дальний Восток» и «Далёкая окраина», хотя направление обеих в годы войны сильно «полевело». Но это уже другая история.

⁴⁹ Номинculus. Кукишборцы // Дальневосточный мир. Еженедельный журнал. 1914. 14 дек. С. 1—3.

⁵⁰ РГИА ДВ. Ф. 24. Оп. 1. Д. 2. Л. 129, 129 об., 130.

ВЛИЯНИЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА РАЗВИТИЕ АНТИМИЛИТАРИЗМА В ЕВАНГЕЛЬСКО-БАПТИСТСКОЙ СРЕДЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ)

Н.В. ПОТАПОВА

Сахалинский государственный университет, г. Южно-Сахалинск

Одной из проблем в отношениях российского государства и евангельских христиан и баптистов на протяжении долгого времени является военная служба. Принятое Всероссийским съездом баптистов в 1905 г. вероучение в 13-м разделе гласило: «Мы считаем себя обязанными, когда потребует этого начальство, нести повинности военной службы...» В вероучении евангельских христиан, опубликованном в 1910 г., в 15-й главе записано следующее: «Мы признаём воинскую повинность как оброк, но имеем общение с теми, кто иначе мыслит в этом вопросе»¹. До Первой мировой войны верующие исследуемых деноминаций не заявляли о своих антимилитаристских позициях, однако с началом военных действий данный вопрос приобрёл для евангельских христиан и баптистов особенную остроту². Именно под влиянием военных и революционных событий евангельские христиане и баптисты наряду с другими верующими (убеждёнными противниками всякой военной службы оставались духоборцы, толстовцы, нетовцы, меннониты) стали переходить на позиции антимилитаризма: «Ужасы Первой мировой войны и начавшейся Гражданской войны... вселили в сердца людей отвращение к войне и привели в конечном итоге к отрицательному отношению многих верующих к военной службе. Случаи отказа братьев от участия в войне по религиозным убеждениям участились и приобрели в некоторых местах массовый характер...»³ Немалую роль в распространении пацифизма в России сыграла и широкая популярность учения Л.Н. Толстого. За время с начала Первой мировой войны по 1 февраля 1917 г. из 150 тыс. баптистов и евангельских христиан 343 были осуждены военными судами за отказ воевать по религиозным убеждениям, из них — 103 баптиста и 240 евангельских христиан⁴. В условиях быстро милитаризирующегося общества евангельским верующим предстояло сделать выбор — либо идти по пути милитаризации, и, следовательно, обречь себя на постоянное нарушение заповедей, либо вступить в противоречие с обществом и властью, заявив о своём антимилитаризме.

¹ История евангельских христиан-баптистов в СССР. М., 1989. С. 176.

² Советское государство и евангельские церкви Сибири в 1920—1941 гг.: документы и материалы / Составление, вступительная статья и комментарии А.И. Савина. Новосибирск, 2004. С. 10—11.

³ История евангельских христиан-баптистов в СССР... С. 176—177; Советское государство и евангельские церкви Сибири в 1920—1941 гг.... С. 11; Ствольгин К.В. Отказы от военной службы вследствие убеждений в Российской империи. Минск, 2010. С. 101.

⁴ Клибанов А.И. История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX в. — 1917 г.). М., 1965. С. 275—276. По другим данным, с 20 июля 1914 г. по 1 апреля 1917 г. военно-окружными судами было осуждено: евангельских христиан — 256, баптистов — 154 (Кандидов Б. Религиозная контрреволюция 1918—1920 гг. и интервенция. М., 1930. С. 97; эти сведения взяты автором из журнала сектантов «Истинная свобода» за 1920 г.). Немногим отличаются сведения, приводимые К.В. Ствольгиным, — 256 евангельских христиан, 114 баптистов и шундистов (Ствольгин К.В. Отказы от военной службы... С. 101).

В 1952 г. Р. Нибуэр, известнейший протестантский философ, опубликовал труд «Почему христианские церкви не пацифисты?», где отмечал, что всякий раз, когда обостряется историческая ситуация, возобновляются споры, должна ли церковь быть пацифистской. Грех, как фактор человеческой истории, не даёт возможности находиться церкви на исключительно пацифистских позициях⁵. В этом смысле он рассматривал христианский пацифизм как версию христианского перфекционизма, как выражение «подлинного импульса принять закон Христа всерьёз и не следовать за политическими течениями, которые руководствуются греховными склонностями человека и закрепляют греховность человека»⁶. Приблизительно так и рассуждали русские евангельские христиане и баптисты в годы Первой мировой, а затем — Гражданской войны.

Историки советского периода отрицательно оценивали стремление баптистов и евангельских христиан перейти на антимилитаристские позиции. Специалист в области исследования истории и философии баптизма Л.Н. Митрохин, не принимая во внимание возможную трансформацию взглядов под воздействием конкретных исторических обстоятельств, в опубликованной в 1997 г. монографии назвал «уловкой» ссылки баптистов на «пацифизм», как неотъемлемый элемент баптизма, а призывы не брать в руки оружие со стороны евангельского руководства расценивал, как проявление «...более или менее открытой оппозиции к совершившимся в стране преобразованиям»⁷.

Примечательно, однако, что под воздействием Первой мировой войны, даже русско-украинские эмигранты из евангельско-баптистской среды в США, проживавшие в мирных и сытых американских условиях, высказывали антимилитаристские взгляды. Так, И. Давыдюк в журнале «Сеятель истины» в 1916 г. писал: «Кажется довольно ясно понятно всем, что вышло на европейских народах, где целыми десятками лет приготавливались и вооружались, а теперь виден весь результат этого сатанинского дела, от их приготовленности загорелся весь мир. Я не пойду вооружаться пушками и пулемётами против моего ближнего, ибо это против Христа... Вожди мира сего с духовенством поощряют народ к вооружению и взаимному истреблению. Они давно уже продали свою совесть и служат больше долларам, чем Богу». Писали баптистские авторы в те годы и о «братоубийственном патриотизме», санкционируемом, в частности православной церковью, и т.п.⁸ В этом плане представляется, что не верно связывать развитие пацифистских настроений в среде евангельского христианства и баптизма исключительно с большевистской революцией и Гражданской войной, как это делает видный современный исследователь истории евангельского христианства А. Пузынин, отмечающий, что в

⁵ Neibuhr R. Christianity and power politics. NY: Charles Scribner's Sons, 1952. P. 21.

⁶ Neibuhr R. Christianity and power politics... P. 4.

⁷ Митрохин Л.Н. Баптизм: история и современность (философско-социологические очерки). СПб., 1997. С. 366—367.

⁸ Давыдюк И. О вооружении людей // Сеятель. 1916. Июнь. № 4. С. 7; Давыдюк П.И. Начертание зверя // Сеятель. 1917. Июнь. № 3. С. 2—3.

условиях раскола и противостояния в обществе «евангельские христиане решили занять нейтральную позицию, встав на позиции пацифизма»⁹. Зародившись и распространившись первоначально именно в связи с Мировой войной, пацифистское движение в этой части общества стало распространяться после Февральской, а затем Октябрьской революций.

По мере ухудшения ситуации в период между Февралём и Октябрём проходит упоение первыми результатами революции. Баптистский журнал «Слово истины» писал: «Прекрасная свобода обернулась в мерзкое распутство»¹⁰. О нарастающем ощущении хаоса летом 1917 г. в конфессиональной прессе сообщалось так: «Праздник приветствий, «признаний» и восхвалений русской революции нужно считать законченным. ...Слишком уж высоко подняла голову анархия... А над всеми этими злокачественными нарывами грозной тучей нависла проклятая война, ...которой всё ещё не видно конца...»¹¹ Призывы верующих и их руководителей, правда, бесплодные, к миру в обществе, к прекращению «дикого братоубийства» активно звучали в конфессиональной прессе после Февральской революции. На протяжении лета—осени 1917 г. в конфессиональной прессе появляются публикации антимилитаристского характера¹². Так, в журнале «Гость» в июле 1917 г. известный баптистский деятель И.В. Непраш опубликовал статью «Об освобождении проповедников от военной службы», в которой разъяснял порядок ходатайства об освобождении от военной службы, но только для руководящего состава общин¹³.

После Октябрьской революции в евангельско-баптистской прессе вопрос об отношении к войне продолжал оставаться актуальным. В ноябре 1917 г. редакция журнала «Слово истины» объяснила свою позицию следующим образом: «Насилием не создать шатров мира. Взявший меч мечом и побеждается»¹⁴. Тогда же была размещена анкета на тему «Христианство и война», предваряя которую, редакция задала вопрос своим читателям: «Могут ли и должны ли верующие на основании Слова Божия идти на войну с оружием в руках и участвовать в кровопролитии?» и предложила желающим высказаться по этому поводу на страницах журнала¹⁵.

В период Гражданской войны в конфессиональной прессе размещались материалы антивоенного характера. К примеру, журнал «Слово истины» писал: «Кровь, пролитая на земле от Авеля и до последнего человека, погибшего в мировой или братоубийственной гражданской войне... вопиет к

⁹ Пузынин А. Традиция евангельских христиан: изучение самоидентификации и богословия от момента её зарождения до наших дней. М., 2010. С. 292—293.

¹⁰ На распутье // Слово истины. 1917. № 5—6. Авг. С. 65—66.

¹¹ Что-то будет? // Слово истины. 1917. № 2—3. Июнь. С. 17—18.

¹² Александров Мих. Законы жизни // Слово истины. 1917. № 4. Июль. С. 49—50; Тимошенко М.

Братолюбие // Слово истины. 1917. № 2—3. Июнь. С. 19—21.

¹³ Непраш В.И. Об освобождении проповедников от военной службы // Гость. 1917. № 7. Июль. С. 109.

¹⁴ Христианство и политпартии // Слово истины. 1917. № 13—14. Ноябрь. С. 183—184; Забицкий Антон.

Вместо митинга // Слово истины. 1917. № 13—14. С. 190—191.

¹⁵ Христианство и война // Слово истины. 1917. № 13—14. Ноябрь. С. 197.

Богу... К величайшему стыду человеческого рода, а людей науки, культуры и религий в особенности, это огромнейшее по своему безумию и продолжительности зло не только не уничтожается, а прогрессирует...»¹⁶

В предвоенный период в отечественном законодательстве Российской империи уже имелся прецедент замены военной службы с оружием в руках для верующих-антимилитаристов, но он касался только меннонитов, которые до 1874 г. не призывались на военную службу. После проведения военной реформы часть меннонитов эмигрировала, оставшиеся пошли на компромисс, согласившись отбывать воинскую обязанность без ношения оружия. Под воздействием Первой мировой войны идея альтернативной гражданской службы также широко распространилась в Европе. В Великобритании право граждан на альтернативную гражданскую службу было признано в 1916 г., в Дании — в 1917 г.¹⁷ Следующей страной оказалась Советская Россия, правительство которой декретом от 4 января 1919 г. узаконило право граждан РСФСР на освобождение от воинской повинности. В период Гражданской войны antimилитаристские взгляды протестантов могли трактоваться как оппозиция тому или иному режиму, однако декрет 4 января 1919 г. «как бы узаконил создавшееся настроение и открыл законный путь для освобождения от воинской повинности»¹⁸. Декрет высоко оценили и поддержали руководство и верующие исследуемых конфессий. На Третьем всемирном конгрессе баптистов их лидер П.В. Павлов отмечал, что «...изданный Советским правительством декрет об освобождении от воинской службы по религиозным убеждениям является выдающимся по своему значению актом в области религиозной свободы, не имеющим прецедента в законодательстве других стран»¹⁹.

Антимилитаристские идеи продолжали развиваться в евангельско-баптистском братстве и после издания декрета. Съезд баптистов в мае—июне 1920 г. зафиксировал в своих резолюциях, что каждый баптист должен считать своим священным долгом открыто отказываться от воинской службы во всех её видах (даже от обучения военному делу). «...Участие... в пролитии человеческой крови при всяком государственном строе [является] преступлением против совести». Предлагалось также внести пункт об отказе от воинской службы в текст баптистского вероучения. Вопрос о допустимости замены службы в армии исполнением общегражданских обязанностей съезд предоставлял каждому верующему решать для себя самостоятельно²⁰. В сентябре 1922 г. лидер евангельских христиан И.С. Проханов опубликовал воззвание «Голос с Востока», одобренное на 8-м

¹⁶ Федосеев-Вязьмитов Д. Не лишай жизни // Слово истины. 1920. № 3. С. 18.

¹⁷ Савин А.И. Альтернативная гражданская служба в советской России в 1920—1930-е годы: нормативно-правовое поле и практическая организация // Институты гражданского общества в Сибири (XX — начало XXI в.): сб. науч. ст. / под ред. В.И. Шишкина. Новосибирск, 2009. С. 76.

¹⁸ Иванов-Клышников П.В. Доклад на 26-м всесоюзном съезде баптистов СССР // 26-й всесоюзный съезд баптистов СССР. М., 1927. С. 104.

¹⁹ Павлов П.В. Доклад от имени русской делегации на всемирном конгрессе баптистов в Стокгольме 26 июня 1923 г. // Баптист. 1925. № 2.

²⁰ Крапивин М.Ю., Лейкин А.А., Далгатов А.Г. Судьбы христианского сектантства в Советской России (1917 — конец 1930-х годов). СПб., 2003. С. 50.

съезде ВСЕХ в декабре 1921 г., в котором призывал христиан мира отказываться от участия в войнах с оружием в руках, выразив этим пацифистские взгляды евангельских христиан.

Впоследствии государство осознало невыгодность и опасность допущения антимилитаристских взглядов в советском обществе. Было признано, что одной из основных причин роста «сектантских организаций» является антимилитаристское законодательство, что привело к последующей корректировке Декрета от 4 января 1919 г. Позднее были приняты и репрессивные меры с целью принудить руководство конфессий оказать влияние на верующих в направлении «добровольного» признания ими обязательности строевой службы с оружием в руках²¹. В апреле 1923 г. И.С. Проханова вызвали по поводу воззвания «Голос с Востока» в Москву и арестовали. Под давлением со стороны сотрудников ГПУ И.С. Проханов подписал послание к единоверцам с призывом признать воинскую повинность обязанностью евангельских христиан, которое немедленно опубликовали в центральной прессе²². Под давлением ОГПУ состоялись съезды баптистов и евангельских христиан, признавшие военную службу советскому государству обязанностью всех верующих, принадлежащих к этим конфессиям²³.

Источники конфессионального происхождения содержат факты, позволяющие реконструировать некоторые моменты из истории евангелиско-баптистского движения в период Гражданской войны, взаимоотношений верующих и властей, верующих и общества, в частности, касающиеся антимилитаризма дальневосточных верующих. Для представителей новой, революционной власти отказ баптистов и евангельских христиан от участия в Гражданской войне и проповедь антимилитаризма были равносильны открытому предательству. В условиях войны борьба с сектантами-антимилитаристами приобретала вид несанкционированных вышестоящей властью расправ, самосудов, избиений, убийств.

Заслуживает внимания информация о событиях 1920 г. в г. Николаевск, показывающих отношения верующих с красными партизанами. Основным событием стал так называемый «николаевский инцидент», точнее, серия инцидентов, случившихся с марта по май 1920 г.²⁴ Весьма показательным является и свидетельство, зафиксированное в архивном документе — выписке из письма С. Каменева «Жизнь евангельских христиан гор. Николаевска на Амуре во время происходивших в нём событий с 21 мая по 3 июня 1920 года»²⁵. Штаб Тряпицына организовал в городе 16 мая, в

²¹ Советское государство и евангельские церкви Сибири в 1920—1941 гг. ... С. 17.

²² Савинский С.Н. История евангельских христиан-баптистов Украины, России, Белоруссии (1917—1967 гг.). Ч. 2. СПб., 2001. С. 31; Religion in the Soviet Union: An Archival Reader / Ed. by Felix Corley. New York: New York University Press, 1996. P. 47—50.

²³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 509. Л. 96—99; Religion in the Soviet Union: An Archival Reader, P. 13—14.

²⁴ Smith C.F. Vladivostok under Red and White rule: Revolution and Counterrevolution in the Russian Far East, 1920—1922. Seattle and London: University of Washington Press, 1975. P. 35.

²⁵ ГАПК. Ф. П-61. Оп. 1. Д. 320. Л. 5—7. Интересный и пока загадочный для исследователя момент связан с появлением этого материала в дальневосточном баптистском журнале «Благовестник» в августе 1920 г. (Каменев С. События в Николаевске-на-Амуре с 15 мая по 3 июля 1918 г. // Благовестник. 1920. № 8. Авг.

воскресенье, общественные оборонительные работы, в которых участвовать отказались евангельские христиане: «Для существующей... власти — день горячей работы, а для нас, христиан, — день горячей молитвы...», в связи с чем, «...несмотря на категорическое приказание под страхом расстрела мы решили не отменять и твёрдо стоять на слове Божиим...» Вместо общественных оборонительных работ верующие собрались на молитвенное собрание, где и были арестованы²⁶. Далее поражает обыденность в перечислении страшных фактов: «...24 мая был арестован брат Попов и очевидно убит, так как его и по сие время нет. 25 мая ...в собрание явились партизаны с револьверами в руках и арестовали брата Конончука, который в ту же ночь где-то был убит. ...Чем дальше, тем ужаснее становилось положение города, так как истребление началось поголовное. Взгляд каждого встречного был ужасен, всё дышало враждою»²⁷.

Советские историки весьма предвзято трактовали информацию конфессионального происхождения и тенденциозно подбирали нужные доказательства. Так, видный советский исследователь дальневосточного «сектантства» Н.М. Балалаева, анализируя приведённый выше архивный документ, обратила внимание лишь на то, что в период наступления японских войск на Нижнем Амуре в мае 1920 г. жители Николаевска общими усилиями возводили оборонные сооружения, решив не допускать оккупантов в город, а «пресвитер общины евангельских христиан С. Каменев потребовал, чтобы члены общины отказались «...категорически как от оружия, так и от прочих их (жителей города. — *Н.Б.*)²⁸ работ на оборону, хотя бы нас за это умертвили»²⁹.

Случаи репрессий, неприятие деятельности баптистов и евангельских христиан со стороны красных партизан источники напрямую связывали с антивоенной позицией верующих³⁰. По сообщению благовестника Н.И. Кузнецова, в марте 1920 г. он, собираясь посетить общины дер. Екатеринославка, Георгиевка и др., явился в штаб в Переяславке и, получив там пропуск на въезд в окружающие деревни, «со спокойной совестью» поехал в Екатеринославку, но, пробыв там три дня, «...был вынужден бежать оттуда рано утром», в связи с тем, что накануне партизаны в Переяславке решили «...братьев, ездивших в сии сёла, ловить и убивать на месте, якобы за то, что мы разлагаем армию и проповедуем против оружия, а собрания наши закрыть, как заразу для свободы». «...Бедные люди! — восклицал по этому поводу Кузнецов. — Разве мы проповедуем против оружия? Ведь не о ружьях мы говорим, а только о покаянии»³¹.

В советский период в качестве доказательства контрреволюционной

С. 114—118). Пока не ясно сознательно (тогда — по каким причинам?) или случайно искажена дата описываемых событий (год и месяц).

²⁶ ГАПК. Ф. П-61. Оп. 1. Д. 320. Л. 5.

²⁷ ГАПК. Ф. П-61. Оп. 1. Д. 320. Л. 7.

²⁸ Здесь Н.М. Балалаева не только вырывает из контекста фразу, так ещё и неверно трактует — «их» — трилицынского руководства! — *Н.П.*

²⁹ Балалаева Н.М. История религиозного сектантства на Дальнем Востоке СССР (1859—1936). Рукопись дис. ... докт. ист. наук. М., 1971. С. 429.

³⁰ Кузнецов Н.И. Ст. Вяземская // Благовестник. 1920. № 7. Июль. С. 107.

³¹ Кузнецов Н.И. Ст. Вяземская // Благовестник. 1920. № 7. Июль. С. 107.

деятельности верующих баптистов в Приморье авторы использовали их приверженность «антимилитаристской» позиции. Так, в воспоминаниях участников Гражданской войны на Дальнем Востоке Ильюхова и Титова, партизанская деятельность которых проходила в районе Сучана и на работы которых неоднократно ссылались советские исследователи, отмечалось: «Здесь на Сучане и вообще в приморских деревнях он (баптизм. — Н.П.) и тогда охватывал до 20—30% населения. В этом одурманивающем течении заправилами были, как и всегда в религии, зажиточные слои деревни. Эти «евангельские братья» втягивали в религиозные тенета деревенскую гольгубу, забитую нуждой». «Не противься злу», «не убий», и тому подобные «великие законы божественного учителя Христа», усердно внедрявшиеся в головы крестьян, настраивали на непротивленческий лад и нейтрализовали в происходящей борьбе эту часть крестьянства, а некоторых обращали прямо в фанатиков. На партизанских организаторов они смотрели как на «антихристов», богохульников и отказывались от всякого общения с ними»³². Другой участник Сучанского партизанского отряда Г. Матвеев рассказывал, что «...в деревне Сергеевке (Сучанский район), где мы стояли продолжительное время, нам удалось встретиться с баптистской общиной. В неё входило до 60 семей. Баптисты подобострастно, слащаво называли нас «братьями» и убеждали бросить оружие, прекратить «братоубийственную» войну, — грех, братья, людей убивать, — говорили они партизанам»³³. Б. Кандидов, один из наиболее известных исследователей советского периода, описывая контрреволюционную деятельность баптистов и евангельских христиан на Дальнем Востоке, отмечал, что «за время невзгод, связанных с империалистической и гражданской войной, перевернувшей кверху дном весь уклад русской деревни, баптизм заметно быстро стал свивать себе прочное гнездо в дебрях темноты и невежества крестьянства», в том числе дальневосточного³⁴. Таким образом, «контрреволюционность» баптистов сводилась к их антимилитаристской позиции, нежеланию принимать участие в войне и призывам ко всем воюющим сторонам сложить оружие.

По мнению историка В.Л. Телицына, во время Гражданской войны в российской деревне сложилась «настоящая пацифистская оппозиция», которую чекисты оценивали исключительно как религиозную, мировоззренчески обоснованную и принципиальную, свидетельствующую «о тяге обывателя к миру, спокойной и размеренной жизни», стойко отвергавшую мобилизации, службу в армии и всеобщ³⁵. Представляется, что евангельско-баптистское сообщество составляло лишь часть этой «пацифистской оппозиции». Аполитичной и антимилитаристской линии, по

³² Ильюхов Н., Титов М. Партизанское движение в Приморье. 1918—1920 гг. Ленинград: «Прибой», 1928. С. 153—154; Балалаева Н.М. История религиозного сектантства... С. 429—430; Кандидов Б. Интервенция на Дальнем Востоке и роль сектантства (1918—1922 гг.)// Безбожник. 1932. № 13—14. С. 8.

³³ Балалаева Н.М. История религиозного сектантства... С. 430.

³⁴ Кандидов Б. Японская интервенция в Сибири и церковь. М., 1932. С. 44—45.

³⁵ Телицын В.Л. «Бессмысленный и беспощадный». Феномен крестьянского бунтарства 1917—1921 гг. М., 2003. С. 133.

всей видимости, дальневосточные верующие придерживались твёрдо, считая её единственным способом самосохраниться и не нарушить основные заповеди в условиях смуты и частой смены политической власти.

Несмотря на антимилитаристские установки евангельских верующих, нельзя исключить, и того, что когда вставал вопрос о самообороне, последователи баптизма могли взять в руки оружие для защиты своей семьи и собственности. В такой ситуации, оказался, например, лидер российского баптизма Д.И. Мазаев, вынужденный применить оружие, когда группа вооружённых людей напала на его дом в Хасавьюрте в декабре 1917 г.³⁶ «Дальневосточное обозрение» летом 1919 г. сообщало: «В некоторых деревнях Амурской области организуются дружины самообороны из крестьян, действующие против красных. Уже организовались такие дружины в Жариково (32 чел.), Угловой 50 чел., Гильчине 60 чел., Тамбовке 50 чел.,...»³⁷ Таким образом, на Дальнем Востоке и среди баптистов были, вероятно, попытки защищаться, несмотря на объявленный антимилитаризм.

Таким образом, с началом Первой мировой войны верующие евангельско-баптистского направления как в центре, так и на Дальнем Востоке России, пытаясь сохранить свои жизни и религиозные убеждения, перешли на антимилитаристские позиции, укрепившиеся в период революций и Гражданской войны. Их выбор не совпадал с военно-политическими и геополитическими интересами властей, что создавало почву для «антисектантской» деятельности государства и части общества, несмотря на провозглашенную Временным правительством свободу совести и новое законодательство советской власти, давшее приверженцам исследуемых деноминаций возможность освобождения от военной службы и замену её альтернативной гражданской.

³⁶ Коваленко Л. Облако свидетелей Христовых (72 биографии с фотографиями). Изд. 3-е, доп. Киев, 2002. С. 90; Нагирняк А. Дей Иванович Мазаев: жизнь и служение // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты: сб. ст. Вып. 6. М.; СПб., 2008. С. 291.

³⁷ А.Ж. Дружины самообороны // Дальневосточное обозрение. 1919. № 116. 31 июля. С. 2.

МЕСТО И РОЛЬ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

С.И. ЛАЗАРЕВА

*Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока
Дальневосточного отделения РАН, г. Владивосток*

Первая мировая война явилась роковым испытанием для российского общества, изменила его экономику, политику, психологию и сознание людей. Большинство отечественных историков придерживаются мнения о том, что существует прямая связь между событиями 1 августа 1914 г. и гибелью монархии в феврале 1917 г. в России. В этом случае можно утверждать, что конфликт 1914—1918 гг. был не только войной «пушек», но и войной психологий, в которой настроения в армии и обществе были не менее важны, чем снабжение боеприпасами и военной техникой.

Современникам XX в. пришлось в полной мере испытать на себе жестокий характер Первой мировой войны: тысячи людей возвращались с полей сражения инвалидами, многие семьи оставались без кормильцев, беженцы из районов, попавших в зону военных действий, устремлялись в глубь страны — в Сибирь и на Дальний Восток. Для России война приняла такие масштабы, что отечественная благотворительная деятельность на несколько лет — последних в её истории — почти целиком оказалась посвящена заботам о семьях воинов и пострадавших от войны.

Любые войны, катастрофы, бедствия приводят к резкому увеличению числа людей, не способных собственными силами справиться со сложившимися обстоятельствами и нуждающихся в помощи со стороны организаций, цель которых и состоит в поддержке пострадавших. Только в Приморской области в 1914 г. было зарегистрировано 7537 нуждающихся семей, общей численностью 15 062 чел.¹ В таких условиях не только активизируется деятельность уже существующей системы органов общественного призрения, но и создаются новые структуры, берущие на себя задачи благотворительной помощи.

Патриотизм населения России, в том числе и дальневосточников, стремление поддержать ушедших на войну, выразились в организации различных комитетов — Романовский, Алексеевский, Татъянинский, Всероссийские союзы городов, земств, местные отделения которых были открыты во всех городах страны. Всего в азиатской России в годы войны функционировали 57 местных отделений, 40 попечительств и действовали 45 уполномоченных². Помимо этого создавались особые городские присутствия, попечительства, многочисленные общества и кружки, которые занимались сбором денег на нужды армии, на помощь раненым, инвалидам, поддержку их семей и беженцев.

¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 491. Л. 51 об.

² Горбунова И.А. Общественное призрение на Дальнем Востоке России (1884 — февраль 1917 гг.) // История Дальнего Востока России: учеб. пособие. Хабаровск, 2004. С. 88.

Среди этих учреждений на первом месте стояли благотворительные организации, что обуславливалось рядом причин. Во-первых, благотворительные организации могли в любое время, которое определялось лишь решением правления этого общества, проводить выдачу различных пособий, ориентируясь на собранные населением средства. Положительным моментом являлось то, что они не были связаны строгим, законодательно регулируемым нормированием денежной, вещевой, продовольственной или какой-либо другой формой помощи, что позволяло им быстро откликаться на возникшие сложные ситуации ещё до поступления казённой помощи.

Во-вторых, обследования семей нижних чинов, призванных в армию, показали, что имущественное положение многих из них было на грани нищеты, и помощь, оказываемая им из казённых средств, была далеко недостаточной. Выход из данного положения виделся в привлечении к помощи в городах общественных управлений, городских попечительств и благотворительных организаций, которые собирали значительные суммы денег и выдавали их нуждавшимся семьям дополнительно к утверждённому законом казённому пайковому довольствию.

В-третьих, в связи с особыми условиями жизни в дальневосточном регионе (таёжный характер большинства местностей, несовершенство путей сообщения, большие расстояния от церквей и др.), получил широкое распространение институт гражданского брака. С уходом в армию призванных по мобилизации мужчин, осталось без всякой поддержки много детей, родители которых не были связаны между собой церковным браком, и по закону от 25 июня 1912 г. их дети не могли рассчитывать на помощь от государства; её им могли оказать только благотворительные организации.

В-четвёртых, 1914—1916 гг. — время полного совпадения интересов власти и всех слоёв российского общества. Деятельность комитетов, обществ, организаций осуществлялась под руководством и постоянным контролем со стороны властей, представители которой с неослабевающей энергией помогали организовывать и консолидировать работу уже действующих благотворительных обществ во всех далёких уголках страны, в том числе и в Дальневосточном крае.

Основные средства благотворительных обществ складывались из членских взносов, пожертвований, сборов по квитанционным книжкам и подписным листам, распространяемым среди членов обществ, доходов с благотворительных концертов, спектаклей, бал-маскарадов, лотерей-аллегри, кружечных сборов с разрешения местных властей.

Как показывают архивные материалы, накануне Первой мировой войны на Дальнем Востоке действовало более 30 благотворительных учреждений и заведений, входивших в благотворительные общества и организации³. В благотворительных учреждениях в отличие благотворительных обществ и организаций помощь нуждающимся оказывалась непосредственно в своих стенах: выдавались пособия, одежда,

³ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2459. Л. 133—139.

обувь, организовывалось питание. Так, Владивостокское благотворительное общество (председатель В.Н. Шинкоренко) на свои средства 12 сентября 1885 г. открыло богадельню на 12 кроватей. Большую роль в её организации сыграла супруга адмирала Александра Александровича Фельдгаузена. Осенью 1897 г. было закончено строительство новой богадельни (каменной) на 24 кровати, состоявшей из двух отделений — мужского и женского. На одного призываемого в день затрачивалось 33,69 коп. На средства общества 4 января 1889 г. был открыт ночлежный дом, а в 1895 г. — детский приют (на 125 детей).

Наиболее популярными благотворительными организациями в этот период были Владивостокские управления Российского общества Красного Креста, благотворительное общество «Ясли», Областной комитет общества попечения о тюрьмах с отделением в Николаевске, Городской работный дом во Владивостоке, Епархиальное попечительство о призрении бедных духовного звания, благотворительное попечительство Общества Ольгинского детского приюта трудолюбия в Хабаровске, Южно-Уссурийское благотворительное общество, которое проводило исключительно огромную и сложную работу по призрению населения города Никольск-Уссурийский и всего Южно-Уссурийского округа. Общество было организовано в 1901 г. (председатель — К. Володина) и ставило перед собой цель: «...доставание средств к улучшению материального и нравственного положения жителей города и всего Южно-Уссурийского округа, впадшим по разным случаям в бедность без различия пола, возраста, звания, вероисповедания и подданства»⁴. На свои средства общество содержало Никольск-Уссурийский детский приют и ночлежный дом. Большую и полезную деятельность этого общества одобрял приамурский генерал-губернатор Н.И. Гродеков, который, в частности, в 1901 г. во время строительства в городе школы с читальным залом пожертвовал обществу 300 руб.

С началом Первой мировой войны активизировалась деятельность всех существовавших благотворительных организаций, усложнились решаемые ими задачи и расширился круг обязанностей, открылись новые направления благотворительности. Огромный вклад в общее дело помощи вносили частные филантропы. Железнодорожные комитеты, рабочие и администрация, кружки служащих разных ведомств, торговые и промышленные предприятия, общества, организованные учащимися и частными лицами, занимались изысканием средств и основанием фондов помощи путём устройства однодневных сборов, лотерей-аллегри, вечеров, концертов, театральных представлений.

Так, большой популярностью во Владивостоке пользовался кружок дам (председатель Е.Г. Соколова) по изготовлению и снабжению воинов действующей армии бельём, тёплыми и необходимыми вещами. Организован он был в 1914 г. с разрешения военного губернатора Приморской области. Вначале члены кружка занимались изысканием средств, для чего проводили

⁴ РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 2. Д. 1577. Л. 127.

вечера, концерты, собирали добровольные пожертвования. Щедрое пожертвование поступало от начальника края Н.Л. Гондатти, торговых домов «Чурин и К^о», «Кунст и Альберс», братьев Хлудневых и других. За период с 20 октября 1914 г. по 20 октября 1915 г. было собрано 3892 руб. 50 коп. Невзирая на трудности и скудость средств кружок смог отправить на фронт 4761 комплект белья и тёплых вещей, 640 мешков с подарками, помимо этого, мыло, табак и 615 кисетов с подарками. Всего на средства кружка было подготовлено 5401 единица различных вещей для воинов⁵.

Большую работу по оказанию помощи фронтовикам проводил женский кружок на ст. Никольск-Уссурийский (председатель В. Осипенко). За период с 1 ноября 1914 г. по 31 октября 1915 г. его члены отправили на фронт 1660 подарков, из них 226 — от учащихся железнодорожных школ, 5 — от слушателей коммерческих бухгалтерских курсов, и 1429 — подготовлены членами кружка на собственные средства. Стоимость одного подарка — 1 пара белья, 1 полотенце, 1 пара портянок, мыло, сахар, табак, бумага для писем, конверт, карандаш, иголки, нитки — оценивалась от 3 до 5 руб. Зимой в этот набор включали шарфы, японские грелки, фуфайки-нагрудники⁶.

Действовало во Владивостоке и морское благотворительное общество, организованное в 1912 г. Своей целью оно ставило оказание помощи чинам флота и морского ведомства, служащим и служившим в Приамурском генерал-губернаторстве, «...впавшим в нужду и бедствие, а равно их семьям...». В 1914 г. члены общества занялись сбором пожертвований по подписным листам в пользу семейств нижних чинов, погибших на крейсере «Жемчуг» и собрали 1329 руб. 54 коп. На содержание в богадельне и доме призрения двух чинов Морского ведомства перечислили 106 руб. 50 коп.⁷

С целью накопления средств в городах края проводились различные концерты, балы. 13 августа 1916 г. кружок Соколовой в театре «Золотой Рог» провёл Ситцевый бал, 50% чистого сбора от которого использовано для оказания помощи воинам.

Постоянные пожертвования шли Приамурскому комитету. Так, согласно отчёту о вечере-карнавале, устроенном 18 февраля 1916 г. в г. Хабаровске, на его счёт поступило от продажи билетов 760 руб., программ — 75 руб. 85 коп., от работы буфета 999 руб. 45 коп., продажи лотереи — 959 руб. 20 коп., проведённое гадание дало 106 руб. 60 коп. Частные пожертвования составили от А.Ф. Топоркова и В.А. Фриденштейна по 25 руб., от А.А. Волонской — 10 руб., Климова — 1 руб. 35 коп. Всего на вечере-карнавале собрано 2962,45 руб.⁸

Весь сбор от спектакля в театре Матеуса в сумме 114 руб. 20 коп. поступил в Комитет по оказанию помощи раненым, увечным и больным воинам, а также их семьям⁹. Участвовали в оказании помощи и гимназистки,

⁵ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 566. Л. 2, 4, 6.

⁶ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 539. Л. 162.

⁷ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 5. Д. 410. Л. 28.

⁸ Дубинина Н. Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти. Хабаровск, 1997. С. 143.

⁹ Приамурские ведомости (Хабаровск). 1914. 5 окт.

они жертвовали средства на приобретение материала, из которого сами же шили бельё. В здании гимназии устанавливались кружки для пожертвований. Более сотни ящиков вещей было собрано и отправлено дамскими кружками в действующую армию.

По ходатайству Амурского губернатора Совет старейшин Гондатыевского железнодорожного собрания 6 августа 1916 г. провёл лотерею-аллегри, сбор от которой (300 руб.) пошёл в помощь лицам, пострадавшим от военных действий. В конце июня — начале июля 1916 г. лотереи-аллегри были проведены Никольск-Уссурийским железнодорожным кружком, Южно-Уссурийским благотворительным обществом, в октябре 1916 г. в городском саду — Владивостокским отделом Сибирского общества помощи больным и раненым воинам и пострадавшим от войны (открыт в ноябре 1914 г.). В конце октября 1916 г. Никольск-Уссурийский комитет по оказанию помощи воинам, их семьям и беженцам организовал серебряную лотерею на сумму до 2000 руб. Разыгрывались только серебряные вещи общей стоимостью до 1000 руб. Входной билет стоил 25 коп., мероприятие проходило в помещении городской управы во время организации «Чашки чая». Собранные средства пошли на помощь воинам, их семьям и больным.

Большое внимание уделялось детям. Попечительницей Хабаровского убежища для детей запасных воинов была Мария Мечиславовна Гондатти. В состав Комитета заведения входили активные благотворительницы А.А. Плюснина, В.И. Лемехова, А.Д. Плешкова. На содержание убежища деньги собирались по подписным листам, которыми снабжались члены Комитета. Содержать приют активно помогала общественность. Так, 30 августа 1915 г. в городском саду состоялось гуляние с проведением лотереи-аллегри, выручка от которой составила 311 руб. 56 коп. 12 декабря 1915 г. спектакль, устроенный любителями сценического искусства в Общественном собрании, дал в пользу убежища 309 руб. 95 коп.¹⁰ Женское благотворительное общество передало приюту средства, которых хватило на содержание ещё 50 детей¹¹.

Значительную помощь малолетним детям оказывало благотворительное общество «Детская жизнь», существовавшее с 16 марта 1912 г. и имевшее участок земли и детскую площадку. Ежедневно её посещали от 200 до 300 детей, с которыми занимались опытные педагоги. Председатель общества Е. Каркешко — энергичная и деловая женщина, много сделала для его развития. Отдел всероссийской лиги борьбы с чахоткой 18 июля 1916 г. организовал в г. Никольск-Уссурийский летнюю колонию для ослабленных и малокровных детей, выделив на эту цель 800 руб. Председателем Комитета по её организации избрали Н. Арефьева. Поскольку средств было явно недостаточно, то дополнительно организовали праздник «Белого цветка», который принёс доход в сумме 939 руб. Все деньги пошли на устройство колонии. Население с исключительной

¹⁰ РГИА ДВ. Ф. 1319. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

¹¹ РГИА ДВ. Ф. 1319. Оп. 1. Д. 1. Л. 2.

отзывчивостью отнеслось к идее устройства детской колонии и поддержало намеченные планы материально. Созданное учреждение смогло принять 74 ребёнка, из которых 44 — были из семей защитников Родины.

Активное содействие общества в оказании помощи детям вселило надежду учредителям превратить летнюю детскую колонию в постоянно действующее учреждение. Было также запланировано создать рядом с ней общественную молочную ферму, назвав её «Капля молока»¹². Однако осуществлению всех намеченных планов помешали революция и Гражданская война.

В 1914—1917 гг. во Владивостоке действовали, получившие широкую известность объединённые в одно благотворительное учреждение детский сад и приют для подкидышей и малолетних, принадлежавшие Владивостокскому благотворительному обществу. Первоначально это учреждение было рассчитано на 35 детей, но затем оно расширилось до 90 детей. Здесь им преподавали рукоделие, проводили игры, работали с ними в саду и огороде. Детей кормили, снабжали одеждой, обувью. Большой популярностью во Владивостоке пользовался комплекс (приют и богадельня), получивший название «Ксенинский приют и богадельня» в честь покровительницы его Великой княгини Ксении Александровны. Открыт детский приют был в 1895 г. Владивостокским благотворительным обществом, первой попечительницей была А.И. Бушуева, затем — В.Н. Шинкаренко. Ежегодно в приюте находилось не менее 130 детей. В 1917 г. было изменено название этого учреждения, появилось новое — «Детский приют № 2».

В сентябре 1917 г. был организован Детский приют № 1 на Русском острове, куда вошли питомцы архиерейского приюта на Седанке (22 чел.) и беспризорные дети (102 чел.). Приют быстро разросся, и к октябрю 1917 г. в нём призывалось более 350 детей, преимущественно из семей солдат-фронтовиков. В надежде обеспечить более устойчивое материальное положение этого, пожалуй, самого крупного в регионе детского учреждения, его передали в ведение города. Однако в сложившихся к этому времени реальных условиях из-за нехватки средств и сил нормализовать положение с детьми-сиротами и разрешить многие вопросы, связанные с их призреванием детей оказалось невозможным. Нужно сказать, что слава об этом детском учреждении сложилась тогда не очень хорошая: на воспитанников приюта часто жаловались и жители острова и военные, обвиняя их в случавшихся на острове кражах. Много нареканий со стороны общественности вызывало и качество воспитательной работы: дети были предоставлены сами себе, в приют возвращались только к обеду, часто не приходили ночевать. На ненормальность постановки дела в приюте указывает тот факт, что 7% детей (25 чел.) находились в бегах.

Первая мировая война вызвала большой поток беженцев в Сибирь и на Дальний Восток. Решением их проблем занимались все городские

¹² РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 566. Л. 144—145.

учреждения, благотворительные заведения, Всероссийское отделение Красного Креста, Военное и Морское ведомства. Помимо этого, в городах региона были созданы городские комитеты попечения о беженцах — во Владивостоке, Никольске-Уссурийском, Хабаровске, Благовещенске.

О первоначальных мероприятиях, проведённых в городах края по приёму беженцев, можно судить по Владивостоку. Во-первых, был разработан текст возвания к населению города, напечатанный в местных газетах, где особо говорилось о том, что в случае крайней нужды и отсутствия свободных помещений, беженцев будут размещать в частных квартирах. Во-вторых, городские власти запланировали принять 3000 чел., которых без всяких затруднений и утеснений кого-либо можно было бы разместить во Владивостоке. В крайнем случае, предполагалось использование казарм и некоторых городских помещений. В-третьих, был составлен план по размещению беженцев по квартирам, обеспечению их продовольствием, санитарной и медицинской помощью, устройству их детей в школы, организации юридической и трудовой помощи, открытию яслей и приюта для утративших трудоспособность. Кроме того, городской голова Владивостока написал письмо главному врачу города, в котором рекомендовал принимать беженцев в городскую больницу беспрепятственно и по возможности бесплатно.

Подобные мероприятия были проведены во всех городах края, куда регулярно прибывали большие партии беженцев. Так, на 26 октября 1915 г. во Владивостоке их насчитывалось 620 чел., в том числе 196 — одиноких и 424 — семейных (104 семьи), а с 26 по 28 октября зарегистрировались ещё 270 беженцев¹³. В ноябре 1915 г. во Владивостоке зарегистрировали уже 1250 беженцев, в Никольске-Уссурийском — 800, в Спасском — 253, Имане — 230, Хабаровске — 176¹⁴. Большое внимание оказывали им городские Комитеты по призрению, которые помимо пайков выдавали особо нуждающимся небольшие денежные ссуды, расселяли их из общежитий в частные квартиры, устраивали на работу.

В 1915 г. число беженцев в Приморской области превысило запланированные 3000 чел. и в короткий срок достигло почти 6000 чел. Содержание на одного беженца в день, применительно к нормам переселенческого управления, составляло 40 коп. Затрачивая значительные суммы на содержание, питание, размещение беженцев уже в первые месяцы войны Комитеты ощутили острый финансовый дефицит. В связи с этим Приморский областной комитет 12 ноября 1915 г. обратился к особому совещанию с просьбой о выделении 144 000 руб. на содержание и питание в течение двух месяцев 6000 беженцев из расчёта 40 коп. в день на человека. Такое же финансовое положение наблюдалось и в других районах Приамурского края. Так, Благовещенское городское управление обратилось с ходатайством к генерал-губернатору края с просьбой выдать в качестве

¹³ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 519. Л. 391, 392, 394.

¹⁴ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 566. Л. 45.

аванса 60 000 руб., объяснив письменно, что городское управление уже израсходовало более 200 000 руб. на призрение около 1000 беженцев. Исходя из затрат около 25 коп. в день на человека, по подсчётам специалистов на наём помещений требовалось приблизительно 10 000 руб.; на одежду — 5000 руб. и ежемесячно на отопление, питание, освещение и другие расходы — 7000 руб.¹⁵

3 ноября 1915 г. Приамурский генерал-губернатор дал письменный ответ военному губернатору Амурской области, подчеркнув, что на оказание помощи беженцам, прибывавшим в Амурскую область, казна может выделить только 20 000 руб., которую он обещал согласовать в Министерстве внутренних дел. Далее Н.Л. Гондатти особо выделил мысль о том, что «...помощь беженцам необходимо организовать возможно экономнее, без излишней траты правительственных средств. Для нужд беженцев могут быть использованы свободные казённые помещения, как-то: переселенческие бараки в Благовещенске, Алексеевске и других местах, казармы, останочные пункты и пр. К снабжению же неимущих из них одеждой, обувью, продовольствием, топливом желательнее привлечение частной и общественной благотворительности»¹⁶.

На первоначальном ходатайстве Благовещенского городского управления от 26 октября 1915 г. об отпуске аванса в 60 000 руб. на оказание помощи беженцам главным начальником края была наложена следующая резолюция: «Чрезмерно много, когда будут отпущены ранее просимые средства, тогда надо будет вновь просить для Амурской области 20 000 руб.»¹⁷ Вскоре была переведена обещанная сумма на призрение беженцев в Благовещенске в городское управление.

Для Приморского областного комитета главным начальником края для призрения беженцев сначала были переведены 30 000 руб., а затем непосредственно из Петрограда из Центрального комитета дополнительно присланы 50 000 руб.¹⁸

Характерной чертой деятельности всех Комитетов по оказанию помощи беженцам, было то, что они работали за счёт средств благотворительных организаций и без них разнообразные учреждения не смогли бы решить поставленные перед ними задачи: помогать жильём, денежными средствами и продовольствием. Поэтому слова Н.Л. Гондатти в письме премьер-министру И.Л. Горемыкину от 11 декабря 1915 г. по поводу устройства беженцев и непосредственного участия в этом вопросе благотворительных организаций можно считать справедливыми: «Считаю необходимым заметить, что дело оказания помощи беженцам, прибывающим в край... несмотря на свою новизну и на те вполне естественные затруднения, которые встречает его осуществление со стороны чисто психологического настроения беженцев, выброшенных из колеи и

¹⁵ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 566. Л. 300.

¹⁶ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 566. Л. 335.

¹⁷ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 566. Л. 334—335.

¹⁸ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 566. Л. 336.

принужденных искать приюта на чужбине, всё же соединёнными дружными усилиями органов гражданской власти, общественного управления и благотворительности постепенно налаживается и получает характер планомерной системы...»¹⁹. В завершении своего письма Н.Л. Гондатти выразил уверенность, что с настоящей задачей, выдвинутой текущей войной, Приамурский край сумеет справиться и оправдать ожидания.

В годы Первой мировой войны дальневосточное общество отличалось высоким патриотизмом, сплочённостью и бескорытием в оказании помощи нуждающимся. Успешно проводилась социальная политика, направленная на поддержку наиболее незащищенных категорий населения в Приамурском генерал-губернаторстве. Огромную роль в этом играли совместные усилия органов местной власти и благотворительных организаций, положительную оценку деятельности которых дал военный губернатор Приморской области А.Д. Сташевский: «Я приемлю смелость... доложить, что при посредстве казённых ассигнований и той щедрой и охотной материальной помощи, которая оказывается семьям запасных общественными благотворительными организациями, удаётся сохранить семьи запасных от нужды и забот о хлебе насущном»²⁰.

Таким образом, деятельность благотворительных организаций показала их незаменимость в условиях чрезвычайной военной обстановки. Относительно длительные сроки оформления права на казённые виды пособия делали помощь общественных организаций крайне важной для сотен семей. Главным преимуществом благотворительных организаций была более оперативная возможность оказания всех видов материальной помощи, т. к. эти заведения не были связаны строгими нормами законов и правительственными распоряжениями. Благотворительные организации выдавали пособия нуждающимся из собранных средств, согласно решению их правления. Следует подчеркнуть и то, что пособия выдавались и тем семьям, в которых супруги не состояли в гражданском браке и в силу этого не имели права на получение казённого пособия. В этом и состояла особая и важная роль благотворительных организаций в общей системе помощи запасным воинам, их семьям, больным, инвалидам и беженцам.

¹⁹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 938. Л. 21 об.

²⁰ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 923. Л. 2.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ВЛАДИВОСТОКА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Т.А. ЛИМОНОВА
МБОУ СОШ № 57, г. Владивосток

На объявление Германией войны России дальневосточное общество ответило взрывом патриотизма. Население Дальнего Востока не чувствовало себя отделённым от проблем страны: манифестации и собрания под верноподданническими лозунгами, с пением гимна, портретами Николая II, императрицы и цесаревича проходили во всех крупных населённых пунктах региона — во Владивостоке, Хабаровске, Никольске-Уссурийском и др., потекли пожертвования в пользу Общества Красного Креста. В церквах служили молебны о даровании победы русскому оружию.

Когда первые раненые в августе 1914 г. стали прибывать в тыловые губернии в числе, которое имевшаяся лечебная сеть не могла разместить, срочно потребовалась помощь населения. Люди с большим энтузиазмом принимали участие в переноске и перевозке раненых, предоставляли для них помещения, собирали перевязочный материал и лекарства, бельё, денежные средства, безвозмездно дежурили при больных, занимались оборудованием лазаретов под руководством специалистов. Часть созданных лечебных учреждений в дальнейшем содержалась исключительно или частично на благотворительные средства. В госпиталях и лазаретах именные койки содержали частные лица, сословные и акционерные общества, учреждения.

В сентябре 1914 г. в пределах губерний и областей прошёл сбор пожертвований «деньгами и вещами» в пользу Общества Красного Креста на помощь раненым и больным воинам. Население призывалось и впредь участвовать в пополнении израсходованных запасов белья и перевязочных средств. Обществу Красного Креста перечислялись доходы от тиражирования и продажи сообщений Российского телеграфного агентства о ходе военных действий. Супруги губернаторов, как правило, возглавляли Дамские комитеты для оказания помощи раненым и больным воинам, куда поступали ежемесячные отчисления от заработной платы и другие пожертвования.

Самым крупным отделением Российского Общества Красного Креста в Приморье являлся Владивостокский комитет РОКК, который располагался на Светланской улице в доме губернатора. Комитет возглавлял военный губернатор области В.А. Толмачёв.

Одним из масштабных мероприятий Владивостокского комитета стало снаряжение и отправка на фронт в 1914 г. подвижного лазарета и последующее сопровождение его деятельности. К примеру, в августе 1915 г. Комитет приобрёл для лазарета за 6500 руб. грузовой автомобиль «Бенц»¹.

¹ Чистяков О.В. Владивостокский комитет Российского Общества Красного Креста в годы Первой мировой войны // URL: <http://www.riatr.ru/2010/1/p014-19.pdf>. (дата обращения: 15.04.2014).

Наличие автомобиля сыграло важную роль в дни отступления частей корпуса, к которому был приписан лазарет, испытывавший тогда огромные затруднения с транспортировкой персонала и оборудования. Вплоть до конца войны Владивостокский комитет изыскивал средства для поддержки своего лазарета, сотрудники которого оказали медицинскую помощь более чем 5 тыс. раненых русских солдат и офицеров².

Летом 1915 г. заседание Владивостокского комитета РОКК решило организовать на театре военных действий питательный пункт РОКК. Необходимые для обеспечения деятельности этого пункта 12 тыс. руб. перечислили в управление главноуполномоченного РОКК Северо-Западного фронта³.

По данным Приморского областного статистического комитета в 1916 г., в Приморской области помимо Владивостокского отделения Российского Красного Креста функционировали следующие благотворительные организации, большая часть которых располагалась во Владивостоке⁴:

- Общество повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям (Владивостокское отделение), председатель Е.И. Федосеева, среди членов Общества — А.В. Суханов, В.М. Толмачева;
- Убежище увечных воинов, заведующая В.А. Миотийская, (г. Владивосток);
- Владивостокский местный Комитет Красного Креста, председатель комитета А.П. Транковская;
- Владивостокский городской комитет по сбору пожертвований на нужды раненых и больных воинов и семейств, призванных (ул. Светланская, д. 67), председатель Комитета А.А. Лещинский, товарищ председателя Н.В. Дюфур;
- Приморский областной комитет по сбору пожертвований на воздушный флот, председатель военный губернатор генерал-лейтенант В.А. Толмачев;
- Владивостокский комитет помощи беженцам, председатель Д.И. Пантелеев;
- Владивостокское городское Попечительство по призрению семейств нижних воинских чинов в военное время, председатель А.А. Лещинский;
- Детский приют попечительства, попечительницы В.М. Толмачева, А.Н. Угрецова, попечитель Ф.Я. Бернадский.

В Никольске-Уссурийском действовали:

- Общество повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям, председатель П.Н. Кравецкий, товарищ председателя М.В. Дрогалев;

² Чистяков О.В. Владивостокский комитет Российского Общества Красного Креста...

³ Чистяков О.В. Владивостокский комитет Российского Общества Красного Креста...

⁴ Памятная книжка Приморской области на 1916 г. / Изд-во. Приморского областного статистического комитета. Владивосток, 1916. 271 с. [Оцифрованное издание Приморской краевой публичной библиотеки им. Горького].

- Комитет по сбору пожертвований на воздушный флот, председатель В.П. Мельгунов;
- Отдел Комитета воздушного флота (Никольск-Уссурийское уездное полицейское управление), председатель коллежский асессор В.П. Мельгунов, товарищ председателя надворный советник А.А. Суворов.

Кроме того, создавались благотворительные организации в крупных сёлах:

- Общество повсеместной помощи пострадавшим на войне и их семьям (Раздольненская волость, с. Раздольное), председатель Н.И. Любичкая;
- Комитет по сбору пожертвований на помощь больным и раненым воинам (Раздольненская волость, с. Раздольное), председатель Н.В. Кожин;
- Сучанский отдел Общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям (Ольгинский уезд, с. Владимиро-Александровское), председатель Конь;
- Григорьевский комитет по сбору пожертвований в пользу раненых и больных воинов (Григорьевская волость, с. Григорьевка);
- Иманский комитет помощи беженцам (Иманский уезд, п. Иман), председатель Д.В. Тарасенко;
- Попечительство по призрению семей нижних чинов и ратного ополчения (Спасское поселковое управление, Спасская слободка), председатель А.В. Марденский;
- Спасский кружок помощи раненым воинам и другим жертвам войны (Спасское поселковое управление, Спасская слободка), председатель П. Травинский;
- Детский приют этого же кружка, попечительницы М.П. Юрасова, В.П. Лебедева, Ольшанская.

Приведённые данные позволяют говорить о разветвлённой, устойчивой системе помощи фронту, созданной в Приморской области.

Русская Православная церковь также внесла свой вклад в дело попечения о раненых. 20 июля 1914 г. Святейший Синод в определении № 6502 призвал русские монастыри и общины к пожертвованиям на врачевание раненых и больных, подготовке всех свободных помещений под госпитали, к поддержанию их на время войны, подготовке способных и благонадёжных лиц для ухода за ранеными и больными воинами. На этот призыв откликнулись монастыри по всей России. К концу 1914 г. лазареты открылись при 207 монастырях, 139 из них — на монастырские средства, 68 — на средства других организаций. В собственно монастырских лазаретах насчитывалось 4135 кроватей. Московской епархией к 10 октября 1914 г. было открыто 90 лазаретов на 1200 мест⁵.

В российских губерниях в августе 1914 г. при Духовных консисториях были образованы «Временные комитеты для оказания помощи раненым и

⁵ Иванова И.М., Иванова М.В. Валаамский монастырь — обитель милосердия в годы Первой мировой войны // <http://rus-army.com/index.php/zhizn/656-valaamskij-monastyr-obitel-miloserdiya-v-gody-pervoj-mirovoj-vojny> (дата обращения: 02.05.2014).

больным воинам и семьям лиц, призванных на войну». Комитеты организовывали лазареты в губернских и уездных городах на личные средства епархиального духовенства. Епархии по всей стране стали делать отчисления от своих доходов: 1—2% от доходности церквей, причтов и жалования духовенства. Кроме того, каждая церковь в 1914 г. пожертвовала по 50 руб. на нужды, связанные с войной. Церковноприходские школы собирали пожертвования деньгами, вещами и продуктами.

Из опубликованных во «Владивостокских епархиальных ведомостях» материалов о таких сборах по Владивостокской и Камчатской епархии известно, к примеру, что в декабре 1915 г. во Владивостокскую духовную консисторию от церквей епархии на нужды войны, больных и раненых воинов и их семейств поступило 997 руб. 44 коп., из них 77 руб. 69 коп. — от благочинного Градо-Владивостокских церквей, 75 руб. — от благочинного 4-го округа, 724 руб. 85 коп. — от благочинного Камчатских церквей, 110 руб. — от благочинного 12-го округа, 10 руб. — от Покровской церкви Владивостока⁶.

В 1915 г. в пользу раненых и больных воинов поступали средства в виде процентных отчислений от содержания правящего архиерея, викарного епископа, чинов епархиального управления и духовенства Владивостокской епархии. Так, с июля по декабрь 1915 г. архиепископ Евсевий и епископ Павел отчисляли ежемесячно по 5% или 16 руб. 65 коп., члены и чины консистории — по 1—2% (за ноябрь поступление составило 9 руб. 35 коп., за декабрь — 10 руб. 19 коп.), преподаватели церковной учительской школы внесли за ноябрь 10 руб. 42 коп., за декабрь — 10 руб. 26 коп. Духовенство церквей Владивостока собирало ежемесячно по 7 руб. 03 коп. Суммы от 2-х до 44 руб. поступали от причтов 1—19-го благочинных округов. Причт Никольск-Уссурийского собора вносил в октябре и ноябре по 10 руб. Общая сумма взносов за этот период составила 1069 руб. 60 коп. Примерно такую же сумму собрала Владивостокская епархия в первом полугодии 1915 г.⁷ Собранные средства предназначались для содержания при Алексеевском Синодальном лазарете соответствующего числа коек «имени духовенства и чинов Епархиального Управления Владивостокской епархии».

Кроме этого, для улучшения материального положения семей, оставшихся без кормильца, в приходах учреждались приходские Попечительные советы, которые помимо материальной и денежной поддержки оказывали большую помощь в организации обучения детей, чьи отцы ушли на фронт. Так, Попечительский совет при Владивостокском кафедральном соборе имел 34 кружки для пожертвований, установленные в разных местах города. При его содействии был дан 22 декабря 1915 г. благотворительный концерт в пользу беженцев. Собранные на концерте пожертвования составили 11 руб. 76 коп. Всего от Попечительского совета при Владивостокском кафедральном соборе денежное пособие получили

⁶ Владивостокские епархиальные ведомости. Владивосток, 1916. С. 4. [Оцифрованное издание Приморской краевой публичной библиотеки им. Горького].

⁷ Владивостокские епархиальные ведомости. Владивосток, 1916. С. 5.

169 семей, 187 семьям выдан чай, 26 семьям — мясо и 20 семьям — книжки для чтения. За активное сотрудничество на ниве благотворительности Попечительный совет выразил на страницах газеты глубокую благодарность жителям города — М.В. Похило, Е.А. Муравьевой, М.С. Кобелевой, А.Г. Кравцевой, М.П. Мозгалевской, С.А. Зяброву, коммерции советнику И.Ф. Чистякову, И.С. Быкову, а также Адошику, Бондареву, Серебрянниковой, Л.П. Шалиной⁸.

Для раскрытия темы интересна помещённая на страницах «Владивостокских епархиальных ведомостей» заметка учителя М. Кана о праздновании Рождества Христова в с. Брусьевка в 1915 г. На этом празднике присутствовали около 200 детей солдат. Инициировал мероприятие священник о. Иоанн Толмачев. На пожертвования благотворителей каждый ребёнок получил праздничное угощение — горячий суп, по полфунта мяса, хлеба, орехов и по четверти фунта конфет. Автор пишет о радости приглашённых на праздник детей-полусирот, которые «...хоть раз в год получили развлечение и тёплую пищу в школе»⁹.

Изучение местного опыта благотворительных и церковных организаций, населения и добровольных обществ по оказанию помощи жертвам войны представляется особенно актуальным сегодня, когда население России сталкивается с рядом ситуаций, требующих экстренной помощи людям не только со стороны государства, но и от общественных организаций и частных лиц. Изучение исторического опыта российского милосердия и благотворения может способствовать организации более эффективной помощи нуждающимся и в настоящее время.

⁸ Владивостокские епархиальные ведомости. Владивосток, 1916. С. 18.

⁹ Владивостокские епархиальные ведомости. Владивосток, 1916. С. 17—18.

ВОЙНА И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ (САХАЛИН В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ)

М.В. ГРИДЯЕВА

Архивное агентство Сахалинской области, г. Южно-Сахалинск

Интерес к малоизученным сторонам Первой мировой войны проявился с начала 1990-х гг., когда произошло переосмысление многих положений советской исторической науки и стали вовлекаться в научный оборот новые архивные материалы. Исследователи обратились к полузабытым и не востребованным ранее сюжетам, усилился интерес к локальной истории. Вопросы Первой мировой войны стали поднимать и дальневосточные исследователи¹. Несмотря на то, что в течение последних двух десятилетий интерес к проблемам изучения благотворительности на региональном уровне не угасал, тема эта ещё не закрыта. Цель настоящей работы — определить роль и место благотворительности на Сахалине в годы Первой мировой войны, поскольку данный аспект исследователями специально не изучался, а лишь затрагивался в контексте других проблем.

Первая мировая война внесла серьёзные коррективы в жизнь российской части Сахалина. Вся жизнь острова перестраивалась на военный лад, началась мобилизация военнослужаших. На территории Сахалинской области она прошла успешно и сопровождалась подъёмом патриотических настроений среди населения. В местных церквах прошли торжественные молебны. Многих чиновников различного ранга, зарекомендовавших себя в чёткой и организованной мобилизационной кампании, отметили наградами: орден Св. Станислава I степени — получил губернатор области Д.Д. Григорьев², медаль на ленте ордена Белого Орла «За труды по отличному выполнению всеобщей мобилизации 1914 г.» — вице-губернатор Ф.Ф. Фон-Бунге и т.д.

Война вызвала большой подъём благотворительного движения. В 1914—1915 гг. в Сахалинской области шёл активный процесс оказания благотворительной помощи больным и раненым воинам, их семьям, а также беженцам и вынужденным переселенцам.

По Закону от 25 июня 1912 г. «О призрении нижних чинов и их семейств» в тех губерниях, где объявлялась мобилизация, одновременно с ней должны были создаваться городские и волостные попечительства, в городах с населением не менее 75 тыс. чел. учреждались особые попечительства. На них возлагалась организация помощи семьям призванных на военную службу³, прежде всего детям, которые после ухода в армию отцов и опекунов остались без призора. Кредиты на это ассигновались государственным казначейством, а все прочие расходы шли за счёт местных средств.

¹ Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. Хабаровск, 1999; Белоусов А.А. На алтарь Отечества. Из истории меценатства и благотворительности в России. Владивосток, 1999.

² РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 2152. Л. 267.

³ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 938. Л. 12 об.

В начале войны в Приамурском крае действовали три уездных съезда крестьянских начальников, которые курировали попечительство над семьями запасных нижних чинов, а с ноября 1914 г. — пять городских особых попечительских присутствий. К началу 1915 г. наладилась выдача пособий семьям призванных на военную службу нижних чинов запаса⁴.

Помощь пострадавшим от военных бедствий взяли на себя и другие организации, деятельность которых оказалась незаменимой по многим причинам, прежде всего из-за оперативности оказания помощи, её разнообразия, а также ввиду специфики семейно-брачных отношений в Приамурском крае, в том числе и на Сахалине. Значительную часть семей, оставшихся без кормильцев, составляли «внебрачные семьи», получившие на каторжном острове широкое распространение. С уходом главного работника в армию такие семьи не могли рассчитывать на государственные пособия. Эти расходы шли за счёт местных средств, а также благотворительных организаций⁵.

Одна из крупнейших общероссийских благотворительных организаций — Российское Общество Красного Креста (РОКК), создана как полугосударственное формирование под крылом ведомства учреждений императрицы Марии. Наиболее простым и доступным оказалось создание местных отделов: в соответствии с уставом, не менее 5 чел., готовых служить Красному Кресту, могли открыть местный комитет. Такой комитет на Сахалине в п. Александровский открылся ещё в конце 1901 г. для оказания беднейшему населению медицинской, денежной и материальной помощи⁶. Во время Русско-японской войны члены общества добровольно шли работать во фронтовые госпитали, оказывали помощь непосредственно во время военных действий. Сахалинские сёстры милосердия работали в больнице Красного Креста в г. Мукден⁷. Уполномоченным Красного Креста во время Русско-японской войны состоял будущий губернатор Сахалинской области Д.Д. Григорьев⁸. Медаль Красного Креста «...в память участия в деятельности общества во время русско-японской войны 1904—1905 гг.» имел вице-губернатор Ф.Ф. фон Бунге⁹.

Во время Первой мировой войны деятельность РОКК в стране заметно активизировалась. Общины сестёр милосердия создавались почти во всех городах империи. Основная работа ложилась на плечи молодых сестёр, выезжавших с отрядами Красного Креста в районы эпидемии тифа и цинги, обслуживавших военные госпитали и т.д. В 1915 г., сразу по окончании института, ушла в сёстры милосердия дочь сахалинского губернатора Д.Д. Григорьева, а сын стал офицером в Лейб-гвардии Измайловского полка, принимавшего участие в войне¹⁰.

⁴ Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл России... С. 169.

⁵ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 938. Л. 14.

⁶ ГИАСО. Ф. 20. Оп. 1. Д. 7. Л. 323.

⁷ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 447. Л. 89, 108 об.

⁸ РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. Д. 19. Л. 98.

⁹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 2352. Л. 9 об.

¹⁰ РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. Д. 19. Л. 99.

После окончания Русско-японской войны в стране было организовано и начало работу Императорское общество повсеместной помощи пострадавшим на войне и их семьям. В январе 1909 г. отдел этого Общества открылся в п. Александровский, возглавил его чиновник особых поручений титулярный советник Ф. Ляхович¹¹. Деятельность местного отдела до Первой мировой войны направлялась на оказание небольших денежных пособий остро нуждавшимся, на медицинскую помощь, воспитание детей-сирот низших воинских чинов, предоставление им платы за обучение и т.п.

Война вызвала большой подъём благотворительного движения. С первых месяцев военных действий сахалинцы жертвовали средства различным благотворительным организациям. Собираемые средства шли на помощь раненым, больным воинам. Население охотно поддерживало всероссийские акции благотворительных обществ и комитетов. По подсчётам Т.Я. Иконниковой, ученики Сахалинской области и Удского уезда к началу 1916 г. собрали по подписным листам более 6 тыс. руб. и перевели их в Приамурский комитет помощи раненым воинам и их семьям¹².

С появлением на острове такой категории населения, как беженцы из районов военных действий, их защита стала одной из «священнейших задач» не только Комитета, но и частных лиц. Нуждающимся предоставляли приют, давали одежду, деньги, помогали найти работу, заботились о детях (присмотр, обучение, воспитание). Активно включилась в благотворительное движение на Дальнем Востоке православная церковь. Одним из главных направлений её благотворительности стала помощь семьям лиц, призванных на военную службу¹³.

Власть поощряла её в полной мере, но в то же время стремилась поставить под свой контроль, в частности, создав единый общероссийский комитет Великой княгини Елизаветы Фёдоровны. По замыслу, появление этой организации должно было не только объединить благотворительное движение в стране и усилить помощь стремительно нарастающему числу нуждавшихся семей, но и укрепить веру в единение верховной власти с народом. Для густонаселённых губерний страны это было, видимо, оправдано, но для Приамурского края, тем более для Сахалина, население которого составило в 1917 г. 8,6 тыс. чел.¹⁴ создание отделения Комитета по обеспечению семейств запасных явно излишне.

Местный областной Комитет по оказанию помощи семьям лиц, призванных на войну под председательством губернатора Д.Д. Григорьева появился в декабре 1914 г. в Николаевске-на-Амуре. Вместе с тем две

¹¹ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 520. Л. 193 об., 228 об.

¹² Иконникова Т.Я. Истоки патриотических традиций в учреждениях народного образования Дальнего Востока (1914—1917 гг.) // Культура, наука и образование народов Дальнего Востока России и стран АТР: история, опыт, развитие. Материалы междунар. науч.-практ. конф. Хабаровск, 2—5 окт. 1995 г. Хабаровск, 1996. Вып. 3. С. 53.

¹³ Иконникова Т.Я. Благотворительная деятельность Православной церкви на Дальнем Востоке России в годы Первой мировой войны // Духовная жизнь Дальнего Востока России. Материалы регион. науч.-практ. конф., посвящ. 2000-летию Христианства. Хабаровск, 24—26 окт. 2000 г. Хабаровск, 2000. С. 45.

¹⁴ Дивов Б. Современная экономика русской части острова Сахалина // Экономика Дальнего Востока. Сборник. М., 1926. С. 333.

организации по призрению семей в г. Николаевске-на-Амуре и в уезде были сохранены в том же виде и составе¹⁵. Руководили ими те же должностные лица, что и в новообразованном Комитете. На Сахалине создали новую комиссию в составе 8 чел. под председательством вице-губернатора Сахалинской области Ф.Ф. фон Бунге. Следует согласиться с мнением Т.Я. Иконниковой, что для дальневосточных «северных территорий» выделение таких узкопрофильных благотворительных комитетов с конкретным составом во главе с губернатором области и обязательной периодической отчётностью являлось делом искусственно навязанным¹⁶. Об этом свидетельствует и корректировка командных установок Центрального комитета, и ситуация, создавшаяся с организацией и деятельностью сахалинского отделения этого комитета, на попечении которого находилось всего две семьи. Кроме того, в п. Александровский также действовало общество помощи раненым, больным и увечным воинам¹⁷.

Материальный потенциал благотворительного движения зависел от состояния экономики Сахалинской области, которая втянулась в острый кризис, выразившийся в дефиците товаров, росте цен, разгуле спекуляции. Если в Европейской части России подорожание жизни стало замечаться вскоре после объявления войны, то на Сахалине оно не ощущалось до середины 1915 г., т.е. до того времени, пока имелись запасы товаров прежних лет. С мая—июня 1915 г. все цены на предметы первой необходимости стали резко повышаться и к сентябрю 1916 г. достигли чрезвычайно высокого уровня, что не могло не сказаться на материальном положении населения. В среднем цены с 1914 к 1916 г. выросли: на муку и масло сливочное — в 1,2 раза, на мясо — в 1,3, на хлеб — в 1,5 раза, а на привозные товары и того больше, в частности на керосин — в 1,6, мыло — в 1,7 раза, на спички — почти вдвое¹⁸. В 1917 г. положение населения ещё более ухудшилось. С января по декабрь 1917 г. уровень цен повысился в среднем в 3 раза: чёрный хлеб подорожал с 8 до 20 коп., сало свиное — с 45 коп. до 1 руб. 60 коп. за фунт, масло постное — с 12 до 35 руб. за пуд¹⁹. Не по карману стала покупка домашних животных и мн. др.²⁰

В основе этого явления лежал ряд причин, связанных с общим кризисом системы снабжения, нарушением связей с другими регионами. Местная администрация пыталась взять ситуацию под жёсткий контроль, были введены «таксы» — твёрдые фиксированные цены на продукты питания и предметы жизненной необходимости, ограничен вывоз продукции за пределы острова. Дважды в месяц Приамурскому генерал-губернатору представлялись отчёты о ситуации с продовольствием в области. Но эффект от этих мер был явно недостаточным, т.к. остановить рост цен, спекуляцию и преодолеть дефицит не удавалось. «...В России, в связи с военными

¹⁵ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 491. Л. 115—115 об.

¹⁶ Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл России... С. 196.

¹⁷ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 3. Д. 491. Л. 384 об.

¹⁸ РГИА ДВ. Ф. 702. Оп. 1. Д. 1233. Л. 42—42 об., 78 (подсчит. авт.).

¹⁹ РГИА ДВ. Ф. 1643. Оп. 1. Д. 80. Л. 3—4, 54—55 (подсчит. авт.).

²⁰ РГИА ДВ. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 11. Л. 63.

действиями, идёт во всех губерниях большая, серьёзная работа, — писал губернатор Сахалинской области Д.Д. Григорьев Гофмейстеру Высочайшего Двора А.Н. Волжину, — здесь же, на Далёкой окраине жизнь приостановилась»²¹. Сократились кредиты на постройку порта, дорог, застопорились многие другие проекты.

Таким образом, благотворительная деятельность становилась важной составляющей общественной жизни Сахалина в годы Первой мировой войны и в условиях чрезвычайной обстановки была очень актуальной. За годы войны претерпело существенные изменения и морально-психологическое состояние населения Сахалина, отразившееся на интенсивности благотворительного движения. Так, если в её начале военные действия встречались с большим воодушевлением и патриотическим подъёмом, что подтверждалось активными пожертвованиями сахалинцев на нужды фронта, то уже с начала 1915 г. она начинает представляться кровавой и бессмысленной. В 1917 г. в условиях углубляющегося экономического кризиса, неизбежного социального взрыва и смены политического курса в стране, благотворительная деятельность становится менее заметной, патриотические настроения идут на спад: сократилось количество различных кампаний по сбору помощи воинам, значительно уменьшились суммы сборов на материальную поддержку нуждающихся семей. Множились насущные экономические и социальные проблемы, решением которых была озабочена основная масса населения.

²¹ РГИА. Ф. 1284. Оп. 47. Д. 19. Л. 96.

ПОМОЩЬ ДЕТЯМ ПРИЗВАННЫХ НИЖНИХ ЧИНОВ В ХАБАРОВСКЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

П.А. ЩЕРБИНА

Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток

На Дальнем Востоке Российской империи сеть благотворительных организаций сложилась к началу XX в. В значительной степени этому способствовали быстрый рост численности населения в результате усиленной колонизации земель Приамурского генерал-губернаторства и создание здесь органов городского самоуправления — одних из главных организаторов системы общественного призрения¹.

Накануне войны проблема оказания помощи семьям призванных в армию нижних чинов решалась на государственном уровне, на основании «Положения о призрении нижних чинов и их семей» 1912 г., силами благотворительных организаций и с помощью частных лиц. В годы войны к этому процессу подключились специально созданные благотворительные организации общероссийского характера, такие как Комитет Великой Княгини Елизаветы Фёдоровны по оказанию помощи семьям лиц призванных на войну и благотворительные структуры, созданные по инициативе местных благотворительных обществ. С одной стороны, необходимо было организовывать переезд тех семей, которые хотели покинуть регион, чтобы вернуться в места выхода, к родственникам, с другой, оказывать материальную поддержку семьям, лишившимся основного кормильца. Как справедливо отметила Н.И. Дубинина, «...патриотические чувства жителей края, их стремление оказать посильную помощь доблестным воинам проявились в организации десятков комитетов, обществ, кружков, цель которых состояла в сборе денег на нужды войны, на помощь раненым и оказание поддержки их семьям»².

В дальневосточных городах проблема призрения детей запасных нижних чинов, призванных на военную службу, приобрела в годы войны особенную остроту. Без помощи родственников жёнам приходилось заниматься на работу, которая либо не могла прокормить семью, либо лишала матерей возможности присматривать за детьми. Кроме того, часть запасных были вдовцами, что автоматически лишало детей попечения после призыва отцов, другие состояли в «гражданском браке», что исключало возможность получения их жёнами пособия³. Поэтому основная работа по оказанию помощи ложилась на подобные Комитету благотворительные

¹ Сергеев О.И., Лазарева С.И., Тихомирова Г.В. Социальная помощь нуждающимся в деятельности органов городского самоуправления на Дальнем Востоке во второй половине XIX — первой четверти XX вв. Владивосток, 2011. С. 77—81.

² Дубинина Н.И. Приамурский генерал-губернатор Н.Л. Гондатти. Хабаровск, 1997. С. 143.

³ Иконникова Т.Я. Дальневосточный тыл России в годы Первой мировой войны. Хабаровск, 1999. С. 185—186, 202.

организации, не столько оказывавшие материальную помощь, сколько организовывавшие надзор за детьми.

Примером такой организации на местном уровне стал созданный в Хабаровске в марте 1915 г. под попечительством супруги Приамурского генерал-губернатора М.М. Гондатти «Комитет по устройству убежища для детей воинов, призванных на военную службу». Вошедшие в его состав состоятельные горожане, среди которых были представители известнейших хабаровских купеческих фамилий, учредили приют на 50 детей из семей нижних чинов⁴.

Руководителем Комитета (председателем) стала супруга городского головы Хабаровска А.А. Плюснина. На первом организационном заседании 4 марта 1915 г. кроме председателя были выбраны также товарищ председателя В.И. Лемехова, казначей А.Д. Плешкова, члены комитета В.Н. Веденский, А.Е. Плюснина, Е.А. Мавриды, А.К. Михайлова, М.А. Друз, Р.А. Альперович, В.И. Бабилова, А.И. Островский, Н.И. Бутынский⁵. В дальнейшем, за более чем два года работы, состав Комитета несколько изменился, однако А.А. Плюснина, А.Д. Плешкова, А.К. Михайлова, В.И. Бабилова, М.А. Друз присутствовали практически на всех заседаниях, решая насущные вопросы приюта⁶. Было разработано положение, регламентировавшее условия приёма, наняты помещение и персонал для присмотра за детьми.

Первоначальный капитал для создания приюта собрали по подписным листам и за счёт проведения благотворительного концерта. В дальнейшем финансирование осуществлялось частично на пайковые средства, выдаваемые на детей, частично за счёт членских взносов, пожертвований от организаций, сборов от благотворительных мероприятий (концерты, кружечные сборы). Комитету оказывали помощь крупные дальневосточные предприниматели, Управление восточной части Амурской железной дороги, Хабаровский яхт-клуб. Зафиксирован факт пожертвования в 1917 г. небольшой суммы учителями церковно-приходских школ Нижне-Амурского отделения Благовещенского епархиального училищного совета⁷, что говорит о широком распространении среди образованного населения идей благотворительной помощи нуждающимся семьям.

Недостатка в желающих воспользоваться помощью Комитета в документах не отмечается. Основания у обращающихся туда за поддержкой женщин практически одинаковы: мужа/старшего сына призвали, устраиваюсь на работу — за детьми присматривать некому. Типичными аргументами, с которыми обращались сами призванные, просившие взять

⁴ Краткий отчёт о деятельности Комитета по устройству убежища по призрению детей запасных нижних чинов и ратников ополчения, призванных на военную службу в г. Хабаровск. Хабаровск, 1916. С. 2.

⁵ Краткий отчёт о деятельности Комитета по устройству убежища по призрению детей... С. 3—4.

⁶ РГИА ДВ. Ф. 1319. Оп. 1. Д. 1.

⁷ РГИА ДВ. Ф. 1319. Оп. 1. Д. 1. Л. 102.

детей на попечение, были: жена умерла, «...детей мне определить некуда, так что родных нету»⁸.

Поступившие заявки о бедственном положении семьи и необходимости приёма детей на попечение проверялись через участковых попечителей. К примеру, в журнале заседания от 22 июня 1917 г. зафиксировано сообщение А.Д. Плешковой о том, что «...к ней на квартиру были приведены неизвестной женщиной трое детей жены запасного Ирины Стоцкой — Ольга, Андрей и Александр, причём женщина эта объяснила, что мать детей серьёзно больна, помещена в больницу, и детям негде приютиться, в итоге женщина эта детей оставила, а сама ушла. После проверки в больнице выяснилось, что Стоцкая там не находится, ввиду явного обмана, ею [Плешковой] производится расследование»⁹. Обращает на себя внимание то, что детей привели не непосредственно в приют, а к одному из руководителей Комитета. Как следует из журналов заседаний, такая практика обращения персонально к кому-либо из членов с просьбой о помощи стала обыденной, что говорит о вере нуждавшихся в помощь, видна и реальная благотворительная работа членов Комитета. Если были места, детей всегда принимали, как это и произошло в вышеописанном случае. Несмотря на явный обман со стороны просительницы, члены Комитета не подошли формально к решению проблемы: до выяснения обстоятельств детей оставили в приюте. Когда же выяснилось, что Стоцкая пошла на обман в силу безвыходного положения (работать не может, так как болят руки) двоих детей по её просьбе взяли на содержание до выздоровления матери (решение заседания от 6 июля 1917 г.)¹⁰.

Организация работы приюта требовала от членов Комитета постоянных усилий, об этом говорят регулярные заседания Комитета — до 5 раз в месяц в зависимости от обстоятельств. Кроме сбора средств и приёма новых детей (основные вопросы каждого заседания) необходимо было решать проблемы закупки продуктов и лечения детей в условиях вздорожания товаров и повышения цен на медикаменты, проблемы с наймом помещения, естественно с наименьшими затратами, но при этом с обеспечением необходимых для нормальной жизни детей освещения и отопления.

Показательно, что Комитет и приют продолжали свою работу и после Февральской революции, решая всё те же проблемы, что свидетельствует о высокой гражданской ответственности их создателей, искренней приверженности идеям благотворительности, заключавшейся не столько в выделении части своих доходов, сколько в реальных действиях по оказанию помощи нуждавшимся. В целом деятельность хабаровского «Комитета по устройству убежища для детей воинов, призванных на военную службу» представляет собой пример обычной и распространённой практики оказания благотворительной помощи в Российской империи в условиях военного времени.

⁸ РГИА ДВ. Ф. 1319. Оп. 1. Д. 1. Л. 9.

⁹ РГИА ДВ. Ф. 1319. Оп. 1. Д. 1. Л. 107 об.

¹⁰ РГИА ДВ. Ф. 1319. Оп. 1. Д. 1. Л. 112 об.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Раздел 1. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: ИСТОРИОГРАФИЯ, ВООРУЖЁННЫЕ СИЛЫ, УЧАСТИЕ СТРАН ВОСТОЧНОЙ АЗИИ	
<i>Галлямова Л.И.</i> Дальний Восток России в годы Первой мировой войны: современная региональная историография	8
<i>Булдаков В.П.</i> Мировая война и деморализация «святой Руси». 1914—1916 гг.	18
<i>Бутенин Н.А., Бутенина Н.Д.</i> Становление в 1920—1930-е гг. советской концепции истории партизанского движения в период Гражданской войны на Дальнем Востоке	32
<i>Кузнецов Д.В.</i> Историческая память о Первой мировой войне 1914—1918 гг.	40
<i>Авиллов Р.С.</i> Боевая подготовка войск гарнизона Владивостокской крепости накануне Первой мировой войны (1910—1914 гг.)	47
<i>Коваленко А.И.</i> Казачество восточных окраин России в Первой мировой войне: ментальный аспект	56
<i>Сергеев О.И.</i> Участие казачьих войск Дальнего Востока в Первой мировой войне	62
<i>Ляхов Д.А.</i> 6-я Сибирская стрелковая дивизия в Лодзинском сражении (ноябрь 1914 г.)	69
<i>Кузнецов Д.А.</i> Особенности несения полицейской службы на Сахалине в годы Первой мировой войны	76
<i>Полутов А.В.</i> Военно-морской флот Японии во время Первой мировой войны	85
<i>Романова Г.Н.</i> Экономические отношения Дальнего Востока России и Северо-Восточного Китая в годы Первой мировой войны (1914—1917 гг.)	95
<i>Каретина Г.С.</i> Китай в период Первой мировой войны: японская агрессия и рост национального самосознания	102
<i>Рудникова Е.В.</i> Выходцы из Российской империи в Новой Зеландии в период Первой мировой войны: источники и материалы	108
Раздел 2. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РОССИИ	
<i>Беляева Н.А.</i> Владивостокский порт в условиях Первой мировой войны (по документам таможенного делопроизводства)	116
<i>Заколотная А.С.</i> Российский Дальний Восток в начале Первой мировой войны (по материалам газеты «Далёкая окраина»)	122
<i>Журавлев П.В.</i> Административно-территориальные преобразования на русском Дальнем Востоке накануне и в годы Первой мировой войны.....	131
<i>Горчаков А.А.</i> Владивостокское городское по воинской повинности присутствие в годы Первой мировой войны (по документам РГИА ДВ) ...	137
<i>Кузин А.Т.</i> Сахалинская область в период Первой мировой войны (1914—1918 гг.).....	141

<i>Иванов А.В.</i> Кооперация Дальнего Востока России в годы Первой мировой войны	147
<i>Маклюков А.В.</i> Проблемы развития электроэнергетики на Дальнем Востоке России в годы Первой мировой войны	153
<i>Осинов Ю.Н.</i> Крестьянство Дальнего Востока России в годы Первой мировой войны	157
<i>Виноградов П.В.</i> Порт Владивостока в системе снабжения российской армии военно-техническим имуществом в годы Первой мировой войны.....	162
<i>Оськин М.В.</i> Заготовки мяса в Сибири и на Дальнем Востоке в период Первой мировой войны	169
<i>Позняк Т.З.</i> Борьба с дефицитом и дороговизной в городах российского Дальнего Востока в годы Первой мировой войны	177
<i>Власов С.А.</i> Дальневосточный тыловой город в годы Первой мировой войны (на примере Владивостока)	195
<i>Устюгова О.А.</i> Контрабандная торговля спиртными напитками на Дальнем Востоке России накануне и в годы Первой мировой войны	202
Раздел 3. ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА: КУЛЬТУРА, РЕЛИГИЯ, ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКОВ	
<i>Андриец Г.А.</i> Влияние Первой мировой войны на культурную жизнь дальневосточных городов	209
<i>Токмаков В.С.</i> Повседневная жизнь Амурского и Уссурийского казачества накануне и в годы Первой мировой войны	216
<i>Пчела И.В.</i> Влияние Первой мировой войны на начальное образование в Приморье	223
<i>Белоглазова С.Б.</i> Реформа региональной системы образования в контексте концепции Единой школы (1915—1927 гг.)	230
<i>Фетисова Л.Е.</i> Воинский фольклор на юге Дальнего Востока России в первые десятилетия XX в.	236
<i>Троицкая Н.А.</i> Мобилизация спорта в Приамурском генерал-губернаторстве накануне и в годы Первой мировой войны	245
<i>Аганов В.Л.</i> Военная пропаганда и образ врага во владивостокской прессе 1914 г.	253
<i>Потапова Н.В.</i> Влияние Первой мировой войны на развитие антимиитаризма в евангельско-баптистской среде (по материалам Дальнего Востока России)	261
<i>Лазарева С.И.</i> Место и роль благотворительных организаций Дальнего Востока в годы Первой мировой войны	269
<i>Лимонова Т.А.</i> Благотворительные организации Владивостока в годы Первой мировой войны	278
<i>Гридяева М.В.</i> Война и благотворительность (Сахалин в годы Первой мировой войны)	283
<i>Шербина П.А.</i> Помощь детям призванных нижних чинов в Хабаровске в годы Первой мировой войны	288

Список сокращений

ГАРФ	— Государственный архив Российской Федерации, г. Москва.
ГАПК	— Государственный архив Приморского края, г. Владивосток.
ГАХК	— Государственный архив Хабаровского края, г. Хабаровск.
ГИАСО	— Государственный исторический архив Сахалинской области, г. Южно-Сахалинск.
ГАСО	— Государственный архив Сахалинской области, г. Южно-Сахалинск.
РГИА ДВ	— Российский государственный исторический архив Дальнего Востока, г. Владивосток.
РГИА	— Российский государственный исторический архив, г. Москва.
ГАТО	— Государственный архив Тульской области, г. Тула.
ГААО	— Государственный архив Амурской области, г. Благовещенск.
РГВИА	— Российский государственный военно-исторический архив, г. Москва.
ГАЧО	— Государственный архив Читинской области, г. Чита.

Коротко об авторах

- Авилов Роман Сергеевич** — кандидат исторических наук, научный сотрудник Отдела истории Дальнего Востока России ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток.
- Агапов Вадим Львович** — кандидат исторических наук, доцент Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток.
- Андреев Галина Алексеевна** — кандидат исторических наук, научный сотрудник Центра истории культуры и межкультурных коммуникаций ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток.
- Белоглазова Светлана Борисовна** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Дальнего Востока России ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток.
- Беляева Наталья Анатольевна** — доктор исторических наук, профессор Владивостокского филиала Российской таможенной академии, г. Владивосток.
- Булдаков Владимир Прохорович** — доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института Российской истории РАН, г. Москва.
- Бутенин Николай Аркадьевич** — кандидат исторических наук, доцент Школы педагогики Дальневосточного федерального университета, г. Уссурийск.
- Бутенина Наталья Дмитриевна** — кандидат исторических наук, доцент Школы педагогики Дальневосточного федерального университета, г. Уссурийск.
- Виноградов Павел Валентинович** — кандидат исторических наук, Дальневосточная пожарно-спасательная академия — филиал Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России, г. Владивосток.
- Власов Сергей Александрович** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела социально-политических исследований ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток.
- Галлямова Людмила Ивановна** — доктор исторических наук, профессор, зам. директора по науке ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток.
- Горчаков Алексей Анатольевич** — ведущий специалист Российского государственного исторического архива Дальнего Востока, г. Владивосток.
- Гридяева Марина Владимировна** — кандидат исторических наук, старший советник Архивного агентства Сахалинской области, г. Южно-Сахалинск.
- Журавлёв Павел Владимирович** — аспирант, Институт истории, археологии и этнографии ДВО РАН, г. Владивосток.
- Заколотная Анна Сергеевна** — младший научный сотрудник Отдела истории Дальнего Востока России ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток.
- Иванов Александр Валериевич** — доктор исторических наук, профессор, Благовещенский государственный педагогический университет, г. Благовещенск.
- Каретина Галина Семёновна** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела китайских исследований ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток.
- Коваленко Анна Ивановна** — доктор исторических наук, профессор, ГБОУ ВПО Амурская государственная медицинская академия Минздрава РФ, г. Благовещенск.
- Кузин Анатолий Тимофеевич** — доктор исторических наук, профессор, Сахалинский институт железнодорожного транспорта — филиал Дальневосточного университета путей сообщения, г. Южно-Сахалинск.

- Кузнецов Дмитрий Александрович** — старший преподаватель, Сахалинский государственный университет, г. Южно-Сахалинск.
- Кузнецов Дмитрий Владиславович** — кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, философии и культурологии Благовещенского государственного педагогического университета, г. Благовещенск.
- Лазарева Светлана Ивановна** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Дальнего Востока России ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток.
- Лимонова Татьяна Анатольевна** — учитель истории МБОУ СОШ № 57, г. Владивосток.
- Лях Дмитрий Александрович** — ведущий научный сотрудник, Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, г. Хабаровск.
- Маклюков Алексей Владимирович** — кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Отдела истории Дальнего Востока России ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток.
- Оськин Максим Викторович** — кандидат исторических наук, научный сотрудник Института законоведения и управления Всероссийской полицейской ассоциации, г. Тула.
- Позняк Татьяна Зиновьевна** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Дальнего Востока России ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток.
- Полутов Андрей Вадимович** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела средневековой археологии ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток.
- Потапова Наталья Владимировна** — кандидат исторических наук, доцент Сахалинского государственного университета, г. Южно-Сахалинск.
- Пчела Инна Владимировна** — кандидат педагогических наук, доцент Школы педагогики Дальневосточного федерального университета, г. Уссурийск.
- Романова Галина Николаевна** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела китайских исследований ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток.
- Рудникова Елена Викторовна** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела этнографии ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток.
- Сергеев Олег Игоревич** — кандидат исторических наук, заведующий Отделом истории Дальнего Востока России ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток.
- Токмаков Валерий Сергеевич** — соискатель ГБОУ ВПО Амурская ГМА Минздрава РФ, г. Благовещенск.
- Троицкая Наталья Анатольевна** — кандидат исторических наук, Российский государственный исторический архив Дальнего Востока г. Владивосток.
- Устюгова Ольга Александровна** — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Отдела истории Дальнего Востока России ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток.
- Фетисова Лидия Евгеньевна** — кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Центра истории культуры и межкультурных коммуникаций ИИАЭ ДВО РАН, г. Владивосток.
- Щербина Полина Анатольевна** — кандидат исторических наук, доцент Департамента истории и археологии Школы гуманитарных наук Дальневосточного федерального университета, г. Владивосток.

Научное издание

**ДАЛЬНИЙ ВОСТОК РОССИИ И СТРАНЫ ВОСТОЧНОЙ АЗИИ
НАКАНУНЕ И В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Сборник научных статей

Электронная верстка *А.Г. Филиппов*

Электронный набор и правка *Т.И. Шаленко*

Подписано к печати 28.11.2016 г.

Формат 60x84/16 Печать офсетная

Усл. печ. л. 18,5. Уч.-изд. л. 17,2.

Тираж 300 экз. Заказ 1531 от 31.10.2016 г.

ФГБУН Институт истории, археологии и этнографии
народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения РАН

690001, Владивосток, Пушкинская, 89

Отпечатано в типографии ООО "Рея"

690062, г. Владивосток, ул. Днепровская, 42Б

тел.: (423) 2-302-306, 2-302-307

e-mail: reya@reya.ru